

АЯ ЭН

КОРОННЫЙ НОМЕР
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

№1

АЯ
ЭН

МУТАНТЫ
и
АНГЕЛЫ

КНИГА
№1

КОРОННЫЙ НОМЕР
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Кто ты, мой читатель?

Ты умеешь летать? Проходить сквозь стены,
угадывать чужие мысли?
Ты можешь изменить мир, сделать его таким, каким
ты хочешь его видеть?

Нет?

Значит, ты не мутант и не ангел.
Значит – ты обычный человек, такой как Дюшка
Клюшкин.

Значит, именно ты можешь стать настоящим
героем. И именно тебя ждет такое невероятно-
удивительное будущее, о котором ты сейчас и не
подозреваешь.

А может быть, ты станешь создателем нового мира.
Для этого загляни на официальный сайт Аи эН
www.aja-n.ru

Серия «Мутанты и ангелы» о том, какой путь
должны пройти обычный человек, обычный
супермутант и обычный ангел, чтобы мир стал
таким, каким мы хотим его видеть...

Удачи тебе на твоём пути, читатель!

Ая эН

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-053810-2

9 785170 538102

А
Э
Н

МУТАНТЫ
АНГЕЛЫ

КНИГА
№1

**КОРОННЫЙ НОМЕР
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Фантастический роман

АСТ
Астрель
Москва

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

А 11

Дизайн обложки *Е. АЛЕНУШКИНОЙ*

Ая эН

A11 Коронный номер тысячелетия / Ая Эн. — М.: Астрель: АСТ, 2009. — 474,[6] с. — (Мутанты и ангелы)

ISBN 978-5-17-053810-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-20991-8 (ООО «Издательство Астрель»)

Дюшка Ключкин — последний человек на планете, очень похожей на нашу Землю. Остальные жители — мутанты. Дюшке трудно жить в мире мутантов, и он хочет стать таким же, как все. А для этого нужно попасть в биореактор, что сделать практически невозможно, ведь Дюшку оберегает целый научный институт. Сбежать Дюшке помогает его лучший друг супермутант Ризи Шортэндлонг. Вместе друзья могли бы обмануть всех мутантов на свете, но... Но как справиться с ангелами?

Серия «Мутанты и ангелы» не просто увлекательные книги о приключениях двух мальчиков. Это история пути, который должен пройти один, чтобы стать сильным, и пути, который должен пройти другой, чтобы научиться любить. А еще эта серия о том, каково это — быть настоящим ангелом...

УДК 821.161.1-34-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.014255.12.08 от 23.12.2008 г.

Подписано в печать 22.01.2009. Формат 84х108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Школьная
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 765

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ISBN 978-5-17-053810-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-271-20991-8 (ООО «Издательство Астрель»)

© Ая эН. Текст. 2009

© ООО «Издательство Астрель», 2009

Важное «вместопредисловие»!

Не пропустите!

Прочтите это!

Мир несправедлив. В нем все обычно происходит не так, как тебе хочется. Когда открываешь новую книгу, всегда немного надеешься найти в ней тот мир, который бы тебя полностью устроил. Читаешь, читаешь, читаешь... Нет, опять что-то да не так!

На этот раз все может пойти иначе. В мир этой книги ты, читатель, можешь вмешаться. Можешь сделать его именно таким, в котором захочется жить именно тебе. Можешь наполнить его всем, чем тебе хочется. И кто знает, возможно, когда-нибудь он станет для тебя реальным!

Перед тобой первая книга из серии «Мутанты и ангелы». Всего я написала четыре книги: «Коронный номер тысячелетия», «Осколки правды», «Сбоку от счастья», «Ты будешь уже не ты».

В них описано прошлое. А будущее зависит от тебя, читатель!

В соавторы моих книг я тебя не приглашаю.
А в соавторы моих миров – добро пожаловать!
Все необходимые указания даны в текстах книг.
Удачи!

Ая

ЧАСТЬ I

КОРОННЫЙ НОМЕР ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

То, о чем я вам сейчас расскажу, – это не просто большой секрет. Это УЖАСНО БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ. Я ни в коем случае не должна была никому о нем рассказывать. Даже честное слово давала, а мне верили. Но все в жизни меняется. Не буду объяснять, почему я решила нарушить свое обещание. Думаю, это не так важно. Главное, что я его нарушила. То есть нарушаю. Сознательно. Так что слушайте. То есть читайте.

Мир устроен примерно так...

ТРИ НЕБОЛЬШИЕ ИСТОРИИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История первая **Немутант Ключкин**

Немутант Дюшка Ключкин учился в пятом «Г» классе обыкновенной земной общеобразовательной школы. У него было две руки, две но-

ги, идеальный энергетический обмен и средние-пресредние способности по математике. На обмен Дюшка внимания не обращал, а из-за всего остального переживал ужасно. Эх, если бы у него вдруг выросла еще одна нога! Или рука. Или хотя бы перепонки, что ли, между пальцами нарисовались... Каждый вечер, тайком от предков, пятиклассник Ключкин мазал себе нос зубной пастой с кальцием в надежде, что в один прекрасный день из его веснушчатого курносого недоразумения вылупится красивый твердый клюв. Но этот прекрасный день почему-то все никак не наступал, и клюв не рос. То есть, вообще говоря, клюв рос. Только рос он на лице не Дюшки, а Варьки Ворониной, Дюшкиной одноклассницы. «Ну, зачем ей такой роскошный клюв? — с тоской думал Ключкин, глядя на Воронину. — И так первая красавица в классе».

Бедный Дюшка старался есть только трансгенную пищу, сидеть как можно ближе к экрану, носить исключительно синтетику и почаще возиться с вредными ядохимикатами. (Ядохимикаты он украдкой таскал у своей бабушки, которая пользовалась ими вместо косметики.)

— Самое радикальное средство для достижения мутации — просочиться в ядерный биореактор, — посоветовал однажды Дюшке его одноклассник Венья Бесов, или попросту Бес. Друзья сидели в Венькиной комнате и маялись бездельем.

— Как это — «просочиться»?

– А вот так... – Бес воровато оглянулся по сторонам и, убедившись, что вокруг никого нет, юркнул прямо сквозь стенку.

Ключкин обалдел. А пока он медленно приходил в себя, Бес невозмутимо вернулся в комнату тем же способом и, потупив глаза, присел на краешек табурета.

– Что ж ты раньше не говорил, что такое умеешь? Пятый год дружим, а ты...

– Мама запретила. Категорически.

– Ты бы хоть разик показал. Она бы не узнала.

– Ты что, забыл? У меня мутер – сенс.

Да, действительно. Мама Вениамина Бесова была экстрасенсом с самого рождения. Она умела читать чужие мысли, причем иногда задолго до того, как эти мысли появлялись.

– Подумаешь! – сказал Дюшка. – Мама – экстрасенс. Ерундиссимо с плюсом! А мой папа пальцами дырки сверлить может, вот! В стенках. Один раз он на спор бронежилет просверлил.

Бес промолчал. За все свое долгое, странное, дошкольное детство он не смог проковырять пальцем ни одной дырки – ни в песке, ни в железе. Его пальцы входили в любую твердую поверхность, как в воду, не оставляя никаких следов. Скрывать это обстоятельство всю жизнь было для него настоящей пыткой, и он на самом деле не мог понять, почему его лучший друг, настоящий немутант, единственный, самый последний живой немутант в мире и просто отличный парень Дюшка Ключкин, так упорно мечтает стать таким же, как все, уродом.

История вторая

Срубили нашу елочку...

Бабушка Дюшки Ключкина была той еще старушенцией! Днем она обычно росла на грядке, а по вечерам любила ходить в гости, бодро цокая по асфальту приросшими к ступням корешками. В гостях бабушка пила чай и очень переживала по поводу того, что дискотеки теперь не в моде. Дюшка просто обожал свою бабушку, хоть и таскал иногда ядохимикаты из ее косметички. «Я же не просто, я – для дела», – успокаивал он сам себя, выдавливая из очередного пузырька порцию фенольного шампуня или лосьона на основе серной кислоты. Бабушку Дюшки звали просто Вероникой, потому что она очень не любила, когда ее называли по имени-отчеству.

Однажды вечером баба Ника решила не ходить в гости. Вместо этого она подозвала к себе Дюшку и сказала:

– Внучек, сегодня я хочу рассказать тебе о том, как наши предки встречали Новый год. Слушай и ничему не удивляйся.

Дюшка очень любил встречать Новый год. Особенно ему нравились нарядные елочки. Елочки входили в дом целой гурьбой, водили хороводы и светились в темноте от радиоактивности. Жаль только, что пятиклассник Ключкин, в отличие от многих остальных, этого свечения никогда не замечал – ведь он не был мутантом и мог видеть только в обычном спектре. Дюшкины сестренки – Марта и Апреля – дарили елочкам подарки и сла-

дости, ползали по потолку от счастья и так же, как и Дюшка, даже не представляли, что когда-то давно все могло быть совсем иначе.

— Во-первых, раньше елочки не могли передвигаться, — начала бабушка.

Дюшка кивнул. Про то, что растения раньше не двигались, он уже много раз слышал. Поверить в это было трудно. Как-то раз Дюшка попробовал не двигаться, и его терпения хватило от силы на полчаса. Бедные елочки!

— Во-вторых, на Новый год в каждой семье наряжали всего только одну елочку. Ее срубали под самый корешок, заносили в дом...

— Как это — «срубали»? — Дюшку аж передернуло от негодования.

— Срубали, внучек, — вздохнула бабушка. — Я даже песенку помню: «Срубили нашу елочку под самый корешок...»

— Вот гады, — твердо сказал Дюшка, дослушав песенку. — Хоть и немутанты, а сволочи. Разве они не знали, что елочке может быть больно?

— Но елочке не было больно! — возразила бабушка. — Вот мне же не будет больно, если мне что-нибудь отрубить!

— Ты — другое дело, — возразил Дюшка. — Ты — мутант. У тебя болевые рецепторы давно атрофировались. Вот тебе и не будет. А елочке...

Дюшка представил себе мучения бедной елочки и заплакал. Бабушка растерялась. Ей было жаль внука, искренне жаль. Ах, если бы он тоже был мутантом и не знал, что такое боль! Но Дюшка не был мутантом. Он был человеком. Он

был последним человеком на Земле, который в состоянии плакать из-за срубленной сто лет назад маленькой елочки. Это было ужасно.

История третья **Любовь**

У Вари Ворониной давно уже намечались проблемы по оперативному хрюканью. Всем известно, что в пятом классе оперативное хрюканье – второй предмет по значимости после математики. Хрюкала Воронина громко, внятно и удивительно мелодично. Но недостаточно оперативно. Родители даже наняли ей репетитора, но все было без толку. От переживаний у Вари пропал аппетит, перестал расти клюв, а глаза постоянно оставались на мокром месте. Обычно они оказывались в ванной, а Варя так и ходила по дому без глаз, как пришибленная. Но в школе она исправно брала себя в руки и не разбрасывала части тела где попало.

Дюшке Ключкину нравилась Варя. Впрочем, она почти всем нравилась. Только он никак не мог придумать, как с ней подружиться. И вот удобный случай представился. Дело в том, что по хрюканью Дюшка по праву считался гордостью школы. Ему даже к урокам готовиться не надо было – он и так мог прохрюкать всю программу до последнего класса, ни разу не запнувшись. Мелодичности и красоты в ключкинском хрюканье не было, но в школе оценивались только точность и скорость. Конечно, самому Дюшке

вряд ли хватило бы мужества подойти к Варе и предложить помощь, но после очередной проверочной учительница устало сказала:

– Воронина! Мне крайне неприятно об этом говорить, но твоя работа ниже всякой критики. Ты же умная девочка, в чем дело? В конце концов, если не можешь разобраться в материале сама, пусть тебе друзья помогут. Вот хоть Ключкин, например... Ключкин, ты ведь не против помочь своей однокласснице? Прямо сегодня и начинайте.

И учительница перешла к обсуждению новой темы. Ни одного «хрю» из ее объяснения красный как рак Дюшка не слышал.

По дороге домой Варя расплакалась.

– Ничего у тебя не получится! – размазывая сопли по клюву, пыталась втолковать она Дюшке. – Со мной уже кто только не занимался! Если бы ты только знал, как я стараюсь! А-а-а!

И правый Варин глаз предательски вывалился в ближайшую лужу. Дюшка бросился его ловить, но Варя уже и сама присела на корточки. В луже их руки встретились.

– Ты такая красивая, – прошептал Дюшка. – Самая лучшая девчонка во всем мире. Давай дружить.

– Давай, – кивнула Варя, и ее обалденные, ниже пояса, локоны коснулись пылающей Дюшкиной щеки.

– Давай всю жизнь дружить! – предложил Дюшка. – Будем ходить друг к другу в гости, и я научу тебя хрюкать лучше всех в классе, и на

выпускной через пять лет пойдем вместе, и пусть все думают, что мы – жених и невеста, подумаешь!

Варя растерянно посмотрела на Дюшку. Ей вдруг показалось... Ничего подобного ей никогда в жизни не казалось! Это было как наваждение. Как будто...

– Не пойдем мы на бал, – покачала головой Варя. – Тебя через год или два все равно на опыты заберут. Может быть, нам даже виртуально общаться не разрешат...

Дюшка растерялся:

– На какие еще опыты?

Варя молчала.

– На какие опыты? – настойчиво переспросил Ключкин.

Варя виновато смотрела на него, не убирая своей руки из Дюшкиной.

– Я думала, ты знаешь. Это секрет, но я точно думала, что ты знаешь.

– Ничего я не знаю.

– Ты же последний немутант, Ключкин! Последняя надежда человечества. Тебя, наверное, клонировать будут. Или еще что-нибудь наподобие. Просто раньше двенадцати лет детей у родителей забирать права не имеют. Неужели ты ничего не знал, Ключкин?

У Дюшки все поплыло перед глазами. Он разом вспомнил все странные, полные прохладной мутантской грусти взгляды мамы на него, на Дюшку, и то, как ему, здоровому и сильному, а не младшим сестренкам подкладывала бабушка са-

мые лакомые кусочки дорогуших натуральных продуктов, и многое, многое другое. Они все знали!

– Когда у тебя день рождения? – спросила Варя.

– В апреле, – со вздохом ответил Ключкин, возвращаясь к действительности. Так плохо ему еще никогда в жизни не было. – Мне исполнится двенадцать в апреле.

– Так мы с тобой еще почти полгода можем спокойно дружить, Ключкин! Можем ходить друг к другу в гости, и ты научишь меня хрюкать лучше всех в классе, а на твой день рождения я прохрюкаю тебе свою собственную песенку. Знаешь про что?

– Про что?

Они наконец встали. Варя смотрела ему прямо в глаза своим ослепительно-синим левым глазом (правый все еще был в кулаке у Дюшки) и ничего не отвечала. Вдруг она стремительно наклонилась, неловко, по-детски, скользнула клювом вдоль Дюшкиной шеи и на одно мгновение прижалась к нему, окатив волной непонятного, совершенно нового для них обоих упоительного ощущения. А в следующее мгновение Вари уже нигде не было.

В маленьком симпатичном городке (всего-навсего километров триста от столицы) стояла спокойная поздняя осень. Идеально убранные улицы, с пружинящими, обогреваемыми тротуарами, излучали уют и тишину. Внешний вид домов был безупречен, их внутренний дизайн – еще бе-

зупречнее. Развлекательные центры, спортивные сооружения, комфортабельные маркеты, продуманные до мелочей клубы, школы, салоны, офисы, зоны отдыха... В Дюшкином городе было абсолютно все, что может понадобиться человеку для счастья¹.

Клюшкин бережно держал на ладони Варин глаз и думал о том, как он вернет ей его завтра, перед уроками. Или нет, лучше сегодня. Прямо сейчас. Он пойдет к ней домой, вот только сначала переоденется. Может, купить Варе шоколадку? Он не знал, как лучше поступить в данной ситуации. А еще Дюшка не знал, что он никогда больше, никогда-никогда не увидит эту необыкновенную Варю Воронину.

Мутанты не умеют любить. А если, несмотря ни на что, им это удастся, они попросту исчезают.

Полностью.

Насовсем.

Как Варя.

¹А вот и первая зацепочка! Что нужно для счастья лично тебе, читатель? Когда дочитаешь книгу до конца, не забудь заглянуть в «вместопослесловие».

Глава 1

НЕМНОГО ОБ АНГЕЛАХ

Медленное томное солнце кружилось над спящей в утреннем полете Джен. Джен всегда проваливалась в сны целиком, как ребенок. Сейчас ей снилось, что она стала пушистым музыкальным ветром, который носится между мирами, связывая их своей мелодией. Рональду давно было пора будить ее, но прерывать такое сладкое состояние было бы несправедливо. Поэтому Рон просто летел рядом и ждал, когда же, наконец, пространство вокруг его подопечной сгустится настолько, что можно будет сказать: «Доброе утро, ангелочек!» — и начать учить ее спать по частям. Ангелы — кроме самых маленьких — всегда спят по частям. Взрослые ангелы обычно спят по таким крошечным частичкам, что получается, будто они постоянно бодрствуют.

Наконец вокруг Джен наметился легкий магнитный вихрь, говорящий о том, что ее сон подошел к концу. Края вихря были прохладные,

ватные, а серединка теплая, словно в испарине. Рон подхватил краешек ваты и качнул ее вниз, к поверхности Земли. Вихрь и увлекаемая им все еще спящая Дженифер спускались плавно, словно легкие осенние листья в безветренную погоду. Джен проснулась на Земле, как обычно.

– Доброе утро, ангелочек! – улыбнулся Рон.

Джен открыла глаза, потянулась, спросонья немного не рассчитала и вылезла за пределы своего тонкого нематериального тела.

– Я опять спала целиком? – уточнила Джен.

Рон деликатно промолчал. Джен нахмурилась.

– Зато на этот раз ты летала, приняв почти классическую форму, – попытался успокоить ее Рон. – Стержень идеальной формы, полый внутри, симметричные крылышки... Ну, почти симметричные.

– Почти симметричные – это значит, почти неуправляемые, – вздохнула Джен. – То есть я практически крутилась на месте?

– Практически, – вынужден был подтвердить Рон. – Да не переживай ты так! Научись. Ты делаешь отличные успехи. Если учитывать твой юный розовый возраст, то просто колоссальные успехи.

– Ладно, утешил! – послушно согласилась Джен. – Мне просто неловко, что вам всем приходится со мной столько возиться.

– Пустяки, дело житейское! – отмахнулся Рон.

И, увидев, что Джен его не поняла, добавил:

– Так говорил один литературный герой на Земле-12. Ты этого пока не проходила¹.

– О, мы сегодня будем заниматься Землей-12? – обрадовалась Джен.

– Нет-нет, – быстро сказал Рон. – Мы с тобой еще долго будем возиться с Землей-11.

Джен кивнула. Землю-11 она никогда не любила. Хотя именно эта Земля была ее родиной, и именно на ней продолжали жить ее родители, обычные мутанты, и ее родной младший брат Ризенгри Шортэндлонг, тоже мутант, с которым с самого рождения была куча проблем. На этой же планете жил последний человек Андрей Ключкин.

Ангелы называли это место Землей-11. Но для Дюшки и остальных мутантов она была просто Землей, единственной и без номера, потому что о существовании в природе остальных земель они попросту ничего не знали. Кстати, о существовании в природе ангелов подавляющее большинство мутантов тоже не знало. Некоторые в них верили, некоторые считали сказкой. Примерно так мы с вами относимся к привидениям или летающим тарелочкам. Вот вы лично хоть с одним привидением вместе чай пили? Нет. А с инопланетянином за щупальце здоровались? Тоже нет. Вот так вот точно и на Земле-11. Несмотря на то что ангелы давно и успешно сотрудничали с зем-

¹ Для тех, кто еще не догадался. У этого в меру упитанного, в меру воспитанного литературного героя в самом расцвете сил на спине есть устройство, напоминающее вентилятор. (*Примечание ангела Рональда.*)

лянами, круг посвященных в реальное положение дел был весьма ограничен. Иначе говоря, вся информация об ангелах была строго засекречена. Во-вторых, это было сделано в целях всеобщего спокойствия, а во-первых, потому, что такое условие поставили сами ангелы. Цивилизация ангелов была гораздо сильнее. А с сильными лучше не спорить.

Давайте сделаем маленькое отступление, дорогие мои читатели. То, что я вам сейчас расскажу, – не просто большой секрет. Это **УЖАСНО БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ**. Я ни в коем случае не должна была никому о нем рассказывать. Даже честное слово давала, а мне верили. Да я и на самом деле не собиралась никому ни о чем говорить. Но все в жизни меняется. Не буду объяснять, почему я решила нарушить свое обещание. Думаю, это не так важно. Главное, что я его нарушила. То есть нарушаю. Сознательно. Так что слушайте. То есть читайте. Мир устроен примерно так.

На нашей планете¹ есть цивилизация очень умных существ. Существа эти работают, едят, спят, общаются, растят детенышей, строят жилища и так далее. О существовании нас с вами они не подозревают. Хотя мы можем, например, взять и разрушить их муравейник. Для рядового

¹ Наша Земля с точки зрения ангелов – это Земля-12. Хотя это тоже очень условно. И слово «земля» у них иначе звучит, и число «двенадцать» в их математике не двенадцать... Тем не менее ради определенности: наша Земля – это Земля номер 12.

муравья весь мир — это его поляна, да и то далеко не вся. Попробуйте объяснить ему простую истину: «Один плюс один будет три». (Ладно, ладно, не три, а два, уговорили.) Он поймет? Увы. Все, пошел отсюда, дружище, у нас свои дела! Уполз, не обиделся.

Помимо муравьев, на нашей планете есть цивилизация других очень умных существ. Их мир не ограничен одной поляной, с ними можно как-то договориться. И даже «один плюс один» попытаться объяснить. И даже получить от них ответ: «Гав-гав!», на уровне рефлекса. А дальше — все, тпру, приехали. Истину «Земля — шар, который вращается вокруг Солнца» понять представителю этих более высокоразвитых существ не дано. Все, давай на место, Дружок, мы заняты. Ушел, но, в отличие от муравья, немного обиделся.

Еще на нашей планете есть цивилизация существ, гораздо более высокоорганизованных, нежели какие-то муравьи или собаки. Эти существа очень хорошо понимают, что Земля — шар, который вращается вокруг Солнца. Но того, что Земель этих, вращающихся одновременно вокруг одного и того же Солнца, много, им в голову, увы, не втемяшить. «Фигли их несколько! — говорят эти двуногие существа. — Мы своими собственными глазами видим: Земля — одна. И вообще, кто это тут невидимый с нами разговаривает? Кажется, это не кто-то невидимый, а наша врожденная шизофрения!» Все, ребята, бегите по своим делам, к своим психиатрам, к своим

примитивным компьютерам, с вами просто нет смысла дальше общаться. Обиделись и не уходят. Ладно, давайте по-хорошему. Оставайтесь, пожалуйста, те, с кем есть смысл разговаривать дальше... Остались? Тогда открываю вам, оставшимся, тот самый большой секрет. Ангелы действительно есть. АНГЕЛЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ. Ангелы на самом деле существуют. Правда, лучше бы их напрочь бы не было. Но, увы...

Если вы попросите меня описать ангелов, я, пожалуй, немного растеряюсь. И сейчас объясню почему. У человека с рождения и до самой смерти обычно всегда бывает две руки, две ноги, одна голова и так далее, по списку. Конечно, он может похудеть, постареть или, скажем, потерять ухо в схватке с леопардом. Но все-таки, если не рассматривать такие крайние варианты, с обликом среднестатистического человека все, в общем, ясно. С ангелами сложнее, поскольку, в зависимости от желания и обстоятельств, они могут находиться в трех основных состояниях: плотном, тонком и сверхтонком¹.

Плотное, или материальное, состояние – это когда молекулы-атомы и всякие электроны вокруг протонов с нейтронами то ли вертятся, то ли размазаны, как волна. Ангелы «во плоти» – похожие на людей создания, которым, впрочем, ничего не стоит с таким же успехом принять

¹ Тут дальше немного сложно будет, хотя я и так попыталась предельно все упростить. Кому неинтересно – можете этот кусок смело пропускать. Для нашего дальнейшего повествования он ни капельки не важен!

форму голубя, барана или, скажем, какашки с глистиком. В плотном состоянии можно вытянуть руку, взять со стола чашку с чаем, выпить его и пойти в гости, перебирая ножками по дорожке.

Тонкое, или призрачное, состояние – это когда глюоновые сети-фракталы, ячейки с адронами и сильные упругие связи с быстрым обменом информацией по нитям образуются и тут же исчезают. «Тонкие» ангелы похожи на призраков, на облака, а чаще всего просто не видны человеку. В тонком состоянии можно мгновенно протянуть глюоновую нить на расстояние в километр и посмотреть, что там, в километре от тебя, сейчас происходит. В принципе, чашку с чаем тоже можно оторвать от стола. Для этого нужно создать вокруг чашки пару сотен адроновых ячеек, поймать ее в сеть и потянуть в нужном направлении. Это несложная процедура. Правда, чаю в тонком состоянии уже не попить – нечем.

А сверхтонкое, или параллельное, состояние – это когда натсы, вложенные миксоны и полное вневременное многоканальное взаимодействие. В сверхтонком состоянии чашку со стола поднять нельзя, хотя никакого труда это не представляет. Просто в сверхтонком состоянии чашки, как таковой, попросту не существует. Стола, как стола, впрочем, тоже. По причине незначительного отсутствия времени вообще. Ангел в сверхтонком состоянии распадается на множество мельчайших составляющих, равномерно или

почти равномерно рассеянных по всему пространству. Как если каплю краски растворить в стакане воды. Параллельно в этом пространстве растворены другие существа, которые образуют с тобой одно целое, хотя все-таки ты – это ты, а они – это они. На нашей Земле-12 это блаженное состояние уже до меня описывали немного, называя нирваной¹. Кстати, сверхтонкое состояние – это вовсе не состояние бездействия. Работать в нем можно, еще как. Просто я пока не умею этого делать, потому и описывать не возьмусь. Чтобы не ввести читателя в заблуждение.

А теперь вернемся к нашей истории. И больше уж отвлекаться не будем, обещаю. Хотя разве можно верить моим обещаниям?

После того как Джен окончательно проснулась, Рон проводил ее на Землю-11, в дом Славика Тихоновича, с которым она еще не была знакома.

– Вот один из лучших представителей местной фауны! – торжественно представил Рон своей спутнице моложавого загорелого мутанта, который в это время с удовольствием занимался на тренажере, имитирующем бег по скале со скатывающейся вниз галькой.

Очевидно, у этого мутанта были зачаточные способности к левитации², поскольку, бегая, он

¹ Что такое нирвана? Если не знаете, прочтите об этом в Интернете или отловите какого-нибудь бритоголового буддиста в ближайшем скверике и спросите у него.

² Л е в и т а ц и я – это способность летать без помощи специальных механизмов или крыльев. Отрываешься от земли и паришь в воздухе – просто так!

изредка отрывался от искусственной скалы и ненадолго зависал в воздухе, что, очевидно, доставляло ему массу приятных ощущений. На вид Славику Тихоновичу можно было дать лет сорок, но Рон сообщил, что на самом деле ему далеко за семьдесят.

Славик Тихонович, естественно, не видел ни Рона, ни Джен, поскольку они в настоящее время были нематериальны. Рон «сидел», развисясь в синем кресле для отдыха, которое стояло в углу тренажерной комнаты, а Джен висела над стойкой со штангами и рассматривала нового мутанта.

– Начинать с определения генетического кода? – спросила она.

– Нет, давай сначала общую картинку, а потом посканируем голову, – решил Рон.

– А у него потом мозга́ не будет бо-бо?

– Не будет. Между прочим, ты бы и сама могла уже догадаться, что этот экземпляр вообще не почувствует, если мы в него влезем.

Джен смутилась, но тут же возразила:

– И ничего не могла. У меня еще опыта недостаточно!

И она принялась изучать, что представляет собой этот самый Славик Тихонович.

– Ой! – вскрикнула Джен после секундной паузы. – Так у него же с сердцем нелады. С левым желудочком. Да как сильно... Я не ошибаюсь?

– Сделай поправку на то, что он сегодня давно тренируется.

– А насколько давно?

– А подумай, как это определить.

Джен надолго задумалась. Наконец она неуверенно сказала:

– Пятьдесят семь минут всего, но с разной интенсивностью. В промежутке он останавливался на восемьдесят пять секунд, и за это время его организм потерял около ста миллилитров жидкости.

– Не жидкости, а конкретно мочи! – хохотнул Рон. – Писать он ходил. Но ты ничего, молодец.

Джен окончательно смутилась. Между тем Славик Тихонович выключил тренажер-скалу и подошел к стойке со штангами. Его плечо проплыло сквозь левую ножку застывшего в воздухе очаровательного белокурого ангела. Рон мгновенно стрельнул в Джен плотной глюконовой нитью, отодвигая ее ногу в сторону.

– Ты что? – возмутилась Джен, хотя ангелы и не умеют возмущаться по-настоящему. – Ты же сам сказал, что он ничего не почувствует.

– Все равно, правила есть правила. А это правило – общее. Нельзя без дела пересекаться в пространстве с мутантами, чувствуют они при этом что-нибудь или нет.

Славик Тихонович поменял вес на штанге и улегся поудобнее на скамеечку, приготовившись качаться. Джен отлетела от него метра на два и продолжила обследование. Кроме сердца, у Славика нашлась куча проблем, хотя внешне он выглядел как огурчик, да и чувствовал себя очень бодро.

– Теперь можешь попробовать его подлечить, – разрешил Рон.

Ангельскими правилами разрешено лечение мутантов в исключительных случаях, а также для обучения ангелов. Этот раз был – для обучения. Джен начала, как полагается во всех несложных случаях, с выравнивания ферментативной и гормональной активности. Затем – по стандартному плану. Ей потребовалось больше часа. Пока Дженифер врачевала, половина Рона контролировала происходящее, изредка вмешиваясь в процесс. А вторая половина занималась своими делами в другой части галактики. Сначала Рон хотел оставить около Джен не больше своей четверти и заняться еще парочкой дел, но затем решил не рисковать и разделился всего лишь пополам.

Завтракал Славик Тихонович долго и обстоятельно, как это делали в добрые старые времена, в его детстве. Одновременно с едой он просматривал последние новости и что-то считал, вводя в калькулятор числа с помощью голосовой связи. Джен добавила ему в бифштекс недостающие витамины, и на этом первая часть ее сегодняшнего задания была закончена. Теперь пришло время заняться мозгом, но Джен так устала с непривычки, что друзья-ангелы решили передохнуть. Рон воспользовался передышкой и быстро перебросил небольшую свою часть домой – проверить, не забыл ли он выключить утюг, прежде чем полететь на Землю-11¹.

¹ Вообще-то я не совсем уверена в том, что ангелы пользуются утюгами, ну да ладно уж...

– Кстати сказать, когда ты научишься лечить из сверхтонкого состояния, ты будешь приятно удивлена тем, насколько проще и быстрее все это делается! – сказал Рон, пока они отдыхали.

Джен ничего не ответила. Она осматривала жилище Славика Тихоновича, не переставая поражаться тому, как убого живут мутанты. В доме Славика было всего двадцать девять помещений, и при этом считалось, что он – вполне обеспеченный старикан! Нижний этаж дома занимали два просторных, по земным меркам, холла, кухня с парой чуланов, некое подобие гостиной, полукруглая, бежевого стекла, веранда, тренажерный зал с душевой, туалетом, раздевалкой и бильярдной комнатой, в которой вместо бильярда был устроен лазерный тир. На втором этаже тоже располагался холл, но гораздо меньших размеров, две ванные и шесть комнат, одна из которых являла собой образец старинного солидного кабинета – даже современная техника была облицована соответственно общему стилю. Остальные помещения находились в подвальном, точнее, полуподвальном этаже. Славик Тихонович купил этот дом давно, оборудовал по своему вкусу и обитал в нем в полном одиночестве. Жена его умерла пятнадцать лет назад, а единственная дочь с тремя детьми хотя и жила неподалеку, но заходила редко. Фактически Славик Тихонович поддерживал близкие отношения только со старшим внуком, который часто забегал к деду в гости и ради которого в полуподвальном этаже была оборудована классная мастерская.

Отдыхая, Джен медленно облетела дом. Славик Тихонович между тем переоделся, включил уборщика и поднялся в кабинет, где тут же засел за компьютер. Рон полностью вернулся, и они с Джен расположились по разные стороны от Сла-вика. Правильное послойное сканирование мозга – сложное занятие для юного ангела, не умеющего пока даже спать по частям.

– Я еще не совсем отдохнула, – жалобно сказала Джен, когда ее опять потащили работать, но Рон пропустил ее просьбу мимо ушей.

– Прежде всего, надо прочесть мысли, которые крутятся в корке сейчас, – объяснил Рон. – Это элементарно. Они всегда самые активные. И почти в точности напоминают то, как мы с тобой обычно разговариваем.

Да, кстати. Ангелы действительно обычно не разговаривают так, как это делаем мы с вами. Они общаются несколько иначе. Ну, как если бы мы общались мысленно. Поэтому, когда я пишу: «Рон объяснил» или «Джен возразила», вы, пожалуйста, имейте в виду, что это не в прямом смысле так происходит.

Джен настроилась на волну Славика Тихо-новича. Прочесть его текущие мысли не представляло никакого труда. Славик писал мемуары о собственном внуке, и львиная доля его мыслей крутилась вокруг этого. Но в первую очередь Славик подсчитывал, сколько он уже написал и какую сумму может принести его труд. Одновременно он представлял себя на пресс-конферен-ции посреди восторженных поклонников, отпи-

хивающих друг друга в попытке первыми взять автограф.

– Я не могу разобрать за всем этим, кто его внук! – воскликнула Джен. – Тут такая каша!

– Что значит «не могу»? – перебил ее Рон. – Определяй за десять секунд. Ответ на поверхности. Не определишь – накажу!

Джен нырнула в Славика чуть ли не целиком, но никак не могла отыскать в его голове образ внука. Она нашла там кучу образов его дочери, ее мужа, двух младших внучек, соседского пса, президента страны и огромное количество изображений Дюшки Ключкина – последнего человека. Образ Дюшки, очевидно, перебивал в голове Славика образ собственного внука, и у Джен ничего путного не получалось. Ясно ей было только то, что внук этого мутанта – пацан совершенно необычный, раз на мемуарах о нем Славик Тихонович рассчитывал хорошо заработать. Зато было неясно, какие мемуары, если мальчик вроде как жив и здоров. А может, не здоров? Но больного мальчика в голове Славика Джен тем более не могла нащупать. Десять секунд пролетели, как одна.

– Между прочим, подсказка все это время была у тебя перед глазами, – заметил Рон, когда Джен сказала: «Я сдаюсь». – На поверхности. В самом прямом смысле этого слова. Посмотри на письменный стол.

Джен обратила внимание на стол. В рамочке на столе стояла большая объемная фотография полноватого улыбающегося мальчика с всклокочен-

ными волосами и подписью: «Мой любимый внук».

– Не может быть! – вскрикнула Джен, увидев снимок.

– Еще как может!

– Ладно, – вздохнула Дженифер. – Как ты когда-то говорил, все блондинки – законченные дуры. Я – дура. Так что терпи. Хотя терпеть, похоже, сейчас придется мне. А как ты собираешься меня наказывать, пороть?

Рон засмеялся. Джен тоже, хотя ей было досадно и вообще не до смеха.

– Хорошая идея, – сказал Рон. – Но у меня другое предложение. Верни Славика в первоначальное состояние.

– Какое – «первоначальное»? – удивилась Джен.

– Какое у него было до твоего лечения. Причем с точностью до молекулы. Начинать прямо сейчас.

«Вот сволочь!» – должна была бы подумать Джен, если бы она не была ангелом. Но Джен была ангелом, причем с самого рождения. Она не стала отвлекаться на лишние мысли и немедленно занялась делом. Спокойно, терпеливо и сосредоточенно.

«Разлечивать обратно» гораздо сложнее, чем лечить. И не столько с технической точки зрения (хотя это само по себе тоже трудно), сколько с моральной. Понимать, что ты делаешь кому-то хуже – невыносимо противно, даже если ты самый обыкновенный человек с Земли-12,

очень далекий от совершенства. А уж если ты – ангел... К концу работы Джен вымоталась так, что едва могла висеть в воздухе. Ее противный учитель – сам-то молодой, вчерашний школьник почти что! – цеплялся к каждой мелочи, заставляя переделывать то одно, то другое. К счастью, все это время пациент почти неподвижно сидел за компьютером, что хоть немного облегчало поставленную задачу. Наконец Рон критически осмотрел Славика и сжалился над своей ученицей:

– Ладно, отдыхай!

Джен тут же разрыдалась.

– Это ужасно! – редела она. – Разве ты не мог придумать какое-нибудь другое наказание? Ему же опять теперь будет плохо. Обширный инфаркт, через месяц, ты же знаешь! А так бы жил и жил. Он же и так мутант, умрет ведь – и все! От него же совсем ничего не останется. Зачем ты это сделал?! Я же его уже вылечила. Ну и пусть он гад, ну и что? Он с таким удовольствием сегодня по скале бегал! И Новый год хотел с внуками по старинке встречать. Это бы так здорово было. Я не хочу его разлечивать! Я хочу опять его вылечить!

– Лечи, – разрешил Рон. – У тебя еще почти два часа времени. Разрешение на лечение Славика действительно до пятнадцати часов местного времени.

– У меня уже сил нет, – продолжая плакать, призналась Джен. – Правда, совсем нет. Ни капельки. Даже плывет все вокруг.

– Ну тогда не лечи, – предложил Рон. – Подумаешь, одним мутантом больше, одним меньше...

Сомнений в том, что сейчас Джен израсходует последние силы на повторное лечение, у Рона не было никаких. Собственно, это и входило в его планы с самого начала. Как он рассчитывал, так все и произошло.

Лечить второй раз оказалось на порядок сложнее, чем в первый. Во-первых, потому, что сил у Джен уже действительно совершенно не было, а во-вторых, потому, что делать это теперь пришлось на ходу: Славик Тихонович неожиданно решил пройтись по магазинам. Джен лечила Славика, а он выбирал в магазине продукты, которые любит его внук, и думал: «Вот бы его невзначай машина переехала! Тогда мои мемуары сразу возросли бы в цене вдвое. Или втрое. Ох, а может быть, даже и вчетверо, а?» Рон летел рядом не весь, только наполовину. Вторая его половина вернулась с другого края галактики и находилась сейчас в сверхтонком состоянии, выполняя ту часть работы, с которой Джен уже и в самом деле не хватило бы сил справиться.

Кроме того, вторая половина Рона вела странный разговор со Старком, которого Дженифер также не видела.

– Никаких перспектив, – сказал Старк.

Рон вздохнул и уточнил:

– И это означает: в Ризенгри нет ничего того, что ценят ангелы? Это означает: даже мутант,

рожденный после ангела, – всего лишь мутант? Это означает: спасти Землю-11 больше нет смысла?

– Мы не должны были вмешиваться вообще, – продолжил Старк. – Если бы мы не вмешивались, их мир полетел бы ко всем чертям много столетий назад.

Рон кивнул.

– Мы делали все, что могли. Мы сделали больше, чем допустимо. И все равно нет ни малейшей надежды.

– Когда это произойдет и как?

Вместо ответа Старк кинул Рону маленький шарик со всей необходимой информацией. Рон ознакомился с информацией, и ему стало плохо.

– Джени...

– Она все равно это сделает, Рональд.

– Измени будущее, Старк.

– Джени все равно это сделает, – повторил Старк и осторожно добавил, оставляя Рону лучик надежды: – Скорее всего, она это сделает.

Для того чтобы вмешаться еще раз и еще раз изменить будущее, ангелу-эксперту нужны были очень веские основания. А их у Старка не было.

– Послушай, Старк, а мое желание – недостаточно веское основание? – поинтересовался Рон.

– Недостаточно. Ты хочешь, чтобы я учитывал твоё желание? А что будет, если оно сбудется, ты знаешь? Катастрофа будет! Эту катастрофу мне не учитывать?

Они окончили разговор. Старк улетел, пообещав проверить все еще раз. А Рон продолжил помогать уставшей Джен. «Скорее всего» оставляло один шанс из миллиона и даже меньше. Рон рассказал Джени о том, как обстоят дела, чуть позже. И конечно, он поведал ей далеко не все.

Дженифер Шортэндлонг заканчивала третий класс обычной ангельской школы. У нее было множество друзей и подруг, несколько домов в материальных мирах и несколько — в тонких. Иногда, обычно на рождественские каникулы, она навещала своих настоящих родителей. Но с ними ей было очень сложно. Им, в отличие от Славика Тихоновича, Джен ничем не могла помочь, даже в том случае, если конец света на Земле-11 отложился бы навсегда. Мама Джени с большой вероятностью должна была погибнуть в горах лет через десять или, если этого не произойдет, дожить до глубокой старости, постепенно теряя голос и способности к сканированию. А отец — неминуемо сгореть от болезни, которая уже начала потихоньку в нем развиваться. Еще у Джен был брат. С братом тоже было все очень непросто, но у него все-таки был шанс. Один из... неизвестно даже, один из скольких. Ничтожный шанс. Но все-таки он был. У других мутантов и того не было. Джен не имела права вылечить своих родителей. Не могла сказать брату, в чем заключается его шанс. Не могла спасти их мир или другие миры. Ее учили. Ее любили. Ее подстраховывали.

У нее было все. Ее существование было невыносимо.

Если кто-нибудь когда-нибудь скажет вам, что быть ангелом – это счастье, то знаете что? Бросьте в него камень. Лучше булыжник. Вот.

Глава 2

ВАРЯ-2, РЫЖИЙ ТАФАНАИЛ И КОЕ-ЧТО О ЗЕМЛЕ МУТАНТОВ

Дюшка Ключкин, как почти все остальные земляне-11, никогда не встречался с ангелами. А вот работники института, в который должны были отправить Дюшку по достижении им двенадцатилетнего возраста, встречались с ними ежедневно. Институт располагался на окраине города и занимал несколько громадных зданий, окруженных хитроумной многоуровневой системой защиты от посторонних глаз. На вывеске этого учреждения было написано всего два слова – «Институт биофизики», однако на самом деле все сотрудники института, включая механических уборщиц, были тайными сотрудниками СУМАСОЙТИ – Секретного Управления Мутантами: АСами, Особенно Йогами, Телепортаторами и Имитаторами. А самым секретным отделом СУМАСОЙТИ была СОСИСка – Сверхсекретный Отдел Секретов Исключительной Секретности. Согласно данным СОСИСки, Дюшка действительно был последним нормальным человеком на Земле.

Когда Варя взорвалась (бесшумно и стремительно, так, что даже ангелы не успели отреагировать), ее смерть от Дюшки скрыли. Потратили на эту операцию почти полмиллиарда – столько стоило срочное создание натуральной Вариной копии, способной не только работать по радиокомандам, но и принимать автономные решения на случай всяких неожиданностей.

На внедрении Вариной копии настоял директор Института биофизики и одновременно заведующий отделом СОСИСки господин Казбеков. «Мы имеем дело с крайне нестандартной ситуацией, – категорично заявил директор. – В целях защиты наших национальных интересов в лице единственного представителя вымирающего человечества...»¹

С Вариными родителями была проведена соответствующая беседа. Им сказали, что они по праву могут гордиться своей дочерью: мутантов, способных влюбиться, родилось не больше дюжины за всю историю человечества.

Варю-2 собирали в Кит-Тае. Внутри она была сделана так же, как остальные биороботы, а нос, глаза, волосы и прочие детали выращивали по спецзаказу. На это ушло целых восемь дней. Отдельно занимались мозговым чипом. Большие сложности неожиданно возникли с голосовыми связками. Вроде бы все сделали, как надо,

¹ Вообще-то директор произнес очень длинную и умную речь, но, поскольку она была совершенно секретная, мы, пожалуй, лучше сделаем вид, что ее вообще не было.

а включаешь – голос не Варин! Настоящая Варя отлично пела, ее пение просто брало за душу. Биоробот Варя-2 фальшивила реже, но ее пение могло взять за душу только мутантов с полным отсутствием души¹. Наконец, все было налажено, и огромный ящик с двумя экземплярами готовой продукции полетел в СУМАСОЙТИ. Теперь за дело взялись программисты и психологи-имитаторы. Варю-2 нужно было научить «правильно» улыбаться, определенным образом наклонять голову, не забывать покусывать ногти, когда нервничает, и так далее. Ровно через двадцать дней Варя-2 в первый раз пошла в школу.

Центр управления Варей-2 расположился в гараже, за домом. Гараж переоборудовали таким образом, что в нем постоянно могли находиться двое дежурных, которые работали по-сменному, сутки через трое. Один из дежурных должен был быть опытным психологом, второй – инженером по биомикропроцессорной технике. Это обеспечивало идеальную работу Вари-2. В углу гаража, в контейнере, хранилась запасная Варя-3, а на нескольких экранах можно было постоянно наблюдать за всем, что происходило вокруг действующей копии, где бы она ни находилась.

Дюшка очень переживал болезнь Вари – она проболела почти три недели. Ее глаз, который

¹ Вопрос существования души, кстати, ангелами пока не решен. Так же, как и мутантами.

Дюшка притащил сначала в школу, а потом домой, взяла Варина мама. У мамы был странный вид, и она почему-то не пустила мальчика в дом, хотя у ее дочери была всего-навсего обычная ангина. А когда Варя, наконец, пришла в школу, то оказалось, что она неожиданно подтянулась по хрюканью и заниматься с ней дополнительно нет никакой необходимости. В первый же день после уроков Воронина зачем-то понадобилась завучу, и Дюшка так ее и не дождался, во второй — упорхнула гулять с подружками. На третий день Дюшка решительно подошел к ее парте и взял сумку.

— Я тебя провожу, — сказал Дюшка, и дежурный психолог в гараже покрылся холодным потом.

Они шли, и Варя всю дорогу болтала о том, как она скучно болела и как ее двоюродная тетя, которая сейчас готовит новую телепередачу, встретила с одним дяденькой, который может опустить палец в жидкий азот и ничего с ним не будет. Что-то было не так. Совсем не так. Дюшка рассеянно слушал историю про незнакомого дяденьку и собирался с духом, чтобы невзначай коснуться Вариной руки и чтобы повторилось такое, как тогда, перед болезнью. Но на улицах было слишкомлюдно. По аллейке, на которой они остановились в прошлый раз, прогуливались, взявшись за ветви, как за руки, молоденькие березки. Лохматый, жизнерадостный покусодонт с лаем носился за силиконовыми городскими синичками, которых го-

родские власти еще не успели сменить на зимних снегирей¹.

– Ну, давай ранец!

Оказывается, они уже пришли.

– Можно я войду? – вдруг решился Дюшка.

Дежурный психолог из СУМАСОЙТИ лихорадочно соображал, что ему делать. Даже покрылся от волнения мелкой оранжевой крапинкой. Варя соответственно молчала.

– Мы же решили, что будем дружить еще полгода, пока меня не заберут на опыты, – сказал Дюшка.

...Всю следующую неделю ученый совет института пытался выяснить, откуда немутанту Ключкину стало известно о том, что над ним собираются ставить опыты. А немутант Ключкин мучительно пытался найти ответ на вопрос: почему портрет Вари Вороной, стоящий на ее любимом розовом рояле в гостиной, помещен в черную рамку с траурным бархатным бантиком?

Все мутанты в Дюшкином мире делились на мутантов первого, второго и третьего порядков. Мутанты первого порядка отличались от мутантов высших порядков тем, что внешне были похожи на обыкновенных людей, то есть тех людей, единственным представителем которых в

¹А кстати! Какой мир тебе больше по душе, читатель? Что тебе ближе – дикие леса, техногенная продвинутая цивилизация, чумовое таинственное нечто? Когда дочитаешь книгу до конца, не забудь заглянуть на последнюю страницу.

данный момент являлся одиннадцатилетний пятиклассник Андрей Ключкин. У так называемых первых мутантов не росли клювы, не вываливались глаза, не отвинчивались ноги и не высовывались хвосты из щупальцев. Многие из них обладали нормальными человеческими чувствами. Им могло быть холодно, больно, грустно или даже страшно. Другое дело, что каждое из этих чувств они обычно легко отключали по собственному желанию (точнее говоря, не отключать их просто считалось плохим тоном). На крайний случай специально для таких мутантов фармакологические заводы выпускали особые таблетки.

Игорь Лапундрович, один из дежурных психологов по установке «Варя-2», относился как раз к таким «первым» мутантам. Собственно говоря, он был настолько маломутантом, что его когда-то давно, еще в детстве, даже изучали в том самом секретном НИИ, в котором он сейчас работал и в который вскоре собирались забрать Дюшку. В те времена на Земле было много обыкновенных детей – целая сотня, а может, и больше. При институте тогда открыли специальный интернат для немутантных детей. Игорь жил в нем чуть больше месяца. А потом дотошные генетики обнаружили, что он все-таки мутант, и отпустили под расписку о неразглашении государственной тайны.

Сейчас первый мутант Лап (так Игоря звали коллеги) внимательно просматривал пленки с записями психологических реакций «объекта

Клю» (так в секретном институте величали Дюшку) на Варю. Эта работа должна была со временем лечь в основу будущей докторской диссертации подающего большие надежды молодого ученого. Тщательно изучив истории болезней всех предыдущих немутантов, Лап пришел к одному очень важному выводу: все нормальные люди в конечном счете погибли от переживаний. Иногда их переживания приводили к инфаркту, иногда — к язве, один из последних немутантов, помнящий старые времена, сошел с ума.

Десять лет назад Игорь Лапундрович доложил о своем открытии на общем собрании института и настоял на том, чтобы Дюшку Ключкина всячески оберегали от любых нервных потрясений. Так что именно научному сотруднику Лапу, о существовании которого Дюшка даже не подозревал, Ключкин был обязан тем, что ему до сего момента разрешали жить дома, иметь друзей, ходить в обычную школу и не забивать себе голову глобальными общечеловеческими проблемами. Но идея с созданием Вари-2 не принадлежала Лапу. Более того, он был даже против такого обмана.

Прообразом Вари-2 была американская установка Хелен, созданная под руководством знаменитого ученого Фредерико Менса еще тогда, когда Лап был совсем маленьким. С тех пор Менс создал около тысячи Хелен, Марий, Ризов и прочих механических человеческих кукол для самых разных целей. И вот теперь лично зани-

мался Варей. Фредерико Менс был крутым мутантом третьего порядка. Ему было около двухсот лет, он отлично себя чувствовал, мог жить в серной кислоте, есть живьем жареную картошку и взлетать с весом более двадцати тонн – большая редкость даже для мутантов-«троечников». Чтобы не шокировать народ своей экзотической внешностью, Фредерико Менс постоянно носил невообразимый парик, прикрывал шарфом жабы и вообще старался как можно меньше появляться на публике¹. Целью своей жизни – возможно, бесконечной жизни, так как Менс никогда не болел, а все его органы были способны достаточно быстро регенерироваться, – Фредерико считал восстановление немутантной человеческой популяции на планете.

– Тогда я смогу спокойно умереть! – шутил он, а на вопрос, как же он это сделает (в смысле, как он умрет, потому что в возможность восстановления популяции немутантов никто уже давно не верил), Менс беззаботно отвечал: – Не беда, что-нибудь придумаю! – И отправлялся купаться в серной кислоте для улучшения пищеварения.

Запустив Варю-2 и тщательно проследив за поведением своего детища в течение первых

¹ Мутантов мало чем можно было шокировать, но все-таки. Три четверти населения Земли-11 были вполне похожи на обычных людей. Клюв, как у Вари, или корешочки на ступнях, как у бабы Ники, никого не смущали и даже порой были предметом зависти. Но Фредди Менс был уродом с ужасной жабьей кожей, а это совсем другое дело...

двух дней, Менс временно успокоился. Варя была лучшей его работой: даже директор школы, суперчувствительная мутантка третьего порядка госпожа Кренгольд поняла, что перед ней кукла, только на третьей минуте общения со своей ученицей. Можно было не сомневаться в том, что Дюшка, не обладающий абсолютно никакими сверхъестественными способностями, подвоха не почувствует. Поэтому, когда научный сотрудник Лап прислал ему сообщение об опасности, Менс этому сообщению попросту не поверил. А зря.

Одиннадцать с половиной лет Дюшку Ключкина оберегали от переживаний. Вообще говоря, согласно генеральному плану исследования «объекта Ключ», Дюшку и дальше собирались от всего оберегать. Сказать, что Дюшка был у них на вес золота, — значит, ничего не сказать! Дюшка был самой большой драгоценностью для многих, очень многих людей. Простите, я хотела сказать, мутантов. Случись что с Ключкиным — и весь институт мог в одночасье остаться без работы, а человечество — без надежды на светлое будущее. Поэтому дом Дюшки сразу после его рождения был оснащен кучей скрытых видеокamer, специальной системой противопожарной безопасности, защитными антирадиационными экранами и так далее.

Дюшкины родители, получив крупную денежную премию от государства, родили еще двух детей, но сестренки-близняшки оказались самыми обыкновенными мутантками.

Дюшкина мама была «первой» мутанткой, она умела переживать и частенько по вечерам – перед тем, как лечь спать, и после того, как почистить зубы, – очень переживала за своего сына. Несколько раз Дюшка ловил ее тревожные взгляды (это бесстрастно фиксировали видеокamеры) и напрягался (а это фиксировали специальные датчики, встроенные в Дюшку). После одного из таких сигналов Дюшкиной маме порекомендовали полностью перестать переживать, а вместо этого почаще бывать с сыном на свежем воздухе. Свежий воздух подвозили на задний двор дома Ключкиных в огромных контейнерах.

Дюшка ничего не знал ни о датчиках, ни о камерах, ни о том, что его жизнь сразу после рождения была застрахована государством на сумму, сравнимую с годовым бюджетом страны. Тем не менее, не имея никаких дополнительных рецепторов и способностей, он чувствовал, что его оберегают. Но Дюшка верил, что его оберегает ангел-хранитель, о котором когда-то давно, когда он был еще совсем маленьким, рассказала ему бабушка Вероника. Он вообще очень долго верил во все сказки, даже в Деда Мороза, и очень бурно на них реагировал.

Однажды сотрудники СОСИСки решились на смелый эксперимент: с помощью бабы Ники мальчику попробовали рассказать кусочек реальной истории в неприукрашенном виде. Тему выбрали самую нейтральную – Новый год. Эксперимент пришлось прервать в самом начале:

мальчик расплакался на первой минуте, его пульс подскочил на сто два с половиной процента, а с некоторыми ферментами вообще стало твориться что-то непонятное. (Этот эксперимент описан в начале нашего повествования, он называется «История вторая. Срубили нашу елочку...».) После этого Дюшку стали охранять с удвоенным вниманием.

Какое-то время все было в порядке. Однако после замены Вари ее копией Дюшкины датчики опять стало зашкаливать. Ребенок переживал, но причины его переживаний ученые понять не могли. В принципе, они запросто могли бы просканировать Дюшкины мысли – даже мама Вени Бесова могла это сделать без всяких приборов, – но сканировать мысли немутантов было строжайше запрещено. Дело в том, что после такого сканирования немутанты часто спонтанно (то есть вдруг) мутировали, а рисковать последним экземпляром исследователи не могли.

Обычный микрофон в Дюшку однажды вшили по секрету от родителей. Вернее, даже не вшили, а в зуб вставили. Вместе с пломбой. Но на второй же день Дюшкин папа заподозрил неладное. Он обратился к своему адвокату, адвокат – к независимому эксперту, эксперт – к представителю комитета по нарушению прав мутантов... Назревающий международный скандал тогда еле замяли, микрофон немедленно вытащили, а Ключиных в знак примирения наградили семейным туром «Марс – это и в наше время все еще круто!».

Раньше, пока никаких тайн у Дюшки не было и в Воронину он не влюблялся, за последним человеком можно было в принципе следить и с помощью стандартного набора шпионских датчиков здоровья. Но теперь... Через две недели после запуска Вари-2 было решено, что у Дюшки должен срочно появиться новый друг. С микрофоном. После долгих споров выбор пал на Рыжего Тафанаила.

Тафанаила не могли отправить в Дюшкин класс, так как он не ходил в школу. Он совершенно не умел разговаривать, у него были треугольные уши, хвост и типичные лапы вместо рук и ног. При этом при всем Тафанаил не был мутантом ни второго, ни третьего порядков. Он был маленьким рыжим котенком, которого Вarya с Дюшкой встретили, возвращаясь из школы.

Дюшка и его друзья никогда не видели настоящих котят. Кошки, так же, как и собаки и почти все другие животные, давно вымерли, уступив место представителям *Fauna Sapiens*. Фауна Сапиенсы были искусственно созданными организмами с хорошо развитыми мозгами. Самыми обыкновенными из них были царапазавры и покусодонты, предками которых как раз и являлись кошки с собаками. Фауна Сапиенсы были забавными, сообразительными, говорящими и ненадоедливыми, но отчего-то не пользовались большой популярностью среди населения, особенно в сравнении с домашними роботами. Наверное, потому, что роботов можно забывать кормить, отключать на время отпуска или кани-

кул, когда уезжаешь, а также сдавать в бесплатный гарантийный ремонт в случае чего. А за Фауна Сапиенсами требовался постоянный уход.

– Вау! Какая лапочка! – взвизгнула Варя, чуть не наступив на хвост дрожащему от страха крошечному созданию, которое поместили сюда за десять секунд до появления детей.

– Не может быть! – удивился Дюшка. – Ты уверена, что это лапочка? Лапочка – это такое животное? Странно, что я о нем ничего не слышал. Он похож на...

Дюшка не особенно увлекался биологией, но фильмы о животных, особенно вымерших, очень любил. Поэтому, хотя ни одно из них живьем Дюшке не встречалось, он был почти уверен, что перед ними – обыкновенный античный котенок. В этот момент оператор в гараже поперхнулся чаем и не отреагировал вовремя. Задержка с получением инструкций (пусть даже из-за чая) была, безусловно, непредвиденным обстоятельством. И установка Варя-2, строго в соответствии с вложенной в нее программой, сработала в автономном режиме: вытянувшись по стойке «смирно», она отработала:

– Животного с названием «лапочка» в природе не существует. Мы столкнулись с детенышем кошки обыкновенной, семейство Доместикус Обыкновенус, Несапиенс и Такдалеес. Это семейство характеризуется удлиненным десятым позвонком нижней черепной коробки, что было открыто с помощью метода лазерной энцефалограммы в одна тысяча...

Тут оператор пришел в себя и отключил аварийный режим.

– Я пошутила. Хи-хи! – Варя кокетливо повела плечиками и пощекотала котенка за ушком. – В черепной коробке позвонков не бывает. Как мы его назовем?

Дюшка нерешительно присел рядом с Варей. За пять лет, которые он проучился вместе с Ворониной, она пошутила впервые. Было похоже на то, что Воронину загипнотизировали. Или, может, что-то сделали с ее памятью? Мудрые датчики зафиксировали тревожную реакцию «объекта Клю», а ассистент Лапа в журнале напротив полученных данных коротко записал: «Типичная реакция на первую в жизни встречу с настоящим котенком». Потом он подумал и зачеркнул слово «типичная» – кто его знает, какие могли бы быть реакции на обыкновенных котят у других обыкновенных людей!

– Давай возьмем котенка с собой! – проворковала Варя. – Будем за ним вместе ухаживать...

Варя взглянула на Ключкина своими пронзительно-чистыми, совершенно обычными человеческими глазами, и в Дюшке невольно шевельнулось то самое чувство, как тогда, около лужи. Все его сомнения разом улетучились. «Организм Клю вошел в норму», – удовлетворенно прокомментировал оператор, сидящий «на датчиках».

С котенком отправились домой к Варе. Нашли в компьютере, в разделе «историческая биология, не полностью вымершие виды», все, что ка-

сается семейства кошачьих. Узнали, чем это чудо кормить, в чем купать. Они сидели у экрана плечом к плечу, и Дюшке ужасно хотелось потихоньку провести ладонью по Вариным волосам, но они были собраны в большой пучок на затылке. А потом тетя Лена, Варина мама, принесла детям по кружке настоящего какао, которым ее специально для Дюшки снабдили люди из СО-СИСки. Мама Вари казалась какой-то грустной, ее клюв – не такой большой и красивый, как у дочери, но тоже ничего – тоскливо свисал на тонкие, ненакрашенные губы. Но Дюшке было так хорошо, что он не придавал этому никакого значения – может, у человека неприятности на работе или еще что.

– Интересно, а разрешат ли мне взять его с собой в институт, на опыты? – проговорил Дюшка, глядя, как забавно носится котенок за бантиком, который Варя привязала на ниточку.

– Ну-у, почему бы нет? – в тон ответила Варя, тоже не отводя глаз от забавного рыжего комочка.

Как раз сейчас он не рассчитал своих возможностей и, смешно выгнувшись в прыжке, плюхнулся на бок. Между тем ассистент в гараже срочно связался со своим руководителем Лапом: «Можно ли будет объекту Клю взять в институт объект Мяу?» – «Я не решаю эти вопросы один, сейчас свяжусь с начальством!» – тут же ответил Лап. Котенок поднялся, плюхнулся в противоположную сторону и принялся чухаться.

– А вдруг у него эти... про которых мы только что читали...

- Кто? – не поняла Варя.
- Ну, как их... вши, что ли.

Дюшка подошел к экрану и вернулся на ту страницу, где говорилось о паразитах.

- Да откуда у него вши?
- Как это «откуда»? С улицы. Вот послушай, это из старинного руководства по уходу за кошками. Тут написано... Погоди, что-то найти не могу...

Варя нехотя оторвалась от игры с котенком. Именно нехотя. Эти детали поведения были заложены Фредериком Менсом в программу ее реакций в подобных ситуациях.

– Мы должны тщательно проверить малыша на предмет паразитов! – решительно сказал Дюшка, изучив руководство. – Киса, киса, кисонька, мурлышенька, ну-ка иди к папочке...

И он направился к котенку. Оператор напрягся. Андрей Ключкин заграбастал умывающегося мурлыку поперек живота и принялся внимательнейшим образом его осматривать. Крошечный, втрое меньше булавочной головки, микрофон был намертво прикреплен к внутреннему краю правого уха несчастного животного. Дюшка тщетно попытался его отковырять ногтем. Котенок ответил на его попытку душераздирающим «мяу».

– Странно, – удивился Дюшка. – Не отдирается. Но это вша, точно.

– Вошь, правильно говорить – «вошь», – механически поправила его Варя. (Она вновь работала в автономном режиме, пока дежурный

оператор соображал, каким образом избежать провала.) – И вообще, кошки скорее могут страдать от блох. В конце двадцатого – начале двадцать первого века на них даже специальные ошейники надевали, пропитанные репеллентом, в качестве которого использовали дихлорметило...

– Откуда ты все это знаешь, я же один читал руководство? – поразился Дюшка.

– Просто знаю – и все, – пожала плечами Варя.

– Странно.

Нет, это надо было пресечь двумя минутами раньше! Ассистент понял, что ему грозит минимум выговор за такое количество допущенных оплошностей. Но, в конце концов, он не виноват! И так торчит тут совершенно один: его напарнику, видите ли, приспичило срочно выяснять отношения со своей девушкой во время дежурства. Как будто несколько часов подождать не мог! Что же делать? А вдруг их обоих за такие дела выгонят из института – и прощай кандидатская диссертация и светлое будущее? Директор института, Тафанаил Казбеков, был мутантом добрым, но оплошностей на работе не прощал никому. Особенно таких серьезных оплошностей. Время шло. Андрей Ключкин мертвой хваткой вцепился в несчастное кошачье ухо, пытаясь во что бы то ни стало извлечь из него крошечную черную крупинку. Варя-2 тупо глядела в компьютер, и, наверное, это было самое безобидное в создавшейся ситуации. Котенок орал дурным голосом. Через три или

четыре секунды «блоха» благополучно оказалась в руках у Дюшки, освобожденный котенок юркнул под диван, а Варя оторвалась от компьютера и устало зевнула. И ассистент, молодой черноусый научный сотрудник по имени Джереми, решился. Сплюнул трижды через левое плечо и принялся действовать.

– Смотри, я ее вытащил! – возбужденно сказал Ключкин, перекатывая на ладони черный шарик с крошечными усиками.

Варя нехотя подошла, поджала губки:

– Фу, какая гадость! Она к тому же мертвая! Выброси ее, пожалуйста, и помой руки.

– Ага. Я ее в раковину смою! – согласился Дюшка и отправился в ванную.

А ассистент дал Вар-2 установку на срочное выдворение объекта Клю из дому. Однако объект Клю выдворяться явно не собирался.

– На завтра еще пять задач по прикладной генетике! – напомнила ему Варя.

– Ну да, – согласился Дюшка, заглядывая под диван в поисках котенка. – А как мы его назовем?

– Не знаю.

Дрожащий от напряжения сотрудник Джереми лихорадочно придумывал, как бы ему понежезаметнее и поправдоподобнее исправить записанную информацию.

– Может, Шарик?

– Шарик, – согласилась Варя.

Проблема Джереми заключалась еще и в том, что запись эксперимента велась одновременно

на несколько видеокамер, а компьютеры в сети дублировались.

– Нет, лучше Тузик.

– Отлично, пусть будет Тузик.

«А что, если просто стереть часть файлов, а потом сдвинуть датчик времени и...» – подумал Джереми.

– Нет, кажется, это не кошачьи клички. Мне бабушка рассказывала...

У ассистента не было ни малейшего желания выслушивать то, что рассказывала этому курносому пацану его драгоценная бабушка.

– А давай назовем его Тафанаилом! – с энтузиазмом предложила вдруг Варя. – Очень подходящая кличка для кота. Сокращенно – Тафик или просто Таф.

– Здорово! – воскликнул Дюшка. – Ну у тебя и фантазия!

Варя скромно потупилась.

Наконец котенок заснул, а Ключкин ушел. Менее чем через час все записи были тщательно подчищены, датчик времени выверен с точностью до миллисекунды, файлы с распечатками данных сохранены в отдельной папке с соответствующим серийным номером, а натуральная копия Вари Ворониной отправлена на текущую профилактику. Черноусый научный сотрудник Джереми облегченно вздохнул, сдал дежурство и даже по дороге домой не сообразил, какую невообразимую глупость он допустил, дав маленькому рыжему котенку имя директора секретного института.

Глава 3

СТРАШНАЯ ТАЙНА СУПЕРМУТАНТА

Лучшему другу Андрея Ключкина, Веньке Бесову, было двенадцать лет, хотя на самом деле недавно исполнилось четырнадцать. Он был блондином, хотя на самом деле у него вообще не росли волосы. Он умел проходить сквозь стены, и не только, хотя, кроме родителей, а теперь еще и Дюшки, этого никто не знал. Он числился вторым мутантом, потому что быть вторым мутантом наиболее безопасно, хотя, судя по всему, являлся мутантом четвертого порядка, которых вообще в природе не существует.

Лучшего друга Дюшки Ключкина даже звали вовсе не Венька Бесов. Его настоящее имя было Ризенгри Шортэндлонг. Если коротко – то просто Риз.

Риза Шортэндлонга окружала целая куча тайн. Но самая страшная тайна Ризенгри заключалась в том, что его сестра Дженифер была ангелом – единственным за всю историю ангелом, родившимся на планете мутантов, и об этом нужно было молчать. А лучше – и не думать вовсе. Если твоя сестра – ангел, а ты – мутант, об этом лучше не думать вовсе.

Легко и естественно быть таким, как все: мутантом среди мутантов, ангелом среди ангелов, человеком среди людей. Терпимо, хотя и обидно быть худшим из всех: последним в строю, второ-

годником на «камчатке». Сложно, зато захватывающе-волнительно быть лучшим из всех: лидером, классиком, признанным гением. Тяжело и утомительно быть одиночкой, белой вороной, плывущей не в потоке, не в хвосте, не впереди всех, а в противоположном направлении. Разные бывают роли. И разные цели. Со всеми ролями можно справиться. Любую цель можно попытаться достичь. Но как быть, если цели у тебя нет вовсе, а ролей – несколько?

Ризенгри никогда не был таким, как все. Лучшему из мутантов приходилось скрывать свое безусловное превосходство над остальными, иначе со спокойной жизнью ему пришлось бы распрощаться. Кому на планете нужен монстр, от которого не может быть секретов, для которого не существует преград? Ризенгри был лучшим, который вынужден держаться посреди общего потока. И это была первая неприятная сторона его жизни. «Стоит тебе засветиться – и твоя жизнь превратится в кошмар. Если ты вообще останешься жив... Пока это так!» – слова сестры были однозначны. И Ризи, и его родители знали, что Джен можно верить. Ангелы никогда не врут и никогда не ошибаются в своих прогнозах. Риз проверял это много раз: предсказания Джен сбывались всегда, неизбежно и очень точно. Хотел бы и он уметь так предсказывать! Но нет, то, что легко давалось наивному ангелочку Джени, супермутанту Ризенгри повторить было слабо. Тут начиналась вторая неприятная сторона его жизни. Лучший из мутан-

тов оказался не просто худшим из ангелов, а вообще никаким боком не ангелом! Если в мире мутантов он должен был скрываться, то мир ангелов вообще отказывался его принять. Словно он, обладающий невероятнейшими способностями и качествами, был каким-то жалким недоделком, недостойным даже того, чтобы побывать в мире ангелов хоть один раз, хоть в гостях, хоть на полчаса.

У ангелов был свой мир, в который они никогда и никогда не пускали. Риз не имел ни малейшего понятия о том, где находится этот мир, насколько он велик, как туда пробраться. Ему было плевать на то, что почти все остальные мутанты вообще не знают о существовании ангелов. Он не чувствовал себя униженным оттого, что был для ангелов существом второго или сто второго сорта. Он даже не стремился в этот неведомый рай. Просто сам факт... Да, пусть он сейчас не такой, как Джен, пусть! Но почему он не может стать таким? Почему? Разве он не может измениться? Да он все может, все, он же супермутант! Вы только скажите, что нужно сделать, — и... Но каждый раз Джен только закусывала губу и тихонько мотала головой. Для Риза в ее мир дороги не было.

Итак, Ризенгри Шортэндлонг был одновременно самым лучшим, самым худшим, таким, как все, и одинокой белой вороной, которой было неважно, в какую сторону плыть: по течению, против него или поперек.

Ангелам не рекомендовалось лишний раз появляться среди людей¹. Риз виделся с Джен очень редко – но между Рождеством и Новым годом Джен прилетала обязательно. Сегодня было двадцать девятое декабря. Риз допоздна торчал на улице, играя в снежки, а когда наконец завалился домой, его красавица сестра уже витала в облаках над празднично накрытым по случаю ее появления столом, наполняя воздух в комнате тончайшим ароматом цветущих альпийских лугов. При виде Джен Ризи забывал обо всем на свете. С восторженным криком он тут же взлетел в воздух, на ходу превращаясь из Веньки Бесова в самого себя, и бросился к сестре. Пока они обнимались и обменивались новостями, папа отключал все средства связи в целях конспирации, а мама сканировала мысли случайных прохожих в радиусе трехсот метров – не заметил ли кто-нибудь того, что происходило в их доме. Потом они ужинали, а после ужина дарили друг другу подарки и сидели у камина – у самого настоящего камина, какие раньше делали люди в своих домах, чтобы греться в зимнюю стужу. Никому из Шортэнд-лонгов не нужно было греться – мутантам тре-

¹ Точнее, им вообще нельзя просто так появляться среди людей или мутантов. Если они вынуждены появиться, они обязаны остаться незамеченными. Можно остаться незамеченным разными способами. Самый простой – не выходить из тонкого состояния. Способ, требующий большего мастерства, – появляться в твердом теле, не вызывая ни каких подозрений.

твого порядка не бывает холодно, а ангелам и подавно, — просто было очень здорово сидеть вот так, всем вместе, у самого настоящего, хоть и электрического, огня и не думать о том, что все будет плохо.

— Ты здорово вырос за год, — сказала Джен, внимательно глядя на своего младшего брата.

— Да уж, это точно, — согласилась миссис Шортэндлонг.

— Скажете тоже, — отмахнулся Риз. — Всего сантиметров на сорок и вытянулся.

На тот момент рост Ризенгри составлял два метра пятнадцать сантиметров, но это было совершенно неважно — Венька Бесов был совсем невысоким мальчиком и прибавлял в год по пять — шесть сантиметров, как все.

— Ты лучше про себя расскажи.

— А что про меня рассказывать? У нас все превосходно.

Джен, как и остальные ангелы, жила в раю, а в раю, как известно, плохо не бывает. Как всегда, она захватила с собой фильм о своей жизни и целую кучу фотографий: вот Джен играет на арфе, на которой вместо струн натянуты солнечные лучики, вот она купается с подружками в потоках нейтрино, вот работает над проектом нового предрассветного тумана. Джен была фантастически, неправдоподобно красива. Даже самые изящные фарфоровые статуэтки китайской работы рядом с ней казались грубыми подделками из каменного века. У Джен были тонкие, абсолютно правильные черты лица,

хрупкая, точеная фигурка, длинные пальцы, идеальная кожа, королевская посадка головы. Кроме того, Джен почти постоянно улыбалась, причем ее улыбка была искренней, щедрой, зажигательной и одновременно с этим совершенно спокойной.

Мама разглядывала фотки и плакала. (Мутанты третьего порядка не умеют испытывать подобных чувств, но мама Риза и Джен научилась переживать некоторые чувства и позволяла себе проявлять слабину в кругу семьи.) С одной стороны, ее утешало то, что Джен будет жить вечно, и не где-нибудь, а в раю, с другой – она бы предпочла, чтобы ее дочь была обычной мутанткой, и тогда они бы жили все вместе, не меняя каждые несколько лет место жительства. Хотя нет, при чем тут Джен! Они меняют места из-за Ризенгри. Сколько еще лет или месяцев они смогут прожить в этом доме? Пока вроде все спокойно, но в любой момент «Венька» может невзначай выдать себя, и тогда каждая минута будет работать против них. Их семья живет в этом городе уже почти пять лет – они нигде раньше так долго не задерживались. Но что их ждет завтра?

Джен прочла мысли мамы, теперь полностью открытые для нее, впрочем, как и мысли большинства остальных людей, подлетела, нежно обняла за плечи:

– Ма, ты не волнуйся. Я еще не сказала вам с папой самого главного. С этого года я смогу помогать вам отслеживать ситуацию с Ризи.

– Да я и сам уже не маленький! – пробурчал тот, но сестра остановила его взмахом невесомой руки.

– Дело не в этом. Просто твой друг Дюшка Ключкин – последний настоящий человек на Земле, и за ним установлено особое наблюдение. Я не могу сказать тебе всего... – Джен на секунду замялась, подумав о Варе-2, и миссис Шортэнд-лонг незаметно для сына прижала палец к губам – кое-что они успели обсудить до прихода Риза.

Джен решительно взмахнула кудряшками, рассыпав вокруг себя сноп золотистого сияния:

– За твоим Дюшкой следят самые крутые мутанты. Ты можешь попасть в их поле зрения по чистой случайности.

– Я веду себя очень осторожно.

– Но если ты попадешься...

– Послушай, ты, ангелочек! Я не хуже твоего знаю, что со мной будет, если я попадусь. И ты ничем не сможешь мне помочь, даже если все твои...

На огромные карие глаза Джен навернулись слезы, с которыми она тщетно пыталась бороться. В отличие от мутантов ангелы обладают всеми человеческими чувствами, тонко чувствуют ситуацию и остро переживают любое проявление насилия или несправедливости. Риз осекся. Он не понимал, что творится в душе его сестры, но по ее заблестевшим глазам догадался, что сейчас ему стоит извиниться.

– Я не хотел тебя обидеть, – сказал он примирительно. – В принципе, я могу не дружить с Ключкиным, если вас всех это так волнует. Пе-

реведусь в другую школу. Или поссорюсь с ним из-за любой ерунды. А через три или четыре месяца его заберут на опыты и...

— Да, у нас осталось всего три или четыре месяца, — задумчиво произнес отец, все это время хранивший молчание. — Я до сих пор не уверен, что мы поступили правильно, сделав это... — прибавил он.

— Сделав что? — не понял Риз.

— Ну... Переехав именно сюда. Как ты считаешь, Марси?

Марсия Шортэндлонг вместо ответа перевела взгляд на дочку.

— Я пока ничего не могу сказать, — покачала головой Джен. — Мне нужно время. Еще немного времени, совсем чуть-чуть. Я теперь буду работать... с другими людьми и...

Дженифер Шортэндлонг с трудом подбирала слова. И не потому, что она знала много того, о чем никогда не узнает никто из ее семьи. А потому, что ее обуревал сейчас целый сонм весьма противоречивых чувств — сильных, сложных и противоречивых.

— Ха-ха! — перебил ее Ризенгри. — Она будет работать. Наш ангел собирается работать. Держите меня. Помнится, ты еще недавно училась в третьем классе, а?

Ризенгри Шортэндлонгу вовсе не приходилось подбирать слова. Его чувства были не менее сильны, но просты и однозначны. Считается, что мутанты высших порядков вообще не испытывают никаких таких «тонких чувств».

Считается, что у них есть ощущения, эмоциональные и физиологические реакции, логика и всякое такое. Кто знает – может, так оно и есть на самом деле! Риз, по крайней мере, уж точно никогда не заморачивался на «тонкие чувства». А уж жалеть Джен, у которой и так все в полном шоколаде... Ну, уж нет! Даже если бы Риз и умел жалеть, сейчас был вовсе не тот случай! Впрочем, Ризенгри жалеть не умел, да ему пока и не приходилось в жизни никого жалеть.

– У нас не такие классы, как у вас, – терпеливо, как маленькому ребенку, объяснила Джен. – Мы учимся совсем другим вещам. Я не могу тебе объяснить, правда. И потом, я уже закончила третий класс...

– Поздновато для твоего возраста, – фыркнул Риз.

– И перешла в четвертый...

– Не может быть! У вас еще и четвертый имеется?

– Теперь мне можно работать с людьми.

– Обалдеты! Ну так давай, работай! Только не со мной, о'кей? Я же не человек, верно? Я даже для самых крутых мутантов – чудовище, что, не так?

– Нет, Ризи. Ты обычный второй мутант. Просто некоторые твои способности... – попытался уговорить его отец.

– Обычный второй мутант? Некоторые способности? Что ты называешь некоторыми способностями? Может быть, вот это?

Риз на мгновение сосредоточился. Его лоб порезала глубокая морщина. Слишком глубокая, чтобы это было похоже на просто задумчивость.

— Не надо, пожалуйста! — вскрикнула мама, но слишком поздно.

Лоб Ризенгри раскололся надвое, голова раскрылась, как игрушечное пасхальное яйцо, правая и левая половинки сместились, вращаясь против часовой стрелки: левая вытянулась вперед, правая, напротив, сдвинулась в сторону затылка. Мистер Шортэндлонг был близок к обмороку, миссис Шортэндлонг застыла, вцепившись в ручки кресла. И только Джен, тихонько отлетев в уголок, спокойно смотрела, что будет дальше. Половинки головы Риза соединились. Часть носа оказалась на месте подбородка, глаз расположился вертикально в одной части лица, половина рта, параллельно глазу, — в другой. На том месте, где должен находиться лоб, теперь торчало ухо, но на этом трансформация не закончилась. Риз поднял правую руку над полом и медленно втянул в себя большой палец. Затем указательный, средний и безымянный с мизинцем. Он втянул в себя всю руку, по самое плечо. Ухо, торчащее вместо лба, пошевелилось и начало растягиваться в стороны. Вдруг из него появилось что-то кроваво-красное, похожее на толстый, мягкий карандаш. Еще одно, и еще... Вскоре из уха, растянувшегося на полголовы, вылезла кисть руки, вывернутая наизнанку. Кисть приветливо помахала окружающим, и мистер

Шортэндлонг с глухим стуком упал на пол рядом с супругой – та уже минуту как лежала без сознания. Джен скользнула к брату.

– Я виновата перед тобой, – сказала Джен. – Мы все виноваты, но я больше всех. Я скажу тебе одну вещь... Я не должна говорить тебе этого, я даже не знаю, что будет, когда мои узнают, что я тебе это сказала, но, наверное, ты все-таки должен это знать.

Риз медленно возвращался в свое обычное состояние. Джен продолжала говорить, не обращая на его превращения ни малейшего внимания. Можно подумать, она в день по десять раз сталкивается с подобными штуками:

– Мы специально переехали в этот город, чтобы ты мог подружиться с Дюшкой Ключкиным. Чтобы вы стали настоящими друзьями. Настоящими, понимаешь? Это очень важно. Не для Дюшки, для тебя. Это очень опасно, но это твой единственный шанс – сейчас я скажу тебе самое главное, но об этом никто не должен знать. Лучше пусть обо мне все узнают, и о тебе, и о Дюшке, но только не об этом – ты можешь сделать...

Джен вдруг замолчала. Риз, а вернее, Венька Бесов собственной персоной – потому что чудовище со смещенной головой и вывернутыми наизнанку руками превратилось в Веньку – не моргая, смотрел ей в глаза. Его взгляд был холодным и полным решимости, ее – виноватым и сомневающимся.

– Нет, все-таки не скажу, – проговорила наконец Джен. – Если я скажу тебе, что именно ты

должен сделать, ты уже никогда не сможешь этого сделать.

– Струшу?

Ризенгри Шортэдлонг с самого рожденья ничего не боялся.

– Нет. Совсем нет. Просто тогда у тебя не получится.

– Что не получится?

Сейчас Риз просто ненавидел свою сестру. Неужели это ее появлению он был так искренне рад всего какую-то пару часов назад?

– Слушай меня внимательно, – сказала Джен. – Ты можешь быть счастлив. Ты можешь жить практически там же, где и я.

– В раю?

– Ну, в общем, не совсем, но ... да, в раю. Почти.

– Как бы не так. Меня и здесь укокошат сразу, как только узнают, кто я.

– Ты думаешь, я вру?

Ангелы не умеют врать. Даже если бы Джен захотела, у нее бы просто ничего не получилось. И Риз знал об этом.

– Ты можешь быть счастлив. И все вокруг тебя может измениться так, что ты и представить себе не в состоянии. За Дюшкой следят не только мутанты из СОСИСки...

– Из чего?

– Из секретного управления, с которым мы давно сотрудничаем. Мы, ангелы, тоже следим за ним. И как только он тоже станет ангелом, или не станет им, это уж как получится, все может

измениться, пойми. У тебя есть три месяца, может, чуть больше или меньше – столько, сколько вы будете вместе. Я не могу тебе сказать, что именно ты должен сделать. Но я могу сказать тебе, что ты должен быть очень осторожен, так как за Дюшкой вовсю следят. Вокруг него куча видеокамер, которые записывают каждое его движение. В него вшили десяток датчиков, которые контролируют его температуру, давление и все остальное, что только можно проконтролировать. Единственное, чего они сделать не могут, – не могут залезть в его голову, прочитать его мысли. Мы тоже не можем это сделать – с Дюшкой этого нельзя делать ни в коем случае.

– А мои мысли вы читаете? – спросил Риз.

– Нет, – сказала она. – Мы еще ни разу не читали твои мысли. И пока не собираемся.

– Почему?

Джен ответила не сразу. То ли она думала, то ли советовалась с кем-нибудь из своих.

– Так, просто.

И торопливо добавила:

– Но мутанты, особенно те, которые крутятся вокруг Ключкина, могут в любую минуту просканировать тебя со всеми потрохами. И, пожалуйста, больше не спрашивай меня сейчас ни о чем, ладно? Давай-ка мы приведем в чувство родителей. И пора подключаться к миру, верно? Как бы ваши соседи не заподозрили чего неладного...

В первую очередь Джен занялась мамой. В этот процесс Риз не вмешивался. Потом они уже

втроем отпаивали чаем папу. Чай был особенный, настоящий на убойной дозе циклобрюксана, но мистер Шортэндлонг пришел в себя только после третьей чашки.

– Можно, я задержусь еще ненадолго? – мысленно попросила Джен Рональда Э-Ли-Ли-Доу, своего персонального ангела-куратора по всем вопросам.

– Вообще-то тебе давно пора, малышка, – ответил Рон. – Впрочем, ты же знаешь, я буду прикрывать тебя столько, сколько тебе потребуется.

– Мне пора! – коротко объявила Джен и растаяла в воздухе. Но тут же опять появилась. – Обещай мне, что будешь осторожен, как никогда!

В ее ангельском взгляде было столько тревоги, что любой самый толстокожий мутант смутился бы. Риз уже не раз замечал подобное выражение на лице сестры и знал, что оно означает: сестра переживает. Иными словами, ей плохо. Плохо – это примерно так, как бывает, когда чего-то хочешь, чего нельзя. Плохо – это плохо. Это понятно. Риз вовсе не хотел, чтобы Джени было плохо!

– Обещаю, – пробормотал он, и Джен растаяла окончательно.

Ангел второй категории Рон Э-Ли-Ли-Доу, ни на одну секунду не упускавший из внимания свою подопечную, еще раз проверил, все ли в порядке, и снял защитное поле с дома Шортэндлонгов. Марсия Шортэндлонг, ее муж Элиот, а также трое случайных прохожих, оказавшихся неподалеку, как всегда абсолютно ничего не по-

чувствовали – у ангелов свои, особо тонкие методы. А Ризенгри показалось, что внутри него что-то тихонько лопнуло и разлетелось в стороны. Но мысли и ощущения четвертого мутанта Вениамина Бесова никто так и не просканировал.

Даже во сне Ризенгри Шортэндлонг приучил себя оставаться Вениамином Бесовым. Он настолько свыкся с ролью пятиклассника Веньки, что иногда уже и сам не мог точно решить, кого из них двоих в нем больше. Но в эту ночь Риз решал гораздо более сложную проблему: он еще и еще раз пытался выстроить информацию, полученную от сестры, в единый логический ряд. Итак, он может быть счастлив. В это особенно хотелось верить. Тем более что ангелы всегда говорят правду, и раз Джен сказала, что он может быть счастлив, то, значит, это действительно так. Но где? В раю, среди ангелов? Ему никогда туда не попасть. Ангелом можно или родиться, как Джен, или стать после смерти, если, конечно, ты человек, который всю жизнь совершал только хорошие поступки, и твои мысли были чисты, а желания невинны. Что ж, возможно, у Дюшки Ключкина и были слабые шансы стать ангелом. Но всем остальным мутантам в рай дорога заказана, это Ризенгри знал наверняка. Он много раз просил сестру взять его с собой хоть на одну минутку, ну хоть на полминутки.

– Это невозможно, милый, – с искренним сожалением неизменно отвечала она. – Не потому, что я не хочу или это кем-то запрещено. Ни один

мутант не сможет пробыть там даже пару мгновений, понимаешь? Есть некоторые законы природы, которые просто невозможно нарушить.

– Например?

– Например, подбрось вверх этот стул и пожелай, чтобы он сам по себе завис в небе. Не подвешивая его в каком-нибудь там электромагнитном поле и не используя телекинез.

– А если я окружу себя каким-нибудь там магнитным полем, ты сможешь взять меня с собой?

– Ризи, я обещаю тебе, что всегда буду помогать тебе. То есть я всегда буду стараться делать так, чтобы тебе было лучше. Но ты мутант, а ни один мутант никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет попасть в рай, и я ничего в этом смысле изменить не могу! Это не придуманный закон, это закон природы... – От отчаяния глаза сестры наполнились слезами, и она отвернулась.

Этот разговор навсегда врезался в память Ризу, хоть и состоялся несколько лет назад. И вот сейчас Джен уверяет, что через три месяца все может измениться. Нет, не через три месяца. У него есть «столько времени, сколько они с Дюшкой будут вместе». А потом? Что может случиться потом? На этот вопрос ответа, даже приблизительного, у Риза не было. Допустим, Дюшка станет ангелом. Говоря проще, умрет, не совершив ни одного плохого поступка. Плохо, если Дюшка умрет. Хотя какая разница, умрет Дюшка или нет? Ризу было решительно наплевать, что станет с Ключкиным. Или от

злости казалось, что наплевать. Ему надо было догадаться, что именно он сам должен успеть сделать за это время. Никаких идей на этот счет в голове у Риза не было. Зато было ощущение, будто он собирает огромную мозаику – пазлы, в которую кто-то намеренно или по ошибке подсыпал деталек из другой игры. Лишние кусочки упорно не желали вклиниваться в общую картину, но выбросить их тоже было нельзя. И Риз все крутил и так, и этак, пытаясь найти им подходящее место. Но место это все никак не находилось. Да и вообще всех деталек в целом было явно недостаточно. И тогда Риз вылез из-под одеяла и отправился за недостающими детальками.

Была уже почти середина ночи, но родители все еще сидели в гостиной и не думали отправляться спать. Риз был уверен, что они обсуждают его недавние превращения, но они обсуждали какой-то исторический мексиканский сериал. Это было по меньшей мере странно. Мама вязала – этим старинным занятием вот уже два сезона подряд увлекалась добрая половина женщин в округе, папа неторопливо раскачивался в кресле, время от времени переключая каналы. В комнате пахло хвоей, а по стенам были развешены рождественские гирлянды с шарами. Идиллия, да и только. В тот момент, когда Риз, убедившись, что подслушивать нечего, наконец вошел в комнату, мама озабоченно сказала:

– С трудом представляю себе, чтобы женщины могли носить такие нелепые юбки до пола.

– Особенно ужасно выглядят оборки сзади, – с энтузиазмом вставил папа.

– Не могу с тобой согласиться. Эти оборки выглядят очень даже ничего.

Ризенгри они, похоже, и не замечали. Мама вязала с закрытыми глазами, так, будто бы она прочесывала пространство на предмет наличия в нем посторонних мутантов, способных подслушивать мысли.

– Ты так считаешь? Ты действительно так считаешь? Да любая такая оборка, – отец чуть не задышался от волнения, – может в любой момент привести к катастрофе!

– Вы что, спятили? – поинтересовался Риз, усаживаясь на диван.

Мягкая мебель в гостиной была огромная, мягкая и очень уютная. Кроме того, она ежедневно меняла окраску, а иногда развлекалась: становилось того же цвета, что и одежда сидящего на ней. Сегодня диван, на который плюхнулся Ризи, изображал розовые елочные шары, утопающие в ослепительно-белом сугробе.

Родители переглянулись.

– Мы обсуждаем фильм, – как ни в чем ни было ответила мама.

– А почему любая оборка может привести к катастрофе?

– Это я так сказал? – смутился папа. – Ну, я имел в виду, что... э-э-э...

– Это же так просто! – наплась мама. – Папа подумал, что в такой длинной оборке можно запутаться, упасть. А если рядом, например, по-

езд? Раньше ездили исключительно на поездах. Запросто могла произойти катастрофа.

– Вы точно спятили, – вынес окончательное решение Риз. – Обсуждаете какие-то дурацкие оборки, а то, что ваш сын – мутант четвертого порядка, вас вроде и не касается.

– Займись ребенком, Элиот! – приказала миссис Шортэндлонг и отключилась.

Риз понял, что она опять сканирует случайных прохожих.

– Я бы хотел обсудить с тобой твою весьма посредственную успеваемость, – стараясь быть строгим, произнес мистер Шортэндлонг, повернувшись к сыну. – На последнем родительском собрании тебя хвалили, но это еще ни о чем не говорит.

– Все чисто, ребята, – облегченно вздохнула миссис Шортэндлонг, открывая глаза.

– Четвертые мутанты умирают во младенчестве, – быстро сказал отец. – Уже хотя бы поэтому ты никак не можешь быть четверкой. Третьи мутанты тоже способны менять свою внешность, в принципе в этом нет ничего особенного. Способности к регенерации у всех индивидуальны.

– Тройки могут меняться с такой же скоростью, как это делаю я?

– Ну в смысле скорости ты у нас талант, не спорю.

– О чем ты говоришь, па? Если бы это был просто талант, вы не стали бы меня прятать, подделывать документы, менять страны. Ты даже работаешь пятый год по другой специальности – ради меня. Вы с детства внушили мне, что меня

могут прикончить только за то, что я не такой, как все, но это неправда.

– Это правда!

Марсия Шортэндлонг не принимала участия в разговоре. Она снова закрыла глаза, прочесывая местность.

– Это не совсем правда. Да, меня могут убить, забрать в секретное управление, разделить на клеточки, засунуть под микроскоп или сделать еще что-нибудь в этом роде. Но, поверни вы по-другому, я мог бы стать мировой сенсацией, звездой, о которой говорят на каждом перекрестке. Это же было так просто – позвонить на телевидение – и все! Знаете, почему вместо этого вы прячете меня, как уродливую крысу? Ради Джен. Ради нее, я понял. Вам незачем скрывать, что я – уникальный мутант. Вам позарез нужно скрыть, что Джен – ангел. Что вы, мутанты, смогли когда-то родить ангела.

– Ты несправедлив, сынок. Мы приехали сюда только ради тебя. Джен сказала, что если ты поружишься с Андрюшей Ключкиным...

– Ага, Джен! Джен сказала, и вы переехали. Вы всю жизнь пляшете под ее дудку!

– Тихо! – встрепенулась вдруг мама, и Риз мгновенно замолчал, подчиняясь глубинному инстинкту самосохранения.

– И все-таки это был замечательный фильм, несмотря на оборки, – сказал папа.

– Ты прав, дорогой, – кивнула головой мама и повернулась к сыну: – Однако нам всем давно пора спать. Нельзя же так нарушать режим!

– Я не хочу спать, – нахмурился Риз.

– Подумай о чем-нибудь хорошем, милый, и засни, – сказала мама. – Обязательно ПОДУМАЙ о чем-нибудь хорошем. Скорее!

И Риз-Венька ее понял.

– Я буду думать о том, куда мы поедем отдыхать летом, – ответил он, честно пытаясь представить себе то место, где они уже были в прошлом году.

Это у него получилось. Медленно, во всех подробностях он представил себя идущим вдоль белесой кромки моря, по которому только что прошли чистильщики. Вдруг воздух в комнате вздрогнул и разошелся невидимыми концентрическими кругами. Вот Венька нагибается, берет загорелой рукой мокрый морской камешек... Воздух вздрогнул еще раз, испустив такие же круги, но только в другой плоскости. Вот он подбрасывает камешек вверх, задирает голову и долго-долго смотрит, как тот летит. Третья и последняя серия кругов прошла сквозь голову Риза, где-то за спиной соединилась с двумя первыми, и все исчезло.

Риз посмотрел на мать. Она была бледнее дивана, который все еще изображал сугроб.

– Ты в порядке?

Риз, безусловно, был в полном порядке.

– О чем ты думал?

– Могу повторить.

Мать с сомнением посмотрела на него, но все-таки закрыла глаза. Ее круги были гораздо менее точными, да и по силе значительно уступали

тем, которые Риз только что почувствовал. Но они были мамины, а все самое страшное осталось позади. И мальчик Венька, которым прикидывался Риз, еще раз с удовольствием прошел по кромке берега, поднял камешек и подбросил его в небо. Только на сей раз он подкрутил его так, чтобы при каждом обороте одна из мокрых граней отбрасывала крохотный солнечный зайчик.

А потом Риз вернулся в свою комнату. Если до похода в гостиную он еще мог бы заставить себя заснуть, то теперь остатки сонливости улетучились окончательно. Деталек в его головоломку добавилось, но легче от этого не стало. Что-то главное упорно ускользало. Тогда Ризенгри включил свет над своим столом, взял лист бумаги и стал выписывать на него всю полезную информацию, которой он располагал. Вот что у него получилось.

1. Я – мутант четвертого порядка. Такие мутанты умирают в первые месяцы жизни, но я почему-то выжил. Как я выжил?

2. У меня есть сестра – ангел, и это надо скрывать, потому что ангелы – это вроде как инопланетяне для людей XX века: кое-кто в них верит, но все считают, что их нет. С другой стороны, Джен есть, ее родили мои мама с папой. Это надо скрывать. Почему?

3. Джен мне помогает, и она считает, что я могу жить в раю. Для этого я должен сделать что-то, только не знаю, что. Джен знает, что я должен сделать, но если она мне скажет, то

у меня ничего не получится. Что я должен сделать и как я могу сделать то, сам не знаю что?

4. Мы переехали в этот город специально, чтобы я мог подружиться с Дюшкой. За ним следят как раз те люди из секретного управления, которых я должен опасаться больше всего. Совершенно нелогично. Зачем мне дружить с тем, с кем дружить так смертельно опасно?

5. Джен ни разу в жизни не читала мои мысли, и остальные тоже, даже мама. Хотя сегодня меня просканировали дважды подряд, и ничего особенного со мной не произошло. Чего они боялись раньше? Могу ли я сам научиться сканировать?

6. Что бы ни произошло со мной, я бы хотел, чтобы с Дюшкой все было в порядке, потому что...

В этом месте Риз надолго задумался. Ни дописывать, ни вычеркивать последний пункт он не стал. Скомкал лист, вытянул длинной трубочкой губы и тихонько дунул. Лист быстренько испепелился, лихо минуя стадию горения. Риз высунул из губ-трубочек язык и превратил его в еще одну, более тонкую трубочку. Горстка пепла на столе рассыпалась в пыль. В этой пыли осталось больше вопросов, чем ответов. Ризенгри рассмеялся. Выключил свет. Подошел к окну и нажал кнопку, раздвигающую шторы. Стояла глубокая, черная ночь. Маленький симпатичный город спал, погрузившись в нее, как в омут. Риз подумал, что, по-

жалуй, он единственный, кому сейчас не спится. Но он ошибался.

Не спалось еще Дюшке Ключкину и нескольким миллиардам других разумных существ во Вселенной, одним из которых был Старк.

Глава 4

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Разумному существу по имени Старк не спалось потому, что Старк вообще почти никогда не спал, ему это было попросту не нужно. Пока супермутант Ризенгри Шортэндлонг решал свою головоломку и злился, а последний человек Дюшка Ключкин вертелся в постели и ревел, Старк находился одновременно примерно в десяти разных местах и спокойно занимался десятью разными делами. Каждая из десяти частей Старка была самым Старком. Не тратьте время, пытайтесь это понять! Давайте попробуем принять данный факт просто, как само собой разумеющееся – это куда безопаснее для нашего земного сознания.

Старк опустился на законсервированную планету, жизнь на которой задержалась на стадии многоклеточных водорослей. Планета была небольшая, скучная, сильно зараженная токсичными газами, принесенными крупным метеоритом. От этих газов когда-то давно и погибли все

местные водоросли. Ангелы законсервировали эту планету много лет назад¹, с тех пор она спокойно носилась над бездною вокруг своей звезды, и никто ею не интересовался. Однажды на законсервированной планете что-то изменилось. Водорослей вдруг стало меньше. Старк опустился на эту планету, для того чтобы разобраться, как такое могло произойти.

Оранжевый кислотный закат густым покрывалом лежал на далеких холмах, обступивших бывшее неглубокое море. Старк приземлился на высохшее морское дно, покрытое толстым слоем потемневших спутанных веревок, в которые превратились водоросли. Верхняя часть слоя водорослей еще не успела остыть после жаркого безветренного дня, но уже на метровой глубине, куда провалился Старк, оказалось достаточно холодно. Старк вытянул себя из глубины, перешел в плотное состояние и медленно побрел в сторону отвратительного оранжевого горизонта. Откуда-то отсюда исчезла часть обычных, ничем не примечательных водорослей. Как именно это произошло?

Это не могло быть делом рук людей или других существ с планет, на которых цивилизации развились настолько, чтобы путешествовать по космосу. Все эти цивилизации до единой всегда и полностью контролировались ангелами. И ни одна из них планету водорослей не посещала, в

¹ Понятия не имею, для чего было ангелам консервировать эту планету! Обычно так поступают с погибшими цивилизованными мирами, но в данном случае... В общем, спросите об этом у ангелов сами, если вам интересно!

этом Старк был уверен. Ангелы сюда тоже не заглядывали, иначе сведения об этом немедленно стали бы известны такому существу, как Старк. Консервация планеты не нарушалась, это Старк тоже проверил. Тридцать три с половиной тонны водорослей тем не менее улетучились, как не фиг делать.

Старк мог перейти в нематериальное состояние, в мгновение ока охватить всю поверхность бывшего моря и определить, откуда именно исчезли водоросли. Но он не спешил, просто шел на закат и размышлял.

Одновременно с планетой водорослей Старк исследовал еще несколько миров, в которых были замечены странности. В основном это были планеты, которые ангелы называли «Земли» и давали им номера¹. На Земле-6 от странной болезни погибали черепашки. С Земли-28 на Землю-75 неправильно перебрасывалась энергия. На Земле-11, с которой в целом все было ясно, Старка слегка волновало поведение супермутанта Ризенгри Шортэндлонга. Старк чувствовал, что эту последнюю проблему решить будет проще остальных. Фактически Старку оставалось поставить последнюю запятую — ответ был уже написан и звучал приблизительно так: «казнить нельзя помиловать».

¹Как ты думаешь, читатель, по какому принципу землям даны номера? Когда дочитаешь книгу до конца, не забудь заглянуть на последнюю страницу.

Старк шел по водорослям, а оранжевый закат выцветал над холмами, линял, сдавал свои позиции, уступая место темноте и безмолвию. Когда стало совсем темно, Старк механически соскользнул во времени на пару часов назад и продолжил свой путь в сторону яркого кислотного заката.

Одновременно с этим далеко отсюда сотая черепашка, лежащая на ладони Старка, вытянула лапки, вздрогнула и замерла неподвижно. Все повторялось: в какой-то момент часть кровяных клеточек животных взрывались, словно их кто-то помещал в микроволновку с мощным излучением. Однако никакого излучения не было, кроме того, соседние клетки оставались целыми и невредимыми. Пока объяснения этому не находилось¹.

Одновременно с этим, еще дальше в пространстве от водорослей и черепашек, все тот же Старк потягивал клюквенный кисель, покачиваясь в любимом гамаке над полуторакилометровой горной впадиной. Он был абсолютно спокоен, умиротворен, любовался прекрасным видом и размышлял о Ризе. Если бы у супермутанта Ризенгри Шортэндлонга не было старшей сестры – ангела, Старк не стал бы уделять ему столько внимания. Но Риз родился супермутан-

¹ Вообще говоря, эта история с черепашками очень интересна сама по себе, как физический процесс! Когда-нибудь я постараюсь рассказать о черепашках подробнее!

том именно потому, что его сестра родилась ангелом. И это меняло дело.

О том, что Джени суждено стать ангелом, было известно задолго до ее рождения. Дженифер была запланированным ребенком, своего рода экспериментом: могут ли мутанты произвести на свет настоящего ангела? Да, оказалось, что могут. Элиот и Марсия Шортэндлонги были выбраны из тысячи потенциальных кандидатов на роль родителей ангела. Они оказались самыми типичными здоровыми третьими мутантами, со средними способностями и запросами – словом, идеальной парой для осуществления задуманного. Марсия не упала в обморок, когда перед ней впервые появился ангел с невероятной новостью. Элиот не побежал к психиатру выяснять, все ли с ним в порядке, когда ему впервые показали, на что будет способна их дочь. Для того чтобы супружеская пара смогла родить ангела, Элиота и Марси ангелы немного изменили.

Младенец женского пола появился на свет точно в срок. Дитя было прекрасно, как ангел, и оказалось настоящим ангелом. И если бы мутанты умели любить по-настоящему, Марсия и Элиот до смерти влюбились бы в свою дочь в первое же мгновение ее жизни. Да-да, именно до смерти – ведь мутанты, если влюбляются по-настоящему, тут же взрываются и погибают, как Варя Воронина.

«Кстати, а как именно они взрываются? – мимоходом подумал Старк, продолжая исследо-

вать черепашек, идти по водорослям и качаться в гамаке над пропастью. — И есть ли в этом что-то общее с тем, что происходит с черепашками?» Что-то общее было. Но к проблеме Ризенгри Шортэндлонга не имело никакого отношения...

Спустя четыре года после Дженифер у Шортэндлонгов родился уродливый нежизнеспособный мальчик. (Маленькая Джени ждала братика с таким капризным нетерпением, что все вокруг даже стали немножечко сомневаться: а такой ли уж она законченный ангел? Может, она не совсем ангел?) Ребенка назвали Ризенгри в честь героя модного тогда телесериала на планете мутантов. В нем не было ничего ангельского — ни во внешности, ни по сути. При этом сразу же было ясно, что малец обладает невероятными способностями, и если только выживет... Ризи выжил не благодаря Рональду О-Ли-Ли-Доу, а благодаря капризу Джен. Ангел Рон просто исполнил желание Джени, которая захотела, чтобы ее братик был жив и здоров.

Старк дошел до того места, откуда исчезли водоросли, огляделся, провел более точные расчеты. Минус тридцать три и шестьдесят пять сотых тонн ничем не примечательных высохших растений. Яма оказалась внушительная — водоросли были сами по себе легкие, пористые, к тому же отдельные ветви прилегали друг к другу неплотно. С одной стороны слой дна был срезан вглубь, словно огромной острой

лопатой. С другой – высохшие веретена были как бы вытянуты из оставшихся. Как будто какой-то гигантский едок слопал эти водоросли, словно макароны с тарелки. Резанул ложкой, подцепил и утащил.

В черепашках взрывались не все клетки, а примерно каждая десятая, и это касалось только внутренних органов. Оболочки клеток разлетались на куски и с силой вдавливались в окружающую ткань. Содержимое взорвавшейся клетки в то же мгновение исчезало.

Ризенгри Шортэндлонг был живым и здоровым, как хотела Джен. Он вырос, стал сильным и красивым подростком, достаточно умным, достаточно уверенным в себе, достаточно самостоятельным. Он никому не желал зла. Он никого не жалел, никого не любил. Он просто жил. Просто жил, обладая при этом невероятными способностями. Он умел злиться и радоваться. Не умел обижаться и переживать. Мог как-то понять другого. И никогда и никак у него не получалось почувствовать другого. Мог сделать что-то хорошее просто так и даже ради кого-то. И так же спокойно мог сделать что-то плохое и даже очень плохое – и просто так, и ради достижения своей цели.

В таком поведении Риза не было ничего особенного. Многие мутанты вели себя намного хуже. И Старк не уделил бы Ризу ни минуты внимания, если бы тот появился на свет в обычной му-

тантской семье. Но тут вопрос был принципиальный. Вопрос стоял так: стоит ли спасать мир, в котором даже измененные ангелами родители-мутанты не могут родить хотя бы мало-мальски достойный экземпляр?

Старк, идущий по дну моря, отделил от себя частичку себя и перенес ее в то время, когда все водоросли на законсервированной планете еще оставались нетронутыми.

Старк, держащий на ладони черепашку, отделил от себя частичку себя и перенес ее в следующую черепашку, которая могла погибнуть в ближайшее время.

Старк, качающийся в гамаке над пропастью, отделил от себя частичку себя и перенес ее в Ризенгри Шортэндлонга, который все еще не мог заснуть.

Прошло некоторое время, и первая частичка Старка исчезла вместе с тремя десятками тонн водорослей, не принеся ответа на вопрос, кто и как их утащил. Старк, который смотрел на это со стороны, также не смог ни в чем разобраться.

Прошло еще немного времени, и таким же непонятным образом исчезла вторая частичка Старка, помещенная в черепашку.

И только третья его часть, помещенная в Риза,

справилась с задачей. Теперь он почти знал, где ставить запятую.

Спать ему по-прежнему не хотелось.

Разумному существу по имени Старк не спалось потому, что ангелы никогда не спят целиком, а ангелы такого высокого полета, как Старк, вообще практически не спят, им это просто не нужно. Старк не спал и размышлял о смысле жизни.

Смыслом жизни Старк считал совершенствование.

Ризенгри Шортэндлонг смыслом жизни считал саму жизнь.

А Дюшка Ключкин просто хотел стать мутантом.

Глава 5

СОВЕЩАНИЕ

Дюшка Ключкин тоже никак не мог уснуть. Он вертелся под одеялом и пытался решить свою головоломку, в которой не доставало еще больше деталек, чем у Риза. Дежурные операторы СО-СИСки, следящие за показаниями датчиков, вмонтированных в Дюшку, вынужденно бодрствовали вместе с ним. А поскольку показания этих датчиков не лезли ни в какие рамки, то вместе с дежурными не спала добрая треть сотрудников секретного отдела, мечтающая в этот час только о

том, чтобы объект Клю наконец утомился и задрях. Ангелы следили за всем, что происходило в городе, и как обычно ни во что не вмешивались.

Первую половину ночи Дюшка думал о себе и о Варе. Он не мог понять, что происходит с Варей, отчего она за последнее время так изменилась. Но еще хуже было то, что Дюшка не мог понять, что происходит с ним самим. Он не боялся или, по крайней мере, ему казалось, что он не боится того, что его будут исследовать или клонировать. Где-то в глубине души ему даже приятно было осознавать, что он – особенный, единственный, уникальный. Но в той же самой глубине Дюшке хотелось оправдать эту уникальность каким-нибудь красивым самостоятельным поступком. Например, совершить подвиг, на который ни один обыкновенный мутант не способен. Или написать потрясающую поэму, наполненную сугубо человеческими чувствами. Или сделать еще что-нибудь в этом роде. Короче говоря, отличиться. Стать особенным не потому, что так решила природа, а потому, что ты сам на это способен. Однако дела с поэмами и подвигами продвигались туго. Честно говоря, пока они вообще никак не продвигались. Конечно, Дюшка по праву считался лучшим хрюкальщиком школы и, кроме того, у него было еще одно не совсем обычное хобби, но все-таки для единственного человека на планете этого было совершенно недостаточно. Вот если бы удалось для начала подтянуть по оперативному хрюканью Варю... Но она, похоже, сама уже как-то справилась... Эх, Варя, Варя!

Дюшка вылез из постели и подошел к базовому компьютеру¹. Дюшке было плохо. С одной стороны, он чувствовал себя полным ничтожеством, с другой – понимал, что все остальные, мутанты, вообще полные уроды. Никто из них не способен его понять! Даже Варя. Да что там Варя... Даже мама! Дюшка тихонько заплакал. В нижней части дома что-то зашевелилось. Дюшка быстро скользнул в ванную комнату, расположенную рядом с его спальней, заперся и пустил воду. Предчувствие его не подвело: мама подошла ровно через десять секунд.

– Ты представляешь, который час? – спросила она сонным голосом.

Пока Ключкин безуспешно решал свою головоломку, его мама успела уже и заснуть, и проснуться.

– Так ведь с завтрашнего дня – каникулы!

– Тем более. Успеешь еще в ванне насидеться. Скоро утро, а ты...

– Ну мамуленька!

– Вылезай и спать! Ты портишь себе здоровье, милый!

– Ладно, сейчас.

¹ Базовым у мутантов называется непереносной компьютер, жестко подсоединенный к сети. Все остальные компы – браслеты, кольца, сережки, тетрадки и т. д. связаны с ним, но могут быть перекинуты и на любой другой подходящий приемник. Попадете к мутантам – разберетесь подробнее. Впрочем, у нас тоже примерно такая же система. Вот на Земле-98...

Мама ушла. Дюшка сглотнул горькую слюну и подставил ладонь под струю воды. «Ты портишь себе здоровье, милый! – сказал он воде маминым шепотом, но только с яркой издевательской ноткой. – А если ты испортишь себе здоровье, солнышко, то станешь мутантом, и тогда тебя не заберут на опыты». Дюшка даже не заметил, как стал говорить вслух. «А если тебя не заберут на опыты, тебе придется жить, как всем обыкновенным ребятам, и тогда...» Ключкин поднялся с краешка ванны и закрыл кран. Его взгляд упал на тюбик с зубной пастой, которой он столько лет безуспешно пользовался для выращивания клюва. «Только вот не стану я никогда мутантом!» – прошептал Дюшка и опять всхлипнул.

– Ты уже спишь? – крикнула снизу мама.

– Ложусь! Спокойной ночи! – как можно более веселым голосом откликнулся Дюшка, переключивая в спальню.

К уставшим дежурным операторам СОСИСки присоединилось подкрепление в виде двух операторов «службы НЗ» и врача-невропатолога, поскольку состояние объекта Клю грозило перерасти в неуправляемую истерику. Директора решили пока не беспокоить.

Дюшка опять залез под одеяло. Его знобило, лихорадило и качало – все одновременно. Ему было горько осознавать, что он не способен совершить ни одного достойного поступка. Да он даже в ванне не может сидеть столько, сколько ему хочется! Может, у него потому ничего и не получается, что он – человек? Может, если бы он

родился мутантом, все было бы по-другому, лучше? Но мутантом ему не стать. Разве что отправиться в биореактор, про который ему рассказывал Венька. Дюшка накопал кой-чего в сети по поводу этого реактора. Мысленно он не раз совершал полное приключений и опасностей путешествие к нему. Он пробирался внутрь, как профессиональный шпион, обведя вокруг пальца многочисленную охрану, и становился в итоге самым крутым мутантом – с клювом, крыльями и складными членистоногими отростками, которые незаметно убирались под ребра. В этот момент в Дюшкиных мечтах обычно появлялась Варя, окруженная толпой экзальтированных телевизионщиков, которые специально прилетели к реактору брать интервью у только что вылупившегося членистоногого монстра. Но сегодня Варя не появилась. Сегодня на Варе Дюшкина мечта предательски оборвалась, и он вдруг понял, что ему срочно нужно действовать. Ключкин опять вылез из-под одеяла и подошел к компьютеру.

В этот момент в дежурку СОСИСки вошел директор. Он бросил взгляд на приборы и тоже понял, что надо срочно действовать.

В половине четвертого утра в подземном конференц-зале секретного института по личной инициативе Тафанаила Казбекова собралось экстренное заседание ученых, непосредственно работающих с Андреем Ключкиным. На нем, кроме самого директора, присутствовали:

– Фредерико Менс, как всегда бодрый, в парике и отличном расположении духа;

– его супруга Сильвия Менс, жизнерадостное создание и одновременно специалист по нестандартной психологии;

– Игорь Лап, откровенно скрывающий зевоту даже после трех противосонных таблеток;

– Александр Сергеевич Пушкин, в отличие от своего знаменитого тезки в жизни не написавший ни одного стихотворения, но зато бесспорный ас в области биохимии;

– десяток других сотрудников СОСИСки

– и горстка ангелов-наблюдателей во главе с Димой Чахлыком, темнокожим ангелом атлетического телосложения, от одного кивка которого в конечном итоге могла зависеть дальнейшая судьба собравшейся в этом зале компании.

Графики, на которых были изображены изменения состояния объекта Клю за последние сутки, светились на экранах, расположенных под потолком по периметру зала. Центральный экран в данный момент был подключен к камере, наблюдающей за Дюшкой, который в глубокой задумчивости сидел на кровати, обхватив руками колени. Разговор умных ученых был очень умным и изобиловал еще более умными словами и выражениями.

– Меня тревожат некоторые показатели лямбда и дельта-два, связанные с изменением профиля ответов рецепторов лимфоцитов за последние три дня, – сказал Пушкин.

– Рецепторов В-лимфоцитов, – уточнил его ученик Лермонтов, поскольку не все присутствующие были биохимиками.

– Учитывая характер смещения профиля, я считаю, что объект Клю должен быть в срочном порядке изолирован и тщательно исследован в условиях стационара.

– А учитывая данные последней энцефалограммы, – перебил его Лап, включая под потолком два новых экрана, – в данный момент объект Клю ни в коем случае не может быть изолирован от общества. Если мы не хотим его потерять.

– Если вот эта кривая упадет ниже вот этого уровня, – Александр Сергеевич ткнул в один из графиков, в котором Лап ничего не понимал, – то лично я слагаю с себя всякую ответственность.

– Я предлагаю пригласить на наше собрание мадам Ключкину, – встала со своего места Сильвия Менс. – Я сама, как мать четверых детей, могу утверждать, что это самый лучший выход. Пусть до двенадцати лет мать сама решает судьбу ребенка. За нее этого никто не сделает.

– Пушкин сделает! – выкрикнул Лермонтов.

– Успокойся, Джереми!

Джереми Лермонтов не думал успокаиваться:

– Мать Андрея Ключкина является мутантом первого порядка с весьма невысоким коэффициентом интеллекта. Как можно всерьез рассматривать вопрос о ее возможном участии в решении нашей проблемы?

– Тем не менее такое предложение поступило, и мы обязаны его рассмотреть, – остановил его Тафанаил Казбеков. – Кстати сказать, у нас на повестке дня стоит еще вопрос о загадочном исчезновении микрофона из уха объекта Мяу. Не говоря уже о его восхитительной кличке.

Сильвия хихикнула. По залу пробежала легкая волна оживления, кто-то усиленно закашлялся. Всей СОСИСке уже было известно, что именно Джереми вместе со своим напарником дежурил у Вари-2 в тот момент, когда рыжий котенок получил свою кличку. Лермонтов решил не нарываться на неприятности и сел.

Пока шло совещание, Дюшка Ключкин наконец заснул. Как будто провалился в бездонную спасительную пропасть. Снов, приснившихся ему этой ночью, наутро Дюшка не вспомнил. И если бы ангелы, умеющие заглядывать в чужие сны так же, как и в чужие мысли, рассказали ему о том, что ему снилось, он бы наверняка не поверил. А снились ему вовсе не биореактор, Варя или предполагаемое путешествие. В первом сне Андрей Ключкин видел себя маленьким, очень маленьким мальчиком, играющим с огромным пушистым котенком. Котенок возил его на своем хвосте и отчего-то не мурлыкал, а тихонько пел маминым голосом. Только не тем, который у нее сейчас, а каким-то другим, из детства. Второй сон был еще менее связан с реальностью. В нем Ключкин, обмотанный шкурами, сидел у входа в пещеру, которая почему-то была его род-

ным домом, и листал комиксы. В пещере полыхал костер, но при этом под потолком ярко горел стильный электрический светильник. Было лето, в шкурах было жарко, и Дюшка попытался из них выбраться. Одеяло при этом свалилось на пол, но никто, кроме дежурных операторов, этого так и не заметил.

Экстренное заседание СОСИСки закончилось поздним утром. Дюшка Ключкин успел за это время заснуть, проснуться и даже выпить парного молока – стоимость стакана этого экологически чистого продукта приравнивалась к среднемесячной зарплате директора школы, в которой учился Дюшка. К этому моменту экстренный совет по «объекту Ключ» постановил следующее:

1. Андрея Ключкина необходимо срочно изолировать от общества и начать над ним эксперименты.

2. Состояние Андрея Ключкина в данный момент таково, что его нельзя изолировать от общества и начать над ним эксперименты.

3. С Андреем Ключкиным надо сделать что-то, чтобы стало возможным срочно начать над ним эксперименты, а заодно спасти от излишних переживаний.

4. Для этого его нельзя изолировать от общества, но зато можно изолировать общество вместе с ним. Для этого бывший интернат на территории института срочно заgrimировать под школу для особо одаренных и направить туда объект Ключ так, чтобы он ничего не понял. Для этого ото-

брать детей мало-мутантов, которых тоже отправить в эту школу.

5. Поскольку единственным талантом Дюшки Ключкина является оперативное хрюканье, то в школу для особо одаренных необходимо отбирать учеников именно по этому признаку. А для того чтобы Дюшка, не приведи бог, не почувствовал себя хуже других, его будущие одноклассники должны обладать способностями к хрюканью явно ниже Дюшкиных. Кроме того, в школу нельзя допускать задир, ипохондриков, мутантов высших порядков и прочие опасные элементы.

Ограничения по уровню мутантности были самыми жесткими. «Группе психологов, проводящих компьютерный отбор претендентов, будет совсем непросто найти оптимальный вариант!» — подумала Сильвия. Плохо было и то, что, согласно постановлению, с каждым из претендентов предстояло провести предварительную беседу, причем интерактивное общение отменялось.

Список предстоящих действий состоял из пятидесяти пунктов. Роль Рыжего Тафанаила подробно расписывалась в десятом пункте, хотя ни слова «рыжий», ни тем более слова «Тафанаил» в тексте не было и в помине. Просто предлагалось более тщательно замаскировать микрофон, дополнить его видеокамерой и передать котенка Дюшке. На выполнение этого задания Джереми Лермонтову отводилось двадцать четыре часа. В последнем пункте предполагалось собрать еще один совет ровно через неделю по-

сле Нового года, когда «Школа для особо одаренных» будет готова принять первых учеников.

Но самым главным был предпоследний пункт. В нем говорилось, что все до единого события, которые произойдут с «объектом Ключ», должны быть веселыми, легкими и беззаботными. Объект запрещалось обижать, ставить в угол, сажать на электрический стул, лишать Интернета, компостировать мозги, а также наказывать любым другим способом. С объектом надо было вести себя так, чтобы кривая на графике Пушкина не опустилась ниже критического уровня, отмеченного красной линией.

...Дима Чахлык стал ангелом только после своей десятой смерти, причем даже последняя его жизнь была далеко не безупречна. Он очень хорошо понимал, что расти среди мутантов и оставаться безвинным, как младенец, практически невозможно. Именно поэтому Дима закрывал глаза на многие глупости Дюшки, которые с точки зрения большинства других ангелов не лезли ни в какие ангельские ворота. Тем не менее Дима Чахлык был отличным, надежным ангелом. Он хорошо знал Джен, а Рональд Э-Ли-Ли-Доу был его лучшим другом. Поэтому как только на совете был решен вопрос с Рыжим Тафанаилом, Дима, не покидая собрания, передал эту информацию Рону. В следующие тридцать секунд Рон поделился неприятными новостями с Джен. Еще через полчаса родной брат Джен, Риз Шортэндлонг, знал, что

у него остался буквально один день, чтобы что-то сделать. О том, что именно он должен сделать или по крайней мере каков должен быть конечный результат его действий, Риз по-прежнему не имел ни малейшего представления.

Сестра возникла у него в комнате примерно в восемь часов утра. Она сказала, что через сутки с Дюшкой постоянно будет находиться рыжий котенок, начиненный аппаратурой для прослушивания, а еще через несколько дней Ключкин будет помещен в спецшколу для одаренных детей, которая расположится на территории секретного института. Попросила, чтобы Риз больше не выходил из облика Веньки Бесова. Предупредила, что сканировать Дюшку нельзя ни при каких обстоятельствах – как будто бы Риз умел это делать.

– Почему вы так боялись читать мои мысли? – спросил Риз. – Вчера меня прочел кто-то посторонний, затем мама – и ничего.

– Вчера было совсем не то. Во-первых, ты был предупрежден, во-вторых, оба раза не думал, а мечтал, точнее – вспоминал один конкретный эпизод, занимающий не слишком важное место в мозге. В конечном счете, можешь считать, что вчера тебе просто повезло. При других обстоятельствах все могло закончиться иначе.

– Кстати. А как получилось, что я вообще выжил, а не провалился насквозь в пленки сразу после рождения? Ну или что-то в этом роде?

Джен ответила не сразу. В конце концов, она решила, что Риз имеет право знать кое-что о своем детстве.

– Просто удивительно, что тебя заинтересовало это только сейчас. Тебе помогли, потому что я очень этого хотела. В основном тобой занимался Рон.

– Кто?

– Рональд Э-Ли-Ли-Доу, мой друг, ангел. Это было очень сложно. Ты не просто проваливался в пленки. Первые месяцы ты проскальзывал сквозь мамины руки, не мог научиться сосать, плакать. Даже с дыханием были проблемы. Никто, кроме нас с Роном, не верил, что ты выживешь.

Похоже, последняя фраза вырвалась у Джен помимо ее воли. Риз был потрясен услышанным. Подумать только, а он об этом и не знал! Его выхаживал ангел, причем совершенно посторонний ангел. Ради сестры, ради собственного интереса, ради чего?

– Джен, – сказал он, – а на фига вам это было надо?

Джен молчала. И поэтому Риз вынужден был искать ответ самостоятельно. Может быть, этот самый Рон его просто – как это там... – просто пожалел? Теоретически Риз знал, что такое жалость. Это такая штука, когда смотришь на кого-то и думаешь: «Фи, какой он маленький, слабенький и глупенький! Если ему не помочь, ему каюк!» Но мысль о том, что он сам, самый крутой мутант на Земле, мог вызвать у кого-то жалость, обрушилась на Риза внезапно, как кирпич с небес. Риз растерялся. Значит, когда-то он вызывал жалость, и ему помогли... И, наверное, ему стоит...

— Джен, раз уж так получилось, могу я это... я могу сделать что-нибудь для тебя? То есть для тебя и для Рона?

Сестра улыбнулась.

— Нет, спасибо. Для нас ты ничего не можешь сделать. Более того, у тебя так мало времени, что ты и для себя уже вряд ли успеешь что-то сделать.

— Может, для Дюшки?

Джен опять задумалась, словно советуясь с кем-то невидимым: говорить или не говорить?

— Вопрос с Дюшкой нами уже решен. Очень скоро он станет ангелом. Навряд ли в ближайшее время произойдет что-то такое, что сможет этому помешать.

Риз Шортэндлонг был мутантом четвертого порядка. Он мог проходить сквозь стены и раскалывать голову надвое. Он умел плакать, смеяться, загорать и даже болеть ветрянкой. Все это — и всегда — он делал исключительно по собственному желанию. И вот впервые в жизни, после слов Джен о Дюшке, Риз почувствовал, как с ним творится что-то неладное, и отнюдь не потому, что он сам этого хочет. Что ж, его друг станет ангелом. Это прекрасно. Но только...

— Ключкин станет ангелом после смерти?

— Что? А, ну да, конечно. Ты же знаешь, ангелами или рождаются, или становятся после. Так что если Дюшка не наделает никаких глупостей, пока живет...

В глазах Риза медленно прояснялось. Зато теперь рот стал предательски наполняться какой-

то горечью. «Если Дюшка не наделает никаких глупостей, пока живет...»

– Когда он умрет?

– Понятия не имею! – возмутилась Джен. – Неужели ты думаешь, что кто-нибудь из нас может желать его смерти или тем более ее планировать?

Нет, Риз так не думал. Он думал о том, что его сестра прекрасна, даже когда сердится. Еще он пытался представить себе, как его, маленького, выхаживает неизвестный ему ангел. А еще – как Дюшка Ключкин сам станет ангелом и тоже, возможно, будет помогать какому-нибудь мутанту вроде него. Наверное, этому следует радоваться? Хотя чему радоваться, ведь ему-то самому, наверное, теперь кранты...

– Мы теряем время, – перебила его Джен. – Тебе надо действовать. Даже если у тебя есть один шанс из миллиона, его надо использовать.

– Что я должен делать?

– Да не могу я тебе этого сказать!

– Джен, это нелогично. Хоть намекни! Я должен помочь Дюшке не наделать глупостей?

Джен отрицательно покачала кудряшками, разбрызгивая ослепительное сияние. И ответила брату теми же словами, которые сама услышала вчера от Э-Ли-Ли-Доу:

– Не скажу. Но я буду прикрывать тебя столько, сколько тебе потребуется.

И она испарилась. Тщательно переварив всю информацию, полученную от сестры, Риз так и не пришел ни к какому конкретному ответу. Единственное, что он мог сделать, это погово-

рить с Дюшкой Ключкиным с глазу на глаз. Решение о лыжной прогулке было его собственным решением. Было девять часов утра тридцатого декабря. Завтра вечером на Земле-11 должен был наступить Новый год.

Между тем после подписания постановления из ста пятидесяти пунктов совет СОСИСки разошелся по домам. Большинство сотрудников завалилось спать. Фредерико Менс нырнул в любимый кислотный бассейн. Джереми Лермонтов отдал распоряжение принести ему котенка, забрав у Ворониных, и занялся подбором нового микрофона. Дежурные у Вари-2 уселись смотреть новый фильм, поскольку Варя находилась в отключке и следить за ней не было необходимости, а дежурные у датчиков объекта Ключ, заядлые преферансисты, достали новую колоду карт. Сделали они это с чистой совестью: данные датчиков вполне могли записываться и сами по себе, а если что выходило из нормы, приборы подавали предупредительный звуковой сигнал. Согласно инструкции, дежурные должны были постоянно следить за видеоизображением и прослушивать запись звуков, издаваемых объектом. Но двадцать минут назад за Дюшкой Ключкиным зашел его друг Венька Бесов, и они собирались умотать в лес кататься на лыжах. Ни видеокамер, ни микрофонов на лыжах не было. Разумеется, почти все ребята-мутанты (не говоря уже о взрослых) постоянно носили компьютеры-браслетики или, кому больше нравилось,

компьютеры-медальоны. Но Дюшка Ключкин редко следовал этой моде, а Риз специально зачастую оставлял свой браслет дома.

– Это наша непростительная ошибка! – сокрушенно пробормотал директор, который лично появился в дежурке как раз в тот момент, когда мальчики возились с креплениями.

– Не волнуйтесь, Тафанаил Ибрагимович, – успокоил старший дежурный. – Они же не в первый раз. Все будет в порядке.

Остальные его поддержали:

– Если что не так, мы сразу заметим по датчикам.

– И Игорь Лапундрович считает, что Ключ лучше развеяться. А лыжная прогулка в такой день – это же сплошные положительные эмоции!

День действительно выдался отменный. Полное безветрие. Всю ночь шел снег, а сейчас ослепительно светило солнце, на небе – ни облачка. В такой день елки, палки, да и вообще все остальные растения предпочитали оставаться на своих местах, потягивая водичку из почвы и занимаясь процессом фотосинтеза, кто умел. Если уж кататься на лыжах, то именно в такой день! Но Тафанаил Казбеков не успокаивался.

– Браслетов на детях точно нет?

– Нет. Вы же знаете, Ключ не любит таскать с собой компьютер. А его друг тоже оставил свой дома, растяпа.

– Вы хотите сказать, что ребята сейчас выйдут из дому, и мы потеряем с ними всякую связь?! Кроме встроенных в объект датчиков?

– В конце концов, мы можем запустить контрольного лыжника на трассу...

Тафанаил все еще раздумывал. В принципе ему хотелось спать, но он знал, что пока объект Клю не будет находиться под его полным контролем, спокойных снов ему не видеть.

– Я сам буду лыжником, – наконец принял решение директор. – Аллочка, у нас найдется костюм подходящего размера?

И усталый директор вместе со своей верной секретаршей пампушкой Аллой отправился в гардеробную. А дежурные по датчикам выждали минут пять и занялись преферансом.

Тафнаил Ибрагимович вышел из института с черного хода. Он был облачен в красно-белый лыжный костюм времен своей молодости, с надписью «Спардак – чемпион» и изображением мифологического героя Спардака в виде мутанта-гладиатора, остервенело сражающегося с мутантом-быком. Под мышкой у директора были зажаты замотанные липкой лентой лыжи, а на лыжи были нацеплены палки. При каждом шаге одна из палок вздрагивала и ударялась об лыжу. От этого звука Тафанаил Ибрагимович внутренне вздрагивал сам, стараясь не подать виду, насколько неуверенно он себя чувствует. Аллочка предлагала ему взять другие лыжи, поновее. Но новые лыжи были слишком молодежной расцветки – зеленые с желтыми сияющими разводами, и Тафанаил от них отказался.

В трехстах метрах от института директор, кряхтя и ругаясь, размотал клейкую ленту, на-

дел лыжи и попробовал на них пройтись. Надо сказать, это ему удалось. Ему даже понравилось. Когда-то, еще школьником, Тафанаил изредка ходил с друзьями кататься на лыжах или играть в снежки. Но последние одиннадцать с половиной лет он был так занят работой, что даже не вспомнил ни разу о том, что в мире существуют такие простые удовольствия. Директор посмотрел вокруг. Ему вдруг стало приятно и хорошо. Ярко светило холодное зимнее солнце, и небо было синее-синее, с редкими белыми облачками, только подчеркивающими эту ослепительную синеву. Растения замерли на месте, наслаждаясь погодой. Вдали виднелись дома, два прозрачных купола, прикрывающие центральный городской парк и развлекательный комплекс, и вышка для полетов и прыжков — любителям экстрима. Впрочем, большинства сооружений отсюда не было видно. Например, отсюда не было видно новых, усовершенствованных трамплинов, введенных в эксплуатацию около месяца назад. Тафанаил Ибрагимович подумал, что неплохо было бы выкроить часок, сходить, посмотреть на них «вживую», не по телевизору. Хотя, с другой стороны, пока этот несносный объект Ключа на свободе, о каких трамплинах вообще может идти речь? Директор вздохнул, кликнул по браслетику и соединился с институтом. Выяснилось, что ребята уже вышли из дома и направляются в сторону старой длинной трассы, проходящей вдали от всех укромных и удобных для наблюдения местечек.

Глава 6

КОРОННЫЙ НОМЕР ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Риз боялся, что Дюшка не захочет бежать по дальней трассе, где почти никогда не бывает народу, или вообще откажется идти – он известный домосед, этот Дюшка, – но, к его удивлению, Ключкин сразу же согласился. Большая трасса проходила через лес, а потом долго петляла по пустынным холмам, по местности, заселять или возделывать которую было запрещено. Со всех сторон, почти до самого горизонта, тянулась ровная снежная гладь, искрящаяся на солнце.

Выезжая из леса, ребята обогнали какого-то смешного толстого дяденьку в допотопном лыжном костюме, Дяденька, пыхтя и обливаясь потом, неумело перебирал ногами. На всякий случай они поздоровались.

– А я думал, все мальчишки сейчас на новых трамплинах развлекаются, – с приветливой улыбкой сказал дяденька.

– А мы поспорили! – не моргнув глазом, вдруг соврал Дюшка. – Кто дольше на трассе продержится. Кто проиграет, платит за трамплины.

– Ну тогда удачи! – сказал дяденька. – Смотрите, не простудитесь. Чуть что – сразу домой, обещаете?

– Замётано! – по-свойски ответил ему Дюшка, и они покатали дальше, оставляя позади странного дяденьку.

Когда они отъехали подальше, Дюшка сказал:

— Я его знаю. Это директор Института биофизики. Он на людях редко показывается, но как-то раз заходил к нам домой, к папе, и я его запомнил.

— А почему ты соврал, что мы поспорили?

— А что я должен был ему сказать? «Знаете, мы с моим другом хотим поговорить вдали от посторонних глаз, потому что то, о чем мы будем говорить, большая тайна...» Так, что ли?

Риз посмотрел на него с нескрываемым удивлением:

— О какой тайне ты говоришь?

— Бес, завтра утром я убегу. В Африку.

Они выехали на вершину первого холма. Лыжня стремительно уносила вниз, забирая вправо, в ложбинку между холмами, на одном из которых сохранились живописные развалины старой фермы. Дюшка с силой оттолкнулся и понесся вперед, не собираясь останавливаться. «Может быть, Джен знала об этих планах? — думал Риз, догоняя друга. — Ведь убегать в Африку — это глупость».

Дюшка стоял внизу, опираясь на причудливые зеркальные изогнутые лыжные палки — самый модный изгиб в этом сезоне, у Ключкина вечно все самое лучшее, — и тяжело дышал. Риз остановился рядом, и по его виду нельзя было сказать, что проделанный путь стоил ему хоть каких-то видимых усилий. Дюшка набрал побольше воздуха и выдал:

– Мне надо попасть в биореактор. Завтра утром я убегу. Днем меня не хватятся, а потом все будут готовиться к встрече Нового года, и им будет не до меня.

«Если Ключка превратится в мутанта, он совершит глупость и не станет ангелом. Если я ему помешаю убежать, я сделаю то, чего хочет Джен, то, ради чего мы переехали на эти задворки цивилизации. Я буду жить вечно, попаду в рай – звучит-то как классно! – и у меня все будет хорошо», – подумал Риз.

– Я просто хочу стать, как все, понимаешь? – продолжал Дюшка. – Или я стану мутантом или я не знаю, что со мной будет. Я больше не могу так жить. Не могу – и все.

Дюшка судорожно облизал пересохшие губы и вздохнул. Риз даже примерно не мог почувствовать того, что переживает Дюшка. Он просто видел, что его другу тяжело. «А ну его, этот рай!» – подумал Риз.

– Завтра будет поздно, – спокойно сказал Риз. – Беги прямо сейчас. Хочешь – я с тобой?

Дюшка обалдел. Он ожидал какой угодно реакции, только не этой. Датчики в дежурном отделении мгновенно зашкалило. Однако не успели сотрудники СОСИСки должным образом отреагировать, как на связь с ними выпел их директор личной персоной. «На повышение адреналина и прочие глупости можете временно не обращать внимания, – сказал он. – Объект Клю носится на лыжах наперегонки с одноклассником. Веселый и довольный жизнью. Я с ним только что разговаривал».

И Тафанаил Ибрагимович присел на пенек съесть пирожок и немного отдохнуть. В этот момент Рон убедился в том, что Джен, находящейся в трех метрах от брата, ничего не грозит, а Риз решил рассказать Дюшке все, как есть, и будь что будет!

— Завтра тебе подбросят котенка. С микрофоном и камерой. Он будет мяукать и носиться за тобой, как за родной мамой. Так, что не отвяжешься. Котенок — это их рук дело, из секретного управления!

— Бред! — заявил Дюшка. — Мы нашли Тафа вместе с Варей, и я вытащил у него из уха блоху.

— Живую блоху?

— Ну да, — неуверенно подтвердил Дюшка и вдруг вспомнил, с каким странным металлическим звоном эта блоха упала в раковину.

— Все равно. Вокруг тебя шныряют люди из секретного управления. Через неделю тебя заберут в школу для особо...

— Нет! Меня не могут забрать, пока мне не исполнится двенадцать!

— Ключка, это точно!

— Откуда ты знаешь?

Риз молчал. Если он расскажет Дюшке о Джен, он предаст сестру. Если не расскажет, Ключкин ему не поверит и никакого разговора у них не получится. А может, и не надо ни о чем говорить? Дюшку заберут, он умрет и станет ангелом. А ему, Ризу, все равно ничего в своей жизни не нужно менять. Ему с его способностями и на Земле — рай, ну кто ему в чем сможет по-

мешать? Риз решил молчать, но прежде чем он это решил, у него вырвалось:

– Ты умрешь и станешь ангелом.

– Я и так умру, если останусь в этом городе. А ангелов не бывает, – отрезал Дюшка. – Я всю свою жизнь думал, что они есть, даже разговаривать с ними пытался, дурак. Это все такая чушь. Людей, кстати, тоже не бывает.

– Но ты же человек?

– Я отправлюсь в Аффрику, проберусь в реактор и стану мутантом, как все. Я не хочу быть ни человеком, ни ангелом. Если не веришь, можешь проверить меня на детекторе лжи и убедиться.

– И так вижу, – буркнул Риз. – Ты не сможешь добраться до Аффрики. В тебе с рождения находится куча датчиков, которые передают в центр или как его там, где ты находишься, и не болит ли у тебя животик, и всякое такое. Только мысли твои сканировать нельзя. Хотя кто их знает, что им придет в голову.

– Ты врешь.

– Нет.

– Докажи.

– Как?

– Ну, например, скажи, где находится хоть один датчик?

Риз задумался. Внезапно ему пришла в голову идея.

– Хорошо, – сказал он. – Если ты не боишься, я попробую. Помнишь, как я однажды на твоих глазах прошел сквозь стенку? Я постараюсь так

же пройти сквозь тебя. Места, которые отличаются от естественной ткани, я смогу определить, я уверен.

С некоторыми физиологическими показателями объекта Ключ творилось нечто невероятное. Точнее говоря, у него было состояние, близкое к шоку.

– Может быть, объявим тревогу? – предложил один из дежурных, самый молоденький.

– Да будет тебе! А если парень подраться решил или на обгон пошел? – остудил его второй, более опытный. – Пацан спортом занимается. Для людей это особенно полезно.

– И потом, у нас сам директор с ним рядышком, на одной трассе. Уж если что... – добавил третий.

И они спокойно продолжили игру в карты, не обращая больше никакого внимания на надрывающиеся датчики.

Одновременно с этой беседой происходил другой, более примечательный разговор между Джен Шортэндлонг и Роном Э-Ли-Ли-Доу. Когда ангелы нервничают и переживают, они не кусают губы, не заламывают руки и не бьют тарелки. Они пенятся, как кипящее молоко, и разбрызгиваются маленькими вихрями. Сейчас Дженифер пенилась и разбрызгивалась по полной программе.

– Это конец! – в отчаянии шептала Джен. – Моя глупость погубит обоих. Никогда себе этого

не прощу! Зачем я только рассказала Ризу правду? Что делать, Рон? Что нам делать?

– Не устраивать истерик и не вмешиваться.

– Я не могу не вмешиваться! Мой брат собирается сотворить такую глупость! Это совсем не то, чего мы от него добивались.

– Не то, – согласился Э-Ли-Ли-Доу. – Но это его глупость и его решение. Мы не должны вмешиваться. В функции ангелов не входит защита людей от их собственных глупостей.

Джен попыталась не нервничать.

– Хорошо, – сказала она гораздо более спокойным тоном. – Допустим, Риза нам уже не спасти. Он погибнет вместе с остальными, когда все будет кончено. Тогда я остановлю его ради Андрея. Андрей Ключкин должен стать ангелом, а не идти на поводу у мутанта четвертого порядка или убегать в Африку. Одного его заявления о том, что он не хочет быть человеком, достаточно для того, чтобы и в ангела ему не превратиться.

– Нет, – сказал Рон. – Не вмешивайся. Если Андрей Ключкин не хочет быть человеком, это его право.

– Я не могу не остановить их! – закричала Джен.

– Можешь, – возразил Рон Э-Ли-Ли-Доу. – Ты все можешь. Ты же ангел.

– Да, – согласилась Джен. – Ты прав. Прости меня, пожалуйста.

И два бестелесных создания продолжили наблюдение над тем, что творилось в лощине, скрытой от посторонних глаз внушительными

снежными холмами. Венька Бесов присел на корточки перед Дюшкой, вытянул вперед руки так, что они оказались на уровне щиколоток, и медленно стал перемещать их вглубь, в Дюшку.

– Тебе комбинезон не мешает? – шепотом спросил Дюшка, хотя вокруг и так никого не было.

– Да нет, что ты! Совсем другая фактура, не путаешь. Что-нибудь чувствуешь?

– Нет, ничего. Даже не щекотно.

Честно говоря, если бы Ключкин собственными глазами не видел, как руки Беса исчезают в его икрах, он бы ни за что не поверил, что внутри него кто-то орудует. Риз не торопился. Как сапер, он должен был все до единого инородные тела обнаружить заранее. Прикоснешься – и кто его знает, что там увидят на мониторах Дюшкины телохранители!

Первый датчик находился на левой ноге. Он представлял собой крошечную пластмассовую манжетку, надетую прямо на подколенную вену. Второй датчик – продолговатый цилиндр диаметром чуть ли не в полсантиметра намертво вцепился лапками в нижнюю часть желудка. Несколько проволочек опутывали сердце. Овальный плоский диск, тоже с лапками, но более короткими, чем у цилиндра, расположился на запястье, под кожей.

– Венька, это у меня родимое пятно, – пояснил Дюшка.

– Как бы не так! – усмехнулся Риз.

Еще два похожих диска только другой, искривленной формы симметрично были вшиты в

виски. И последний датчик, идеально круглый, очень плотный шарик, был впаян в носовую перегородку. Риз заметил его просто по счастливой случайности, настолько незаметно он был установлен. Потом еще минут пять пытался выяснить, из чего же он сделан – и не смог.

– Ювелирная работа. С таким хозяйством ни в какую Африку ты не убежишь, – констатировал Риз, когда последний датчик был найден.

Дюшка с ненавистью глядел на просвечивающее сквозь кожу «родимое пятно». Теперь он отчетливо видел его выраженную геометрическую структуру. Бес оказался прав. А он, Дюшка, как всегда остался в дураках.

– Зачем тебе в Африку? Тут с тобой целый институт носится.

– Ага. А потом я умру и стану ангелом.

– Что же в этом плохого? У меня сестра – ангел.

– Что?!

– Моя старшая сестра Джен – ангел, – обреченно повторил Риз, и ему показалось, что он только что прыгнул в жуткую бездну, в которой ему теперь падать и падать до самой смерти. – Она прилетает домой на праздники и умеет играть на арфе. Она и ее друг Рон помогли маме меня вырастить, хотя я – мутант четвертого порядка, которые умирают сразу после рождения. А теперь я их предал. И тебе я тоже не друг.

– Вот еще ерундиссимо с плюсом! Как это – не друг, Бес?

– Да какой я тебе Бес! Я вообще не тот, за кого ты меня принимаешь. Я даже внешне другой. Я вообще могу быть практически кем угодно!

Андрей Ключкин, последний немутант на земле и просто обыкновенный парень с отличным энергообменом и средними математическими способностями, не мог в это поверить. Слишком много совершенно нереальных событий произошло с ним за последнее время, чтобы он мог поверить еще и в это. Тогда Риз нарочито медленно, чтобы не испугать Дюшку, слегка расширил себе нос, увеличил глаза, растянув их в стороны, сделал более пухлыми губы и в довершение всего изменил прическу. Через минуту перед Ключкиным стоял его одноклассник Боря Кузнецов собственной персоной. Только Боря был выше и коренастее. Разумеется, сотворить такое на компе было бы – раз плюнуть, но чтобы вот так, на самом деле!

– Тело я тоже могу изменить, – добавил Риз, возвращаясь в свое обычное состояние.

– Класс! – восхищенно произнес Дюшка. – Знаешь, когда ты болтал про датчики, я еще сомневался, но теперь...

Необъяснимо, но факт: почти все показатели, если судить по данным приборов, расположенных в дежурке СОСИСки, пришли в норму.

– Хорошо, что мы не стали бить тревогу! – сказал самый молоденький оператор. – Ключкин там отрывается с друзьями, а мы бы выглядели как полные идиоты!

– И не говори, – согласился с ним его товарищ, даже не взглянув в сторону приборов. – Между прочим, твой ход.

И они опять погрузились в карты.

– А какой ты на самом деле? – поинтересовался Дюшка.

– Высокий. Худой. Я не могу сейчас показать, одежда лопнет. И меня... зовут Риз, Ризенгри Шортэндлонг. Только ты об этом – никому, ладно? Дюшка кивнул.

– Риз... Мне это больше нравится. Риз – это нормально, это твое... А «Венька» – это реально к тебе не липло. Недаром я тебя пожизняк Бесом зову.

– Мне тоже «Риз» больше нравится, – согласился Ризенгри.

Вокруг было спокойно и солнечно. Серая каменная кладка заброшенной фермы угрюмой лентой уползала вкось по склону холма, вдоль которого проходила старая лыжная трасса. Прохудившаяся пятнистая крыша бывшего коровника дрожала сквозь восходящие потоки воздуха в классическом стиле постимпрессионизма. Синие тени касались дырявого снега и черными угриками проваливались в землю. Елки, временно перебравшиеся на косогор, на солнышко, не жились в белых холодных лучах, проступая на горизонте грязными смазанными пятнами.

– А в меня ты можешь превратиться? – спросил Дюшка.

– Запросто.

- Ну да? Так, чтобы и в школе поверили?
- Элементарно. Родная мама не узнает. А если бы у меня были твои датчики...

Эта мысль пришла им в головы одновременно. Они ошалело уставились друг на друга и молчали, наверное, целую вечность.

– Знаешь, – попросил Дюшка, – ты бы не мог... На некоторое время. Пока меня не хватятся.

– Я впервые вижу такие штуковины, – покачал головой Риз. – Если бы их можно было где-нибудь достать, тогда – да, а так это безнадежная затея.

– Ты их можешь достать прямо из меня.

– Ну, в принципе, наверное.

– Попробуем?

– Ключка, я не уверен.

– Давай, Бес!

– Тогда начнем с самого легкого.

Самым «легким» датчиком, с точки зрения Риза, был диск на запястье. Риз залез в руку Дюшки и исследовал его еще раз более тщательно. Одна лапка диска была погружена в вену. Эта лапка была самая тонкая, вытащить ее не представило бы труда. Риз постарался запомнить, на какую глубину она погружена, чтобы потом установить ее у себя точно так же. Две лапки служили держателями, с ними тоже проблем не должно возникнуть. А вот четвертая лапка оказалась странной: она тянулась вдоль нерва и раздваивалась на конце, причем один обрубок был гладким, а второй распушился наподобие одуванчика. С ним могли возникнуть затруднения.

— Ну давай же! — торопил Дюшка. — Ты не волнуйся, я боли не боюсь. И кровь тоже видел.

— Что?

О том, что Ключкину может быть больно, Риз вообще забыл напрочь. Интересно, больно — это как? Ладно, неважно. Надо обдумать, как извлечь этот одуванчик. Может, с кусочком мяса? А что потом? Никогда, даже в раннем детстве, Ризенгри Шортэндлонг не мечтал стать врачом, тем более хирургом.

— Нет, Ключка, я не смогу! — сказал он. — А вдруг тебе станет плохо?

И он вытащил руку. Дюшка сел на снег и закрыл глаза.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал он. — Мне и так всю жизнь плохо. Вокруг меня нет ничего настоящего. Даже с Варей Ворониной что-то происходит. Она теперь сама не своя. Загипнотизировали ее, что ли? С ней точно поработали, стопроцентно. Я сразу почувствовал, только все верить не хотелось. Дома вообще кошмар. Мои родители заодно с этими, из управления. И учителя, и даже бабушка. У моих сестер любимая игра — друг дружке ногти выковыривать. Я им ничего не говорю, пусть себе, как хотят. Ну давай, Бес! Мне не станет плохо! Хуже, чем есть, все равно не будет, давай!

— Не могу.

— Трусись?

— Нет, честное слово, нет! Просто это слишком сложно.

Вопрос Дюшки вызвал в памяти Риза его недавний разговор с сестрой. Неужели они, там, на небе, могли заранее просчитать эту ситуацию? И Риз, забыв, что он только что выдал Дюшке все, о чем его так просили умолчать, тихонько позвал:

– Джен!

Он еще ни разу в жизни не звал сестру на помощь. Если она не появится после всего того, что он тут натворил, он не станет обижаться.

– Джен, помоги мне!

Нет, она конечно больше не появится, и он этого вполне заслуживает. Но Джен появилась, сгустившись до состояния, когда брат мог ее видеть.

– Это совсем не то, что ты должен был сделать, милый! – сказала Джен.

– Знаю.

– Ты разговариваешь сам с собой? – удивился Дюшка.

Нормальным людям, как и обыкновенным мутантам, не дано видеть ангелов в тонком состоянии.

– Джен, пожалуйста. Я все делаю не так, я вообще урод, и, кроме того, я рассказал Дюшке про тебя и про Рона. Я рассказал ему про то, что он будет ангелом.

– Зачем?

– Не знаю. Но он не хочет быть ангелом. Он хочет попасть в биореактор. Ему нужно в Африку, а я не смогу без твоей помощи достать датчики.

– Я не буду тебе помогать.

– Ты обиделась, я знаю. Но ты же обещала, что всегда будешь помогать мне!

– Я не обиделась, и я не собираюсь тебя бросать. Но ты путаешь. Я никогда не обещала, что буду помогать тебе. Я обещала, что буду всегда стараться поступать так, чтобы тебе было лучше. А ты играешь в какие-то дурацкие, опасные игры.

– Это не игры, Джен! С этими штуковинами Ключке не то что до Аффрики – до ближайшего города не добежать!

– Ему незачем туда бежать, Риз! Он хороший, добрый мальчик, и он станет ангелом, если никуда бежать не будет, а ты должен позаботиться о себе.

– Я. Не хочу. Заботиться. О себе. Джен. Мне не плохо и никогда не будет плохо, потому что я вообще не знаю, что это такое. Я хочу помочь Дюшке, потому что плохо ему. И я сделаю это, даже если все ангелы и все мутанты на свете будут против. Потому что он мой друг. Друг в том смысле, в каком это было принято у людей. Он человек, и он мой друг!

Когда Риз начал говорить, крошечный розовобелесый родничок сострадания затеплился, проснулся внутри Риза, а потом забился сильнее и сильнее и ближе к последним словам вырвался из головы мальчика тонким, но самостоятельным лучиком.

– Джен! Я хочу помочь Дюшке, Джен! – орал Риз Шортэндлонг в пустое, с точки зрения Дюшки, пространство.

Джен молчала. Казалось, она была просто ошеломлена речью своего брата. А потом она вдруг широко улыбнулась, засветилась от счастья...

– Жалко, что я не могу видеть твою сестру, – со вздохом произнес Дюшка. – Вы с ней такие добрые. Я бы очень хотел опять поверить в то, что ангелы на самом деле существуют.

Лучи, исходящие от Дюшки Ключкина, были несравненно более мощные, нежели еле уловимый лучик его друга. Казалось, что Дюшка просто кипит в потоках, сила и цветовая гамма которых постоянно меняются. Рон Э-Ли-Ли-Доу с облегчением улыбнулся и мысленно передал Джен:

– Вот видишь, у него все-таки получилось! Риз только что продемонстрировал типичные положительные человеческие качества в лучшем виде. Которые, кстати, вызвали ответную, тоже положительную реакцию. Конечно, все произошло совершенно не так, как мы планировали, но это неважно. Теперь мы можем поставить на рассмотрение вопрос о возможности трансформации мутантов четвертого порядка в ангелы. Твой брат будет первым. Только ничего пока ему не говори.

Джен была счастлива как никогда:

– Знаешь, что меня интересует больше всего? Нам всегда придется с четверками возиться или троичники тоже подойдут?

Риз не видел Э-Ли-Ли-Доу, не слышал их реплик и поэтому не мог понять, чему его сестра так радуется.

– Джен! – в отчаянье закричал он. – Ты мне можешь? Джен!

— Я должна сообщить тебе радостную новость. Мы только что рассмотрели твой вопрос. Ты можешь пока ничего больше не делать. У тебя все будет хорошо, это точно. И у Ключкина тоже. Просто идите домой и ни о чем не беспокойтесь.

— Джен! Джен, пожалуйста. Я не смогу сам, Джен!

Золотистое видение бесследно растаяло в прозрачном морозном воздухе. Рон и Джен действительно улетели. У них была еще масса дел, связанных с долгожданными изменениями в судьбе Риза. А за судьбу Дюшки они не отвечали.

Риз Шортэндлонг молчал. Дюшка тоже молчал, глядя куда-то за горизонт, сквозь друга, будто его тут не было.

— Ладно, Бес. Спасибо тебе за то, что ты хотел мне помочь, — сказал Дюшка. — Пошли по домам. Не поеду я ни в какую Африку. Я стану ангелом, буду жить вечно, пить нектар и навещать тебя по праздникам. Ладно, ничего страшного. Я переживу.

— Вечность не переживешь, Ключка. Ты не сможешь стать ангелом, — ответил Риз. — Таких пустых глаз у ангелов не бывает. Я видел ангелов, я знаю. А если у них будут такие глаза, то это уже будут не ангелы. Давай руку. Сейчас у тебя появится брат-близнец, и если у меня все получится с датчиками, то мы устроим такой коронный номер тысячелетия, что вообще!

В этот момент Тафанаил Ибрагимович, основательно отдохнув, вышел на холм, оглядывая за-

несенные снегом окрестности. Мальчишек нигде не было видно. Директор настроил свое сердце на длительную нагрузку и принял решение пробежать по всей трассе, не связываясь лишний раз с дежуркой и не выясняя местонахождение изучаемого им объекта. Неожиданно рядом с ним появился Дима Чахлык.

— Ребята разговаривают в лощине, — сказал Дима. — Не стоит им мешать.

— О чем они говорят?

— Родители Вениамина Бесова собираются отправить своего сына учиться в Скортландию. Сейчас мальчики прощаются.

— Это отрицательные эмоции! — заявил директор. — Вот почему в объекте Клю происходят такие странные, мягко говоря, физиологические реакции.

— Я лично прослежу за тем, чтобы все было в порядке, — заверил его Дима. — Мы компенсируем отрицательные эмоции положительными. Пообещаем Андрею поездку в Скортландию в гости к другу. Подберем ему новых, более веселых друзей. Надеюсь, микрофоны и камеры на Рыжем Тафанаиле к вечеру будут готовы?

Если директора и передернуло, то только изнутри.

— Лермонтову дали сутки на выполнение задания.

— Этого слишком много, — как можно более холодным тоном произнес Чахлык. — Рыжий Тафанаил должен быть дома у Ключкиных к моменту возвращения ребенка. Без блох, вшей и

несварения желудка. Пожалуйста, проконтролируйте этот вопрос, пока я буду следить за ребятами. Надеюсь, вы помните, что любое мое пожелание – это приказ?

Директор вздохнул и повернул лыжи в сторону института. А темнокожий ангел скользнул вниз по склону.

Для начала ангел окружил мальчишек невидимым защитным куполом и включил симулятор сигналов, идущих от «объекта Клю» в дежурное отделение СОСИСки. Затем просочился в купол, сделав свое тело сверхтонким, чтобы Риз Шортэндлонг не смог его почувствовать. А потом медленно и аккуратно стал исправлять то, что успел напортить Риз. Диме пришлось трижды влезать в Риза, чтобы как можно более точно подогнать его внутренние органы под Дюшкины, причем он должен был сделать это так, чтобы четвертый мутант, обладающий многими вполне человеческими ощущениями, помимо своих, нечеловеческих, этого не заметил. И ему это удалось. Височные датчики он заменил полностью, а в переносицу вставил новое уникальное устройство собственной конструкции. На самом деле вся операция длилась около шести с половиной часов, поэтому прежде, чем убрать купол, Дима Чахлык сжал время, хотя и очень не любил заниматься подобными нарушениями.

На восторги и эмоции по поводу того, что им все удалось, у мальчишек сил не было. Надо было успеть договориться о куче деталей, пока их

не застукали вместе. Риз должен был отправиться домой первым, Дюшка – досидеть в лощине до темноты. А пока он натаскивал своего новоявленного близнеца, чтобы тот не выдал себя на какой-нибудь ерунде.

– Я люблю спать на животе, повернув голову влево. Марту называю Муськой-Малюськой, а она злится и рисует в моих файлах чертиков. Перед сном я мажу нос зубной пастой.

– Зачем?!

– Чтобы клюв вырос, но это неважно зачем, этого никто не знает.

Дюшка вдруг подумал, какой же он был все эти годы дурак: лелеял свои глупые, мелкие тайны, которые были известны всему секретному управлению. Неужели в туалете тоже были видеокамеры? Можно представить себе, как эти секретные сотрудники веселились!

– Дальше.

– Конфетные бумажки я бросаю за компьютер. Конфеты предпочитаю шоколадные. Да, у меня любимая чашка – большая, желтая, с таким чубриком...

– Это я знаю, еще давай. Утром. Что ты делаешь, когда просыпаешься?

– Сразу не встаю. Отключаю будильник...

– Ты ставишь будильник, чтобы проснуться?

– Ну да. Он уже стоит. Включается с пульта управления. Выключается тоже. Пульт – такой круглый. Будешь кидать его в любую стенку, он к ней прилепится и повиснет. И находить удобно.

— Ладно, разберусь.

— В общем, я, то есть ты, отключаешь будильник и валяешься под одеялом, пока минут через десять не зайдет мама и не сообщит, что ты опаздываешь.

— А зачем ставить будильник на десять минут раньше, если вставать можно на десять минут позже?

— Бес, не задавай глупых вопросов. Я всегда так делаю. Значит, дальше. Мама уйдет, и можно вставать.

— А при маме можно?

— Можно, если очень хочется, только она этому страшно удивится. Потом ты плюхаешься в ванну, во вращалку. Температура там установлена. Что еще? Сушилку я люблю погорячей.

— А зарядка?

— Никогда не делаю зарядку.

— Жалко. Я по утрам обожаю плавать. Или, в крайнем случае, бегать.

— Ничего, ты можешь начать. Только постепенно, а то кто-нибудь догадается.

— Дюшка, я вот что подумал. На какие шиши ты собираешься добраться до Африки?

— У меня же карточка.

— Тебе нельзя снимать деньги с карточки. Мы засыплемся в ту же секунду. Сейчас, когда стемнеет, ты пойдешь к моей маме...

Брать в сообщники маму Веньки Бесова, то есть тьфу, Риза Шортэндлонга, Дюшка долго отказывался. Его убедило только то, что, не появившись Бес домой к ужину, родители бросятся ис-

кать его по всем закоулкам, и тогда весь их план полетит к черту.

Между тем солнце садилось. Риз прикрепил к ногам лыжи, взял крутые Дюшкины палки и, не прощаясь, собрался в путь.

– Постой! – сказал Дюшка, когда Риз сделал первый шаг в сторону города. – Раз уж ты теперь – это я... Не забудь участить дыхание, когда доедешь до верху. И не наполняй бассейн мятной пеной, мятная – Муськина. У Муськи родинка на щеке слева, она ее не снимает. Апреля выше ростом.

Риз только махнул рукой, не оборачиваясь: Дюшке давно пора было быть дома.

– Самое главное! – крикнул Ключкин. – Я веду дневник. О нем никто не знает. Он в компе, под двумя паролями. Да подожди ты, я напишу их, там целая система.

Риз повернулся. Дневник – это важно.

– И еще я однажды целовался с Варей Ворониной, – признался Дюшка. – И держал ее за руку. Это было еще до того, как она заболела ангиной. А теперь иди.

Дюшка не выдержал и всхлипнул. Бес не уходил.

– Ты чего? Иди! – повторил Дюшка и поднял глаза на своего двойника.

У того по щекам тоже катились слезы!

– Ты что, всерьез плачешь? – обалдел Дюшка.

– Да нет, конечно, как тебе это пришло в голову? – искренне удивился Риз. – Мне-то с чего плакать? Я репетирую. Я никогда раньше плакать особо не пробовал. Нормально получается?

Клюшкин кивнул.

— Как ты думаешь, мы еще увидимся?

— А чего об этом думать? — пожал плечами Бес, разворачивая лыжи. — Как получится, так и будет. Долго я тебя заменять не буду, учти. Но три недели, так и быть, обещаю. Ну, давай!

И он легко побежал в горку.

Глава 7

АНГЕЛЫ

Если бы ангелы умели кипеть от негодования, то Рональд Э-Ли-Ли-Доу уже превратился бы в пар. Но Рон не кипел. Рон прожил на Земле всего ничего, единственную истерику устроил в кабинете зубного врача в невинном трехлетнем возрасте и потом долго раскаивался в том, что вел себя «не как мужчина». С тех пор ему ни разу не захотелось выйти из себя ни при жизни, ни после жизни. Например, на уроках вживления во втором классе (как вы уже поняли, у ангелов совершенно иная система обучения) Рон с трудом добился желаемого результата, когда ему надо было симитировать гнев банковского служащего на нерадивую уборщицу.

Когда Рон засек незапланированное сжатие времени в районе Дюшки, он бросил Джен, переместился к Диме Чахлыку. Перед Димой сидели два Андрея Клюшкина и обсуждали, как Дюшка обычно делает уроки. Рон остолебенел. Через па-

ру секунд в сжатой форме Э-Ли-Ли-Доу получил полный отчет о том, что произошло.

– Зачем ты это сделал? – спросил Рон.

– Согласился с твоим «крестником» Ризом. Захотел ему помочь.

– Можешь воспроизвести?

– Пожалуйста, – сказал Дима. – Только пока в плоском варианте и без повторов, я все еще слишком занят.

Перед Роном возникло изображение Риза в облике Веньки Бесова и Дюшки Ключкина, расслабленно сидящего на собственных лыжах. «Ты не сможешь стать ангелом, Ключка, – сказал Венька. – Таких пустых глаз у ангелов не бывает. А если у них будут такие глаза, то это уже будут не ангелы». Изображение исчезло.

Рональд понял, что изменить уже ничего нельзя. А то, чего нельзя изменить, лучше принять сразу.

– Тебе понадобятся помощники, – сказал Рон. – Ты, очевидно, останешься с Дюшкой.

– С которым из? – засмеялся Чахлык.

Рон Э-Ли-Ли-Доу всмотрелся в мальчиков:

– Слишком хорошая работа, Дима. Жаль, если мы ее завалим. К Фредерико Менсу придется приставить кого-нибудь персонально. Он единственный, кто может догадаться, даже если ребята будут вести себя идеально.

– Хорошо бы спустить на Менса кого-нибудь из девочек. Ты же знаешь, у него особые представления об ангелах.

Солнце склонилось к западу. Мальчишки, наконец, окончили обсуждать свои дела, и Риз ушел.

— Ты знал, у Дюшки есть дневник? — спросил Рон.

— Да, разумеется.

Дима Чахлык «вел» Риза одной пятой частью себя. Сигналы от датчиков, находящихся в теле мальчика, отправлялись через тонкий эфир, не фиксируемый ни одним земным прибором, к Диме, возвращались обратно и лишь затем поступали на экраны дежурной части СОСИСки. Все показатели были в норме. Риз даже не забыл участить дыхание, взобравшись на пригорок. Молодец. У него был повышенный пульс, соответствующий долгой лыжной прогулке, красные щеки и вполне удовлетворительное настроение.

А Дюшка между тем отчаянно замерзал. Перед расставанием они с Бесом предусмотрительно обменялись одеждой, но если его собственный костюм был с подогревом, то костюм его друга оказался, что называется, на рыбьем меху, ведь Риз никогда не мерз. По правде сказать, и Дюшка Ключкин по-настоящему мерз впервые в жизни. Он с удивлением заметил, что пальцы на руках и ногах стали как деревянные, щеки покалывает, а в носу хлюпает. В довершение всего Риз отправился гулять без шапки, а тщетные попытки Ключкина натянуть на уши свитер ни к чему путному не приводили. У него болела голова, и кровоточил

разрез на руке, через который Риз вытащил первый датчик.

– Поможем? – сжалился Рон.

– И не думай! – отрезал Дима. – Ради чего я тогда старался?

Рон огляделся. Они втроем торчали среди безжизненных глыб снега, стремительно темнеющих в ранних зимних сумерках. Было холодно, противно. К тому же ветер, неведь откуда появившийся час назад, постепенно крепчал. Первые, самые нетерпеливые, елки снялись с места и начали сбиваться в кучки – так теплее. Их было не видно отсюда, но по характерному скрипу корней о снег можно было легко догадаться, что сейчас происходит в лесу.

– Все-таки удивительная вещь – природа! – сказал Дима, не отрывая взгляда от Дюшки. – Это ж надо было так приспособиться! Особенно меня восхищает тот факт, что нижняя часть корневой системы – общая.

Дюшка громко всхлипнул и уселся прямо на снег.

– На самом деле у них еще хитрее, – поддержал разговор Рон. – Подвижная часть корней не просто вывинчивается из неподвижной. Она обладает своеобразной поисковой системой, позволяющей растению подключиться к устраивающему именно его блоку.

– С каких это пор ты интересуешься ботаникой Земли-11?

– Я вообще-то об этом не узнавал специально. Мне Джен рассказала.

Рон вздохнул. Дима знал, о чем переживает его друг.

- Послушай, Рон, может быть, все обойдется?
- Старик считает, что вряд ли.
- Она часто ходит... туда?
- Часто. И она слишком увлекается лошадьми.
- Мертвыми?

— Ага. Не то чтобы меня это особо волнует, но тем не менее... Она и сейчас наверняка там. Следаем?

Две четвертинки двух ангелов оторвались от Дюшки и перенесли к Джен, стараясь и для нее остаться незамеченными.

Джен и в самом деле была «там». Она стояла на вершине невероятного, крутого склона, внизу которого медленно бушевал густой перламутровый океан. На первый взгляд казалось, что огромные, высотой с трех- или четырехэтажный дом волны просто застыли на месте, а хлопья пены непостижимым образом висят в воздухе. Но стоило постоять над океаном минут десять, чтобы заметить, что картина меняется: одна волна разбивается о берег, откатывается назад, захватывая с собой все, что попадает ей на пути, а на смену ей уже несется с такой же скоростью — колыбельная для черепахи, как говорил Рон, — ее подруга. Это было безумное, завораживающее зрелище.

Еще более любопытен был сам склон, вся поверхность которого состояла из длинных и узких, не шире двух метров, террас, покрытых

роскошной, совершенно неподвижной растительностью. Стены, поддерживающие террасы, были выложены серым камнем, но камня этого не было видно нигде, кроме самого нижнего уровня. Из этого же камня была построена лестница, уходящая в глубь океана. Все это место традиционно называлось Садам, как и многие другие райские места.

Однако, в отличие от других райских садов, легких, воздушных, наполненных жизнью, этот Сад был мертвым. Он умер всего-навсего мгновение назад. Птички, упавшие в траву, остались теплыми, бабочки и стрекозы, сидящие на цветках, не успели соскользнуть на землю, капелька росы, готовая сорваться с кончика бутона новорожденной лилии, так и не сорвалась. Белые лошади, к которым приходила Джен, лежали на одной из нижних террас, над океаном.

Джен никогда не летала в этом Саду. Она осторожно спускалась по ступенькам, будто боясь нарушить оглушительную тишину, постоянно царившую над беснующимся океаном. Доходила до жеребенка, который лежал ближе всего к лестнице. Садилась на камни. И долго-долго смотрела вниз. Иногда она проходила вдаль по террасе. Каждый раз шла одной и той же дорогой. Старалась не касаться ни кустов, ни деревьев. Только раз или два она дотрагивалась до мертвых животных, однажды тихонечко погладила по холке жеребенка.

Каждый раз Джен посещало одно и то же видение — слишком уж эти террасы походили на ги-

гантскую декорацию к сказке о спящей красавице. Она представляла себе, как Сад оживает. Она представляла себе это много, много раз и в принципе считала, что когда-нибудь смогла бы заставить его ожить. Но этот Сад был не ее фантазией, не ее работой. И Джен знала, что она никогда не вмешается в мир, который ей не принадлежит. А когда она приходила в себя, то понимала и то, что в мире, к сожалению, слишком многое необратимо.

В этот раз Джен спустилась гораздо ниже, чем обычно. Она практически дошла до того места, куда долетали брызги. И в первый раз Джен не представляла себе, как оживает Сад. Она вообще не думала о Саде. Она думала о том, что когда-нибудь, возможно, она сможет привести сюда Риза. Как жаль, что мама с папой не будут жить вечно...

Джен спустилась еще на несколько ступенек. Последние из них были мокрыми. Огромная волна как раз откатывалась назад, а следующая, уже успевшая вздыбиться, но еще не успевшая закрутиться, еще маячила достаточно далеко. Джен присела на корточки. «Наверное, Риз сделает так», — подумала Джен, утопив ладонь в камне. Как же это здорово, что ее брат оказался способен на по-настоящему человеческие чувства! Джен вытащила руку, поднялась, задрала вверх голову. Теперь новая волна закрывала от Джен половину неба и готова была поглотить ее, не раздумывая. Джен не стала ждать, когда это произойдет. Она повернулась

и полетела над лестницей, не отрываясь высоко от ступенек.

– Итак, Старик уверен, что когда-нибудь Джен уйдет в океан, – сказал Дима.

– Да. И мне будет ее здорово не хватать, – с невероятной грустью добавил Рон.

В этот момент Дюшка уткнулся лицом в колени и разрыдался.

– Он часто так плачет? – спросил Рон.

– В общем, да, – ответил Дима.

– Подолгу?

– В среднем по тринадцать с половиной минут, я засекал.

– Вот бедолага. А с чего ты взял, что она уйдет?

– Просто однажды зайдет дальше, чем обычно. Ей станет интересно, как там. Я бы не пошел, мне бы духу не хватило. А она даже не задумается.

Рон Э-Ли-Ли-Доу представил себе эту картину: Джен сбегает по ступенькам, беззаботно взмахивает кудряшками, оглядывается, машет им рукой... Внезапно Рону пришла в голову одна идея:

– Как ты думаешь, Джен сможет справиться с Менсом?

– Вряд ли. И Старик будет против.

– Нет, я просто поражаюсь! Ты творишь невесть что с мальчишками, которые даже не подозревают о твоём существовании, и тебе не нужно на это особого разрешения. А использовать Джен по ее прямому назначению – она ведь уже закончила третий класс – ты просто так не мо-

жешь. Тебе, видите ли, требуется посоветоваться со старшими. Я показывал тебе, как она лечила Славика?

— Джен еще младенец, — возразил Дима. — Зря ты ее так гоняешь. У нее еще вечность впереди. Она успеет вырасти, если не уйдет в океан. А уйдет — тем более...

— А ты Дюшку чего гоняешь? У него-то уж точно впереди вечность.

— А Дюшке пора взрослеть. Срочно. Он должен успеть стать взрослым по крайней мере за несколько дней до того, как наступит конец света. Иначе — ну, какой из него ангел, Рон?

Дюшка поднялся, кое-как нацепил лыжи, вытер задубевшим рукавом нос. Пока вытирал нос, уронил в снег палку. Пока нагибался за палкой, отстегнулось крепление. Присел поправить крепление — громко пукнул. Рон и Дима дружно прыснули.

— А давай отправим его в цирк! — предложил Рон. — Будет клоуном.

— Главное, не забывать его кормить горохом перед каждым выступлением, — грустно вздохнув, добавил Дима.

Дюшка тяжело взбирался в гору, как лошадка, везущая хворосту воз. Темнокожий ангел пролетел вперед, проверяя его дорогу. Ангел со светлой кожей разравниал снег в ложине, где возились мальчишки, и улетел советоваться со Стариком относительно Джен. Земля хотела полностью погрузиться в темноту, но не могла: мутанты слишком любили искусствен-

но освещать свое достаточно бесцельное существование.

Когда появился Рон, Старк думал. Проблемы, стоящие перед ним, были не сравнимы ни с проблемами Рона, ни с проблемами Дюшки, Риза, Джен, Димы или со всеми их вместе взятыми проблемами. Ему надо было еще раз решить, имеет ли смысл еще раз оттягивать конец света на Земле-11, планете мутантов. Это решение зависело не только от него. Старк был одним из Экспертов, принимающих решения. Он не знал мнения других экспертов, да они ему и не были нужны. Каждый Эксперт принимал решение так, как будто его решение – единственное, как будто он один отвечает за все, что произойдет. Ни один Эксперт не имел права на ошибку. Совсем недавно вопрос о конце света был решен, и был решен положительно. Он мог наступить через секунду, мог оттянуться на столетие или более. Ангелы никогда никого не уничтожали. Но они могли помешать мутантам самоуничтожиться, а могли не вмешиваться. Последним, кто представлял для ангелов интерес на Земле, был Андрей Ключкин. Андрея Ключкина надо было успеть забрать. Всем остальным землянам предоставлялась возможность вести ту жизнь, которую они сами себе создали. Совсем недавно Риз Шортэндлонг еще укладывался в общую схему. Совсем недавно – да, но теперь – уже нет.

Старк понимал, что, как мутант четвертого порядка, Риз не может испытывать чувств, свойст-

венных людям и ангелам. Он не умеет сострадать, жалеть, любить. Но факт оставался фактом: то, что другие люди совершали под влиянием этих чувств, Риз сделал, подчиняясь неизвестно чему! Ни разум, ни логика не могли продиктовать Ризу выбранную им модель поведения. Шортэндлонг младший помог Дюшке, потому что «Дюшке. Было. Плохо». Что ж, подчиняясь логике, Риз мог понять, что Дюшке плохо. Он мог понять, но не броситься ему помогать, забыв о себе!

Тонкий луч, который видели Рон и Джен, не мог ввести Старка в заблуждение. Луч мог появиться случайно. Или не случайно – если только Риз научился видеть свечение, как ангелы, то еще хуже. Мутант четвертого порядка мог разглядеть свечение над Дюшкой, понять, по какому признаку ангелы определяют истинные человеческие чувства, а потом симитировать сходную реакцию.

Однозначную оценку поступку Риза Старк пока дать не мог. Возможно, следующий конец света имело смысл предотвратить. «Старику» было несколько тысяч лет. Он был одним из самых молодых Экспертов и по возрасту, и по духу.

Рону не пришлось задавать свой вопрос ни вслух, ни мысленно.

– Можно, – сказал Старк, как только нашел возможность оторваться от своих мыслей и обратить внимание на ангела со странным именем Э-Ли-Ли-Доу.

Итак, Джен можно разрешить заняться Менсом. С этим все просто. Но Рону показалось, что Старик недоволен тем, что натворил Дима.

— Я очень доволен, — возразил Старк. — Очень.

— Но ведь Дима Чахлык нарушил все правила! — подумал Рон. — Чем ты доволен?

Старк улыбнулся. Рон понял, что он должен сам ответить на свой вопрос. Ответ мог быть простым, сложным, неожиданным. Ответа вообще могло не существовать. Рон привык к тому, что Старик не задает простых задач, поэтому не стал ломать себе голову прямо сейчас, а оставил эту головоломку на потом.

— Позови Джен, — сказал Старк и опять отключился, ушел в себя.

Дом Старка был огромен и почти полностью материален, поскольку его хозяин предпочитал обычно находиться в классическом плотном состоянии. Рону нравилось в его доме: он чувствовал себя уютно и в строгом викторианском кресле в красном зале, и в настоящем индейском гамаке на веранде, и на татами в восточной части дома. Но Джен этот мир казался неестественным. Она никогда не была уверена в том, что правильно ведет себя в материальном мире. Кроме всего прочего, Джен нечасто бывала у Старика и даже не знала толком, как расположены основные помещения. Она пролетела анфиладу прихожих, не задерживаясь у водопадов, отделяющих эти прихожие друг от друга, повернула направо, где, по ее мнению, должна была находиться комната с качающимися сте-

нами. Рон пригласил ее именно в эту комнату. Но комнаты на месте не оказалось. Вместо этого Джен попала в знаменитую библиотеку Омеги, в которой находились сокровища Софьи Палеолог, вывезенные ею из Византии, чернокнижное собрание Ивана Грозного, бесценные сокровища древних инков и прочая, и прочая. И это только с нашей родной Земли, не говоря уже об остальных. Ровные ряды специальным образом оборудованных стеллажей хранили точные копии абсолютно всех исторических реликвий. На торцах стеллажей были надписи о содержимом полок. Все это было очень интересно, но сейчас ее ждал сам Старик, и задерживаться было недопустимо.

— Рон, я заблудилась! — виноватым голосом передала Джен. — Я каким-то образом попала в библиотеку. Как мне выбраться?

— Ты пролетела дальше, чем нужно, и к тому же находишься этажом выше. Не стоит летать в этом доме. Выйди, вернись назад, спустись на один этаж по центральной лестнице — ее ни с чем не спутаешь — и пройди вперед, во вторую дверь. Она открыта, ты сразу нас найдешь.

«Зачем возвращаться назад, чтобы потом опять идти вперед?» — подумала Джен и спустилась этажом ниже, проскользнув сквозь пол. Джен не учла того, что потолки в библиотеке были вдвое выше, чем в обычных комнатах дома. Один этаж древнейшего книгохранилища соответствовал двум обычным этажам. Если

бы Джен, руководствуясь указаниями Э-Ли-Ли-Доу, спустилась вниз по центральной лестнице, она попала бы именно туда, куда надо. Но, поступив по собственному разумению, она очутилась в подвальной части библиотеки. Джен почувствовала себя полной дурой. Ей было стыдно еще раз звать на помощь. Она решила вернуться обратно тем же путем, как попала сюда, а затем пройти в качающуюся комнату так, как ей продиктовал Рон. Джен еще раз поднялась к потолку, но, прежде чем проскочить его, она бросила взгляд на один из стеллажей и не поверила своим глазам. Надпись на нем гласила: «История развития Западной Европы. Нереализованные варианты. Тома 2015–4145». Успешно поборов искушение облететь хотя бы этот зал, Джен вернулась в верхнюю часть библиотеки, нашла центральную лестницу и через несколько секунд уже стояла в нужном месте.

Старк отвлекся от своих мыслей и с любопытством уставился на Джен. Девушка не слышала его, как Рон, ведь она была еще совсем молоденьким ангелом и многого не умела. Поэтому она просто стояла и молчала, не представляя, для чего она вдруг понадобилась.

– Лошади еще теплые? – спросил Старк.

– Да, – рассеянно ответила Джен.

Она ожидала любого вопроса, но меньше всего – этого. Старк смотрел ей в глаза и молчал. Джен решила, что ей надо еще что-то сказать.

– Я там ничего не трогаю.

– А почему?

Этот вопрос вообще застал Джен врасплох. Она и сама не знала, почему она ничего не трогает.

– Я... боюсь разрушить... то, что там...

– Там уже все разрушено.

– Нет! Я не верю в это! То есть я не могу в это поверить. Пока. Пока не могу.

– Пока в нижний зал библиотеки не ходи, – сказал Старк, оставляя тему погибшего Сада. – Ты хочешь работать с Менсом?

– Я не знаю Менса, – растерялась Джен. – И у меня еще Риз. Его точно можно будет сюда забрать?

– Сюда – нет. Но его внесли в картотеку, у него есть реальный шанс, и ты ему больше не помогаешь. Для его же блага. Ты не будешь ему ни помогать, ни подсказывать ни при каких обстоятельствах. Да?

Джен подумала о том, как сложно будет ей выполнить это условие. Нет, специально она ему помогать, конечно, не будет. Но ведь никогда не предугадаешь наперед, что может произойти по чистой случайности. Можно было бы совсем перестать видеть Риза, но что делать, если он сам ее позовет? Прошло достаточно много времени, прежде чем Джен едва заметно кивнула головой в знак согласия.

– Теперь о Менсе, – продолжил Старк. – Слушай внимательно.

Информационными шариками Старк не воспользовался. Поток информации хлынул в голову Джен без всякого предупреждения. Если до этого момента стены в комнате слегка покачива-

лись, то сейчас они просто полетели кувырком. От сильного переутомления людей обычно начинается мутить. А ангелы теряют ощущение пространства и растекаются по нему, изменяя свои очертания. Как ни старалась Джен справиться с собой, ей это не удалось.

– Ничего, бывает! – успокоил ее Старк, когда она кое-как собрала себя обратно. – Не переживай, это я виноват. Ты еще научишься, всему свое время.

Джен кивнула. Она все-таки чувствовала себя виноватой.

– Я передам информацию Рону, а вы с ним потом поработаете в спокойной обстановке.

Джен опять кивнула. Старк убедился, что она в порядке, и повернулся к Э-Ли-Ли-Доу. Они смотрели друг на друга примерно минуту.

– Еще по Сильвии, – попросил Рон. – И дополнительные дисциплины, которые Фредерико изучал самостоятельно.

Эта процедура заняла еще несколько секунд. Теперь вся информация была передана.

– Ты изменишь будущее? – спросил Рон напоследок.

Старк неопределенно пожал плечами. Ангелы ни во что обычно не вмешиваются. Но если на то есть веские основания...

Дома у Джен началась легкая ангельская истерика. Рон ждал, пока она успокоится, и пытался понять, почему Дима Чахлык поступил правильно, поступив так, как ни в коем случае поступать было нельзя.

Глава 8

В ЧУЖОЙ ШКУРЕ

Ризенгри Шортэндлонг много раз бывал в гостях у своего друга. Он отлично знал расположение комнат, коридоров и подсобных помещений. Несколько раз они с Дюшкой даже вместе плавали в их замечательном бассейне на минус первом этаже. Сколько раз он мечтал оказаться на месте Дюшки, чтобы все это богатство в одночасье стало его собственностью и ему не нужно было скрывать, что он может шнырять сквозь стены! И вот он подходил к этому дому, практически как хозяин, но...

«Но как же я открою дверь?» – подумал Риз. Чтобы замок открылся, требовалось приложить любой палец к фиолетовой пластинке, и если рисунок линий на пальце совпадал с одним из тех, которые были в памяти компьютера, механизм срабатывал. Перевоплощаясь в Дюшку, Ризи совершенно забыл о существовании этих замков! Что ж, видимо, придется содрать себе кожу с ладоней, позвонить, сказать, что свалился с трамплина, а потом ввести в комп новые данные. Ничего себе задачка, если учесть, что дом начинен видеокамерами! Ризенгри наудачу ткнул пальцем в пластинку. Дверь открылась. Это должно было удивить мальчика, но у него был такой трудный день и столько еще сложностей ждало его впереди, что он не обратил на это внимания. Просто вошел – и все.

Лыжи, так же, как и все остальное, Дюшка обычно бросал прямо в холле, сразу, как только входил. И, не снимая обуви, топал на кухню, чтобы попить. Об этой манере друга Риз помнил и без специального предупреждения. Холл Ключкиных был отделан в изумительных светло-салатовых тонах, причем пол и потолок мастера покрыли тончайшей работы паласом с длинным ворсом, который умиротворенно колыхался от малейшего движения воздуха. Изначально предполагалось превратить потолок в один сплошной матовый светильник, но затем от этой идеи отказались ради Дюшкиных сестренек: они обожали играть именно на потолке, невзирая на все запреты родителей. Сейчас посреди холла валялась любимая кукла одной из близняшек. Над ее обычно пышной шевелюрой, похоже, кто-то основательно потрудились.

— Ма! Я пришел! — завопил Риз, мимоходом удивился тому, насколько точно ему удалось скопировать Дюшкин голос, и потопал на кухню.

На кухне сидела одна из сестренек и задумчиво размазывала по столу клубничный джем. Орудовала она всей ладонью, периодически ею же поправляя выбивающиеся из косички прядки волос.

— Если ты скажешь маме, что это сделала Муська, а не я, — рассудительно проговорила девочка, — то я расскажу тебе, какой тебя ждет сюрприз в твоей комнате!

И Апреля хитро подмигнула Ризу. Апрелю полагалось называть Алей или Апой-Косолапой, в зависимости от обстоятельств и настроения. Для первого раза Риз решил выбрать безличную форму обращения.

— А если я расскажу тебе, что сейчас делает Муська с твоими игрушками, то ты не будешь просить меня рассказывать маме...

— Мама! Марта портит мои игрушки! — завопила Аля и бросилась в детскую, на ходу вытирая руки об собственные шортики.

Глядя на стол, Риз подумал, что было бы хорошо включить уборщика, но вот занимается ли Дюшка дома уборкой? На всякий случай он не стал проявлять инициативу, а откупорил себе банку томатного сока и уселся на любимое Дюшкино место. Из детской раздался нечеловеческий вопль, и что-то грохнуло. Похоже, между сестренками намечалась серьезная разборка. В принципе Ризу это было на руку. Пока суд да дело, можно успеть спокойно оглядеться, выяснить, где лежат ложки, тарелки, салфетки и прочие мелочи, на которых можно проколоться. Риз поставил наполовину опорожненную банку на стол и открыл первый шкафчик.

— Ну наконец-то!

На кухню вошла тетя Таня, Дюшкина мама. Ризенгри быстро закрыл шкаф и оглянулся.

— Ты даже браслетку не взял! Я не знала, что и подумать! Ты же обещал сегодня зайти в мастерскую к деду до пяти вечера!

Риз не имел ни малейшего понятия, где находится мастерская и кто такой «дед». Он знал, что у Дюшки есть еще одна бабушка, которая живет в другом городе, но про дедушку он не слышал ни разу. Ну, Клюшка, ну, скрытник! Может быть, дед – это чья-то кличка?

– А который сейчас час? – спросил Риз, сообразив, что раз Дюшка ставит будильник, чтобы проснуться, значит, у него не развито чувство времени, и он вполне мог бы задать такой вопрос. На самом деле пяти еще не было, но если соврать, что замерз, то вопрос с дедом отложится по крайней мере до завтра.

– Тебе даже лень повернуть голову, чтобы узнать который час! – возмутилась мама.

«Еще бы знать, в какую сторону поворачивать голову: влево или вправо?» – подумал Риз, но в этот момент мама, наконец, заметила безобразие, которое творилось на столе. Одновременно с этим она обратила внимание на банку с томатным соком, стоящую около ее сына.

– Я просто не узнаю тебя сегодня! – воскликнула тетя Таня. – Компьютер с собой не взял, про деда забыл, шатался невесть где чуть ли не до темноты. Пришел, даже не включил «Карлсона»!

Она выдвинула из-под столешницы около мойки панельку с кнопками и набрала команду. Универсальная кухномоечная машина активизировалась и принялась за очистку стола от джема. Машина представляла собой портативный

механизм округлой формы, оснащенный пропеллером для перелета с места на место. То ли Ключкины приобрели «Карлсона» не так давно, то ли Риз просто раньше не попадал на кухню своего друга во время уборки. А он-то считал, что уборщик – это конструкция около духовки, которая включается вон той синей кнопкой на пульте!¹ У Риза дома вообще не было уборщика. Половину всех доходов семьи отец вкладывал в постройку дома в Гавстралии. В этот дом они должны были перебраться в случае какой-либо неприятности с Ризом.

– И еще. Почему ты опять пил папин сублимированный сок с добавками стронция? Тебе скоро двенадцать лет, а ума – на год с четвертью. Когда-нибудь ты сведешь меня в могилу своим поведением!

Вот теперь Ризенгри точно знал, что ему делать! Как только тетя Таня заводила свой любимый разговор о гробах с музыкой, Дюшка подходил к ней сзади, тыкался в плечо подбородком и ворковал всякие глупости. Это был проверенный временем беспроегрышный ход для достижения мира в любой ситуации.

– Ну мамуленька, ну золотуленька, – завел Дюшкину пластинку Риз Шортэндлонг, обнимая совершенно постороннюю ему женщину и чувствуя себя круглым идиотом.

¹ Не забудь наполнить деталями, подробностями и прочими штуками мир, соавтором которого ты хочешь стать. Не торопись делать это прямо сейчас! Сначала дочитай книжку до последней странички.

– Ты мог замерзнуть, – уже совсем другим тоном сказала тетя Таня. – Целый день на холоде. Представляю, как ты устал.

Ризи действительно был не прочь отдохнуть. Все-таки не каждый день приходится заниматься пересадкой датчиков! Ему ужасно хотелось нырнуть в бассейн, подтянуться пару десятков раз на кольцах или хотя бы просто постоять немного на голове. Но Дюшка Ключкин никогда не отдыхал подобным образом. Поэтому, следуя полученным час назад инструкциям, Ризенгри Шортэндлонг покорно погрузился в лимонную ванну с минеральной водой такой высокой температуры, в которой, с его точки зрения, можно было запросто свариться любому немутанту.

Честно провалявшись в этом кошмаре около часа и иззевавшись окончательно, Риз отправился ужинать. Искать вилки с ложками, к счастью, не пришлось – его ждал полностью сервированный стол в лучшем виде, вот только продукты были все сплошь натуральные и поэтому совсем не такие вкусные, как те, к которым привык Ризи. Впрочем, это было не самое страшное. Страшное было впереди. Наверху, в его комнате, на столе стояла большая плетеная корзина с сюрпризом, о котором ему сказала Апреля. Этим сюрпризом оказался Рыжий Тафанаил. Рядом с корзиной находилась коробочка с набором бантиков для игры с котенком и открыткой от Вари.

Варя писала, что она присылает котенка Дюшке в качестве подарка, а еще потому, что ее мама

не разрешает ей держать дома котенка, а Дюшкина мама совсем не против. Еще Варя писала, что она придет завтра специально, чтобы поиграть с Тафом, только сначала, разумеется, позвонит. Открытка была изрисована цветочками, сердечками и пухлыми ангелочками со стрелами. Ангелочки напоминали поросят, а стрелы — орудия пыток. Риз с ужасом подумал о том, что ему теперь придется целоваться с Ворониной, провожать ее домой и всякое такое. Он покрутил в руках открытку и заглянул в корзинку.

Котенок спокойно спал, свернувшись калачиком. Он совершенно не был похож ни на одно животное, какое когда-либо приходилось видеть Ризу. Эта тварь действительно была настоящая, а не искусственная! Риз аккуратно приподнял Тафа за лапу, вытащил из корзины и стал рассматривать. Никаких устройств видно не было: те, кто придумали хитроумные Дюшкины датчики, и на сей раз сработали идеально. Котенок издавал отвратительные душераздирающие звуки, и Риз решил сунуть его обратно в корзину в надежде, что он утомится и опять уснет.

Однако котенок и не думал сидеть в корзине, и тем более спать. Он тут же выпрыгнул на стол,лизал лапу, сунул нос в коробку с бантиками, но играть с ними не стал. Потом подошел к краю стола, посмотрел вниз, но не спрыгнул, а принялся опять издавать ужасные звуки. Правда, теперь он орал потише. В принципе это существо отдаленно напоминало обыкновенного царапа-завра, только не разговаривало, не усыплялось

по желанию хозяина и вообще вело себя как-то неестественно. В поступках котенка должна была быть определенная логика, но Риз не мог ее уловить. Поэтому Рыжий Тафанаил ему совершенно не понравился.

Основной монитор, на который выводилась картинка с объекта Мяу, находился в 114-й комнате «Корпуса Клетки» Института биофизики, самого главного подразделения СУМАСОЙТИ. Техническую работу всей конструкции обеспечивал Лермонтов, обработкой данных занимался Лап. Мысль подбросить Дюшке котенка принадлежала лично Игорю Лапундровичу. Эта гениальная идея возникла у него в процессе написания научной статьи с кошмарным названием «Исследование кинематографических пристрастий немутантов на примере особи мужского пола одиннадцати лет». В этой статье Лап проанализировал, какие фильмы посмотрел Дюшка за всю жизнь. А еще он подсчитал, какие из них вызвали у него наиболее «интенсивную реакцию». А какие из них он выразил желание посмотреть еще раз.

Лап установил, что Дюшка абсолютно равнодушно относился к боевикам, ненавидел ужастики, с удовольствием смотрел фантастику, если в ней шла речь о превращении обычных людей в неважно-что-и-каким-образом, но больше всего любил исторические фильмы и фильмы про животных. Даже если это были совсем старые, двухмерные ленты, Дюшка все равно их просматривал полностью, а иногда даже плакал. Особенно заби-

рал Ключкина трогательный старинный фильм о дружбе полицейского и собаки. Собака – это был идеальный вариант во всем, кроме одного: Дюшка не стал бы устраивать ей место в своей комнате. Скорее всего он поселил бы ее в специальной будке вне дома. Такой расклад ученых не устраивал. Так вместо собаки появился Тафанаил.

Первая реакция объекта Клю на объект Мяу полностью соответствовала той, которую предсказал Лап. Объект Клю даже перестарался, проявив повышенную заботу по извлечению «блохи». Поэтому Лап с полным на то основанием ожидал, что, получив котенка в подарок от Вари, Дюшка искренне обрадуется и, отложив все свои дела, начнет с ним возиться. Эксперимент с Тафом был, по сути, завершающим экспериментом в работе Лапа над Клю. Описав полученные результаты и сделав соответствующие выводы, Игорь Лапундрович мог смело защищать докторскую диссертацию в ближайшее же время. Поэтому, несмотря на бессонную ночь, трудный день (он буквально не отходил от Лермонтова, пока тот налаживал аппаратуру), праздники и к тому же вечернее время, Лап торчал в 114-й комнате с очередной, чуть ли не сотой за сегодня, кружкой кофе.

Вот сейчас Дюшка бросится к своему сокровищу, прижмет его к груди, наверное, расплачется. Потом он начнет с ним разговаривать, жалуюсь на черствых и бездушных окружающих. Расскажет о Варе, о том, как он мечтает стать мутантом. Он будет его купать, кормить, сушить

феном, чухать за ушком. Потом они отправятся спать, и Ключкин возьмет его к себе под одеяло. В крайнем случае перенесет корзинку поближе к кровати. Тогда будущий доктор наук Лап поставит точку в отчете о проделанной работе и отправится, наконец, спать. А завтра он допишет последнюю главу и...

Его мысли прервал скрип – кто-то открывал корзинку с котенком. Внезапно раздалось жуткое мяуканье, и на экране появилось изображение Дюшкиной комнаты вверх ногами. Видимо, котенок отчаянно мотал головой и изворачивался, так как перевернутые стены комнаты качались и дергались. Будущий доктор наук смотрел на монитор и не верил своим глазам: Андрей Ключкин держал Рыжего Тафанаила вниз головой за заднюю лапу двумя пальцами и внимательно осматривал. Лицо мальчика при этом не выражало ни малейшего удовольствия. Лап посмотрел на Лермонтова: не заметил ли тот странного поведения Дюшки. Но Джереми ничего не заметил. Более того, он бросил взгляд на монитор и удовлетворенно заявил:

– Отлично работает камера. Изображение идеальное. Насколько я знаю, с котятами не всегда возятся, опрокидывая их вниз. Впрочем, если он даже будет играть, бросая свое чад со второго этажа, камера выдержит.

Вопрос о том, выдержит ли полеты со второго этажа котенок, просто не пришел Джереми в голову.

Лап сидел у экрана до глубокой ночи и думал, что же ему теперь делать. Дюшка не потратил на

Рыжего Тафанаила ни одной лишней секунды. Он даже не повернул головы, когда несчастное создание свалилось со стола на пол. Объект Ключ, опустив котенка обратно в корзину, походил немного по комнате, открывая и закрывая отделения для одежды, затем порылся в своем столе, достал из кармана какую-то бумажку и уткнулся в компьютер. От компьютера отрывался дважды: один раз, когда позвонила мать его друга Веньки Бесова, с которым они сегодня весь день катались на лыжах под присмотром директора, и второй раз, чтобы зайти в туалет. В половине первого ночи он выключил свет, включил будильник, привычным движением швырнул пульт от будильника в стенку около изголовья своей кровати и завалился спать. Заснул как обычно, на животе, голова набок. Котенок поспонялся по комнате в поисках съестного и, так ничего не отыскав, тоже заснул. Не в хозяйской кровати, не в собственной корзине – на полу в углу комнаты.

Лапу стало не по себе. Он скачал из дежурки данные с датчиков Дюшки за последние шесть часов. Все до единого показатели были в полном порядке. Он проверил, что делал Ключкин на компьютере – ничего интересного, читал свой собственный дневник. Тогда он внимательнейшим образом прослушал разговор Дюшки по телефону. Мама Бесова звонила не просто так. Ее сын собирался уехать в Скотландию, и она устраивала ужин, на который хотела пригласить Дюшку. Лап не сомневался в том, что Дюшка по-

бежит к Бесовым, не мешкая ни минуты. Но Ключкин вежливо отказался. Правда, он тут же подошел к компьютеру и перевел на кредитную карточку матери Веньки Бесова очень крупную сумму денег из своих личных сбережений – на подарок другу, – но в гости не пошел. Вернулся к своему дневнику и продолжил чтение как ни в чем не бывало. Лап разнервничался.

Основная идея докторской диссертации Игоря Лапундровича заключалась в том, что немутанты – слабые, не умеющие владеть собой существа, склонные к переживаниям по пустякам, нуждающиеся в поддержке и опеке и не представляющие себе жизни без друзей. В качестве поддержки и опоры Дюшки Лап рассматривал сотрудников СОСИСки, родителей и учителей, в качестве друзей – Веньку, Варю и Рыжего Тафанаила. Странное поведение Андрея Ключкина сегодня вечером решительно перечеркивало честолубивые планы Игоря Лапундровича. Брошенный Тафанаил сиротливо спал на холодном полу, Варина открытка валялась в корзине для мусора, а с лучшим другом Венькой Дюшка не захотел попрощаться даже по телефону. Теперь у Лапа было два пути: или продолжить исследования, отложив защиту на совершенно неопределенный срок, или интерпретировать факты в свою пользу. Выкурив три сигареты подряд, он решил остановиться на втором варианте.

Риз не напрасно прочел дневник своего друга. К счастью, Дюшка достаточно подробно описы-

вал некоторые ситуации, которые могли бы пригодиться для вхождения в его образ. Например, из дневника Риз узнал, что дед – это самый настоящий дедушка Дюшки со стороны матери, которого зовут Славик Тихонович. Просто в разговорах Дюшка всегда называл его Славиком, и никогда – дедом. Судя по записям, дед был неординарной личностью с энциклопедическими знаниями, разбирался в старинных чертежах, с удовольствием играл с Дюшкой в футбол, никогда не подходил к телефонам с экранами, хотя обладал очень привлекательной внешностью. Но где живет дед, который Славик, Ризенгри так и не выяснил.

Оказалось, что у Дюшки есть и секретное хобби, о котором он никогда не рассказывал в школе. Хобби это было связано с какими-то камнями, с которыми Дюшка возился исключительно в доме Славика. Правда, что именно Дюшка делал, так и осталось пока загадкой.

Ценные сведения почерпнул Ризенгри и о взаимоотношениях Ключкина с котенком. Риз понял, что вел себя неправильно: как истинный Дюшка, он должен был обратить больше внимания на этого рыжего придурка. Риз дал себе слово, что будет тратить на Тафанаила не меньше часа в день (ничего не поделаешь, это вынужденная мера) и постарается немного поплакать завтра вечером, запершись в ванной комнате.

Некоторые мысли Дюшки Риза очень удивили. Слишком много в своем друге он вообще не мог

понять. Основное, что Ризу было непонятно: почему Дюшка постоянно так сильно переживал из-за любой ерунды? Он страдал даже в тех ситуациях, когда любой другой на его месте просто прыгал бы от восторга! Например, первого сентября Ключка написал: «Папа подарил мне новый ранец. Его можно запрограммировать на поиск любого предмета, который в него положишь. Он умеет пищать, если его открывает кто-то посторонний. Он жутко красивый. Бес наверняка иззавидуется. Теперь мой старый портфель мама выбросит, потому что я катался на нем с горки в прошлом году, и он истрепался. Если бы я знал, что мне купят новый, я бы не стал кататься с горки и портить старый». Смысл последнего предложения до Ризенгри так и не дошел.

Риз лежал в теплой и мягкой до безобразия Дюшкиной постели и думал о деталях, которые могут его выдать. Он думал о датчиках, о школе, о Варе, о том, как вычислить местожительство деда и как подделать стиль записей в дневнике. Потом он переключился на Дюшку.

Глава 9

МОРЩНО И РИЗНО

Оно не помнило, как его звали.

Оно не знало, существовало ли раньше, и если да, то где, когда и в каком виде.

Оно обладало разумом, но не знало, что это — разум.

Оно не испытывало никаких проблем и никакого негатива. Скорее наоборот.

Если бы ему сказали, что оно только что было частицей ангела-эксперта, оно бы не удивилось сразу по двум причинам. Первая — оно не умело удивляться. Второе — оно бы ничего не поняло.

Оно могло думать и размышлять. Но у предметов вокруг осталось слишком мало имен и качеств. Ведь чтобы размышлять, нужно знать слова и что они значат. Иначе получаются не мысли, а бессвязные обрывки, бред. У него получался примерно такой бред... Итак, оно почти не умело размышлять. Однако кое-что оно осознавало.

Во-первых, оно осознавало, что не всегда находилось тут. Где-то в другом месте были его части или другие, такие же, как оно.

Во-вторых, оно было уверено в том, что рано или поздно во всем разберется.

В-третьих, оно считало себя почти всемогущим. Хотя ни слово «почти», ни слово «всемогущий» ему ни о чем не говорили.

Вокруг было... морщно. Да, наверное, так — морщно. Это было удачно придуманное новое слово. Оно придумало его само, только что! Йа-у! На самом деле вокруг было просто кисло, потому что кровяные клетки, извлеченные из черепашки, были погружены кем-то в посудину, залитую кислой средой. От этого оболочки кле-

ток сморщились, как от щекотки, пошли складками.

Оно не знало, что попало в клетку. Просто сначала вокруг были красно-белесые, округлой формы штуки, а потом они изменились и потеряли цвет. Слов «красный», «форма» и «цвет» оно не знало. Но где-то внутри подобралось слово «морщно» – просто как отражение того, что происходит вокруг. «Морщно» – была первая осознанная мысль, появившаяся в... В чем? В чем может появиться мысль, если нет мозга? Частичка ангела Старка, угодившая в кровавую клетку черепашки, была так мала, она так была далека сейчас от всех остальных его частей, что можно было считать, что ее и вовсе не существует!

Частичке ангела Старка, помещенной в Ризенгри, было куда комфортнее. Ведь она не была частичкой, она была самим Старком. Нет, не совсем так. Теперь эта частичка была одновременно и Старком, и Ризенгри Шортэндлонгом. Состояние было непривычное: Старку еще ни разу не приходилось помещать себя в супермутанта. «А тут в Ризи, необычно! – подумал Старк. – Я бы сказал – ризно!» Старк улыбнулся. Он любил придумывать подобные словечки и почти тут же их забывать. Йа-у!

Риз лежал в теплой и мягкой до безобразия Дюшкиной постели и думал о деталях, которые могут его выдать. Он думал о датчиках, о школе, о Варе, о том, как вычислить местожительство

деда и как подделать стиль записей в дневнике. Потом он переключился на Дюшку. Ризу было очень интересно, удалось ли Ключке уговорить его родителей не предпринимать никаких действий? Решил, что при первой же возможности разузнает, как дела у Ключки, и, если что, сбежит и отправится вместе с ним в Африку. Это будет классное приключение! Это будет то, что надо. А Джен? Она все-таки обиделась. Обещала помогать – и не помогла. Нет, нельзя надеяться на ангелов. Вообще ни на кого, кроме себя, нельзя надеяться. Вот Дюшка. Он вроде ничего парень. А прожил всю жизнь в доме и не обнаружил ни одной камеры! Риз сегодня за один вечер нашел миниатюрный глазок в прихожей и еще один в центре часов в одной из его верхних комнат. Дурак Дюшка! Нет, не дурак. Просто ему надо стать мутантом. Если Дюшке удастся стать таким же мутантом, как он, Риз, то это будет здорово! Они будут шататься по всему миру и такое творить! Ризенгри расслабился и чуть было не провалился сквозь матрас, но вовремя опомнился.

«А что именно можно сотворить?» – вдруг подумалось Ризу. Ну, для начала можно поиграть «в песочек». Это была любимая игра Риза, когда он был совсем малышом. Из-за этого их семья поменяла восемь городов, когда он был еще в ясельном возрасте. Но ощущения классные. Зарываешься в песок и чувствуешь, как он просачивается сквозь тело. Верхние слои всегда более теплые и рыхлые. Чем ниже, тем холоднее. Еще есть одна хитрость: зарываться надо не вертикально

вниз, а наискось, толчками. Обычно народ начинает орать и разбегаться, когда проваливаешься по колени. Дюшке сто про понравится.

«А что потом?» Потом можно поиграть «в доставалки». Эту игру Ризи придумал тоже давно, кажется, еще до школы. Только играть в нее одному не очень здорово, а больше было не с кем. Суть игры проста. Ноги стоят на месте, а руками нужно дотянуться до предмета, который находится дальше, чем ты можешь достать, просто вытянув руку. Кстати, если играть вдвоем, то можно изменить правила...

«А кроме игр?» Конечно, путешествовать! И не просто путешествовать, а проникать туда, куда обычным туристам нет прохода. Вот, например...

«А если у Дюшки не получится стать мутантом?» Риз попытался отмахнуться от этой мысли и уйти в мечты о грядущих путешествиях. Но мысль не отвязывалась. Как будто ее вталкивали со стороны. Может быть, в один из Дюшкиных датчиков был вшит передатчик мыслей?

«Нет, это не датчик», – возник ответ в мозгу у Риза, и он подумал, что вот так, наверное, обычно и сходят с ума. Сначала слышат посторонние голоса, затем, наверное, начинаются галлюцинации.

«Тебе не страшно?» – спросил кто-то, обладающий способностью разговаривать мысленно. Но супермутант Ризенгри не понял вопроса. Ему ни разу в жизни не было страшно. Он только

знал, как это выглядит со стороны, когда кому-то страшно. Вот Дюшке часто бывало страшно. Ризу хотелось, чтобы ему было хотя бы иногда страшно. Нет, ну действительно интересно: страшно – это как? В принципе Дюшка пытался ему объяснить. Кстати, надо попробовать чего-нибудь испугаться, находясь в Дюшкином теле. А что, это идея. Завтра же первым делом надо будет попробовать.

«Что ты будешь делать, если у Дюшки не получится стать мутантом?» – перебил Ризенгри тот, кто без разрешения влез в его мысли. *«Вступлю в общество любителей хорового пения и научусь рисовать картины маслом!»* – мысленно ответил сам себе Риз и тут же решил просто-напросто игнорировать все не свои, посторонние мысли. Или свои? Риз уже знал, какие бывают ощущения, если кто-то забирается в голову. Ведь недавно его сканировали. Но сейчас было совсем не так. Никакого вмешательства извне он не замечал. Значит, он разговаривает сам с собой. Этого еще не хватало! Риз твердо решил не думать больше о Дюшке, а решить, чего именно он завтра попробует испугаться. Например, можно прыгнуть со второго этажа, не выходя из Дюшкиного тела и не используя никаких своих дополнительных способностей.

«Дюшка не станет мутантом!» – звенело в голове Риза, но он подавлял этот звон всеми силами и никак не реагировал. Или нет. Лучше проколоть себе палец булавкой, не отключая никакие отделы мозга. Да, не отключая – это круто. Или...

«Если не хочешь общаться заочно, можем встретиться», – предложил голос. «Где?» – сразу отреагировал Риз, хотя только что твердо решил не разговаривать сам с собой.

«В доме деда. Славика Тихоновича». – «Можно подумать, я знаю, где он живет!» – «Левая Набережная, 12. Замок среагирует на твою руку, так что не звони. К двум часам будь на месте».

«Ну вот, я и сошел с ума, с чем себя и поздравляю», – подумал Ризи и тут же заснул.

Старк выскользнул из мальчика и воссоединил частичку себя с самим собой. С Ризи почти все было ясно. Ради чистоты эксперимента Старк решил довести начатое дело до конца, но это не было проблемой.

Теперь надо было вернуть частички, оставленные в водорослях и в черепашке.

Старк потерял связь с собой-водорослью, как только водоросль исчезла. То же самое произошло с собой-клеткой. Как только черепашка погибла, частица Старка просто исчезла. Это было ненормально. Так не должно было произойти! Старк был очень опытным ангелом для того, чтобы просто так терять свои части, где попало. Новорожденный человек-младенец понятия не имеет, где его рука или нога. Но уже трехлетний ребенок никак не может «потерять» свою руку или запутаться и не знать, что делает его левая нога. Ангелы в этом смысле не так уж сильно отличаются от трехлеток!

Однако факт оставался фактом: две частицы попросту исчезли. Старк пожал плечами, отмотал время назад и вернулся за своими частичками в прошлое. В те моменты своей жизни, когда эти частички еще были с ним.

В прошлом частиц не оказалось!

Старк нахмурился, соскользнул по времени еще дальше в прошлое...

Еще раз.

Просто надо повторить все еще раз — с начала.

Еще раз Старк опустился на законсервированную планету, жизнь на которой задержалась на стадии многоклеточных водорослей. Планета была небольшая, скучная, сильно зараженная токсичными газами, принесенными крупным метеоритом. От этих газов когда-то давно и погибли все местные водоросли. Оранжевый кислотный закат густым покрывалом лежал на далеких холмах, обступивших бывшее неглубокое море. Старк приземлился на высохшее морское дно, покрытое толстым слоем потемневших спутанных веревок, в которые превратились водоросли, и пошел к знакомому месту.

Одновременно с этим далеко отсюда сотая черепашка, лежащая на ладони Старка, вытянула лапки, вздрогнула и замерла неподвижно. Все повторялось: в какой-то момент часть кровяных клеток животных взрывались, словно их кто-то помещал в микроволновку с мощным излучением.

Все повторялось, не повторялось только одно: на этот раз в Старке было на две частички меньше. Время вернулось назад, но мир назад вернулся не полностью. Это было невероятно!

Во Вселенной есть места, где все кончается, где все исчезает. Чаще всего эти места похожи на гигантские Черные Дыры — массы такой плотности, что даже лучи света не могут пронестись мимо — притягиваются, проваливаются навсегда в черноту. Иногда эти места похожи на гигантские Медленные Океаны. Возле таких можно даже прогуливаться, ничего не произойдет, но прикоснешься — и тебя словно и не было. Очень редко (всего три места таких и известно) эти места напоминают гигантские Рассеивающие Пустыни. По такой пустыне можно брести, и вроде ничего с тобой не происходит. Ты распадаешься, превращаешься в пыль постепенно...

Но чтобы такое место возникло внутри маленькой черепашки? Среди обычных примитивных водорослей на спокойной планетке? Нет, это что-то новенькое!

Старка охватил азарт исследователя.

Он дошел до нужного куска дна и поместил еще раз частичку себя в нужную водоросль.

Одновременно с этим он взял в руки черепашку, ту самую, в которую уже перемещался, и еще раз проник в одну из ее клеток.

Старк проверил связь с обеими частичками. Все было в полном, наиполнейшем порядке. Один и тот же ангел-эксперт был на планете с во-

дорослями, был самой водорослью, был на планете с черепашками, был одной из клеток черепашки и качался в любимом гамаке над пропастью. Он оставался при этом одним, цельным существом. Это было абсолютно нормальное явление для таких, как Старк.

Сначала бесследно исчезла та часть Старка, которая была помещена в водоросль.

Потом та, которая была в черепашке. Это явление было для таких, как Старк, абсолютно ненормальным!

И все повторилось.

Новое оно не помнило, как его звали.

Новое оно не знало, существовало ли раньше и, если да, то где и в каком виде.

Это оно также обладало разумом, но не знало, что это — разум.

Если бы ему сказали, что оно только что было уже второй по счету частицей ангела-эксперта, которая исчезла в черепашке, оно бы не удивилось...

Вокруг было... морщно. Да, наверное, так — морщно. Вокруг было полно таких же сморщенных существ, как оно, но они были чужими и примитивными. Оно их видело, хотя непонятно чем, ведь глаз у него не было¹. Одно из этих сморщенных существ было им самим. Но они по-

¹ Только не спрашивайте, чем все-таки оно видело! А если у вас на этот счет найдутся какие-либо приличные предположения, то... То тогда запишите их в тетраточку, пожалуйста. Чтобы не забыть.

ка не узнавали друг друга, и до их встречи было еще очень далеко.

Неожиданно стало темно и очень, очень, просто ужасно холодно. Контейнер с клетками кто-то поместил в морозильник. Две частички Старка замораживались бок о бок друг с другом, не подозревая об этом. Им не было холодно – они не воспринимали холод как холод.

Глава 10

ДЮШКА

К моменту, когда достаточно стемнело, чтобы можно было безбоязненно вылезти из укрытия, Дюшка Ключкин замерз окончательно. Он пробовал прыгать, приседать, махать руками и дышать по системе йогов, но все было бесполезно. Тогда он сел на снег и подумал, что, может, ему лучше никуда не ходить, а замерзнуть прямо тут. Его занесет снегом, а потом придут дикие елки – не те, которые водят новогодние хороводы, а настоящие, хищные, – и оставят от Дюшки одни ножки, потому что рожек у Дюшки никогда не было. Еще утром побег в Африку представлялся довольно легко исполнимым приключением, которое долгими бессонными ночами Ключкин продумал до мельчайших подробностей.

Дюшка планировал так. Завтра с утра он собирает рюкзак, берет лыжи и объявляет домашним, что идет кататься до вечера. А сам бросает

лыжи в укромном, присмотренном заранее месте, снимает с карточки деньги, тут же, в банке, покупает билет на самолет (после десяти лет дети могут летать самостоятельно) и едет в «Щереметьево-10». Летит до Кайира. Кайир – это не совсем то, что ему нужно, но для заметания следов – в самый раз.

В Кайир Дюшка собирался прибыть не позже двенадцати часов дня. Это было вполне реально. Во-первых, рейсы на Кайир – каждые сорок минут. Во-вторых он уже был в этом городе с родителями, на экскурсии, так что вполне представляет себе, куда идти. А в-третьих, проследив его путь до Кайира, родители точно решат, что он отправился по тем местам, где они были вместе, и это собьет их с толку.

Дальше Дюшка планировал нанять частного до Джадо. Это далеко от Кайира, но можно приземлиться в Эльф-Джауфе или заправиться еще где-нибудь по дороге. Дюшка не сомневался, что ему удастся быстро найти какую-нибудь подходящую летающую развалину: на его счету лежала внушительная сумма денег, которую он не тратил – так, брал понемногу на подарки друзьям – и все. А как папа нанимал самолет, чтобы покружить над пирамидами, Дюшка помнил.

От Джадо до биореактора, судя по карте, надо было двигать на север около ста километров. Дюшка смотрел передачи, в которых рассказывалось о работе реакторов и вообще всяких таких штуковин. Для обслуживания столь огромных объектов требовалась масса народу.

Около реактора обязательно должен существовать поселок, в котором живет обслуживающий персонал. Как бы ни был засекречен сам объект, никто не имел права запретить Дюшке въезд в поселок! От Джадо до реактора должны ходить автобусы или, возможно, там даже построено метро.

Ясен пень, проще всего просто поехать до нужной точки на метро. Спуститься на третий уровень, заказать метро-такси. Но разве так сбежишь? Тебя через пять минут вычислят и снимут с маршрута. Нет, на частном самолете надежнее, без проблем. Сложности, с точки зрения Дюшки, должны были начаться на этапе проникновения в сам реактор. Тут Дюшка рассчитывал на подземную систему вентиляции. В его любимом фильме, который Ключкин смотрел, наверное, раз двадцать, главный герой проник в реактор именно таким образом.

Но все эти планы сегодня полетели к черту. Собственно говоря, они вообще оказались нереальными. Просто Дюшка не подозревал о том, что за ним следит целый секретный институт с помощью этих гадких датчиков. Его бы перехватили уже в Кайи́ре. Или в аэропорту в Мокскве. Да нет, какая Моксква! Бес прав, его бы остановили прямо в местном банке.

Так или иначе, но теперь Дюшке предстояло действовать по-другому. Зайти к Ризенгри, успокоить его родителей, взять деньги у его мамы и из тайника. Добираться до Аффрики только на перекладных. До Тульска – ладно, на мет-

ро, а дальше вообще неизвестно как, хоть на вей выходи. По вею двигаться автостопом. Риз считал, что все вполне осуществимо: Киевск, Оддеса, Стрёмбул, потом в Дваполи или в Алексейдрию. Дваполи ближе, зато Алексейдрия – это практически Кайир, в котором Ключкин уже бывал. Риз считал, что маршрут лучше проложить по старым добрым городам, в которых полно туристов. Обо всем этом Дюшка размышлял, пробираясь сквозь лес. На трассу деревья не выходили, но на одной из полян устроили драку, и Дюшка поторопился проехать опасное место как можно быстрее.

Размышляя таким образом, замерзший до беспредела Дюшка наконец добрался до дома, в котором жили Бесовы.

– С вашим сыном все в порядке, он теперь некоторое время будет вместо меня, пока я не вернусь, только вы не волнуйтесь, пожалуйста, я к вам ненадолго, если можно, только переоденусь и возьму деньги, а Венька, то есть Риз, пока может пользоваться моими, у меня много, и мама ничего не заметит, потому что у него все здорово получилось, он вообще классный парень, можно мне войти?

Эту убийственную тираду, произнесенную на одном дыхании, Марсия Шортэндлонг услышала от Андрея Ключкина, позвонившего в двери ее дома, когда на улице уже окончательно стемнело. Единственное, что до нее дошло с первого дубля, это то, что им срочно надо хватать Риза и уматывать из города, в котором теперь каждый

последний немутант в курсе их тайны. Однако в данный момент хватать ей было решительно некого. Поэтому она молча впустила Дюшку в дом, тщательно закрыла дверь и просканировала окружающее пространство, огляывая Дюшку, чтобы ее не обвинили при случае в том, что она причинила вред последнему человеку.

– Еще раз, – попросила она Дюшку, усаживаясь в кресло напротив.

Дюшка в очередной раз поразила выдержке матери Беса. Она выслушала его сбивчивый рассказ, не изменившись в лице. Только изредка перебивала, желая уточнить детали. Дюшка рассказал ей историю, весьма близкую к реальной. Умолчал он о трех вещах: о датчиках, об истинной причине своего побега и о месте конечного назначения.

– Это просто игра, Мария Даниловна, – пытался он склонить маму Риза на свою сторону. – Меня родители ни за что бы не отпустили одного в Диснейленд, а так хочется. И для Венки, то есть для Риза, развлечение.

– О, да, – согласилась Мария Даниловна. – Для него это отличное развлечение.

– Значит, вы не сердитесь?

– Я не сержусь, но считаю вашу затею полным безрассудством.

– Но вы нам поможете?

Мама Риза раздумывала не больше пары секунд.

– Хорошо, – сказала она. – Я вам помогу. Прежде всего тебе надо поесть, помыться и пере-

одеться. Пойдем, я покажу тебе, где ванна. И подумаем, что из вещей моего сына тебе подойдет. А потом найдем, чем тебя накормить. Тебе же не все можно есть, правда?

Сидя в ванной комнате, Дюшка думал о том, что далеко не все мутанты – бездушные сволочи. Вот, например, Мария Даниловна – отличная женщина. Сразу все поняла, не начала кричать, возмущаться. Правда, ванну наполнила холодной водой, но откуда ей знать, что человеку, возвратившемуся с лыжной прогулки с мокрыми ногами, нужна горячая ванна? Дюшка спустил холодную воду и открыл горячую. К счастью, Бесовы жили в типичном доме со стандартной сантехникой. Дюшка болтал в воде ногами, медленно отогреваясь, и ему казалось, что его затея не так уж и безнадежна.

А Марсия Шортэндлонг срочно вызвала мужа с работы, несмотря на то что его смена началась всего полчаса назад, и послала сообщение Джен с просьбой появиться при первой же возможности. Потом она спустилась в подвал и достала из тайника запасные документы на всю семью. Теперь надо было собрать самое необходимое, дожидаться мужа, под любым предлогом заманить Ризи домой, вернуть Ключкиным настоящего Дюшку и уезжать. Марсия действовала оперативно, как автомат. Когда Дюшка вылез из ванны, завернутый в новый банный халат Ризенгри, в спальне Шортэндлонгов уже стояли три аккуратно упакованные сумки с вещами и бумагами. Последнюю, четвертую, сумку, еще предсто-

яло сложить. Кроме того, мистеру Шортэндлону надлежало разобраться с компьютерами, позвонить нескольким знакомым и сделать еще несколько дел, которые требуют его личного участия.

Отогревшийся, сытый и успокоенный, Дюшка сидел на маленькой кухне Бесовых и пил клубничный чай с мамой Риза.

– Тебе понравилось, как Венька превратился в тебя?

В разговоре с Дюшкой Марсия упорно называла своего сына Венькой, а не Ризом. Дюшка решил тоже называть его пока по-старому. Хотя внутри себя он сразу перестроился: Риз так Риз.

– Да, он классно превратился. Это было что-то потрясающее. Никогда раньше не думал, что такое в реале возможно.

– Что, похоже получилось?

– Да я бы и сам его от себя не отличил!

Мария Даниловна помолчала, собираясь с мыслями.

– Андрей, я хотела тебя спросить... Ты считаешь Веню своим другом?

Дюшку поразило, что она об этом спрашивает. Да Бес – его лучший, нет, единственный, самый надежный друг. У Дюшки никогда не было и не будет такого друга, как Риз! Да он такое ради него сделал, что о чем речь, и вообще...

– Хорошо, – перебила его Мария Даниловна. – Очень хорошо. А ты знаешь, что будет с твоим другом, если хоть один человек, будь это даже очень неплохой человек, узнает, что Ризи может мгно-

венно менять внешность, проходить сквозь стены и многое другое, неподвластное остальным?

Оба даже не заметили, как стали называть Риза его настоящим именем.

– Что будет?

– Подумай.

– Его покажут по телевизору?

– Нет, Андрей. Его постараются уничтожить, и как можно скорее.

– Но почему?!

– Мне жаль, что ты этого не понимаешь, мальчик.

Мама Риза не смотрела на Дюшку, она смотрела куда-то вдаль, сквозь стену. Дюшке показалось, что она видит будущее.

– Человек с такими способностями – это универсальный шпион. Универсальный настолько, что он одинаково опасен как для врага, так и для той стороны, которая захочет его использовать в своих целях. Ни одной стране мира не выгодно, чтобы на Земле жил мутант, для которого не существует никакой преграды. Мой сын и твой друг – твой лучший друг, который готов ради тебя на любое безумство, – теперь может погибнуть в любой момент из-за того, что ты решил погулять по Диснейленду без родителей.

– Но я скоро вернусь, – пробормотал Дюшка.

То, что он только что услышал, было для него шоком. Если бы Бес сказал ему об этом там, в лесу! Можно было бы все переиграть. Просто выбросить датчики в снег – и дернуть в Африку, пока их не обнаружили. А теперь...

— Я не знал, Мария Даниловна! Бес, то есть Риз... Он мне не сказал, что все так серьезно. Я не стал бы подвергать его такому риску, честное слово! Я не виноват, что он не сказал мне!

— Успокойся, малыш. Никто тебя ни в чем не обвиняет. Разумеется, ты ни в чем не виноват. Но нам с тобой надо выручить твоего друга из беды, верно?

Дюшка кивнул.

— Я сейчас позвоню твоей маме и попрошу Риза...

— Можно я сам позвоню?

— Ни в коем случае. Ты представляешь, что будет, когда твоя мама увидит тебя у нас дома в то время, как ты спокойно сидишь рядышком с ней?

Да, об этом Дюшка тоже не подумал. Вообще рядом с этой удивительной женщиной он чувствовал себя сопливым мальчишкой, способным совершать только законченные глупости.

— Сиди на кухне и не высовывайся. На экране телефона твоей маме будет видна почти вся гостиная, и тебя в ней быть не должно, согласен?

Дюшка был согласен.

— Я попрошу Риза прийти сюда, ненадолго. Он останется, а ты пойдешь к себе домой. Надеюсь, что твоя мама пока не заметила ничего странного.

Итак, Риз останется тут, а... Мария Даниловна прошла в большую комнату и стала набирать номер.

— Это невозможно! — вырвалось у Дюшки.

Он бросился за матерью Риза и успел нажать на отмену звонка, прежде чем произошло соединение.

— Мы же вроде договорились? — Брови Марсии Шортэнд Шортэндлонг в удивлении взлетели вверх.

— Нет. То есть да. Но это невозможно по другой причине!

— По какой же?

Сказать или не сказать правду?

— Даже если Риз останется дома, а я вернусь, то все равно все будут думать, что он — это я, а я — это вообще непонятно кто.

— Я тебя не понимаю. Ты вернешься к маме, а мой сын поменяет свою внешность и станет опять сам собой.

— Да нет же.

И Дюшка рассказал про датчики. Похоже, Мария Даниловна было поражена этой новостью. По тому, с какими подробностями Андрей рассказывал про операцию по извлечению датчиков, она поняла, что все именно так и было.

— Ты хочешь сказать, что вам удалось объегорить целый институт, сотню или больше ученых мужей с мировым именем?

— Так получается.

Но Марсия была на этот счет другого мнения. Она поняла, что рано или поздно, причем скорее всего именно рано, в ближайшее время, ученые мужи с мировым именем поймут, что произошло. Зачем она только послушалась Джен! Зачем они приехали в этот проклятый город! Риза не-

обходимо вызволять сию же минуту. Только бы не было слишком поздно.

– Вы не будете звонить?

Марсия на мгновение отвлеклась от своих мыслей и взглянула на Дюшку. Как же она его ненавидит, этого недоделка, это ничтожество, из-за которого ее гениальный, не имеющий себе равных сын может попасть в лапы таким же глупцам! Она готова была испепелить этого нахального пацана взглядом!

– Нет, раз ты мне все объяснил, я не стану звонить, – как можно более мягким голосом сказала Марсия. – Я постелю тебе в комнате Риза, а завтра провожу до метро.

– Да не надо меня провожать!

– Ах, да, извини. Я забыла, что ты жаждешь самостоятельности. Но деньги-то тебе нужны?

Дюшка покраснел. Ему было неудобно брать деньги у мамы Беса.

– Я только одолжить. Я верну, если хотите, с процентами. У меня есть свои деньги, на карточке. Их много. Просто я... забыл карточку дома.

Дюшке было стыдно обманывать такую замечательную женщину, но рассказать ей о биореакторе было выше его сил.

– Какие проценты, солнышко? Я одолжу тебе столько, сколько надо. А теперь давай допьем чай и я постелю тебе чистое белье.

Они сидели на кухне еще минут пятнадцать. Позвонил отец Риза и предупредил, что скоро будет. Остывший чай немного горчиал, но Дюшке было неловко просить подлить горячего. Сколь-

ко можно будет одолжить у Марии Даниловны? Может быть, хватит на частный самолет, который доставит его прямо до Джадо? Конечно, это огромная сумма, но ведь он ее вернет! На всякий случай надо забрать и деньги из тайника Риза. Дюшка решил сделать это прежде, чем ляжет спать.

Комната Беса находилась на втором этаже дома. Это была очень странно расположенная комната. Основной вход в нее был обыкновенный, из холла, к нему поднималась лестница с нижней гостиной. Но за книжными полками в комнате существовала еще одна дверь. За ней пряталась винтовая лестница, ведущая в чулан на первом этаже. Чулан отделяла от нижней гостиной тонкая перегородка. А дверь из него выходила в небольшое помещение за кухней с окошком в торцевой части дома. Типовой проект не предусматривал такой конструкции. Все это Элиот Шортэндлонг сделал своими собственными руками для себя и Марси. В случае внезапно возникшей неприятности Ризенгри мог улизнуть прямо сквозь стену, но его родителям такой маневр был не под силу. Тайник Риза находился в чулане, под второй ступенькой винтовой лестницы.

Марсия Шортэндлонг не подозревала ни о тайнике, ни о том, что Ризенгри рассказал Андрею о чулане. Она перестелила постель, показала, где выключается ночник, пожелала мальчику спокойной ночи и вышла из комнаты, тихонечко прикрыв за собою дверь. На самом деле еще не бы-

ло и восьми вечера, но Марсия посчитала, что Дюшке надо как следует выспаться, а завтра встать пораньше. Как всегда, она была абсолютно права.

Дюшка досчитал до десяти, вылез из кровати и на цыпочках подошел к двери. Вроде все было спокойно. Он закрылся изнутри и приблизился к декоративному столику с вазой, стоящему в углу комнаты. Как нелепо смотрелась вычурная ваза с хризантемами в мальчишеской комнате с плакатами, черепами, гантелями и прочими в таком же духе вещами! Дюшка поднял тяжеленную вазу и переставил ее на пол, стараясь не шуметь. Отодрал керамическую подставку, на которой стояла ваза. Сунул палец в квадратное отверстие посередине стола и нащупал гладкую, похожую на леденцовую конфетку, кнопку. Во рту у Дюшки пересохло. Он чувствовал себя супергероем из кинофильма. Вот они, настоящие приключения! Кнопка послушно утонула от слабого нажатия пальца.

Риз не рассказал Дюшке, как именно работает механизм: сам он обычно проникал в чулан сквозь полки. Дюшка ожидал, что книги разъедутся в стороны, освобождая проход вниз. Но они не разъехались, а стали медленно вращаться: нижние полки поднимались к потолку, а верхние практически оставались на месте. Через несколько секунд проход к тайнику был свободен. Дюшка еще раз проверил, надежно ли заперта дверь. Поискал фонарик, но не нашел и решил действовать на ощупь.

Он благополучно спустился по лестнице и остановился, чтобы глаза хоть немного привыкли к темноте. Из гостиной доносились обрывки разговора. Наверное, отец Беса вернулся домой. Интересно, Мария Даниловна уже рассказала ему о том, что произошло? Дюшка прислушался, но как раз в этот момент разговор смолк. Может быть, они поднимаются к нему в комнату? Забыв о тайнике, Ключкин взлетел по лестнице и бросился к двери. Но нет, никаких признаков жизни слышно не было. Дюшка опять спустился в чулан.

Тайник он отыскал без труда. В плоской пластмассовой коробке было совсем немного денег — даже на билет до Кайира бы не хватило. Еще там лежал медальон с фотографией очаровательной белокурой девушки с полупрозрачными крылышками за спиной и толстый блокнот в кожаном переплете. Дюшка надел медальон на шею, сунул все остальное себе за пазуху и собрался подняться наверх, но тут снова услышал голоса. Видимо, родители Беса вернулись в гостиную. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Андрей Ключкин приложил ухо к перегородке, отделяющей чулан от нижней комнаты. Так было слышно гораздо лучше. Мария Даниловна разговаривала с кем-то по телефону. Дюшке не было видно экрана, и он не сразу смог понять, с кем она говорит, но этот кто-то был его тезкой.

— Андрей, ты обязательно должен зайти попрощаться с Вениамином. Он очень тебя ждет. Завтра утром мы отправляем его к родственникам в Скортландию. Он будет учиться там в частной

школе, и вы не скоро сможете увидаться. Мой муж может заехать за тобой, а потом отвести обратно.

– Разве он сейчас не на дежурстве? – удивился собеседник Марии Даниловны, и Дюшка с удивлением узнал свой собственный голос.

Ну, разумеется! Мать Риза все-таки не выдержала, позвонила домой Ключкиным! А у дяди Сережи, получается, сегодня дежурство? Но он вернулся домой. Значит, Мария Даниловна его специально вызвала? Дюшка весь превратился в слух.

– Нет, Андрюша. Он тоже дома, и мы все с нетерпением ждем тебя.

– Большое спасибо, Мария Даниловна! – спокойным, полным достоинства Дюшкиным голосом проговорил Риз (Дюшка подумал, что он никогда не разговаривал со старшими таким тоном). – Я очень благодарен вам за приглашение, но уже слишком поздно, а у меня еще есть дела. Передайте, пожалуйста, Вене, что я желаю ему приятного путешествия и хочу сделать небольшой подарок. Поскольку я не знаю, что ему подарить, то я переведу сейчас немного денег на ваше имя, и пусть он сам выберет себе то, что захочет. Я надеюсь, что у него все будет в порядке, и вы... и вы ему поможете.

– Нет-нет, Андрей. Не нужно никаких денег! Ты должен срочно прийти. Это нетелефонный разговор. Мы заедем.

– Я не приду. Мы уже попрощались днем и обо всем договорились. Пожалуйста, не забудьте передать моему другу деньги, которые я сейчас пе-

речислю на ваше имя. У меня все будет хорошо, не волнуйтесь. До свидания.

– Андрей, подожди!

Но трубку уже повесили. В гостиной за стенкой наступила тишина. Дюшка присел на ступеньку и задумался. Итак, Мария Даниловна его обманула. Возможно, она решила, что Риз сможет переустановить датчики еще раз? Дюшка не имеет права на нее обижаться. Она просто заботится о сыне. Как может, так и заботится. Еще неизвестно, как бы сам Дюшка поступил на ее месте. А Бес молодец, пока не прокололся. Голос подделал, вообще! И про деньги как здорово придумал! Теперь не нужно будет просить займы. Как же они сразу не сообразили, что можно перевести их на имя Марии Даниловны!

Клюшкин почувствовал, что его глаза слипаются. Теперь, когда все, похоже, наладилось, можно и отдохнуть. Он поднялся, но в это время в комнате опять слышались голоса, и Дюшка инстинктивно приложил ухо к перегородке. Предки Беса ссорились. Они называли друг друга непривычными именами, и Дюшка догадался, что раз настоящее имя Веньки – Риз, то и его родителей тоже на самом деле зовут иначе.

– Марси, я тебя умоляю! Я тебя умоляю! – возмущенно твердил отец, тяжелой походкой меряя комнату из угла в угол. – Ты же отлично знаешь нашего ребенка. По доброй воле он тебе не уступит. Уж если ему втемяшилась в голову эта блажь, то уговоры абсолютно бесполезны.

– Да, но ради чего он это сделал, Элиот? Тем более в такой момент?! Зачем ему понадобилось становиться именно этим недоделком Ключкиным?

Дюшка покраснел от негодования. Еще ни разу в жизни его не оскорбляли таким образом!

– Этот недоделок, милая, живет в такой роскоши, которая нашему мальчику и не снилась. Разве мы могли обеспечить Ризи бассейном с водой высшей степени очистки или двухмесячным туром на Марс? Наш сын – гений, дорогая моя. Подговорить этого дурачка Дюшку на такой шаг, занять лучшее место под солнцем, обманув при этом целое секретное управление, – для этого надо быть просто гением. Какую сумму он перевел на твоё имя?

– Ты даже не поверишь. На эти деньги мы сможем не только достроить дом в Гавстралии, но и обеспечить себе безбедное существование как минимум на год.

– Вот видишь, Марси! Ризенгри просто умничка! Поверь мне, он знает, что делает!

– Но Эл! Это чрезвычайно опасно! Если бы Дюшка был обыкновенным мутантом, я не стала бы возражать. Что ж, это право каждого – забирать то, что само идет в руки. Но за Ключкиным следит сотня ученых! Пройдет какое-то время, и они догадаться о том, что произошло. Как только они решат забрать его на опыты, они догадаться. Это может произойти в любой момент. Это может произойти даже завтра!

— Ты права, Марси, ты, безусловно, права! Но не будем пороть горячку. Давай обсудим все спокойно. В каком случае Риз согласится вернуться домой?

— Не знаю. Может, если мы ему скажем, что Ключкина забирают на опыты?

— Во-первых, он нам не поверит. Во-вторых, он может захотеть в этот институт. Пойми, он сейчас играет, чувствует себя героем. Думает, что может обойти всех. Я считаю, что нам надо уговорить Ключкина вернуться домой, и тогда . Кстати, а куда это чудо природы собирается сбежать?

— В Диснейленд.

— Куда? Этого не может быть, милая. Он наверняка был в Диснейленде по меньшей мере раз двадцать!

— Элиот, мне все равно, куда этот урод собирается. Хоть в соседнюю галактику. Я добавила ему в чай снотворное, отправила наверх и заперла дверь. Он будет спать до тех пор, пока мы не вернем Риза.

— А когда он проснется?

— Он не проснется. Лекарство всасывается медленно, зато его действие продлится до утра. Я войду раньше и введу ему следующую дозу. Потом ты привезешь Ризи. Встретишь его по дороге в магазин, или на каток, или я не знаю куда, это неважно. Скажешь, что Андрей попал в беду. Например, скажешь, что он попал под машину.

— Допустим. Допустим, Риз поверит. Но дома он увидит Дюшку живого и невредимого, да к тому же еще и спящего, причем не просто спя-

щего, а усыпленного помимо его собственной воли. Ты думаешь, мы сможем уговорить Ризенгри вставить эти штуки на место и уехать в Гавстралию?

— Не сможем. Но что же делать?

— Не знаю, Марси. Может, действительно подстроить катастрофу?

— Как?

Дюшка слушал их разговор, и, несмотря на то что его сердце чуть не выпрыгивало из груди от волнения, а разум возмущенно кипел, сам он буквально засыпал. Дюшке казалось, что его тело сделано из мармелада и сдвинуть его с места почти невозможно. Он знал, что ему ни в коем случае нельзя засыпать, что ему надо срочно бежать из этого дома. Дюшка собрал силы и оторвался от стенки, так и не дослушав, к какому решению придут родители Риза. На ватных ногах он поднялся по винтовой лестнице, опустил полки, вернул вазу на место и попробовал выбраться.

Дверь в комнату действительно оказалась запертой снаружи. Дюшка открыл окно и выглянул на улицу. Прыгать со второго этажа он бы ни в жизнь не решился. Некоторые пацаны в его классе сигали даже с третьего, и ничего. Но они были мутантами, а Дюшка даже на физкультуру почти никогда не ходил. Можно попробовать спуститься по простыням, как в одном старом фильме, но сначала надо хотя бы одеться так, чтобы не замерзнуть. Насквозь промокший лыжный комбинезон сох где-то в другой части дома.

Дюшка открыл шкаф. Вся одежда Ризенгри хранилась в одном единственном шкафу в его комнате. По-настоящему теплых вещей в гардеробе не было. Дюшка все-таки нашел и натянул на себя футболку, легкий свитер, какую-то мохнатую жилетку с множеством карманов и новую синюю куртку. Куртка оказалась единственной подходящей по размеру шмоткой, все остальное Дюшке было мало. Особенно нелепо смотрелись брюки. Дюк подумал, что если заправить их в сапоги, то это будет не так заметно. Но сапог в гардеробе не оказалось. То ли вся обувь хранилась у Бесовых отдельно, то ли еще что. Факт оставался фактом: единственное, что нашлось в шкафу, это кроссовки, причем огромные, на два размера больше, чем нужно. Кроссовки, так же, как и куртка, были совершенно новые, к тому же какой-то девчоночьей расцветки, с желтыми диагональными полосками. Дюшка удивился: для чего Бесу такие? Однако выбирать не приходилось.

Зевая так, что у него сводило челюсть, Ключин покидал в Венькин рюкзак вещи, которые, как он считал, могут ему пригодиться. Деньги он сунул в один из карманов жилетки. В другой карман зачем-то отправился блокнот из тайника Беса. Медальон с фотографией по-прежнему болтался у Дюшки на шее. Он слабо отдавал себе отчет в том, что делает. У него путались мысли, и темнело в глазах. Он содрал с постели простыню и попытался привязать ее к ручке на оконной раме.

Двумя часами позже Марсия Шортэндлонг нашла его спящим на полу в обнимку с пододеяльником, который Дюшка так и не успел привязать к простыне.

Глава 11

АНГЕЛЫ НИКОГДА НЕ ВРУТ

Фредерико Менс несколько раз мельком встречался с Джен Шортэндлонг, поскольку она входила в список ангелов, которым был разрешен круглосуточный допуск в «зону Ключ» — местность в радиусе одного километра от точки, в которой в каждый данный момент находился Дюшка. Но он был несказанно удивлен, встретив Джен на утреннем семинаре в СОСИСке. Джен тихонько маячила за спиной Димы Чахлыка, постоянного наблюдателя. Разумеется, Менс не выразил по этому поводу никаких эмоций. Коротко поздоровался и прошел на свое место. Семинар вел Игорь Лап. Он должен был доложить о первых результатах воздействия на объект Ключ объекта Мяу. О том, что эти результаты положительны, Фредерико уже догадался, бросив взгляд на графики.

Доклад Лапа был безупречен. Каждый вывод обоснован, подтвержден фотографиями и видеоматериалами. Вот Ключкин входит в дом, вот валяется в любимой лимонной ванне, вот читает открытку, вот заглядывает в корзинку.

– Ради котенка Ключ даже отказался идти в гости к однокласснику, мать которого ему специально звонила, – сообщил Лап и продемонстрировал свои слова изображением мамы Веньки Бесова. – Более того, он вернулся к своему дневнику, к которому не притрагивался уже больше недели. Это очень важная поведенческая деталь для немутантов. Ведение дневника говорит о том....

– Достаточно, Игорь Лапундрович! – перебил его Тафанаил Казбеков. – Отличная работа. Благодарю вас. Дело в том, что я вчера встречался с объектом Ключ до того, как у него появился объект Мяу.

И директор в красках рассказал о том, как он пошел в лес на лыжах, чтобы лично понаблюдать за Андреем Ключкиным. С его слов выходило, что мальчик был в таком возбужденном состоянии, что его ни на мгновение нельзя было упускать из виду. Но потом все нормализовалось. Рассказ Тафанаила Ибрагимовича о его подвигах на трассе закончился под гром аплодисментов. Затем слово взял Пушкин.

– Полутора суток назад мы собрались тут, чтобы принять экстренные меры. Так плохи были дела с основными физиологическими показателями объекта Ключ. И вот меры были приняты. Прошу обратить внимание на новые данные.

И Александр Сергеевич включил набившие всем оскомину графики. Аудитория с удовлетворением отметила, что на сей раз кривые проходят вдали от критических отметок. Тут Лап

включил большой монитор, связав его с камерой, находящейся в котенке, и все увидели, как объект Мяу с воодушевлением носится за бантиком на ниточке, которую дергает объект Ключ. Тафанаил Ибрагимович удовлетворенно потер руки:

— Я считаю, что мы можем объявить семинар закрытым и разойтись. Поскольку на носу Новый год, а многие из нас так и не успели к нему подготовиться...

— Можно мне посмотреть данные по Мяу еще раз? — вдруг перебил его Менс, обращаясь к Лапу.

Лап вздрогнул.

— Разумеется. Что именно вас интересует?

Фредерико не знал, что конкретно ему было нужно. Просто его насторожил тот факт, что появление крохотного, практически безмозглого существа могло произвести на Ключ такое сказочное воздействие. В глубине души ему было обидно за свою не оправдавшую надежды установку Варя-2.

А Тафанаилу Ибрагимовичу не понравилось, что его перебивают.

— Все свободны! — громко объявил он, не дожидаясь ответа Менса. И так же подчеркнуто громко добавил: — Я надеюсь, Игорь Лапундрович, что вы порадуете нас докторской в самое ближайшее время.

Сразу после окончания семинара Лап, собрав бумаги, подошел к Менсу. Игорь вовсе не хотел наживать себе такого врага.

– Я хочу выразить вам свое восхищение, – начал Лап, расплываясь в классической американской улыбке.

– Чем же я вас так восхитил?

– Варей-2.

– Вы находите ее удачной? – хмыкнул Фредерико.

– Не то слово! – с воодушевлением заявил Лап. – К сожалению, я забыл сказать об этом на семинаре. Варя-2 покорила объект Ключ настолько, что просто трудно себе представить.

– Не разделяю вашего мнения.

– Вы просто не в курсе последних событий. Вчера Ключ должен был пойти к своему обожаемому деду, а затем попрощаться с другом Вениамином – и не пошел из-за котенка. Сегодня утром мама вновь напомнила ему о том, что его друг уезжает, но Ключ сказал, что не пойдет. Представляете? Он отказался идти!

– При чем же здесь моя установка?

– Ключикин отказался от встречи, потому что к нему сегодня должна зайти вапа Варя!

Лап рассчитывал, что эта новость должна произвести эффект на Менса. Но Фредерико молчал.

– Если хотите, я пошлю вам сообщение, когда она появится, – добавил Лап. – Вы сможете наблюдать за ними лично.

– Я уже давно написал все свои диссертации, молодой человек, – снисходительно улыбнулся Менс, потрепал Лапа по плечу и пошел прочь.

Впрочем, через пару шагов он остановился, повернулся:

— Знаете, пожалуй, я сам присоединюсь к вам, если у меня будет свободная минутка. Вы действительно не против?

— О, что вы! Разумеется. Я буду очень рад.

Как только Фредерико Менс вернулся к себе, он тут же скачал всю имеющуюся информацию по объекту Клю за двое последних суток и углубился в работу. Прежде всего он тщательнейшим образом проанализировал показания датчиков. Вот первая ночь. Мальчик не спит. Более того, находится в крайне напряженном состоянии. Как сказал бы Пушкин, у него стресс. Вот он, наконец, засыпает. Фаза медленного сна. Фаза быстрого сна. Интересно, что может сниться немутантам? Это лучше спросить у Сильвии, она в этом деле спец.

Фредерико не очень-то разбирался в психологии обычных людей. Он умел строить первоклассные машины, а идея восстановить человеческую популяцию была для него мечтой, корни которой он никогда не анализировал. Сохраняли же люди раньше вымирающих животных, спасали памятники старины, и никому не приходило в голову спрашивать их, для чего они это делают.

Менс сравнил записи всех датчиков и обнаружил, что стрессовое состояние прошло у Ключкина гораздо раньше, чем он обнаружил у себя в комнате котенка. Поскольку видеозаписей объекта Клю во время лыжной прогулки не было,

Менс несколько раз подряд просмотрел то, что делал тот дома.

Надо сказать, что скрытые камеры в доме Ключкиных были далеко не везде. Родители Дюшки ни за какие деньги не согласились жить, как на съемочной площадке. Камеры прятались в обеих комнатах, принадлежащих Дюшке, в детской ванной на втором этаже, в кухне над его любимым местом и около входа в дом. Изначально еще одну камеру разместили в тренажерном зале, который находился в подвале, рядом с бассейном, но потом ее сняли, так как в этот зал объект Ключ забредал разве что по недоразумению.

Сильвия Менс вошла в кабинет мужа, когда тот по третьему кругу досматривал последнюю запись.

– Ты не находишь ничего странного в поведении Ключ? – не отрываясь от экрана, спросил Фредерико.

Сильвия присмотрелась повнимательнее. Это была вторая ночь после похода в лес на лыжах. Вот Дюшка выключил компьютер, разделся, швырнул вещи прямо на пол...

– Он поставил будильник, хотя утром не нужно идти в школу, – сказала Сильвия.

– А еще?

– В этом кусочке вроде все.

– Нет, – категорично возразил Фредерико. – Не все. Он забыл закрыть окно, несмотря на то что на улице страшный мороз. В такой холод даже мутанты второго порядка стараются

одеться потеплее, первого – включают обогреватели. А обычный человек, нормальный человек, как этот наш Дьюшка – я правильно выговариваю? – может замерзнуть только так. Он не мог забыть закрыть окно, тем более что это окно расположено прямо над его кроватью!

– Но он же забыл!

– Я прихожу к выводу, что он сделал это специально! – торжественно заявил Фредерико.

– Зачем?

– Чтобы простудиться, заболеть и умереть!

– Но ведь он же не заболел!

– Правильно, не заболел. Но только потому, что через несколько минут в комнату вошла его мама и закрыла окно! Посмотри, Сильвия, все сходится.

И Фредерико Менс изложил супруге все свои доводы и рассуждения. Он считал, что Андрей Ключкин окончательно решил покончить с собой во время разговора со своим другом, Венькой Бесовым. Венька сообщил ему о своем отъезде (это со слов директора, а директору можно верить), Дьюшка понял, что лишается единственного друга, и очень огорчился. У него даже пульс на несколько секунд выпал, и датчик, находящийся на запястье, некоторое время вообще не передавал никаких сигналов. Затем, видимо, он принял окончательное решение, а приняв его, разом успокоился.

– С этого момента все данные практически одновременно пришли в норму, – подвел итог Менс. – Есть и еще несколько фактов, говоря-

щих в пользу моей версии. Ключ полностью потерял интерес к котенку, никак не отреагировал на драку сестренки, не включил любимого уборщика «Карлсона». Да, вот еще. Он не пошел к деду, даже не отправил ему мейла. Единственное, что не укладывается в мою схему, это то, что он перевел на подарок другу очень крупную сумму денег со своего личного счета.

— У, как раз это проще всего понять! — обрадовалась вдруг Сильвия. — Известная штука в нестандартной психологии немутантов. Люди, предчувствующие свою скорую кончину, часто делали крупные подарки близким или и вовсе раздавали свои вещи незнакомцам. У таких людей нарушается шкала ценностей, и они могут натворить кучу глупостей вместо того, чтобы действовать конструктивно. Например, могу рассказать тебе известную в старые времена сказку по этому поводу. Одна глупая девочка продавала на морозе спички. А их никто не покупал. Вместо того чтобы поменять товар, который явно не пользуется спросом, эта девочка стала сжигать спички и смотреть, как они горят.

— Зачем?

— Низачем. Я же тебе объясняю, поступки некоторых людей не поддаются обычной логике. Но я могу объяснить ход мыслей этой девочки. Это моя профессия.

Менс посмотрел на свою красавицу, умницу жену и невольно восхитился ею. Объяснить мысли представителя вымершего вида, да еще со-

гласно теории нестандартной логики – это, безусловно, круто!

– Лучше объясни ход мыслей объекта Ключ. Какую глупость он изобразит следующим номером?

Сильвия опять обрадовалась. Она вообще хронически пребывала в хорошем настроении, а если становилась кому-то нужной, то ее настроение возрастало прямо пропорционально интересу собеседника. Сейчас оно дошло до наивысшей точки, и Сильвия находилась буквально в состоянии эйфории.

– Итак, какую глупость? О'кей. Он может выпрыгнуть из окна, отравиться, повеситься, утопиться, заколоться кинжалом, убиться током, заняться членовредительством, заморить себя голодной смертью, броситься под машину... И это только традиционные варианты. Есть еще около сотни более экзотических. Кстати, та девочка из сказки попросту замерзла, когда сожгла последнюю спичку. В Древнем Китае...

Еще минуту назад Фредерико Менс даже представить себе не мог, что на свете существует так много способов свести счеты с жизнью!

– Второй курс, полная элементарщина! – пожал плечиками Сильвия, видя его вытянувшееся от удивления лицо.

Очевидно, что при таких обстоятельствах нужно было изолировать объект Ключ как можно скорее, не дожидаясь, когда через неделю откроется интернат. Но как только Фредерико Менс встал,

чтобы идти со своими выводами к директору, ему позвонил Лап.

— Господин Менс, Варя подходит к дому Ключиных, — сообщил он.

— Сейчас подойду! — откликнулся Фредерико, справедливо решив, что пока Варя с Дюшкой, мальчику ничего не грозит.

Когда в семь утра Ризенгри Шортэндлонга разбудил будильник, он понял, что это его вторая ошибка. Ведь начались каникулы, в школу не нужно, и Дюшка не стал бы вставать так рано. Тафанаил сидел у кровати и внимательно смотрел на Ризи снизу вверх. Риз вспомнил, что он пообещал себе возиться с Тафом побольше.

— Утика-тика! — фальшивым голосом произнес Ризенгри, обращаясь к котенку и соображая, что именно с ним следует делать.

Во всяком случае, его, наверное, полагается чем-нибудь накормить. Только чем? «Ладно, там разберусь», — подумал Ризи, натягивая на себя брюки. Итак, Дюшка не занимается по утрам спортом. Прыгает в ванну, но второй раз за сутки вариться в горячей ванне совершенно не хотелось. А под душ он залезает? Риз решил не залезать под душ. Он поймал котенка и спустился с ним вниз.

Дюшкина мама уже вовсю орудовала на кухне.

— Ты чего так рано? — удивилась она. — Ты бы выспался. Сегодня ведь вечером — Новый год!

— Котенок есть хочет! — важно заявил Риз, не подозревая о том, что его слова обязательно вой-

дут в диссертацию одного из научных сотрудников секретного института.

– А, ну достань блюдечко, я налью ему молока, – сказала мама.

Ризенгри не имел ни малейшего представления о том, где у Ключкиных находятся блюда.

– Тафу нужна отдельная посуда! – выкрутился он.

– Да, действительно. Я и забыла, что ты изучил о кошках все, что нашел в Сети.

Мама налила котенку молока в пластиковый лоточек из-под джема, а Риз подумал, что ему срочно надо еще раз залезть в компьютер на предмет кошек.

Андрей Ключкин отличался аккуратностью, и Ризу не пришлось долго мучаться, гадая, что именно знал его друг о кошках. В папке с названием «Кэтс» в алфавитном порядке располагалось все, что нужно, включая рассказы древних писателей, в которых герои так или иначе имели дело с кошками. Просидев у экрана около часа, Риз более уверенно смотрел на Тафа. Прежде чем позвонила Варя, он заказал с доставкой на дом специальный кошачий туалет. Такая штука была большой редкостью, из сервис-центра сообщили, что заказ принимается только на туалет для карликовых царапазавров, и прибудет он не раньше чем к вечеру. Потом Риз поместил корзину на пол, чтобы котенок мог самостоятельно в нее забираться, и взял один из бантиков, которые прислала ему Варя.

В 114-й комнате «Корпуса Клетки», помимо Лапа и одного из его помощников, Фредерико Менс обнаружил очаровательную молоденькую ассистентку в коротеньком, сияющем чистотой и свежестью халатике. Она стояла спиной к дверям и сосредоточенно возилась с кипой бумажек на письменном столе у окна. Менс с удовольствием скользнул взглядом по ее точеной фигурке, особенно отметил тот факт, что на ногах девушки были легкие спортивные тапочки, а не какие-нибудь модные туфли на шпильках или колесиках, в которых, по мнению Менса, работать невозможно. Фредерико многозначительно цокнул языком и повернулся к Лапу.

— Вы очень вовремя, господин Менс! — засуетился Лап, организовывая еще одно место у мониторов. — Установка Варя-2 только что вошла к Ключкиным и....

— У меня два деловых предложения, Игорь, — перебил его Менс. — Давай перейдем на «ты» — так проще общаться — и не будем называть Варю установкой. Просто Фредерико и просто Варя. О'кей?

— О'кей! — тут же согласился Лап, нисколько не сомневаясь в том, что в душе Фредерико для него навсегда останется господином Менсом, а Варя-2 — железякой на проводе.

— А как зовут наших помощников? — поинтересовался Менс, не сводя глаз с белого халатика.

— Ах, да, извиняюсь. Забыл представить. Это младший научный сотрудник Майкл Кэшлоу...

– Можно покороче – Майкл! – пожимая руку Менса, улыбнулся Майкл.

– О! В таком случае меня можно тоже покороче – Фред! – хохотнул Менс.

– А это наш новый наблюдатель Дженифер, – продолжил Лап.

Девушка повернулась, и только теперь Фредерико ее узнал.

– Здравствуйте еще раз! – мелодично проворковала она, хлопая неправдоподобно длинными ресницами. – Мы с вами виделись сегодня утром, но вы были так заняты, что, вероятно, не обратили на меня внимания. У вас так много дел.

Глаза у Джен были обыкновенные, карие. Но казалось, а может быть, это было так на самом деле, что они излучают свет, способный проникнуть даже сквозь панцирь броненосца.

– Вы ошибаетесь, – галантно произнес Менс. – Такого ангела, как вы, не заметить невозможно. Я не хочу показаться бестактным, но позвольте вас спросить: почему вы находитесь в... э-э-э... столь плотной форме?

Ангелы никогда не врут. Когда ангелам надо соврать, они выбирают обтекаемые ответы, содержащие в себе увесистую долю истины. В данном случае правда заключалась в том, что пребывать на территории института в таком облике Джен приказал Старк. Но о Старике Менсу не полагалось знать. С точки зрения Рона, Джен могла сказать, что, находясь в материальном теле, удобнее работать с материальными предметами. Но Джен ни капельки не было удобно! По-

этому Джен улыбнулась и совершенно искренне объяснила:

– В такой форме я могу произвести на вас наиболее выгодное впечатление!

– Оу! Вы смутили меня, юная леди! – произнес Менс. – Если бы я мог надеяться, что в ваших словах отражаются ваши истинные мысли...

Джен одарила его еще одной обворожительной улыбкой и скромно потупила глазки. Каждое ее движение было так естественно – ни капельки кокетства! Менс знал, что ангелы никогда не врут. Именно поэтому он старался никогда не верить ни одному их слову.

Менс переключил свое внимание на камеру, ведущую очередной репортаж из прихожей Ключиных. На экране Дюшка неуклюже помогал Варю снять шубку.

– На улице жутко холодно! – с воодушевлением рассказывала Варя. – Вчера твоя мама рассказала моей маме, что вы с Бесом весь день носились на лыжах, как ненормальные. Я так боялась, что ты можешь простудиться!

Риз подумал, что теперь периодически ему придется мерзнуть. И надо не забывать про любимые Дюшкины словечки и мелкие привычки.

– Ерундиссиммо с плюсом! – снисходительно пожал плечами Риз. – Не так уж и холодно. А потом я в ванну влез. Ну, пошли.

Дюшка пропустил Варю вперед.

– Настоящий джентльмен! – восхитился Менс, потирая руки. – Уже ради этого имеет

смысл восстановить популяцию людей на планете! Кстати, а как ангелы относятся к этой идее?

— Если вас интересует лично мое мнение, — сказала Джен, — то я к этой идее отношусь скептически, потому что не представляю, как можно восстановить популяцию людей из одного-единственного человека. В любом случае генетический код окажется вырожденным.

— О! Я всегда знал, что ангелы красивы, — заявил Менс. — Но что они еще и умны... Что ж, предлагаю провести небольшой семинар, пока наши подопечные играют с котенком.

И Менс с воодушевлением принялся излагать свой план по вживлению в клонированные ДНК Дюшки фрагментов молекул погибших ранее людей, образцы которых хранятся при сверхнизких температурах. Джен успела проработать с Роном эту теорию Менса, поэтому первый же вопрос, который она задала, привел Фредерико в полный восторг.

— Похоже, мы с вами отлично сработаемся, Джен! Вы схватываете самую суть на лету! Недаром эту девушку выбрали наблюдателем, правда, Игорь?

Лап сдержанно улыбнулся. Он тоже был знаком с теорией Менса. Только ему потребовалось около трех недель, чтобы в ней разобраться. Ну, ничего. Пока эти голубки воркуют, у них меньше шансов заметить странности поведения объекта Клю, которые могут помешать Лапу защититься.

Варя с Дюшкой опять появились на экране. На сей раз сработала камера, расположенная в первой Дюшкиной комнате. Она давала общий план. Камера на котенке отражала кусок ковра на полу и кусок дивана, из-под которого Таф безуспешно пытался выцарапать лапой смятый в ком клочок бумажки.

– Таф-Таф-Тафинька! – позвала Варя, опускаясь на коленки и подползая к котенку. – Ты моя лапочка, мой ма-аленький...

Риз тоже опустился на колени и пополз за Варей. Он увеличил содержание в крови эндорфинов и участил пульс, решив, что Дюшка, вероятно, среагировал бы примерно таким образом. Дима Чахлык, отследив эти изменения, только хмыкнул и отправил в дежурное отделение СОСИСки другие, откорректированные данные. Дежурный оператор СОСИСки отметил изменения датчиков и на всякий случай уведомил Лапа об их появлении.

– Спасибо, – откликнулся Лап. – Мы уже обратили на это внимание.

Риз полз за Варей и явственно ощущал что-то не то. Даже не выходя за пределы Дюшкиного тела, он чувствовал, что Варя ненормально плотная для обычной мутантки.

– Сегодня вечером для Тафика привезут специальный туалет, – похвастался Дюшка. – Я заказал.

И Риз невзначай коснулся Вариных волос. Волосы были натуральные, и причем, вне всякого сомнения, живые.

– Ух ты, как здорово! – воскликнула Варя и захлопала в ладоши. – Специальный туалет! А он дорого стоит?

Рыжий Тафанаил бросился на Варин палец в полной уверенности, что должен захватить его в плен. Варя заразительно захохотала. Ризенгри тоже.

– Тебя ничего не настораживает в поведении объекта Клю, Игорь? – спросил Менс.

– Нет! – уверенно ответил Лап. – Он ведет себя как обычно. Заботится о животном, проявляет нежные чувства к Варе. Смеется. И физиологические параметры соответствуют. У меня все сходится.

– Обрати внимание на его глаза, Игорь. Майкл! Верни картинку и увеличь.

Младший научный сотрудник СОСИСки нехотя бросился исполнять просьбу Менса.

– Обратите внимание на взгляд Клю!

– Ну обычный взгляд, – неуверенно пробормотал Лап.

– А ты что думаешь, Джен? – спросил Менс.

У Джен по спине пробежал холодок. Она вспомнила о том, что обещала Старика не помогать Ризу даже косвенным образом. Ну зачем ее брат вздумал изображать из себя Дюшку?!

– Я думаю, что у него слишком спокойный, ничего не выражающий взгляд для такой ситуации, – обреченно сказала Джен.

– Умница! – обрадовался Менс. – Майкл, подбери из архива прошлые снимки глаз объекта Клю в ситуациях с Варей.

– Вы считаете, что мои выводы о благотворном воздействии котенка на Дюшку необоснованны? – прямо спросил Лап. – Вы считаете, что мне надо повременить с защитой?

– Ни в коем случае! – успокоил его Менс. – Выводы обоснованы, воздействие налицо. Более того, я сам напишу положительную рецензию.

– Что же тогда?

– Я подобрал то, что вы просили, – сказал Майкл, порывшись в файлах месячной давности.

Менс мельком взглянул на снимки. Да, раньше Клю смотрел на мир другими глазами.

– Вот что, Игорь, – сказал Менс. – Вы действительно молодец. Но тут нечто другое. Согласно моим наблюдениям, Андрей Ключкин собирается покончить с собой.

Джен вздрогнула.

– Этого не может быть! – вырвалось у нее.

– Отчего же? Вчера вечером он лег спать, не закрыв окно. Это при прогнозе на ночь – минус пятнадцать градусов. А в ванне он вообще торчал под водой почти пять минут. Любой немутант бы задохнулся. И еще.

Менс выложил все свои соображения по аномалиям в поведении Ключкина в хронологическом порядке. Все началось после той злополучной прогулки на лыжах. Что именно произошло с Дюшкой в лесу, Менс не знал.

– Или объект Клю в ближайшее время попытается свести счеты с жизнью, или его подме-

нили, и перед нами вообще не он, — вынес заключение Фредерико Менс, завершая свою речь.

— Нет, помирать он не собирается, — возразил Лап. — У него все показатели в норме. Если человек вознамерился замерзнуть или утонуть, у него не будет давление сто десять на шестьдесят, это уж точно.

— О'кей. Значит, его подменили.

— Фредерико, кто мог его подменить? — обалдел Лап.

— Пока не знаю. Может, ангелы.

Джен Шортэндлонг встала, подошла к Менсу и осторожно коснулась ладонью его плеча.

— Фредерико! Я даю вам честное слово, что никто из ангелов даже не планировал подменивать Андрея Ключкина. Тем более это не могло произойти случайно. Вы же знаете, что мы имеем права только наблюдать, но мы не вмешиваемся. А учитывая все сложности подобной операции, можно точно сказать, что никому из людей или мутантов даже третьего порядка такое не под силу.

Джен выдержала паузу, потупила глазки и другим, сахарным голосом произнесла:

— Хотя такому мутанту, который мог сотворить вторую Варю, просто безукоризненную копию оригинала, это, вероятно, по плечу. Что ж, в таком случае это превосходная работа, Фредерико, ваша лучшая работа.

И Джен многозначительно посмотрела на Менса.

– Вы подменили Андрея Ключкина?! – воскликнул Лап.

Фредерико почувствовал себя как карась на сковородке. Только что он наступал, и вот вынужден срочно обороняться!

– Кому ты веришь, Игорь? – возмутился Менс.

– Ангелу, который, по определению, не может говорить неправду.

– Ой, ну что вы! Я не говорила, что Менс подменил Дюшку, – невинно хлопая глазами, проворковала Джен. – Более того, если вы хотите знать правду, то могу сказать и повторить: он не прикасался к объекту Клю, не менял его, не корректировал и так далее. Фредерико, простите меня, пожалуйста. Я повела себя бессовестным образом, бросив на вас тень подозрения, которого вы совершенно не заслужили. Не сердитесь на меня, пожалуйста! Мне так неловко... Ну, разумеется, ни вы, ни мы (под местоимение «мы» Джен в данном случае спрятала себя и Лапа с Майклом и поэтому считала свои слова правдой) не подменивали Андрея Ключкина. А в его поведении надо разбираться. Да, он – сложная личность. Поэтому им и занимается столько людей и, как видите, ангелов. Ну вы же не сердитесь?

Фредерико Менс смотрел в глаза Джен и понимал, что он не будет сердиться на Джен, что бы она ни сотворила.

– Хотите, я научу вас играть в теннис? – спросила Джен. – В эту игру обожали играть те люди, популяцию которых вы хотите восстановить.

Менс отлично умел играть в теннис, но, сраженный ее красотой, он не подумал о том, что Джен могла об этом знать заранее. Пожалуй, он сумеет поставить эту девчонку на место.

— О! — сказал он. — Я немного слышал об этой игре. Было бы очень интересно.

— Давайте попробуем прямо сейчас! — обрадовалась Джен. — Вы точно на меня не сердитесь? С Дюшкой все равно не может ничего страшного произойти, за ним же целый институт следит.

«А ну его действительно, этого Ключкина! — думал Менс, увлекаемый кареглазым ангелом в сторону спортивного комплекса. — Сто лет в теннис не играл, а тут такая соперница...»

Игорь Лап вздохнул с явным облегчением, когда Джен с Фредерико удалились.

— Вы не расстраивайтесь, Игорь Лапундрович! — сказал Майкл. — У этих ангелов вечно не все дома. А про Менса я вообще молчу. Подбираешь, подбираешь ему фотографии, а он взглянет — и бросит в сторону. Обидно. Придумали тоже: взгляд не тот! Я, например, ничего такого особенного не замечаю. Подумаешь, под водой торчал! Хотел и торчал. Вот я вам одну историю расскажу. Это пару лет назад было...

Дюшка и Варя купали котенка в любимой ключкинской ванне. Они посадили Тафа в игрушечный катер и отправили в плавание. А потом устроили бурю, катер потерпел крушение, и котенка спасли пираты. В процессе спасения Ризу потихоньку удалось обнаружить, что правая рука Вари вместо мышц под завязку начинена элект-

рониной. Рисковать и проверять другие части тела Ризенгри не стал. Он поступил иначе. Когда Варя бережно вытирала Тафанаила, Ризи как бы между прочим спросил:

— Кстати, а чем закончилась история с твоим клювом? Помнишь, ты мне когда-то давно стала рассказывать по секрету и не дорассказала?

Дежурные операторы в гараже, а заодно с ними и Лап с Майклом дружно напряглись.

— Не-а, не помню! — спокойно ответила Варя.

— Ну как же! Ты сказала, что это одна из самых запоминающихся на всю жизнь историй в твоей биографии. В пятилетнем возрасте ты с родителями каталась на киттайских горках в луна-парке. И твой нос случайно застрял в защитной сетке в тот момент, когда вагончики тронулись с места и остановить их было невозможно. Папа схватил тебя за ноги, и вас вместе выбросило из вагончика. А дальше ты не успела рассказать. Так что же было дальше?

— В первый раз слышу эту невероятную историю! — воскликнул психолог из гаража. — Вот и работай в таких условиях. Специально же просили Ворониных вспомнить все приключения, произошедшие с их дочерью. И как они могли забыть!

Риз ждал.

— Ну, во-первых, у меня застрял не нос, а клюв, — ответила Варя. — Потому что носа у меня никогда не было. А во-вторых, дальше ничего особенного не произошло. Вагончики уехали, а нас с папой вытащили из сетки.

– Ты же говорила, что вы пролетели с этой сеткой несколько метров и угодили прямо на лоток с мороженым! – самозабвенно фантазировал Риз.

– Да, примерно так и было. Около лотка с мороженым нас и вытащили. То есть меня вытащили. А папа просто рядом стоял.

Ризи подумал, что, несмотря на то что Варя – робот, она – классный робот. А тот, кто ее сделал, вообще просто гений.

– Ты такая красивая, – совершенно искренне сказал Ризенгри. – Самая лучшая девчонка во всем мире. Давай дружить.

– Давай, – кивнула механическая Варя, и ее обалденные, ниже пояса, локоны коснулись холодной щеки самого крутого мутанта в мире.

– Давай всю жизнь дружить! – предложил Риз. – Будем ходить друг к другу в гости, а потом отправимся путешествовать. И может быть, возьмем с собой еще одного моего друга.

– Кого, Веньку Бесова?

– Нет. Я тебе потом скажу. А сейчас у меня есть одна идея. Я хочу спрыгнуть со второго этажа. Я еще вчера решил попробовать.

Сигнал тревоги прозвучал одновременно у всех операторов, задействованных на объекте Ключ. Лап оторвал Менса от игры в теннис сообщением: «Ваша блестящая догадка полностью подтвердилась. Ключ собирается сигануть вниз со второго этажа».

– Андрей, ты разобьешься! – взвизгнула Варя, бросаясь вдогонку.

Риз распахнул окно и глянул вниз. Нет, даже примерно невозможно представить себе, что можно испугаться такой высоты. Самому Ризу однажды приходилось прыгать и с десятого этажа. Ему тогда было три годика, и они жили в Дайтройте, на окраине. Родители заперли его дома и куда-то ушли. А Ризу захотелось погулять. Он открыл окно и пошел гулять. Журналисты описали это происшествие как сенсацию: малолетний бескрылый мутант прыгает с небоскреба! Мама радовалась, что никто не успел сфотографировать ее сына, а на следующий день они срочно уехали в Ефропу. С тех пор Ризу категорически запретили выходить из дома через окна. А он удивлялся: для чего же тогда существуют окна, если через них нельзя выходить? Теперь Риз пытался представить себя Дюшкой. Вот земля. Об нее можно разбиться. Она твердая. Она страшная. Нет. Полная чушь. Ничего не получается. Кроме того, Варя вцепилась в него так, что и не вырвешься. Риз закрыл окно и рассмеялся:

– Ты что, дурочка! Шуток не понимаешь?

– Ваша Варя только что спасла жизнь Андрею Ключкину! – торжественно доложил Майкл взрвавшемуся в комнату Менсу.

– Ключкина придется срочно изолировать! – категорически заявил Менс. – Желательно прямо сейчас. Я иду к директору.

– Изолировать перед самым праздником?

– Ничего не поделаешь!

И Менс ушел.

– Хотите, я расскажу один потрясающий случай из моей жизни? Как раз по этому поводу! – с энтузиазмом предложил Майкл, обращаясь к Лапу.

Глава 12

КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

– Ну и что мы теперь будем делать? – спросил Рон Диму, пока словоохотливый научный сотрудник Майкл грузил Игоря Лапа очередной историей из своей жизни.

– С Ризом – ничего, – ответил Дима. – Сам влез, пусть сам и выкручивается. За датчиками я прослежу, так и быть. С Джен тоже ничего. У нее свое задание. Ты ей один раз помог – и ладно. А вот Дюшку мы отправим в цирк.

– Клоуном?!

– Да каким еще клоуном? За животными убирать. Впрочем, это один из вариантов. Я пока не решил окончательно.

Два ангела сидели на карнизе Института биофизики и болтали ногами в воздухе. Внизу полным ходом шло переоборудование одного из корпусов под школу для особо одаренных. Где-то далеко часы пробили двенадцать. Вчера в это время Дима Чахлык помогал Ризу переставлять датчики. Сегодня он наплевал на Риза и собирается мешать Дюшке. Рон решительно ничего не понимал!

– Ну у тебя и планы! А как же биореактор? Твой Ключкин ведь собирается попасть в биореактор, – сказал Рон.

– Мало ли куда еще он собирается. Ему нечего делать в биореакторе.

– Но он хочет стать мутантом!

– Мало ли кем еще он хочет стать! – возразил Дима. – Я все рассчитал. Я вмешаюсь по минимуму. Сейчас он в психушке...

– Как в психушке?

– Ах, да, прости. Ты же все время возился с Джен и ничего не знаешь.

– Старик свалил слишком много информации по Менсу. А еще мы с ней отрабатывали ее манеры в материальном теле. Все так сложно. Я даже не заметил, в какой момент ты появился в лаборатории. Я просто разрываюсь на части!

Друзья рассмеялись. В устах ангела фраза «я разрываюсь на части» действительно звучала весьма забавно. Особенно если учесть, что даже сейчас Рон находился на крыше наполовину, а Дима – так вообще всего на одну четверть.

– А как Дюк попал в психушку? – поинтересовался Рон.

– Его отвезли туда родители твоего ангелочка. Заплатили из тех денег, которые Риз перевел для Дюшки. Накачали пацана снотворным – и вперед. Клиника частная, маленькая. Палаты светлые, одноместные. На окнах решетки, на дверях – бронь. Ограда под напряжением. Марсия надеется уговорить Риза вернуться домой. Он же ее любимая игрушка. А Элиот строит пла-

ны достроить дом в Гавстралии, слинять и заняться дайвингом. Ему вообще до всех остальных как до лампочки.

От этих новостей Рону стало не по себе. Он столько лет помогал этим людям растить их единственного сына, а они поместили его лучшего друга в психушку, присваивают чужие деньги и мечтают только о собственных удовольствиях. Нет, по большому счету он всегда знал, какие они на самом деле. Но все-таки, все же... Рабочие внизу выгружали из трейлеров ящики с оборудованием. Они трудились слаженно, сосредоточенно. Как муравьи. Или как идиоты. Нет, ангелу недопустимо так думать! — оборвал свои мысли Рональд Э-Ли-Ли-Доу.

— Старик знает? — спросил он.

— Старк всегда все знает, — без тени сомнения сказал Дима.

— И что?

— Ничего. Почему его должен волновать Ключкин? У него свои проблемы. А Ключкин — это моя работа, и я ее делаю, как могу. По-моему, очень неплохо делаю. Психушка — отличное место для созревания души. Согласен, долго там находиться не рекомендуется. Сегодня вечером Дюшки там уже не будет. Вообще-то в данный момент меня, как и Старка, больше беспокоит Риз. Так что ты не думай, что я о нем забыл.

— С Ризом тоже все решено! — возразил Э-Ли-Ли-Доу. — Мне Старик сказал. Ризу дадут шанс в виде еще одной жизни. Его имя внесено в карто-

теку претендентов. Светлый лучик над его головой появился, значит, шансы у него есть. Я знаю его с пеленок, и он не кажется мне загадкой. Риз – супермутант, способный испытывать положительные челове...

– Ты просто не понимаешь, Рон, – покачал головой Дима Чаклык. – Риз – не обычный претендент. Ризенгри Шортэндлонг – это то, с чем никто во вселенной еще не сталкивался. И на что он способен, совершенно неизвестно. Скорее всего, он способен абсолютно на все.

Дюшка Ключкин проснулся оттого, что ему в глаза било солнце. Он сел на кровати и огляделся. Ужасно болела голова, и вообще все вокруг странно расплывалось. Помещение, в котором он находился, не было комнатой Риза. Дюшка напрягся и попытался вспомнить то, что произошло вчера вечером. Он помнил чулан, тайник, разговор родителей Риза. Помнил, как он одевался и связывал простыни. Вроде бы ему это удалось и он выбрался из дома. Или это ему приснилось? Да, но где он находится? Дюшка встал и прошелся по комнате. Комната была небольшая, похожая на больничную палату. А! Наверное, он все-таки сорвался и попал в клинику! Дюшка пощупал ноги, руки, голову. Нет, ушибов у него не было.

Дверь в палату оказалась сделанной из металла. На окне решетки. Кроме кровати, в комнате находилось два больших, достаточно уютных кресла, стол между ними. В одном углу – ви-

деосалон, не самый современный, но по виду целенький. В другом – телефон. Дюшка бросился было к телефону, но передумал. Кому он может позвонить? Домой нельзя. Родителям Риза, после того как он узнал, что они собираются бросить его под автомобиль? Можно позвонить деду, но он все равно не возьмет трубку. Варя! Дюшка набрал номер. Неужели срывает?

Трубку подняла Варина мама.

– Здравствуйте, можно Варю! Поскорее! – прерывающимся от волнения голосом попросил Дюшка.

– Варя только что пошла к тебе, – ответила тетя Лена. – Она будет у тебя через пару минут. Не заигрывайтесь допоздна, ладно?

– Ладно, – пробормотал Дюшка и повесил трубку.

Варя отпадала. Что ж, может, оно и к лучшему. Дюшка подумал-подумал и все-таки набрал номер деда. Но телефон уже не работал. Дюшка не знал, что, пока он разговаривал с мамой Вари, старшая медсестра частной психиатрической клиники, в которой он находился, уже успела получить выговор от главврача за то, что не отключила вовремя телефон в палате нового пациента. Дюшка бросился к дверям и забарабанил в них кулаками. Замок сразу же щелкнул, и в палату вошел средних лет мужчина с приятной, располагающей к доверительной беседе внешностью. От неожиданности Дюшка отступил.

– Ну что ж, я рад, что вы наконец проснулись, – сказал мужчина. – Давайте познакомимся. Меня зовут Семен Эльфович. Отчество смешное, согласен, но так уж меня зовут.

– А я – Володя, – зачем-то соврал Дюшка, хотя это, наверное, было ни к чему. – А почему телефон не работает?

– Разве он не работает? – удивился Семен Эльфович.

Он подошел к телефону, снял трубку.

– Да, действительно не работает! Это просто безобразия! В каждом номере обязательно должен работать телефон! Сейчас я объявлю выговор завхозу и старшей медсестре. Они обязаны были проверить.

– Ну вообще-то он работал, – смутился Дюшка. – Я звонил подружке и дозвонился. А потом телефон испортился. Может, не надо объявлять выговор завхозу? И вообще, я могу отсюда уйти?

– Хорошо, – смиростивился Семен Эльфович. – Выговор объявлять не буду. И уйти вы можете в любую минуту, хоть сейчас. Но я бы вам этого не рекомендовал. Я бы посоветовал вам позвонить вашим родителям, чтобы они приехали и вас забрали. У вас есть родители?

Дюшка молчал.

– Я понимаю. У вас есть родители, но они над вами издеваются, и вы не хотите к ним возвращаться. Вот почему мы нашли вас спящим прямо посреди дороги, практически замерзшим, без документов, даже без компьютера.

Он помолчал. Дюшка тоже молчал. Если все было так, как рассказывает ему врач, то самый лучший выход из положения — с ним согласиться.

— А где моя одежда?

— В стирке, разумеется. Ты был весь в грязи!

Дюшка не заметил, как Семен Эльфович перешел с ним на «ты».

— А... со мной были еще вещи... Блокнот...

Доктор оглядел своего нового пациента с ног до головы и решил пока продолжить с ним игру «во взрослые».

— Вы плохого о нас мнения, молодой человек! — обиделся Семен Эльфович. — Разумеется, все, что с вами было, в целости и сохранности. Если вы немного помолчите и дадите мне возможность вам кое-что рассказать, то будет гораздо лучше, уверяю вас!

Дюшка извинился. Семен Эльфович жестом указал ему на одно из кресел, сам уселся в другое и откашлялся.

— Уважаемый Владимир! Вы находитесь в частном медицинском учреждении, обладающем всеми лицензиями, каковыми должно обладать подобное заведение. В середине прошлой ночи в отделение скорой помощи нашего э-э-э центра поступил звонок от случайного прохожего о том, что молодой человек, по виду из достаточно обеспеченной семьи, лежит в бессознательном состоянии посреди дороги. Мы действительно нашли вас в указанном месте, и вы действительно были без сознания.

– Где меня нашли?

– Я заступил на дежурство утром и не могу ответить на ваш вопрос, но мы можем это немедленно уточнить, если вы желаете. Так вот. Мы привезли вас в клинику, провели необходимые меры по реанимации...

– По реанимации? – удивился Дюшка.

– У вас практически остановилось сердце. Вы провели несколько часов под капельницей. Если не верите, взгляните на свою руку.

Врач нагнулся к Дюшке и завернул ему рукав. Действительно, на вене были видны следы от двух уколов. Кроме того, рука чуть ниже была вся в мелких красных точках.

– Это пробы на аллергические реакции и мутации, – объяснил Семен Эльфович. – Мы же про вас ничего не знали. Вдруг вы – мутант третьего порядка, и вас надо приводить в чувство какой-нибудь серной кислотой или еще чем! Ночью дежурил молоденький врач, вчерашний, можно сказать, выпускник. Вы не представляете, как он переволновался из-за вас! Он даже утром звонил, узнавал, как вы себя чувствуете! Это так, между нами, но хорошо бы вам его как-то отблагодарить. Какой-нибудь пустячок, знак внимания...

– Да-да, разумеется, – заволновался Дюшка. – И вас я бы тоже хотел отблагодарить...

– О, с нами все просто! – улыбнулся Семен Эльфович. – Мы – частная клиника, поэтому все наши услуги – платные. Вы можете заплатить наличными, выписать чек, скинуть денежку по карточке или, разумеется, воспользоваться ва-

шей медицинской страховкой. Лучше воспользоваться страховкой, поскольку у нас достаточно дорогая клиника, оборудованная по последнему слову техники. Вам достаточно назвать имя и подтвердить свою личность отпечатком пальца или, если угодно, образцом ДНК. Мы сами свяжемся с вашей страховой компанией.

– Я, вероятно, не буду пользоваться страховкой, – сказал Дюшка. – У меня есть деньги.

Семен Эльфович не сомневался в том, что его пациент не захочет пользоваться страховкой. Судя по тому, что рассказала приятная супружеская пара, которая привезла его сюда, у этого пацана вообще должны быть большие затруднения с деньгами и официальными органами. Впрочем, они заплатили за него вперед, а мальчику, кроме очередной дозы сильного снотворного, пока ничего не кололи. Так что как раз вопрос денег главврача совершенно не волновал. Но сыграть на этом было можно.

– Я очень сожалею, но мы не обнаружили среди ваших вещей карточки, а наличных денег было совсем немного. Но вы не волнуйтесь. В любом случае вы побудете здесь, пока мы не приведем в порядок вашу одежду и не убедимся в том, что с вашим сердечком все в порядке.

– Да я в полном порядке! – воскликнул Дюшка.

– Отлично! Тогда подумайте, кто может помочь вам оплатить лечение и забрать из клиники. Но мы вас ни в коем случае не торопим. Отдыхайте, набирайтесь сил. Ближе к вечеру мы еще раз

проверим ваше сердечко и, если все будет в порядке, вы оплатите счет, и мы отпустим вас на свободу. А хотите, побудьте у нас еще несколько дней. У нас замечательный солярий, грязевые ванны, массажистки.

Дюшка угрюмо молчал. Семен Эльфович встал:

— Стандартный обед у нас через сорок минут. Но вы можете заказать все, что только пожелаете. Ну, вроде бы все. Да, двери в палату закрываются снаружи. Это общее правило нашей клиники, и оно никогда не нарушается. Для связи с дежурной медсестрой достаточно нажать на эту кнопку. За отдельную плату мы можем предоставить вам сиделку или санитаря.

Убедившись в том, что санитар пациенту не нужен, врач откланялся и, ухмыляясь про себя, вышел, оставив Дюшку наедине с его невеселыми мыслями. Семен Эльфович, а на самом деле Даниил Петрович, потирая руки, подошел к дежурной медсестре.

— Машенька, таблеточки для номера четыре растворите, пожалуйста, в супчике. А если он не съест супчик, то в компотике. Очень сложный пациент. Отрицает, что нездоров. Просто так лечиться не желает. Ничего не поделаешь. И будьте с ним крайне осторожны. Сейчас он спокоен, но, возможно, постарается сбежать.

— Мне не впервой, Даниил Петрович! — пробасила Машенька, внушительного вида мутантка, весом под два центнера. — И не таких утрамбовывали.

– Нет-нет, Машенька, с этим, пожалуйста, покакуратнее. Родителям он очень дорог. Они нам за месяц вперед заплатили. Так что пациента не нервировать и не гробить. Даст бог, нам его еще не один месяц лечить. А оформлять мы его не будем, не будем...

Машенька хихикнула. Пациентов, за которых платили вперед наличными, иногда держали в их клинике годами. Историй на них не заводили. Первые месяцы они сидели взаперти, некоторых приходилось привязывать. Потом они постепенно становились тихими, привыкали к новым именам и целыми днями смотрели телевизор, бессистемно переключая каналы. Прежде чем у них начинались перебои с сердцем, их выписывали. В клинике, только этажом пониже, были и другие пациенты, обычные. Легальных клиентов с переменным успехом лечили от кариеса, перхоти, заикания, фобий, неуверенности в себе и прочих мелких неприятностей. На круглом столе в центральном холле лежала толстенная книга с благодарностями от излечившихся.

Дюшка всего этого, разумеется, не знал. Не знал он и того, что, пока он раздумывает, сидя в кресле у столика, в дальнем от него углу комнаты спокойно беседуют два ангела, один из которых – темнокожий.

Дюшкины мысли прервал въезжающий в комнату обед. Он бросился было к дверям, пытаясь выглянуть наружу, но не успел. Усатая тетка невообразимых размеров, толкающая столик с едой, заслонила собой все пространство. Особен-

но аппетитно выглядел бульон, только что посыпанный свежей, ароматной зеленью. Кроме бульона, на столике находились: искусственное мясо под томатным соусом, маринованные грибочки с половинкой помидора и тушеными водорослями, свежеподжаренный хлеб и компот в высоком, красивом бокале, украшенный вишенкой. Вишенка, похоже, тоже была не натуральная, выглядела слишком уж привлекательно.

– Спасибо, я не голоден, – глотая слюнки, произнес Дюшка.

– Вы такой худенький, вам обязательно надо поесть! – Тетка уставилась на Дюшку жалостливыми глазами.

При всем желании Дюшку нельзя было называть худеньким! Хотя, с точки зрения такой бегемотины...

– Можно мне погулять по коридору? – спросил Дюшка.

– Может быть, если вы не хотите есть, то хотя бы попьете компоту? – предложила тетка, игнорируя вопрос, который ей задали.

Дюшка подумал.

– Нет, я хочу соку, – сказал он. – Но я пью только апельсиновый, натуральный, в герметичной упаковке

– Ох, – всплеснула руками тетка, – а если апельсинового в буфете не будет? Вам придется ждать, пока мы пошлем курьера в супермаркет.

– Ладно, можно и не апельсиновый, – согласился Дюшка. – Но только в упаковке.

Тетка оставила столик и задом ретировалась.

– Гляди, кое-что соображает, – удовлетворенно заметил Рон.

– Да, ничего, – согласился Дима. – Но его еще обламывать и обламывать.

Дежурная медсестра Машенька открыла огромный холодильник в подсобке и извлекла из него упаковку апельсинового сока. Многие пациенты поначалу требовали еду, запакрованную заводским способом. Привычным движением Машенька проткнула пакет иглой с лекарством. Затем на крошечную, не заметную даже под микроскопом дырочку выдавила капельку прозрачного, мгновенно твердеющего клея.

Дюшка выдул сок одним махом. Машенька перенесла его в постель, тщательно подоткнула одеяло, вылила суп и компот в унитаз, а второе съела прямо в палате, выковыривая мясо из соуса всеми шестью пальцами. Ангелы переглянулись и, не сговариваясь, вылетели на воздух, пока она ест. Когда Машенька удалилась, Дима вернулся в палату и взял телефонную трубку.

– К ним едет ревизор! – торжественно объявил Дима, набирая номер.

– Так аппарат же не работает! – заметил Рон.

– А, ерундиссимо с плюсом! – отмахнулся Дима. – Я и без аппарата дозвонюсь.

Друзья расхохотались.

– Опять ты вмешиваешься!

– Только один звонок. Или ты считаешь, что ребенка лучше оставить в этом замечательном, стерильном и обогреваемом помещении?

— А как он попадет в цирк? Опять вмешиваться будешь?

— Ни в коем случае. Дальше я все просчитал. Алло, клиника?

В два часа пятнадцать минут у главврача Даниила Петровича неожиданно возникли крупные неприятности в виде неожиданной комиссии. Вышколенная звонкоголосая секретарша даже не потрудилась представиться, но автоматический определитель номера подсказал Петровичу, что звонят из министерства.

— В настоящий момент комиссия находится в другой клинике, — уведомила секретарша. — Но должна появиться у вас сразу после окончания проводимой проверки.

Главврача вежливо попросили подготовить истории болезней пациентов, находящихся в стационаре. Сказали, что это простая формальность. Заверили, что не отнимут много времени. Заранее принесли извинения за то, что могут немного задержаться.

Несколько минут Даниил Петрович сидел, тупо уставившись на потухший экран телефона. Затем начал соображать. В настоящий момент в стационаре находилось четверо левых больных. У троих из них были хоть какие-то документы. Двое были законченными даунами, третий отвечал на некоторые вопросы, пускал слюни, ходил под себя и тоже не вызывал никаких подозрений в смысле душевного здоровья. Но новенького пациента из четвертой палаты необходимо было убрать.

Даниил Петрович мысленно распрощался с энной долей купюр из толстой пачки, которую ему на рассвете передали опекуны ребенка, и подошел к Машеньке. Минут через десять они сговорились. Дюшку засунули в ящик из-под сушильного шкафа, который недавно устанавливали в одном из кабинетов клиники. В этот же ящик бросили его вещи, которые никто, разумеется, стирать и не собирался. Даниил Петрович лично помог загрузить Дюшку в фургон. Пока фургон добирался до места назначения, Дима Чахлык покинул Землю и занялся делами, не имеющими к Ключкину ни малейшего отношения.

Машенька доставила груз к себе домой. Она жила в крошечной двухкомнатной конуре стандартного многоквартирного дома, в который уважающие себя воры предпочитают не залезать. Всю свою сознательную жизнь Машенька мечтала скопить на приличную квартиру, но все деньги у нее незаметно уходили на еду и до мечты как-то не добирались. Пацан, свалившийся на нее сегодня, был явно подарком судьбы.

Многоопытная медсестра бережно вытряхнула его из упаковки и уложила на диван. Дюшка исправно дышал, и этого было вполне достаточно. Однако было ясно, что постоянно держать его в бессознательном состоянии нельзя. Даниил Петрович сказал, что он проснется не раньше, чем его успеют доставить обратно в клинику, но кто его знает! На всякий случай Машенька привязала гостя к дивану, полюбовалась произведением

своего труда и присела к столу пересчитывать аванс, полученный за эту услугу.

Такие деньги за хранение товара! Машенька стала обдумывать, куда бы их припрятать. Одна комната в квартире служила спальней. Прошлым летом Машенька успела побывать замужем, и на память об этом событии у нее остались: королевских размеров кровать в средневековом стиле, романтические фотографии в мерцающих рамках и кое-какое барахло мужа, сбежавшего через месяц после свадьбы с трупой переезжающего с места на место цирка, специализирующегося на дрессировке животных-супермутантов. Машенька взяла в руки одну из фотографий, критически посмотрела на нее и презрительно сплюнула. Неужели этот тщедушный, три четверти года покрытый мерзкой шерсткой с ног до головы мутантик, не имеющий даже приличной специальности, до сих пор все еще считается ее мужем? Фотография полетела в угол. Нет, прятать деньги на светлое будущее среди этих гадких воспоминаний Машенька не собиралась!

Вторая комната была одновременно гостиной, столовой, приемной для редких гостей – словом, выполняла все функции одновременно. Она была более современная и, с точки зрения хозяйки, достаточно уютная. Разумеется, она требовала капитального ремонта или по крайней мере элементарной уборки, но ведь это никогда не поздно сделать! Машенька извлекла из стенного шкафа неприметную серую спортивную сумку с потрес-

кавшимися лямками и вытряхнула ее содержимое на пол. Из кучи ненужных ей теперь вещей бывшего мужа она вытащила довольно приличные еще спортивные брюки, сунула в их застегивающийся боковой карман пачку денег, сами брюки бросила в сумку, а сумку положила в отделение для чистого белья в холле перед комнатой. Леший с ними, с воспоминаниями. Зато ни один вор не найдет!

Паренек на диване спокойно спал. Все складывалось как нельзя лучше. Машенька вспомнила, что скоро Новый год, и подумала о том, что неплохо было бы купить себе чего-нибудь вкусненького, пока все спокойно. Вообще-то ее холодильник был под завязку забит вкуснятиной, припасенной к Новому году заранее. Но ангел, который внушил ей мысль о срочном походе в магазин, не заглядывал в этот холодильник. Поэтому Машенька проверила крепость Дюшкиных веревок и, не вспоминая о своих запасах, выпорхнула из квартиры.

Глава 13

В ПОИСКАХ СЛОНИКОТЮБА

Пока настоящий Дюшка Ключкин спал в квартире Машеньки, лже-Дюшка, то есть Риз, собирался на свидание к деду. Неужели дедушка Дюшки – тоже супермутант, способный передавать мысли прямо в чужую голову? А может, Ри-

зу весь этот мысленный разговор вчера ночью просто пригрезился? В любом случае все это требовало проверки. Риз не любил нерешенных задачек.

Супермутант Шортэндлонг вышел из дома без двадцати два. Рыжий Тафанаил орал как половумный и всем своим видом показывал, что не собирается оставаться дома. Он даже совершенно самостоятельно забрался во внутренний нагрудный карман Дюшкиной куртки. Но Риз был неумолим.

— Маленький ты мой, хорошенький! — сюсюкал он, стоя в профиль к одной из скрытых камер и держа котенка прямо перед своим лицом. — Твой папочка скоро-скоро вернется и принесет тебе мышечку.

Риз немного напрягся и выпустил слезу. Слеза получилась первосортная — большая, соленая.

— Я не могу взять тебя с собой, маленький! На улице хо-лод-но.... — Риз выпустил вторую слезу и остался доволен ею еще больше, чем первой. — А вдруг ты выскочишь и убежишь, потеря-а-ешься?

Дюшка ревел, а Риз вдруг подумал, что, возможно, он немного переигрывает. Но обрывать концерт сразу было стратегически неверно. Он еще раз выразительно всхлипнул и прижал Тафанаила к груди.

— Игорь Лапундрович! Посмотрите, какие кадры! — заорал Майкл, увеличивая изображение.

— Да, это находка! — воодушевился Лап, вглядываясь в происходящее. — Ни один Менс не

придерется! Все! Последняя точка в докторской поставлена! Ура.

— Ура! — согласился Майкл. — Теперь мы можем заняться моей кандидатской, правда?

— Ну почему бы и нет? Только надо выбрать что-нибудь новенькое вместо котенка. С учетом сто сорок девятого пункта.

В сто сорок девятом пункте вчерашнего постановления говорилось о том, что объект Клю должен быть максимально отгорожен от всевозможных неприятностей.

— О, разумеется! Как вы думаете, слоникотюб подойдет? У моего знакомого есть один. Он в цирке работает. Мы с ним когда-то в школе вместе учились.

— С кем, со слоникотюбом? — удивился Лап.

Игорь Лапундрович отключил мониторы. Теперь в них не было никакой необходимости: Ключкин вышел из дома без Рыжего Тафанаила.

— Да нет, со знакомым. А теперь он в цирке работает. Прошлым летом я у него на свадьбе гулял.

— Ну, что ж, — сказал Лап. — Давай набросаем примерный план твоей будущей работы. Как же мы ее назовем? «Взаимоотношения последнего немутанта с представителем Fauna Sapiens, обладающим встроенным интеллектом»? Нет, не звучит. Ладно, еще подумаем. Но слоникотюба доставай сам.

Разумеется, Майкл Кэшлоу готов был раздобыть для себя, любимого, все, что потребуется. Как только Лап удалился договариваться о дне

своей защиты, Майкл позвонил своему знакомому из цирка. Оказалось, труппа вернулась в столицу после очередных гастролей как раз перед новогодними праздниками. Бывшего одноклассника Майкла звали Александром, но к нему с детства приклеилась дурацкая кличка – Мормышка Ы.

С сентября по апрель у Ы отрастала шерсть по всему телу, и он со своим общим хлипким видом и длинным носом становился похож на классическую мышь из учебника зоологии. То есть полностью оправдывал свою фамилию – Мышов. Ну, а приставка «мор» появилась благодаря его вечно изможденному, какому-то замороженному виду. Довесок «Ы» объяснялся еще проще: когда Александр смеялся, из его горла вылетал только этот прерывающийся звук: «Ы-ы-ы!»

Мормышка Ы обменялся с Майклом любезностями и пожеланиями всех благ в Новом году и выслушал просьбу о слоникотюбе, не проронив ни одного слова. В принципе достать карликового тюба было парой пустяков: эти животные клонировались элементарно, чуть ли не в домашних условиях, стоили копейки и были удивительно неприхотливы буквально во всех отношениях. Публика не желала их покупать по одной причине: слоникотюбы были животными высшего класса, с встроенным интеллектом и сильным смещением в сторону юмора. Их изощренным проказам не было конца. Первые шалости приводили обладателей тюбов в восторг, но уже через день их обычно возвращали обратно. В зоо-

магазинах они не продавались по этой же причине. В цирке выступали в роли клоунов, имели огромный успех у зрителей, но приносили кучу проблем дрессировщикам. Никогда нельзя было предсказать заранее, какой очередной номер выкинет слоникотюб прямо во время представления. Кстати, у Мормышки ЫI как раз был на примете один молоденький тюб, самочка, с особо веселым характером. Справиться с ней не было никакой возможности.

– Ладно, добудем, – пообещал Майклу Мормышка ЫI. – Это непросто, но ради старого друга я постараюсь. И еще. Услуга за услугу, идет?

Майкл напрягся. Ему легче было бы просто заплатить.

– А что тебе нужно?

– О, ничего особенного! Просто поможешь мне забрать кое-какие вещи. Ты не волнуйся, ничего противозаконного. Это мои собственные вещи. Я тут, понимаешь, с женой развожусь. Мы быстро управимся, и квартира тут недалеко, на Мраморной улице.

«Ничего себе недалеко!» – подумал Майкл, но отказываться не стал: решил действовать – значит, надо действовать!

В принципе ангелы, обладая уникальными возможностями и наиболее полной информацией, могут все. В принципе ангелы, рассчитывающие на много ходов вперед, не должны никогда ошибаться. В принципе они всегда точно знают, что и как произойдет. Вот только все эти прин-

ципы иногда, в исключительных случаях, все-таки не срабатывают.

Когда Мормышка ЫI нарисовался у дверей своей бывшей супруги Машеньки в сопровождении научного сотрудника СОСИСки Майкла Кэшлоу, Рон не выдержал и расхохотался:

– Один – ноль в пользу мутантов! А? Что скажешь?

– Что скажу? Жалко!

– Чего жалко?

– Что я – ангел и не могу как следует выругаться. Очень хочется.

Согласно предварительной задумке Димы Чахлыка, Мормышка ЫI должен был появиться у Машеньки в гордом одиночестве. При виде связанного мальчика с кляпом во рту, у ЫI в голове тут же возникал блестящий план изощренного шантажа бывшей супруги. Затем возвращалась Машенька, и после долгих переговоров и торговли супруги заключали перемирие и решали совместно шантажировать главврача частной клиники, в которой работала Машенька. Дюшка при этом перекочевывал в помещение, в котором содержались животные цирка.

Ошибка Димы Чахлыка заключалась в том, что, подготовив появление Мормышки ЫI в нужном месте и в нужное время, он занялся другими делами и прошляпил звонок Майкла своему бывшему однокласснику.

– Опять будешь вмешиваться? – спросил Рон.

– Нет, – с сожалением ответил Дима. – Старк запретил. Только что. Категорически. Теперь

мы с тобой, дружок, больше не ангелы-спутники. Мы ангелы-хранители. Меня разжаловали.

Если бы Машенька была в квартире, возможно, все бы и обошлось. Но Машеньки не было. Мормышка Ы на всякий случай позвонил.

— Хорошо, что этой мегеры нет дома! — прокомментировал он, доставая собственный ключ. — Надеюсь, замок не сменили...

Нет, замок не сменили. Дима Чахлык влез в Майкла и принялся подробно изучать его на предмет всяких низменных чувств. Хранители не имеют никаких прав вмешиваться в личную жизнь людей, как своих подопечных, так и посторонних. В крайнем случае они могут отвести от своего подопечного смертельную опасность — и все. Но изучать людей они могут, это ангельскими законами не запрещено.

В квартире царил кавардак. Переступив через гору обуви, Мормышка Ы проник в одну из комнат.

— Ты тоже входи, — пригласил он Майкла. — А то как бы соседи чего не подумали.

Майкл нехотя вошел, прикрыл за собой двери и огляделся. Он знал, что люди могут жить в таких условиях. Более того, он сам однажды целый месяц жил в почти такой же квартире, ну разве что в ней было на две комнаты больше — для прислуги. Папочка Майкла был рядовым нефтяным магнатом, но считал, что его сын должен на себе испытать все тяготы жизни по очереди и реализовать все свои мечты. Прежде чем унаследовать фамильное дело, Майкл мечтал по-

работать дирижером национального оркестра, открыть собственный канал на телевидении и сделаться директором какого-нибудь сверхсекретного института. Отец считал, что всего этого Майкл должен добиваться самостоятельно, поэтому с удовольствием финансировал все начинания своего отпрыска, не вдаваясь в подробности. Сын тратил деньги отца совершенно самостоятельно. В прошлом году он, двадцатидвухлетний президент телекомпании «Шибза Клизмс», блестяще завершил карьеру дирижера, был зачислен в штат СУМАСОЙТИ младшим научным сотрудником. И вот теперь Майкл стоял в чужой дешевой квартире, думал о превратностях своей нелегкой судьбы и осматривался.

Помимо того, что хозяйка этой квартиры не располагала средствами, она, очевидно, не отличалась и вкусом. А о чистоплотности можно было даже не заикаться. Майкл сделал еще шаг и заглянул в одну из комнат. Мормышка Ы выковырял откуда-то большую серую спортивную сумку с потрескавшимися лямками и второпях кидал в нее вещи сомнительной свежести. Майкл решил зайти в комнату, но, входя, чуть не споткнулся о некий плоский предмет, валяющийся у дверей. Он поднял его, перевернул. Предмет оказался свадебной фотографией. Внезапно кто-то застонал.

- Ты чего? – испуганно спросил Мормышка Ы.
- Это не я.

Бывшие одноклассники прислушались. Стон не повторялся.

– Пошли-ка отсюда, – предложил Майкл. – На фига тебе эти тряпки? Купишь новые. Я тебе заплачу за тюба.

– Ладно, сейчас. Еще одну вещицу возьму, из той комнаты. – И Мормышка Ы прошмыгнул мимо товарища.

Александр Мышов не был ангелом. О, он даже приблизительно не был ангелом! Поэтому, увидав на диване связанного по рукам и ногам двенадцатилетнего пацана в бессознательном состоянии, он громко и с удовольствием выругался. Майкл вошел в комнату и обалдел. Лицо мальчика было повернуто в их сторону. Сомнений быть не могло: на диване в комнате бывшей жены Мормышки Ы лежал объект Ключ собственной персоной. Майкл протер глаза, икнул и инстинктивно последовал примеру Мормышки, поскольку тоже не был ангелом. Если бы не Майкл, Мормышка Ы, возможно, попытался бы извлечь для себя какую-то пользу из создавшейся ситуации. Однако шантажировать Машеньку в паре с Майклом он посчитал опасным для себя.

– Уходим! – сказал Мормышка Ы, мгновенно забыв о том, что собирался еще что-то взять.

Он подхватил сумку и рванул к дверям. Майкл решительно схватил его за рукав, не сдвигаясь с места и не произнося ни слова.

– Ты что, сдурел? – возмутился Мормышка. – Смываемся.

Не отпуская рукав и не отводя взгляда от Дюшки, Майкл вынул из кармана пачку смятых бу-

мажек, помахал ею перед носом Мормышки и сунул ему в руки.

– Будешь делать, что скажу! – приказал Майкл.

Мормышка Ы скосил глаза, примерно оценил размер взятки и энергично закивал головой в знак согласия. Может, и не стоило втрескиваться в эту грязную историю, но, с другой стороны, за такие деньжищи... Интересно, для чего Майклу понадобился этот наполовину придушенный пацан? И откуда он у них в квартире?

Пока Мормышка Ы тупо пытался разобраться в собственных мыслях, Майкл Кэшлоу активно действовал. Особых талантов дирижера или руководителя телеканала у Майкла никогда не наблюдалось, но дураком он не был, это точно. Сын нефтяного магната открыл браслет-компьютер, ввел код и приложил к экранчику указательный палец спящего мальчика. Нажал еще пару клавиш. Удовлетворенно хмыкнул. Потом отключил экран и позвонил Лапу.

– Я заключаю сделку о слоникотюбе, – отрапортовал он. – С объектом Клю все в порядке?

– Да, – удивился Лап.

– А он сейчас где?

– Только что вошел в дом своего деда.

– Это точно?

– Да. А почему ты вдруг спрашиваешь?

– Так просто. И вы не теряли с ним связь, он никуда не уходил?

– Они с дедом играли в футбол, а теперь в доме, пьют чай. Да в чем дело?

– Ни в чем, Игорь Лапундрович. Не волнуйтесь. Я так просто... Ответственно отношусь к своей работе! До свидания!

– Придунок! – бросил Лап, повесив трубку. – А ведь при таком папочке может и в директора выбиться. Надо быть с ним осторожнее.

Майкл отключил компьютер и задумался. И так, Ключкин на месте. Значит, перед ними находится его близнец, клон, а может, даже абсолютно точная копия¹. Во всяком случае, отпечаток пальца этого мальчика был идентичен отпечатку настоящего Андрея Ключкина, который в полном порядке и здравии находился сейчас далеко отсюда. Сейчас Майклу было неважно, что это за ребенок, откуда он взялся, неважно, кто еще о нем знает. Сейчас важно было как можно скорее его присвоить, а разобраться можно будет и позже.

– Развязываем и уносим, – приказал Майкл. – А пока я вожусь с веревками, ты вот что... Притащи из моей машины канистру с надписью «на всякий случай». Она в багажнике. Быстрее.

Отвязывая ребенка от дивана, сын нефтяного магната Майкл Кэшлоу не думал о том, где он расположит взрывчатку. О, он еще с детства много раз практиковался в этом на домашнем взрывном имитаторе. Не думал он и о том, как правильно оформить права на свою бесценную находку. Для решения таких проблем в их семье существовал личный юрист с целым штатом хо-

¹ К л о н и к о п и я – штуки разные! О том, чем они отличаются, мы еще поговорим, только чуть позже.

рошо оплачиваемых помощников. Он думал только о том, что теперь ему – ура! – не придется заниматься всю жизнь этой ненавистной нефтью, запасы которой никак не подходят к концу. Еще он думал о том, что его папочке теперь не в чем будет упрекать его, особенно... Тут Майкл заметил на шее мальчика странный медальон. Он аккуратно снял его и попытался открыть, но не смог. Майкл не знал, что этому помешал один из двух ангелов, находящихся в комнате, – такого уровня вмешательство для хранителя было допустимым. Он сунул медальон в карман, решив разобраться с ним позже, и не заметил, как тот выскользнул из кармана на пол. Дюшку снесли вниз и заперли в машине.

– Давай увезем его сейчас отсюда! – предложил Рон.

– Нет. С медальоном – это было все, – сказал Дима.

– Что – «все»?

– Последнее вмешательство. Старик хочет, чтобы я больше вообще ни во что не влезал. Теперь я уже даже не хранитель.

Рон промолчал. Будь он на месте Старка, он бы давно пресек всю их с Димой незаконную бурную деятельность. В том, что Дима Чахлык подменил датчики, Рон Э-Ли-Ли-Доу чувствовал и свою вину. Ведь если бы он получше объяснил Джен, что ей не следует предупреждать брата, Риз не предложил бы Дюшке поехать кататься на лыжах и ребятам не пришла бы в голову идея поменяться ролями.

– Да не ругай ты себя понапрасну! – остановил его Дима.

– Что же мне еще делать? – усмехнулся Рон. – Улетать нельзя, вмешиваться тоже.

Между тем Мормышка Ы притащил снизу странную канистру. Майкл вылил из нее немного бензина прямо на пол. Бензина было совсем мало, столовая ложка, не больше.

– Для чего тебе эта пустая дура? – удивился Мормышка.

Майкл презрительно скривился, просунул палец в грязное горлышко, и вдруг канистра тихонько щелкнула и разошлась по шву. Емкость оказалась хитрая, двойная. Однако внутреннюю часть в присутствии своего приятеля Майкл открывать не стал. Он приказал Мормышке Ы спуститься вниз и ждать его в машине.

– Только не вздумай трогаться с места. Тронешься – взлетишь на воздух вместе с машиной, понял?

Мормышка судорожно кивнул и ушел. Майкл вскрыл емкость с супервзрывчаткой и принялся за работу.

– Жалко, что нельзя вмешиваться, – вздохнул Рон. – На третьем этаже такая классная пианистка живет. Она как раз сейчас новую вещь разучивает. А через час погибнет.

Дима заглянул на третий этаж. Да, действительно. Рыжеволосая, приятной внешности мутантка сидела за синтезатором, поглощенная работой. Этажом выше пожилой мутант с синеватой пупырчатой кожей пялился в телевизор.

В квартире напротив две подружки сооружали экзотические прически к празднику. За стенкой кто-то ссорился, а в квартире над ссорящейся парочкой хозяева готовились к приему большого количества гостей.

Дима возвратился к Майклу, Рон слетал, проверил, что делает Машенька.

— Этот Кэшлоу — настоящий виртуоз! Недооценили мы его, — досадливо сказал Дима. — Точно рассчитал все, гад. Тут скоро такое будет!

Рон присмотрелся внимательней к тому, что сооружает Майкл Кэшлоу. Вроде ничего особенного. Несколько продолговатых коробочек нейтрального бурого цвета Майкл разложил почти по окружности, строго согласно картинке на экране своего наручного компьютера. На коробочках были красные и желтые метки. Майкл сориентировал их определенным образом. Одну из коробочек он поправлял особенно тщательно, чуть ли не с точностью до миллиметра. Сымитировал взрыв в программе на браслетике. Дом на экране рухнул, разбросав обломки в радиусе десяти метров. Майкл недовольно покачал головой и углубился в программу. Передвинул пару коробочек. Проверил еще раз. Наконец, Кэшлоу остался доволен результатом. Он вышел из квартиры, закрыл дверь и вложил в замочную скважину чип, запускающий реакцию. Судьба дома на Мраморной улице была предreshена.

— Давай останемся! — предложил Рон. — Мне еще ни разу не доводилось находиться в эпицентре взрыва.

– Давай, если хочешь! – пожал плечами Дима Чахлык. – Это правилам не противоречит.

И они остались.

Когда через три четверти часа довольная жизнью Машенька, нагруженная свертками с едой, поворачивала ключ в замке своей квартиры, за дверью раздался оглушительный взрыв. В мгновение ока дом аккуратно рухнул. В соседних домах дружно вылетели все стекла. Но все остальное сохранилось в первозданном виде. Даже два киоска перед домом, торгующие всякой всячиной, каким-то чудом частично уцелели.

– Ничего особенного, – вылетая из многометрового пепельного столба, сообщил Диме Рон. – В следующий раз надо будет попробовать взорваться в плотном состоянии.

Глава 14

ГЕНИЙ

Летом дом деда утопал в зелени. Зелень была искусственной, так как Славик Тихонович не любил, чтобы по его территории шныряли посторонние, пусть даже это обычные, не обладающие рассудком деревья. К осени зелень желтела и осыпалась, а пластиковые ветки убирались в подвал до следующей весны. Так что когда Ризенгри вошел в ворота, над которыми значилось «Левая набережная, 12», его взору предстал безжизненный,

совершенно голый двор. Без снега, льда и прочей грязи, которые дед на дух не переносил.

Фотографию деда, единственную, восьмилетней давности, Ризи обнаружил утром в семейном архиве. Он надеялся, что, как бы дед ни изменился, его можно будет узнать. И его надежды оправдались. Моложавый, крепкий и удивительно загорелый мужчина в безрукавке и шортах, копия своего старого снимка, гонял мяч во дворе дома.

– Пас! – жизнерадостно закричал он Дюшке, посылая ему мяч точным, но несильным ударом.

Ризенгри отбил мяч ногой и нерешительно потрусил за ним вдогонку.

– Матч-реванш, объявленный неделю назад, состоится сейчас! – завопил мужчина, бросаясь наперерез Ризу. – Внимание! Андрей Ключкин перехватывает мяч и направляется к воротам противника!

Ризенгри поймал взгляд деда и насторожился. Мужчина на фотографии смотрел по-другому. Дед не был дедом, так же как Варя не была Варей. *«Играем в футбол, – сказал Ризу мужчина в шортах. – Камера расположена на крыше соседнего дома. Поговорим позже».* Ризенгри понял, что Славик Тихонович передал ему эту мысль, не раскрывая рта. Впрочем, Риз не придал этому никакого значения. Ведь могут быть в природе мутанты круче него, верно?

Они играли в футбол долго и с удовольствием. Действительно, с удовольствием. Дед играл чуть лучше Риза. Чуть-чуть, самую капельку. Как раз настолько, насколько это необходимо для получе-

ния максимального кайфа от игры. И только когда отправились пить чай, Риз вспомнил о том, что он забыл притворяться – играл не как Дюшка, а на полную катушку. Интересно, дед заметил?

– Если бы я даже и не заметил, как ты играешь, Ризенгри Шортэндлонг, это бы ничего не изменило, – улыбнулся Славик Тихонович, когда они вошли в дом.

Теперь дед говорил вслух, открыто и спокойно. Риз понял, что тут камер нет, а если они даже и есть, притворяться дальше ни к чему, его все равно раскрыли. Непостижимо, но факт – этот «дед» действительно умел читать мысли. Разумеется, удивительным было не это, а то, что Риз при этом совершенно не ощущал того, что его мысли читают.

Они расположились в холле, все стены которого были покрыты мельчайшей узорчатой мозаикой из разноцветных камешков. Ризи представил себе, сколько труда надо было затратить на доведение до конца этой работы.

– Ту стенку Дюшка доделал год назад, – сказал Славик, указывая куда-то за Ризенгри. – А эта была первая. Рассмотрись потом получше. В школе для особо одаренных тебя ждет сюрприз. Будешь делать такую же в центральном вестибюле. Камень уже подвезли. Хобби есть хобби, ничего не поделаешь.

Так вот о каких камнях писал Дюшка в своем дневнике! Нет, ну надо же!

– Дюшка никогда не рассказывал мне о своем хобби! – удивился Риз. – Так вот он чем обычно

занимался. А я думал, он уроки так долго делает. Здоровская работа. Чего ж он ее так скрывал?

– А ты раньше рассказывал ему о том, что чуть ли не до поступления в школу иногда садился сквозь стулья?

Риз промолчал. У него было столько вопросов к этому удивительному деду, что он даже не знал, с которого начать. Кто он, сотрудник института? Откуда все знает? Почему не выдал его, Риза? Почему Дюшка не рассказал о своем хобби ни слова даже тогда, когда они поменялись местами? Когда Ключкина планируют забрать в эту школу? Смогут ли ученые обнаружить подмену, если Славик их не выдаст? Но, самое главное, кто же такой этот дед на самом деле?

– Стоп! – остановил поток его мыслей дед. – Давай так. У меня к тебе несколько вопросов. В сущности, вопрос только один, но мне нужно, чтобы ты ответил на него честно и полно, так что начнем издали. И я тоже обещаю, что не совру, отвечая на твои вопросы. Только давай по очереди. Согласен?

– Запросто. Кстати, можно считать, что это я уже ответил на первый ваш вопрос! А как вы узнаете, что я отвечу честно? По мыслям? Так я иногда сам себя обманиваю. Думаю, что думаю одно, а на самом деле потом понимаю, что не так думал, как думал. Мне сложно объяснить.

– Любопытно, что ты сам об этом заговорил. Что ж, постараюсь ответить как можно точнее. Действительно, если человек врет сознательно, его достаточно легко подловить. Первые примитивные детекторы лжи были созданы еще в се-

редине двадцатого века. Ну, а для того, кто умеет читать мысли, поймать собеседника на открытом вранье вообще пара пустяков. Совсем другое дело, когда человек пребывает в полной уверенности в том, что он говорит правду, хотя на самом деле эта правда иногда очень далека от истины. «Я убью его!» – кричит, например, такой человек, кипя от негодования, и в его мыслях – читай их, сколько угодно – нет ничего иного, кроме живописной картины бездыханного тела врага. Но дай ему в руки пистолет, и что? Он даже не прицелится. Мысли и желания поменялись так, что просто диву даешься! В таких случаях существует несколько методов определения истины. Я расскажу тебе о том методе, который применю к тебе, но только в том случае, если ты сам на него согласишься. Применяя этот метод, я проникаю в твой мозг полностью. В те уголки, о существовании которых ты и не подозреваешь. Я не просто становлюсь тобой. Я становлюсь больше, чем тобой. Но и ты при этом открываешь в себе того себя, о котором прежде не подозревал. Согласен?

Ризи слушал деда не очень внимательно. Почему-то ему не нравились ни этот дед, ни этот разговор.

– К чему вам мое согласие? Если все, что вам нужно от меня, – это один ответ, то можно не церемониться. Тем более что дважды вы уже залезали в мои мысли без спросу.

– Знаешь, Риз, – сказал дед. – Мне нравятся твои вопросы. Но это уже твой второй вопрос, а

ведь сейчас моя очередь. А в мысли твои я не залезал. Просто хотел с тобой поговорить по душам. Не получилось.

Славик Тихонович замолчал. Скорее всего он все-таки читал мысли Риза. Но у Ризенгри в голове мелькали какие-то глупости: он представлял себе, как Дюшка возится с мозаикой, откапывая единственный нужный камешек из горы ненужных, как его мама, беспокоясь, звонит деду, потому что Дюшкин телефон завален камешками, а тот принципиально не берет трубку... В холле было очень светло и очень жарко.

– Ты согласен пустить меня в свое сознание?

– Да, я согласен, – не раздумывая, ответил Риз и тут же подумал: «Ни капельки не хочу, чтобы в мою голову опять кто-то лез».

– Так не пойдет, – сказал дед. – Мы договорились говорить начистоту, а ты уже врешь.

– Я согласен, – повторил Риз, прогоняя лишние мысли. – Я согласен. А тот во мне, который не согласен, – это не я.

– Нет, это не так, – не согласился дед. – Тот в тебе, который не согласен, это как раз и есть ты. И этот настоящий «ты» не хочет меня пускать. Боится говорить правду.

– Я ничего не боюсь! – перебил Риз. – Я вообще не умею бояться! Я не вру вам, честное слово! Как жаль, что вы мне не верите!

«А ведь я действительно боюсь говорить то, что думаю!» – внезапно подумал Ризи и умолк. Он впервые в жизни почувствовал, что, оказывается, тоже чего-то боится!

– Что ж, поскольку ответы твоего внешнего «я» меня не интересуют, а настоящий Ризенгри не горит желанием со мной разговаривать, у меня больше нет к тебе вопросов, – сказал дед. – Я не буду больше ни о чем тебя спрашивать. Иди домой. Уже довольно поздно.

– Я не пойду домой, – заупрямился вдруг Риз. – У меня остался в запасе еще один вопрос.

– Что ж, задавай. Ты собирался узнать, для чего я с тобой церемонюсь, да?

– Ну...

– Ах, нет. Ты хочешь узнать, откуда я про тебя все знаю.

– Да, и это тоже.

– Но вопрос-то у тебя только один!

– Я сейчас...

Риз задумался. Теперь у него в голове не было никаких глупостей. Он думал о том себе, который, оказывается, умеет бояться самого себя, о том, кем же на самом деле является его странный собеседник, и о многом, многом другом.

– О чем именно вы хотели узнать у меня? – неожиданно спросил Ризенгри.

– Мне было бы легче, а тебе – лучше, если бы ты задал другой вопрос, – усмехнулся дед.

– Но я задал этот!

– Хорошо. Твое право. Мне нужно было узнать, почему...

– Нет, подождите! Я опять передумал! Можно? Славик Тихонович кивнул.

– Что сейчас с Дюшкой?

Дед ничего не ответил. Вместо этого прямо перед Ризенгри, почти как в обычном стареньком трехмерном телевизоре, в уменьшенном масштабе возникло изображение незнакомой ему комнаты. Точнее говоря, это была часть комнаты, один ее угол со старым, обшарпанным диваном. На диване, связанный по рукам и ногам, лежал Дюшка. Его глаза были закрыты, но Риз все-таки понял, что его друг жив. На Дюшке был надет медальон Ризи с фотографией сестры. А около дивана стояли два мужика и грязно ругались. «Уходим, срочно!» – решительно сказал один из мужчин. Второй согласно кивнул.

Ризенгри вскочил. Видение исчезло. Но вместе с видением исчез и дед.

– Где эта комната? Где она? Почему вы сразу мне не сказали? Почему? – в пустоту кричал Риз.

Похоже, его никто не слышал. Ризенгри бросился на поиски деда, исчезнувшего столь стремительно. Славик Тихонович преспокойно спал в одной из комнат на втором этаже. На нем был синий, до полу халат.

– Дед, проснись! – завопил Риз.

Мужчина в халате открыл глаза и поднял голову.

– А, Дюшка! Ты давно пришел? – улыбнулся мужчина, и теперь его улыбка полностью соответствовала той, что была на фотографии.

Это был не тот дед! То есть это был не тот дед, который только что показывал Ризу настоящего Дюшку!

– Нет, не очень давно, – не сразу ответил Ризенгри. – Я недавно пришел.

– А я провозился всю ночь с твоим проектом, и вот он результат. Сплю средь бела дня, как младенец. Ты уже посмотрел новые камни?

– Нет еще, – сказал Риз.

– Ты разве не заходил в мастерскую? – удивился Славик Тихонович.

Риз с сожалением покачал головой:

– Извини, что разбудил. Мне пора. Я просто так забежал, на минуточку. Я пойду.

– Эй, малыш, да что с тобой сегодня? Ты просто сам не свой! Не забудь хотя бы взять подарки!

Оказывается, Дюшка Ключкин заранее подготовил сюрпризы для всей своей семьи, собственноручно упаковал их и припрятал до Нового года у деда. Риз с удивлением обнаружил, что среди разномастных свертков было кое-что и для него, и для Вари, и даже для Тафика. Впрочем, сейчас ему было не до этого. Он сбивчиво извинился за свою рассеянность, сгреб свертки в сумку и попытался улизнуть. Это ему не удалось.

Невзирая на все протесты, Славик Тихонович взялся провожать Ризенгри до дому. Риз почти бежал, временами едва ли не забывая о конспирации. По дороге они болтали о камнях, красках и новом проекте Дюшки. Новизна заключалась в том, что в камнях можно спрятать хитроумную систему подсветки так, чтобы стена заиграла, стала живой. До нашей эры схожим методом пользовались какие-то жрецы в каком-то храме. Только вот где именно находился этот храм, дед не помнил. Риза же куда больше интересовало,

где находится комната, в которой лежит связанный Дюшка. Никаких версий на этот счет у него не было.

– Я хочу заглянуть к Бесу, – вдруг заявил Ризенгри. – Не надо меня провожать.

Дед все-таки проводил его до самых дверей. Ушел, только убедившись в том, что родители Дюшкиного друга дома.

Марсия Шортэндлонг молча впустила сына домой, помахала рукой деду, закрыла дверь, затем уселась в любимое кресло и закрыла глаза.

– Все чисто, можешь не проверять, – сказал Риз.

– Откуда ты знаешь, чисто или нет?

– Я научился. Прошлой ночью. И потом, тот, кому очень надо, и так все про тебя знает. Залезет – даже не почувствуешь. Где Дюшка?

– Мы не знаем. Он ушел от нас утром. Сегодня утром. Надел куртку и кроссовки, которые мы приготовили на тот случай, если тебе придется убежать, прикинувшись для безопасности девчонкой.

– Куда он пошел?

– Мы на самом деле не знаем. Он сказал, что хочет поехать в Диснейленд, покататься один, без родителей. Обещал, что ненадолго. Риз, как хорошо, что ты вернулся! Я уже сложила чемоданы. Элиот! Иди сюда, скорее! Мы сейчас же летим в Гавстралию!

Марсия была на седьмом небе от счастья:

– Мы встретим Новый год в Гавстралии! Риз, какой же ты у меня молодец!

– Мам, я не могу сейчас уехать.

– Да-да, я знаю. Андрей рассказал мне про датчики. Ты у меня просто супергерой. Просто гений! Так всех провести! Но это ничего, что датчики. Мы их выбросим по дороге. Никто не поймет. А Дюшка вернется, и все будет хорошо. А потом он приедет к нам в Гавстралию. Знаешь, папа решил достроить еще один этаж к дому. И еще мы сделаем огромный бассейн. Огромный. Больше, чем у Ключкиных. Тебе понравится.

– Ма, постарайся вспомнить, что еще говорил Дюшка о своих планах?

– Ничего не говорил. Совсем ничего.

– Но о чем-то же вы говорили?

– Он рассказал о том, что вы поменялись местами. Долго сидел в ванной. Потом я его накормила. Он был такой голодный, съел целую тарелку хлопьев, два бутерброда с ветчиной из той банки, которую...

– Мам!

– Но он действительно не делился своими планами!

– А деньги он у тебя взял?

– О да, да, разумеется. Он взял деньги и пошел спать.

– В мою комнату?

– Да, а что?

Ризенгри отстранил мать и бросился вверх по лестнице. Он хотел проверить, удалось ли Дюшке добраться до тайника. Нырять сквозь стены с кучей датчиков Риз не рискнул. Наверху он встретился с отцом.

– Привет, Ризи! Мы не знали, что и подумать. Такая куча денег! Это просто гениальная операция!

– Что?

– Но мы все отдали Андрею! – крикнула снизу мама.

Риз влетел в свою комнату и бросился к вазе. Чуть не выронил ее из рук, стаскивая на пол. Едва дождался, пока поднимутся полки. Под второй ступенькой винтовой лестницы было пусто. Значит, Дюшка добрался до тайника. Но вот что произошло потом?

Ризенгри вернулся к отцу. Элиот Шортэндлонг в растерянности стоял около им же сделанных полок. Риз сосредоточился. Он не очень хорошо представлял себе то, что собирался сейчас сделать. Но ему надо было это сделать. Позарез.

– Папа, где Дюшка? – настойчиво, внятно, почти что по слогам спросил Риз, и отец почувствовал, как в него вклиниваются острые, как хирургические ножи, плотные концентрические волны. Сработано было грубовато, но зато наверняка. Впрочем, для первого раза совсем неплохо.

– Смотри, он действительно научился читать мысли! – воскликнул Рон Э-Ли-Ли-Доу. – Интересно, когда?

Впрочем, никто, кроме Димы Чахлыка, его не услышал. Дима ответил:

– Будет плохо, если он так же легко научится подделывать сияние над головой.

А Риз уже понял, что его предали.

– Номер клиники! – холодно потребовал он.

Отец назвал номер телефона и адрес заведения, а также имя и фамилию главврача. Голос отца был пуст и бесцветен, как у робота. Окончив говорить, он осел на пол и прислонился затылком к стене, закрыв глаза. У него кружилась голова, ему было плохо.

Ризенгри выбежал из дома и понесся в сторону метро. У него не было с собой ни денег, ни карточки, ни универсального проездного билета, которым пользуются все школьники. Он не очень хорошо представлял себе, где находится названная отцом улица и рассчитывал воспользоваться справочником по дороге. Ему хватило ума не просачиваться через турникет метро, а просто перемахнуть его с разбегу и успеть заскочить в поезд до того, как на оглушительный свист контролера на платформу выскочили представители охраны.

Когда Риз, не выходя из образа Дюшки, влетел в поезд, в дежурке СОСИСки хором завопили все сигналы тревоги одновременно. Спустя семь с половиной минут спецгруппа из двенадцати человек, разделившись пополам, двинулась по стопам объекта Ключ, которому перед самым Новым годом, на ночь глядя, приспичило отправиться в столицу.

Восхищалась поведением объекта Ключ только Сильвия. Она в возбуждении бегала по коридорам института, приставая ко всем окружающим со своими объяснениями сложного психологического устройства обыкновенного человека.

В кресле около аквариумов с музыкальными рыбками госпожа Менс встретила Лапа, преспокойно попивающего кофе.

— Полная непредсказуемость — это одна из самых характерных черт этих несчастных созданий! — счастливым голосом произнесла Сильвия, присаживаясь напротив. — Подумать только! Почти двенадцать лет просидеть рядом с мамочкой и папочкой, а потом вдруг на ночь глядя отправиться гулять в столицу! Правда, он может там не только гулять...

Сильвия сделала паузу и испытующе посмотрела на Лапа. Но Игорю Лапундровичу было все равно, как она смотрит. После последних кадров прощания Ключкина с котенком его диссертации ничего больше не угрожало и на все остальное временно можно было не обращать особого внимания.

— Вы полагаете, объект Ключ попытается еще раз покончить с собой? — равнодушно спросил Лап.

— Вот именно! — обрадовалась Сильвия.

Вообще-то она собиралась преподнести это Лапу как новость. Но то, что Лап догадался сам, нисколько не испортило ей настроения, так как у нее была в запасе еще одна новость.

— И как вы думаете, куда именно отправился объект Ключ?

— О, даже гадать не возьмусь! — вежливо улыбнулся Лап, подавляя зевоту.

— В частную медицинскую клинику! — торжественно заявила Сильвия. — А вы догадываетесь зачем?

Лап только руками развел. Сильвия огляделась по сторонам, наклонилась к Лапу и страшным заговорческим шепотом произнесла:

— Чтобы отравиться!

Когда Ризи Шортэндлонг входил в клинику, время, отделяющее его от группы преследования, сократилось до пяти минут двадцати секунд. Но этого времени Ризенгри хватило на то, чтобы узнать страшную новость. Представившись близнецом привезенного утром мальчика, Риз вежливо поинтересовался у Даниила Петровича, где находится его брат в настоящее время. Пока главврач выражал удивление и мямлил нечто нечленораздельное о врачебной тайне, его мозги выдали Ризу адрес медсестры Машеньки и внешний вид ящика, в который упаковали Дюшку. Риз выскочил из клиники за минуту до того, как к ней подъехала группа из СОСИСки.

Супермутант Ризенгри Шортэндлонг отлично умел летать или бегать, обгоняя машины. Но он ни на секунду не забывал о том, что сейчас он играет роль обыкновенного человека. К дому Машеньки Риз поехал на такси. За несколько кварталов до нужного места их остановила служба Чрезвычайных Происшествий. Риз бросил чертыхающегося таксиста и рванул сквозь строй стражей порядка к рухнувшему дому. Его никто не остановил. Риз остановился сам.

Пожар уже потушили. На месте многоэтажного типового дома остался невысокий обгорелый

холмик, обильно покрытый густой пеной, которую не пожалели пожарники. Небольшая группа наиболее предприимчивых мутантов разворовывала один из развалившихся от взрыва киосков с продуктами питания. Второй киоск охраняли доблестные стражи порядка. Какая-то женщина, скорее всего бывшая жительница рухнувшего дома, сидела прямо на земле, в грязной пенистой луже, и монотонно раскачивалась из стороны в сторону, не произнося ни звука. Ее уже снимали на камеры невесть откуда взявшиеся репортеры.

Риз сосредоточился и нырнул внутренним зрением в то, что осталось от дома. Взрыв поистине был чудовищным и очень хитроумным способом распределен так, что ударные волны спиралеобразно сталкивались друг с другом, подхлестывая процесс в пределах одного здания и не распространяясь далеко в пространстве. Температура в эпицентре была такой, что от большинства предметов не осталось даже пепла. Наиболее термостойкие части здания обуглились, отдельные блоки сложились, как карточный домик. Все обитатели дома почти мгновенно сгорели дотла вместе с мебелью, техникой и прочими предметами быта. Между фрагментами обгорелых блоков в правой части бесформенной тлеющей груды мозг Риза зафиксировал хорошо знакомый ему с детства предмет — медальон, подаренный ему Джен. Это был давний тайный талисман Риза. Он был сделан не на Земле и не по земным технологиям, поэтому

единственный спокойно выдержал нелегкое испытание огнем.

Было очевидно, что Дюшка погиб. У Риза не было никаких оснований думать иначе. Все было кончено. Теперь мутант Ризенгри Шортэнд-лонг мог выбросить из себя датчики и отправиться куда угодно. Принять любой облик. Пройти в любую дверь. Сделать все, что захочется. Никогда, даже много лет спустя, Риз не мог толком объяснить, почему он этого не сделал, почему остался в образе Дюшки.

А сейчас Джен посчитала, что Риз просто решил выполнить свое обещание, данное им перед расставанием с Дюком, заменять его ровно три недели. Рон решил, что мальчишка просто растерялся. У Димы нашлось сразу три одинаково правдоподобных объяснения поведения Риза. Которая из всех их версий была ближе к истине, так и осталось под вопросом.

Никаких лучиков над головой у Ризенгри на этот раз не возникло. Он не умел воспроизводить нужные лучи, не видел этих лучей над головами других и даже не подозревал об их существовании. Тот проблеск в лощине, наверное, был случайностью, исключением, только подтверждающим правило...

Эксперту Старку было не важно, есть лучи или нет. Он и так знал, что Ризи даже в такой ситуации не испытывает ни смятения, ни растерянности, ни боли, ни опустошенности, ни даже досады на то, что их с Дюшкой планы рухнули. Старк видел, что Риз просто встречает ситуа-

цию, как она есть, анализирует и взвешивает детали этой ситуации и принимает решение, как автомат, а не как человек. Но вот само принятое Ризом решение оказалось еще каким «человеческим»!

Ризенгри Шортэндлонга увезла подъехавшая к дому спецгруппа СОСИСки. Показания датчиков свидетельствовали о сильно выраженном стрессовом состоянии объекта Ключ. Фредерик Менс получил бесспорное доказательство своей блестящей догадке: Андрей Ключкин еще раз попытался покончить с собой, сгорев при пожаре. Джен не стала интересоваться, откуда, по его мнению, мальчик мог узнать, где именно произошел взрыв.

Дима Чахлык и Рон Э-Ли-Ли-Доу, временно оставив около Риза по пятой своей части, занялись настоящим Дюшкой. Сын нефтяного короля с комфортом разместил свою драгоценную находку – связанного мальчика – на одной из загородных вилл, купленных его отцом просто так, по случаю. Теперь Майкл Кэшлоу мог стать директором собственного секретного института, предварительно оформив юридически свои права на владение клоном, причем оформление это было чистой формальностью. Дюшку Ключкина ждали новые приключения, но пока он все еще спал, находясь под действием очередной дозы снотворного, и ни о чем не догадывался. А Старк, самый молодой эксперт ангелов, покинул Землю мутантов и срочно отменил свое предыдущее решение. Очередной

конец света на Земле-11 теперь в очередной раз ненадолго откладывался. До полного прояснения ситуации.

До встречи нового, двести пятьдесят шестого года по новому мутантскому календарю на тридцать восьмом меридиане родной планеты Ризенгри Шортэндлонга оставалось всего пять с половиной часов.

ЧАСТЬ II

КОНЕЦ СВЕТА ВРЕМЕННО НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Ангелы никогда не врут. Но ведь это не означает, что они обязаны всегда говорить правду.

Глава 1

НОВЫЙ, ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ

До встречи нового, двести пятьдесят шестого года по стандартному мутантскому календарю на тридцать восьмом меридиане родной планеты Ирочки Слунс оставалось всего пять с половиной часов. Ирочка, приятная во всех отношениях мутантка второго порядка, обладающая изысканными аристократическими манерами и умеренной способностью к левитации, была типичной совой. То есть она была совой не по внешнему виду, а по врожденной привычке ло-

житься далеко за полночь, а спать потом до полудня. Если Ирочке приходилось вставать по утрам, это была настоящая беда, у нее все валилось из рук. Чай проливался мимо чашек, чашки падали на пол, а тарелки с блюдами упархивали через весь стол, как у Федоры из известного в древности детского стихотворения. Верхние Ирочкины руки еще ничего, как-то справлялись, а вот с нижними по утрам было совсем тоскливо. Хорошо, что у нее выросло всего две пары рук, иначе бы семья рисковала остаться вовсе без посуды.

Семья Слунсов состояла из пяти членов: мужа Егора, представительного менеджера представительной фирмы, сына Рино, среднего ученика средней школы, двух симпатичных домашних животных — царапазаврика Васьки и покусодонта Куськи и, наконец, самой Ирочки, журналистки научно-популярного журнала, известного исключительно в научно-популярных кругах. По вечерам, когда мужчины отправлялись спать, а покусодонт с царапазавром забирались на чердак выяснять отношения, сова Ирочка садилась писать стихи или править статью для очередного номера. Иногда она вылетала подышать свежим воздухом и немного развеяться. Летала всегда в одно и то же определенное место: в трех километрах от дома Слунсов на огороженной и так себе охраняемой территории пустовала великолепная вилла неместного богача.

Когда-то, когда Ирочка была еще школьницей, хозяин приезжал сюда со своей супругой, кап-

ризмным годовалым мальчишкой, поваром, няней, штатом придурковатых охранников и здоровенным полосатым воздушным шаром. Шар надували на поле за виллой. Местных жителей в лице Ирочки и еще десятка других мутантов ее же возраста охранники снисходительно не отгоняли. Взрослых же, помахивая портативными пулеметами, вежливо просили разойтись. Если бы не этот шар, Ирочка бы и не вспомнила, что на вилле когда-то жили. В компьютере на первом этаже она откопала снимок орущего хозяйского малыша на фоне этого шара. Сдвинула малыша в угол, а в центр поместила себя в возрасте пятнадцати лет. Получилось очень неплохо. Новый вариант фотографии Ирочка распечатала, вставила в рамочку и повесила в холле, напротив входа в виллу.

Подготовив у себя дома все к встрече Нового года, Ира Слунс решила ненадолго отлучиться на свою виллу. Пока ее мужчины приводили себя в порядок, у Ирочки оставался почти час свободного времени. Им надо было воспользоваться. Потом начнутся звонки, заглянут с поздравлениями соседи, перевернут всё вверх дном пьяные елочки... Елочки приходили водить хороводы в каждый дом, в котором жили люди. Вокруг Ирочкиной виллы их следов не было. Ирочка привычно пролевитировала в овальную дыру, образовавшуюся в защитном поле много лет назад, подлетела к окну на втором этаже, толкнула его и проникла в помещение.

Каждый предмет внутри ей был знаком с детства. Здесь можно было отдохнуть, отвлечься, расслабиться. Убиралась вилла автоматически, независимо от того, пачкал в ней кто-то или нет. Камеры наблюдения были отключены. За двадцать лет своих полетов сюда Ирочка привыкла к тому, что можно бросать на пол фантики и огрызки, расплескивать пену в ванной комнате и стрелять в стены кетчупом из детского водяного пистолетика. Короче говоря, было очень удобно.

В последнее время стрелять кетчупом не хотелось. Тем более что за эти годы два из трех уборщиков вышли из строя, третий, что называется, дышал на ладан, а чинить чужие вещи за свой счет Ирочка, естественно, не собиралась. Она с удовольствием опустошила очередную бутылку коллекционного вина из погреба, покатала шары в бильярдной – нижние руки против верхних, расстроилась из-за того, что верхние опять выиграли, и поднялась в башенку, где находилась обсерватория. Телескоп был старый, плохонький, морально устаревший. Но астроном из Ирочки тоже был никакой, так что ей хватало. Кроме того, она обычно поднималась в башенку не для того, чтобы глазеть на небо. Просто тут уютнее думалось.

А поразмыслить Ирочке было о чем: два часа назад им с мужем пришло сообщение о том, что их сын Рино по результатам прошлого теста (какого еще теста?) отобран для обучения в школе для особо одаренных детей и срочно, прямо завтра, приглашается на собеседование в Институт

биофизики... Ну, и так далее. Рино был веселым, общительным ребенком. Достаточно живым, энергичным и при этом совершенно бесконфликтным. Но назвать его особо одаренным Ирочка даже при большом желании вряд ли бы могла. При всем при том приглашение не было ошибкой: в нем абсолютно точно указывались не только их адрес, имена и так далее, но и размещались объемные фотографии с просьбой ответить, не изменилась ли внешность кого-либо из членов семьи за последнее время. Оказывается, это было существенно для оформления спецпропусков на территорию школы, куда приглашался для бесплатного (оу, ес!) обучения их отпрыск. Ирочка утонула в кресле в углу обсерватории и задумалась.

Внезапно она услышала внизу непонятный шум, выглянула в окно и с удивлением обнаружила гостей. Ирочка нахмурилась. Какие-то посторонние люди, которых никто сюда не приглашал, копошились у центральных ворот. Отсюда, с высоты, все было видно как на ладони. Вот они открыли ворота, — какая наглость, подумать только! — въехали на машине во двор и остановились. Перед домом снег не разгребался, и водитель не решился бороздить сугробы дорогим авто. Из машины вылезли двое. Один мужчина, одетый по последней моде, достал из багажника бямску (маленький, но очень нужный прибор в условиях севера) и направил широкий луч в сторону сугробов у входа. Пока сугробы таяли, из машины вылез второй мужчина. Он был пониже

ростом, в простой потрепанной куртке и старых ботинках «Ой, мама». Ирочке показалось, что его шея замотана мохнатым шарфом. Но может быть, это была шерсть. Некоторые мутанты обрастают под зиму.

Так или иначе, надо было сматываться, пока ее не обнаружили. Сделать это можно элементарно: как только мужчины войдут в дом, открыть окно и... Ирочка зевнула и замерла в ожидании. От окна она не отходила. Даже если кому-то из посетителей пришло бы в голову поднять глаза, они вряд ли бы обратили внимание на неподвижное очертание неясной формы за сбившейся в угол шторой. Первый мужчина без труда вошел в дом. Судя по тому, что сигнализация не сработала ни около ворот, ни сейчас, а гости вели себя спокойно и уверенно, Ирочка поняла, что они здесь на законных основаниях. Что ж, жаль. Интересно, долго ли они тут пробудут? Хорошо бы, не увезли оставшееся вино. Оно такое вкусное! В холле зажегся свет, включилась иллюминация и над входом. Ирочка инстинктивно отпрянула в глубь своего убежища. Мужчина в куртке открыл заднюю дверцу машины и с трудом принялся выволакивать что-то тяжелое с заднего сиденья. Ирочка вся превратилась во внимание. Первый мужчина выскочил из дома и бросился на помощь второму. С чем же они возятся? На мгновение оба человека разогнулись, и Ирочка увидела, что они заносят в дом труп подростка: один за ноги, второй за плечи. Лица его Ироч-

ка толком не разглядела. Но определила, что это еще практически ребенок. Может быть, даже живой. Ну да, скорее всего живой. Как только троица скрылась в доме, Ирочка ускользнула.

Майкл Кэшлоу, единственный сын богатенького хозяина виллы, вместе со своим бывшим одноклассником, а ныне дрессировщиком слоникотюбов Александром Мышовым по кличке Мормышка Ы, затащили Дюшку в одну из спален на втором этаже и бросили поперек кровати.

– Он весь мокрый и холодный. Там внизу гардероб есть на все случаи жизни. Откопай что-нибудь попримечнее, переодень его и засунь под одеяло, – распорядился Майкл.

– Я? Почему я?

Взгляд Майкла заставил Мормышку Ы втянуть голову в плечи.

– Потому, что ты теперь – мой сообщник. По похищению – раз. По взрыву – два. По....

– Я ничего не взрывал! – испуганно возмутился Ы. – Это же ты сделал!

– Ага, как бы не так. А чья жена – труп? А чья квартира в эпицентре? А чьи отпечаточки на канистре?

– Так канистра же не уцелела!

– Еще как уцелела! – ухмыльнулся Майкл. – Я позаботился. И потом, неужели ты думаешь, что меня, при моем-то папочке, осмелятся обвинить в таком ужасном, таком нечеловеческом

преступлении! Да у меня вообще на весь сегодняшний день – стопроцентное алиби. Каждому свидетелю – по паре штук и... Сколько тебе нужно свидетелей, мышатина?

Мормышка Ы побледнел так, что это стало заметно даже сквозь его густую зимнюю шерсть. В первый момент он испугался, но, когда Майкл называл его мышатиной, не на шутку взбесился.

– Да я тебя по стенке размажу со всеми потрохами! – с перекосившимся от злости лицом прошептал Ы. – Никаких свидетелей не понадобится! Понял?

Майкл молча достал из кармана вторую за последние несколько часов пачку купюр и засунул Мормышке за воротник.

– Ты – бандит, – убежденно произнес Майкл. – Ты взорвал дом и украл ребенка. Но этот ребенок может принести тебе гору золота. Если, разумеется, ты будешь хорошим мальчиком и для начала не дашь ему простудиться. А все остальное я беру на себя. А если ты будешь мне тут пробовать права качать...

Теперь Майкл достал из кармана пальто небольшой предмет, размером с карандаш, в котором Ы с ужасом узнал микроволновую ручную пушку последней марки.

– Не буду! – с готовностью выпалил Мормышка.

Майкл медленно спрятал опасный карандаш обратно в карман.

– Не буду, просто потому, что хочу гору золота, – покорно сказал Мормышка. – Ну чего ты! Мы

ж с тобой со школы друзья... А кто этот пацан?

— Пока не знаю, — честно ответил Майкл Кэшлоу. — Но Новый год нам придется встречать тут. Сюда никого впускать нельзя. Я сейчас съезжу за едой. Сам. А ты давай действуй, и без глупостей.

Мормышка Ы послушно спустился вниз и отыскал комнату, которая служила гардеробной. С его точки зрения, она была больше похожа на склад дорогой, но устаревшей одежды. Провозившись никак не менее получаса, Ы наконец нашел вполне подходящий по размеру спортивный костюм. На переодевание гостя, все еще находившегося в бессознательном состоянии, также ушло немало времени. Мормышка неуклюже ворочал Дюшку с боку на бок, пытается натянуть на него сухую одежду. Что же касается промокшей больничной пижамы, Ы ее просто выбросил. Наконец, он управился. Снизу уже доносились разные вкусные запахи. Это было как нельзя кстати — последний раз Мормышка ел аж ранним утром.

Через пятнадцать минут приятели, утолив первый голод, перебрались в зеркальную гостиную, к телевизору побольше.

— Тут у нас все старое, сто лет не меняли, — объяснил Майкл. — Так что уж извини за отсутствие сервиса.

— Да ничего, ради дела можно и потерпеть! — снисходительно кивнул Мормышка, у которого просто глаза разбегались от непривычной роско-

ши, не говоря уже о том, что такого обилия деликатесов он вообще одновременно никогда не пробовал.

К моменту, когда часы начали бить двенадцать, Майкл обнаружил, что в хлам пьяный Мормышка Ы спит, сидя в кресле и не выпуская из рук очередной бутылки.

– Ну что ж, с Новым годом! И за меня, любимого! – торжественно произнес Майкл, чокаясь со своим изображением в зеркале. – И пусть у меня все будет, наконец, хорошо!

Когда Риз Шортэндлонг понял, что его лучший друг Дюшка Ключкин погиб, мир для него вовсе не померк. Ризенгри не проявил ровным счетом никаких эмоций, к великому сожалению ангелов! Если бы Риз забился в истерику или, наоборот, впал в ступор, потеряв всякий интерес к жизни, если бы с горя превратился сам в себя, выбросив датчики, или принялся от безысходности мстить обидчикам – все это могло бы уложиться в одну из привычных для ангелов положительных моделей поведения. И они бы поняли, что Ризи – отличный парень, которого вполне можно при случае, через пару сотен жизней, принять в свои ряды. Если бы Ризенгри равнодушно пожал плечами при виде обгорелых остатков дома или вовсе не поспешил бы на помощь Дюшке, это могло бы уложиться в одну из привычных для ангелов отрицательных моделей поведения. И они бы поняли, что Риз – противный бесчувственный мутант, с ко-

торым лучше вообще не связываться. Но поведение Риза не укладывалось решительно ни в какие модели: ни в положительные, ни в отрицательные, ни даже в промежуточные. Лучика над его головой не возникло, но характерного коричневого или серого купола злорадства — тоже. И красно-бурые всполохи, говорящие о желании отомстить, тоже не появились. Из образа Дюшки Риз не выходил. Истинные причины такого поведения мальчика были не ясны ангелам.

Риз торчал в десяти шагах от пожарища, задумчиво уставившись в одну точку, когда рядом с ним возникла шепелявая, допотопная старушенция.

— Вот ведь страсти какие! — покачала головой старушенция и с любопытством оглядела Риза с ног до головы. — А ты, небось, в этом доме жил, мальчик?

— Неа, — рассеянно ответил Риз. — У меня там друг погиб.

— Это плохо, — вздохнула бабка. — Ну, да какие твои годы. Один друг погиб, другой набежит. Не переживай!

— Да я и не переживаю, — Риз посмотрел на странную бабку с явным недоумением. — Переживать вообще неразумно. Я просто думаю.

— О чем?

— О трех вещах. Первое — о том, что таких людей, как мой друг, на Земле больше не будет. Второе — о том, что друзья не набегают. Третье — о том, что я теперь один.

– Как я тебя понимаю! – сказала старушка. – Смерть – это всегда такая неожиданность. Был человек – и нету.

– Я думаю, вы не понимаете. Беда в том, что он теперь не просто есть, он – навсегда есть, – спокойно пояснил Риз. – С ним случилось самое худшее из того, что вообще с ним могло произойти. Он еще до этого взрыва был приговорен к вечности.

Старушка молчала, уставившись на дымящиеся остатки пожарища. Но она слушала, и Риз продолжал рассуждать вслух.

– Мой друг мог стать отличным мутантом и прожить замечательную жизнь, полную смысла. Он такие мозаики делал, что вообще. В одиннадцать лет. Правда. А теперь что его ждет? Бессмысленная вечность?

– Вечность – и бессмысленная? – переспросила старушка, близоруко щурясь на пепелище. – Ой ли...

– Вечность совершенно бессмысленна, – убежденно повторил Риз. – Стопудово. Пока тебе надо что-то успеть сделать, в этом есть смысл. А когда торопиться некуда... Я на роликах если всего три часа катаюсь – и то уже надоест, сил нет. А тут – вечность! Это очень плохо! Что с ней делать? Ну, накатался, наигрался, мороженого наелся, фильмы все пересмотрел по сотне раз, дворец построил, детей вырастил, химию с хрюканьем выучил и вообще стал полным совершенством, а потом что? Хоть на стенку лезь, хоть вешайся. И не повесишься ведь даже,

и не утопишься. Разве что останется в чужие судьбы вмешиваться...

— Это ты так чувствуешь? — попыталась уточнить бабка.

— Это просто так есть! — пожал плечами Риз. — Конечно, вечность может стать отличной штукой, только с одним условием. Чтобы в ней не было никаких ангелов! Ни одного! Ни единого! Чтобы ни одна сволочь не решала за тебя, что тебе в этой вечности делать и в каком направлении двигаться. Но Дюшку ждет теперь другая вечность, которая хуже тюрьмы.

— Почему «хуже тюрьмы»? — оторопела старушка.

— Потому что! Потому что когда сидишь в тюрьме, то ты вынужден жить по чужим правилам. Но ты точно знаешь, что где-то за пределами тюрьмы есть свобода, где ты можешь жить по своим правилам. А в Дюшкиной жизни теперь навсегда чужие правила.

Как только Риз отвернулся от назойливой старухи, она тотчас исчезла, превратившись в невидимого для земных существ ангела-эксперта. Разумеется, этого никто не заметил.

В этот момент группа преследования и защиты Ключкина из СУМАСОЙТИ (Секретного Управления Мутантами: АСами и т. д.) наконец добралась до места назначения. Увидев объект Ключ в целостности и сохранности, руководитель группы вздохнул с облегчением. А «объект Ключ», увидев группу, тут же привел организм в стрессовое

состояние, участив пульс и повысив уровень адреналина в крови. «Очень вовремя вспомнил!» – усмехнулся Дима Чахлык, энергичный темнокожий ангел, благодаря которому Ризу Шортэндлонгу удалось успешно проверить «коронный номер тысячелетия». Данные всех датчиков, вшитых ранее в Дюшку, а теперь находящихся в теле Риза, принявшего облик друга, Дима полностью контролировал, прежде чем направить в СОСИСку (самый секретный отдел секретного управления).

Риз Шортэндлонг безропотно дал себя увезти с места происшествия. В машине его бережно усадили в кресло, пристегнули самыми надежными ремнями безопасности и поинтересовались, комфортно ли он себя чувствует. Риз коротко кивнул. За всю остальную дорогу никто не произнес ни единого слова.

Риза, вопреки его ожиданиям, не отвезли домой (домой к Дюшке Ключкину, разумеется). Объехав родной город стороной, машина доставила его прямехонько в заднему входу в Институт биофизики. Риз прошел вслед за одним из сотрудников в какой-то уютный холл с аквариумами, в котором его встретил цветущего вида мутант в совершенно невообразимом парике и с жабрами, прикрытыми легким шейным платком.

– Меня зовут Фредерико Менс, – представился мутант. – Я рад сообщить тебе приятную новость. Мы создаем новую школу закрытого типа для особо одаренных детей. И ты принят в эту

школу, согласно результатам предварительных э-э-э... работ, проведенных нашими э-э-э... коллегами.

Менс подготовил целую речь на тот случай, если Дюшка Ключкин начнет возражать. Но Дюшка не стал возражать. Напротив, он с интересом осматривался по сторонам и вообще чувствовал себя как дома. Менс молчал. Риз понял, что ему полагается как-то отреагировать.

– Ну это здорово, – сказал он. – Школа закрытого типа... А я особо одаренный, потому что я – последний человек?

– А еще ты замечательно хрюкаешь! – почти искренне произнес Менс. – И хобби у тебя необычное. Ты знаешь, мы даже подумали, что ты можешь заняться своим любимым делом прямо в новой школе.

Риз уже знал – дед был тому причиной, – что Дюшке приготовили кучу камней для мозаики. Но в его планы вовсе не входило заниматься подобными глупостями! Он решил, что лучше не дать Менсу договорить опасную фразу до конца.

– Я решил поменять хобби! – заявил Риз. – Я буду заниматься спортом. Это и для здоровья полезнее. Я плавать люблю. То есть я хотел сказать, полюблю. И еще увлекусь чем-нибудь таким, необычным...

– Теннисом! – вдруг выпалил Менс. – Есть такой старинный вид спорта, очень любопытный. Нужно всего ничего – ракетки, сетка и мячик.

И они принялись обсуждать правила и особенности игры в теннис. Риз задавал очень интересные вопросы и вообще вел разговор почти как взрослый. И Менс с удивлением подумал, что Дюшка больше не кажется ему недоразвитым олухом, каким он виделся ему раньше. Словно и в самом деле мальчишку подменили.

Тем временем все остальные сотрудники СО-СИСки, собравшиеся в круглом зале института, активно обсуждали вопрос, можно ли отпустить объект Клю домой для встречи Нового года. В принципе все показатели были в норме, но, учитывая его неожиданный побег к месту взрыва, оставлять Ключкина без присмотра казалось опасным.

— Кстати, а для чего ты ездил на Мраморную улицу? — как можно более равнодушным тоном спросил Менс, когда вопрос тенниса был исчерпан.

Все сотрудники, как один, превратились в слух.

— Сейчас реветь начнет! — шепотом предположил Джереми Лермонтов, вглядываясь в центральный экран.

— Ставлю сто против одного, что не начнет! — возразил Пушкин, бросив взгляд на диаграмму гормонального фона Ключкина (диаграмму передавал датчик, установленный в районе сердца) и ритмы коры головного мозга (эти ритмы отслеживала круглая штукovina в Дюшкиной переносице).

Ризенгри Шортэндлонг раздумывал, что бы ему ответить. Наконец, он произнес:

– Не знаю даже, как вам сказать. Это была такая глупость с моей стороны. Наверное, из-за подросткового возраста. Я так вам всем благодарен за то, что вы за мной приехали. Я больше так не буду, обещаю. Можно я домой пойду? А то Новый год скоро, мама волнуется. И Тафика кормить надо. Как он там без меня, бедненький?

Ризенгри вспомнил о том, что он вообще-то не Риз, а Дюшка, и срочно выпустил из левого глаза слезинку и немного участил сердцебиение.

– С тебя стольник! – сказал Лермонтов Пушкину.

– Так он же не заревел!

– А слеза?

Мнения в круглом зале разделились. Одни считали, что выиграл Пушкин, другие горой стояли за Лермонтова. В конце концов сошлись на том, что Пушкин должен выплатить половину суммы, а Лермонтов – угостить на эти деньги всех присутствующих шампанским. Пока они спорили, Фредерико и Тафанаил дружно решили, что объект Клю может быть благополучно доставлен домой для встречи Нового года. Менс лично вызвался препроводить его до дому. Господин Казбеков не возражал.

Риз и Фредерико вышли из института, когда было уже темно. На севере рано темнеет. До Нового года оставалось совсем немного, часов восемь.

– Я рад, что ты оказался не такой, каким я тебя представлял вначале, – сказал Менс. – И еще хорошо, что ты решил заняться своим здоровьем.

ем. Люди – я имею в виду настоящих людей – такие слабые существа...

Если бы Риз был человеком, ему наверняка стало бы обидно за умершего Дюшку. Но Ризи не был человеком. И взбеленился он просто от того, что слова Фредерико Менса показались ему невероятно несправедливыми. Он никогда не считал Ключкина слабым существом! Если человек не может прыгнуть со второго этажа и чувствует боль – это еще не значит, что он слабое существо!

– Люди – слабые существа? Это я, Дюшка Ключкин, – слабое существо??? Да вы что!!! Да Дюшка в сто раз лучше вас всех вместе взятых!

– Сам себя не похвалишь... – пробормотал Менс.

Он опять стал разочаровываться в Ключкине. Такое самомнение на голом месте...

– А хотите, я вам докажу, что я способен на такое... На такое... На все способен! Давайте проведем эксперимент. Вы же берете меня в институт для экспериментов, верно? Вот и проведем эксперимент на то, что я по всем параметрам лучше всех остальных учеников. И по уму, и по характеру, и по выносливости...

Менс усмехнулся. Риз понял, что его слова выглядят смешно на фоне кучи записей с Дюшкиными рыданиями в ванной и у компьютера.

– Хорошо, – сказал Ризенгри. – Тогда делаем так. Вы знаете, что моя жизнь застрахована на астрономическую сумму. В случае чего, как мой опекун, вы можете получить знаете сколько...

– Но я же не твой опекун! – перебил его Менс.

– Но вы же можете им стать! – парировал Риз. – Родители не могут оберегать меня, пока я в школе, а вы можете. Заодно проверите, какие нагрузки может выдержать обыкновенный человек по сравнению с обыкновенными мутантами! Вы же сами всю жизнь считали, что люди лучше мутантов.

– Откуда ты это знаешь? – поразился Менс.

– Да вы же сами мне час назад сказали!

– Да, действительно! – Менс задумчиво почесал жабры, после чего тщательно поправил кашне и произнес: – Провести такой эксперимент – это хорошо. Если он получится, то весь мир сможет убедиться в том, что я прав в попытках возродить людской род. А о страховке я, признаться, не подумал. Правда, придется поделиться с Тафанаилом... Ты не против, если у тебя будут два опекуна, малыш?

Риз был не против. В его жизни появилась новая увлекательная игра, и это было здорово.

Все смешалось в доме Ключкиных перед встречей Нового, 256-го, года по мутантскому календарю! Впервые встречать Новый год было решено всей семьей, вместе с бабой Никой и дедом Славиком Тихоновичем, большим оригиналом и выдумщиком.

– Всем привет! – жизнерадостно завопил дедушка. – В этом году Новый год справляем по старинке. Как во времена моего детства.

– Ага! – согласились все, особенно бабушка Ника.

Баба Ника была матерью отца Дюшки, а Славик Тихонович являлся Дюшкиным дедом по материнской линии, так что в кровном родстве они не состояли, но схожие воспоминания о безвозвратно ушедшем прошлом роднили их сильнее, чем общая кровь.

– Во-первых, нам позарез понадобится елка! – завопил дед, бросая свои многочисленные баулы и сумки на пол. – Живая или даже лучше, чем живая. Настоящая. Зеленая. Пушистая и колючая. Мы ее срубим!

– Ага! – дружно кивнули Ключкины, и папа полез в подвал доставать настоящий старинный топор на мини-аккумуляторе.

В дежурном отделении СОСИСки тут же возникло напряжение. Сотрудники института еще не забыли неадекватную реакцию объекта Ключ на историю о елочках, рассказанную ему бабой Никой несколько лет назад. Но на этот раз все почему-то обошлось.

– Чур, елку рублю я! – забил Дюшка, прежде чем его сестренки-близняшки успели сообразить, в чем дело.

– Ну, Дюшка, почему опять ты?! – хором протестовали близняшки.

– Потому что я – последний настоящий человек на Земле! – гордо заявил Риз Шортэндлонг, глядя на них сверху вниз. – Меня надо любить и беречь. И вы должны мне во всем уступать.

Сестры не нашли, что возразить, и попросту бросились было на Дюшку с кулаками, но дедушка

быстро уgomонил их, сообщив, что тот, кто будет плохо себя вести и нарушать порядок, встретит Новый год в чулане. Ризенгри внимательно смотрел на деда с момента его появления. Но на этот раз Славик был Славиком, а не тем таинственным кем-то, с которым у Риза недавно состоялся столь интересный разговор. «Ну и ладно! – подумал Риз, следя за ним потихоньку. – Все равно Дюшки больше нет. Значит, проехали». В этот момент появился папа с топором, и все поехали в супермаркет за «лучше-чем-живой» пластиковой елкой.

Каких елок там только не было! Марте больше всего понравилась оранжевая с запахом апельсина, Апреле – маленькая, стреляющая конфетами, а маме – обыкновенная самонадувающаяся. Но папа был тверд – елка, которую Ключикины в конце концов купили, была такая, какую хотел дедушка: зеленая, пушистая, колючая, с хвойным наполнителем и компьютерной системой защиты. Рубил ее, разумеется, Риз. Он замахнулся топором на продавщицу и предложил ей завернуть покупку в самую нарядную бумагу.

– Какой милый у вас мальчуган! – расплылась в улыбке продавщица, выбирая бумагу. – Такой непосредственный!

Дюшкины родители раздулись от гордости за своего сына, а Марта с Апрельей решили во что бы то ни стало отомстить этому выскочке в ближайшее же время.

– Не пойдет! – вздохнул дедушка, когда увидел покупку. – Ненатуральная елка! Во времена

моего детства елки были куда натуральнее... Какие будут предложения?

Все молчали и смотрели друг на друга.

– Ладно! – вдруг решительно сказала баба Ника. – Так и быть! Я буду елкой!

И она стала елкой. Точно такой, какие были двести лет назад. Бабе Нике несложно было прикинуться почти настоящей елкой – ведь она была мутанткой, способной укореняться.

– Молодец, Вероничка! – прослезился дедушка и скомандовал: – Теперь бабу Нику, то есть елку, нужно украсить. На подол – бусы, к поясу – хлопушки, на верхушку, то есть на макушку, – звезду.

– Ага – сказали остальные и начали украшать бабушку.

Мама покорно пошла за своими бусами и браслетами. Марта взяла детский пилотируемый акваланг и понеслась в бассейн за морскими звездами для верхушки. Апреля побежала в тир за динамитом для хлопушек. А Риз, то есть Дюшка, притащил Рыжего Тафанаила, чтобы наряжать его Снегурочкой.

– Ненатуральные бусы! – заявил дедушка, критически осмотрев украшенную елку. – И звезда какая-то странная! Вот во времена моего детства...

– Зато хлопушки самые что ни на есть! – перебили его все, кроме бабы Ники, потому что баба Ника, не выходя из образа елки, как-то странно молчала, недоверчиво косясь на динамитные хлопушки. – Можно Новый год встречать!

– Встречать Новый год?! – закричал дедушка. – А часы?! Срочно нужны часы с кукушкой. На Новый год они должны бить ровно двенадцать раз.

– Кого бить? – испугалась мама.

– И что такое «кукушка»? – спросили сестренки, набирая номер межпланетной торговой федерации «Не долетишь – не продашь». (Ехать еще раз в магазин уже просто не было времени.)

Через полчаса Ключкиным вместо часов с кукушкой доставили замечательный барометр с живым ученым попугаем на солнечных батареях. Попугай предсказывал погоду на трех языках, а барометр телепатически подсказывал попугаю, что ему предсказывать. Дедушке попугай не понравился.

– Совершенно ненатуральный попугай! – сказал он. – В мое время попугаи работали от зерна, каши и водички. И потом, все-таки нужна кукушка, а не это чучело.... Что будем делать?

Все молчали. Мама мужественно сказала:

– Ну я могу попробовать немного побыть кукушкой. Если, конечно, это так необходимо...

– Необходимо! – закричали сестренки.

И мама стала кукушкой. Такой, какие когда-то давно жили во всех часах. Она залезла на стул около елки, сложила губы клювиком и откашлялась, приготовившись куковать, когда понадобится.

– Теперь надо выбрать Деда Мороза и Снегурочку! – сказал дедушка и посмотрел на Тафанаила, на которого Риз успел нацепить вырезанный из блестящей бумаги кокошник.

Тафанаил отчаянно мяукал и пытался сорвать с головы корону. И вообще он совершенно не походил на девушку. Тем не менее Снегурочку дедушка утвердил, что называется, в первом чтении. А вот по поводу Деда Мороза возникли дебаты. Славик Тихонович считал, что Дедом Морозом должен быть папа. Папа считал, что Дедом Морозом может быть только Славик Тихонович. Близняшки убеждали всех, что они вдвоем – это самое то, что надо.

– Дедом Морозом буду я! – перебил их Риз.

– Почему опять ты?!

– Потому что это мой последний Новый год дома! – трагически заявил Риз. – Меня приняли в школу для особо одаренных. Следовательно, вы должны мне уступить.

И Ризенгри стал Дедом Морозом, а сестренкам пришлось довольствоваться ролями зайчиков, за которыми охотился серый волк папа. Но злому волку помешал добрый джедай дедушка, и все обошлось. Никогда еще Новый год в семье Ключкиных не проходил так весело! Это был такой замечательный Новый год, каких просто так не бывает. Баба Ника зажглась, мама радостно закричала: «Ку-ку, с Новым годом!», сестренки носились по потолку как угорелые, а Дед Мороз Ризенгри, ухватив Снегурочку-Тафанаила поперек живота, желал всем нового счастья и новых радостей. Потом в ожидании нашествия елочек из леса все принялись рассматривать подарки.

Настоящий Дюшка Ключкин подготовил всем сюрпризы задолго до праздника. Он собст-

венноручно упаковал каждый сувенир и спрятал все в доме деда. Риз забрал свертки, но не успел в них заглянуть. Он не знал, что в них находится. Только теперь выяснилось, что заботливый Дюшка купил или смастерил сам для каждого именно то, что тому больше всего не хватало.

Дюшка угодил всем. Сестренкам Дюк приготовил одинаковые кукольные наборы – чтобы не передрались и не поссорились. Для бабы Ники он вырезал из огнеупорного пенопласта нарядную емкость для хранения корешков. Папе достался модный пуловер с маминым портретом. «Такое надо было за месяц раньше заказать!» – подумал Риз, разглядывая пуловер. Мама получила в подарок шкатулку для украшений, инкрустированную драгоценными камнями. В шкатулке лежала открытка, в которой было написано: «Дорогая мамочка! Поздравляю тебя с Новым годом! Эту шкатулку я сделал сам. Это моя первая работа с натуральными алмазами. Надеюсь, что она тебе понравится. Твой сын Дюшка». Шкатулка действительно была очень даже прилично сделана.

Мама пришла в неописуемый восторг, а Ризенгри с тоской подумал, что ему, похоже, будет гораздо сложнее прикидываться Дюшкой, чем он ожидал. Хотя теперь, когда Дюшки уже нет на свете, можно и не прикидываться. Что ему, умеющему мгновенно менять внешность и проходить сквозь стенки, стоит повернуться и уйти? Но возвращаться к своим настоящим родителям

Ризу почему-то не хотелось. А больше ему идти было некуда.

В эту минуту Риз больше, чем когда бы то ни было, завидовал своему другу. И меньше, чем когда бы то ни было, мог признаться себе в этом. Он завидовал тем крохотным осколкам – нет, не любви, потому что мутанты по определению не умеют любить друг друга, а хорошего отношения и признательности, которые доставались Дюшке от близких в ответ на его, Дюшкину, к ним любовь. Супермутант Риз Шортэндлонг был умен, развит, внимателен и даже по-своему чуток. Тем не менее он был совершенно не в состоянии понять, что же ему нужно в жизни, чего не хватало из того, что он получил, заменив Дюшку.

Однако самый большой сюрприз – и приятный и неожиданный – ждал Ризенгри впереди. Оказалось, что среди свертков, принесенных им от деда, были подарки не только для членов семьи. Дюшка не забыл про Варю, соседей, любимую учительницу. На самом маленьком пакете значилось: «Для Веньки Бесова». Риз взял в руки свой подарок и принялся его разворачивать.

– Ты что, Бесу его не будешь дарить? – с удивлением спросила Апреля, наблюдая за его действиями.

Риз остановился.

– Почему не буду? Буду. Просто Венька уехал в Скортландию. Так что придется ему подарок почтой послать. Я его по-другому заверну и пошлю.

– А что там?

– А вот не скажу!

Ризи повернулся и побежал наверх, в комнату Дюшки. Ему не терпелось развернуть свой подарок. Но, добежав, он вспомнил о существовании в комнате следящих камер и повернул обратно.

Ризи заперся в туалете на первом этаже и внимательно огляделся. Вроде бы объективы ниоткуда не торчали. Он развернул сверток. На маленьком плотном куске картона был неумело нарисован портрет юной белокурой девушки. Портрет был не очень хороший и нарисован был не на компьютере, а карандашом, не слишком чисто и даже не особо талантливо. Около носа особенно были заметны следы многочисленных исправлений. Да и вообще нос Дюшке не удался. И левый глаз на портрете был немного больше правого. Тем не менее в девушке на портрете Ризенгри Шортэндлонг безошибочно узнал свою сестру Джен. Этого не могло быть. Но это было именно так.

Ризи рассматривал портрет, присев на корточки. Вдруг ему показалось, что он не один. Ризенгри медленно поднял глаза и замер от изумления. На краешке серого в полоску унитаза сидел Славик Тихонович. Собственной персоной.

– Здравствуй, Ризи! – произнес, не разжимая губ, Славик Тихонович.

Слова эти раздались у Ризенгри непосредственно в голове, минуя уши.

– Я не успел, – ответил Риз, опуская портрет на пол. – Я хотел его спасти. Но вы меня опередили. Зря вы его убили... Он теперь – ангел, да?

– Нет, – ответил дед. – Он не ангел. По крайней мере, пока.

– Но он счастлив?

– Ни капельки.

– Я так и думал, – едва заметно скривился Риз. – Я не знаю, кто вы на самом деле. Но лучше бы вы не вмешивались. Я бы помог ему залезть в этот реактор, и он бы стал мутантом, как все.

Тот, кто прикидывался Славиком Тихоновичем, пропустил реплику Риза мимо ушей и спросил:

– Если я не ошибаюсь, ты собираешься доказать, что возможности обычного человека буквально безграничны?

– Да. Я это ради Дюшки делаю! Почему они думают, что он ни на что не способен, только реветь и котенка гладить?

– Но Дюшка действительно смог бы очень немного. У него был слабый тип нервной системы, крайне низкая выносливость, да и умственные способности, прямо скажем, очень средние.

– Какого лешего вы отзываетесь так о моем друге! – взорвался Риз. – К тому же мертвом! Откуда вам знать, что бы он смог, а что – нет? Я докажу, что он все бы смог. Докажу!

– Хорошо, – согласился дед. – Доказывай.

Он поднял ладони и провел несколько раз вдоль тела Риза, перебирая длинными загорелыми пальцами.

– Только что я лишил тебя всех твоих былых способностей. Теперь ты – обычный человек. С физиологией и возможностями твоего друга Дюшки Ключкина. Под копирку. С маленькой разницей. У Дюшки был ангел-спутник, хоть он об этом и не догадывался. А у тебя его не будет. Доказывай все, что захочешь. Вперед и с песней.

И дед тут же исчез. Риз понял, что произошло, только через несколько секунд. Он попробовал сунуть пальцы сквозь раковину – и наткнулся на твердую гладкую поверхность. Кроме того, он почувствовал, что ему неприятно сидеть на полу, да и ноге неудобно. Это были неправильные чувства, чужие, плохие, неправильные, неправильные, неправильные!!!

– Вы не имели права этого делать! – заорал Риз, со всей дури молотя кулаками о раковину. – Уроды! Сволочи! Я вас всех ненавижу! Ненавижу! Эй, дед! Дед! Ты, Славик, или как тебя там! Вернись сейчас же, ты! Я башку тебе откручу, твою поганую башку, слышишь!

Но вместо исчезнувшего «деда» на буйство внука в ванную ворвался, выломав замок, Дюшкин настоящий дед в сопровождении мамы, папы, бабы Ники и двух сестренек, маячивших позади всех.

– Я убью его! – вопил Риз, круша все вокруг себя и в ярости сметая на пол многочисленные флакончики и тюбики с мыльницами.

– Дюшка, Дюшка, внучек! – бормотал Славик Тихонович, пытаясь поймать внука. – Не надо

никого убивать. Ну будет тебе, ну что ж ты, ну успокойся!

Риз вырвался из туалета и принялся носить-ся по дому, вопя и неся всякий бред. Родные бегали за ним гуськом и не знали, что пред-принять. Раньше Дюшка часто плакал, быва-ло, но чтобы с ним случалась такая буйная ис-терика! Дежурные операторы СОСИСки друж-но выли от злости, наблюдая эту картину, и каждый из них втайне жалел о том, что вы-брал себе такую дерьмовую работу. Внезапно Ключкин-младший успокоился. Он погрыз в задумчивости ноготь, а затем поднял переко-шенное от злости лицо прямо в одну из камер и прошипел:

— Ладно, дед. Ладно. Мы еще посмотрим, на что я способен.

Всю оставшуюся ночь Риз Шортэндлонг ле-жал на животе, повернув голову влево (люби-мая поза Дюшки теперь казалась ему очень удобной) и безуспешно пытался справиться с не желающим отпускать его бешенством. На его руках остались синяки от ударов по рако-вине и другим предметам. Голова болела. Жи-вот противно урчал. Затылком Риз чувствовал, как из окна противно дуло. Теперь он почувст-вовал, что такое боль. Кроме того, теперь он знал, что такое страх. Ему было страшно. Его тело — тело Дюшки — хорошо понимало, что ему скорее всего ни с чем не справиться. Но его голова — голова Риза — знала, что он должен выиграть, несмотря ни на что.

Глава 2

КЛОН ПО ИМЕНИ РОБЕРТ

Есть такое старинное поверье: говорят, что, как встретишь Новый год, так его весь и проведешь. Этот Новый год Дюшка Ключкин попросту проспал. Когда он, наконец, продрал глаза, за окном было темно. Его опять тошнило, все вокруг расплывалось еще сильнее, чем утром, и обстановку он совершенно не узнавал. Вроде бы он находился в больнице. Да, точно. Его подобрал на улице этот, как его... такой приятный врач... такой гад... Как же его звали? Ключкин попытался остановить вращение стен, привстать и сфокусироваться. Ему это частично удалось. Даже показалось, что кто-то живой сидит на пуфике напротив. Он хотел спросить, который сейчас час, но не смог. Рухнул на подушки и опять отключился.

Проспал он еще около двух часов. На этот раз пробуждение было более полным. Дюшка поднял голову, увидел ночник около кровати, бокал с водой, нарезанный дольками лимон на тарелочке. Потом приподнялся, огляделся повнимательнее. Нет, он явно находился не в больнице. Это была богато обставленная спальня. Не самая современная, но богатая. Кучи ненужных мелочей повсюду. Водопад в углу. Дюшка попробовал встать. Ноги подгибались, как ватные, но, в общем, ничего страшного. В комнате никого не было. Дюшка доковылял до окна. Окно оказа-

лось обыкновенное, без решеток. Во весь подоконник — искусственная лужайка. Не очень удобно, зато оригинально. Дюшка подошел к двери и очень удивился тому, что она не заперта.

Дверь из спальни вела не в коридор, как было традиционно принято, а в другую комнату. В этой комнате на диване спал незнакомый Дюшке молодой человек. От шума, который невольно производил Дюшка, он проснулся.

— А, это ты! — сказал мужчина таким тоном, как будто они сто лет знакомы и час назад расстались. — Проголодался, что ли? Ну да ладно, что с тобой впустую разговаривать...

Он повернулся к стенке и тут же захрапел. Дюшка действительно хотел есть. Он спустился вниз, медленно, но верно приходя в себя. Содержимое многочисленных тарелок на столе привело его в восторг. Он плюхнулся на стул и придвинул к себе чистую посудину. И только под завязку набив брюхо, Ключкин подумал о том, что оба прошлых раза снотворное ему подсыпали именно в еду. Впрочем, на этот раз, кажется, обошлось. Дюшка расслабился. В доме, куда он попал, было на удивление тепло. Особенно приятно, что пол теплый. Многие морозоустойчивые мутанты в последнее время полюбили обдуваемые прохладным ветром полы, которые Ключкину ни капельки не нравились. Дюшка огляделся по сторонам, и его взгляд наткнулся на часы-календарь. Оказалось, что уже наступило первое января. Дюшка расстроился: вот тебе и Новый год! Впрочем, он чувствовал себя на-

столько муторно, что не стал застревать на том, чего все равно уже не изменить. Кроме того, у него не было времени переживать. Дюшка автоматически переключился на планирование своего ближайшего будущего.

На улице завывала метель. В любом случае надо убегать, но куда и как? Как минимум нужна одежда. Только сейчас Ключкин обнаружил, что на нем серый с белой пуховой прокладкой спортивный костюм. Новенький, удобный. В прошлый раз он был в стираной пижаме на размер больше, чем требовалось. Но что же с ним произошло на самом деле, где он находится и как сюда попал? Дюшка понимал, что кто бы его сюда ни доставил, этот человек — враг, который ищет свою выгоду. Среди мутантов альтруистов не бывает.

Дюшка добрался до входа. Интерьер вместительной прихожей напоминал деревенский дворик. Так уж случилось, что Ключкин больше интересовался в жизни камнями и не особо разбирался в столярном ремесле, поэтому у него возникло ощущение, что мебель в прихожей сделана из настоящего, живого дерева. Неужели люди способны и на такие зверства? Стараясь не обращать внимания на мебель, Дюшка направился к входной двери. Перед ним, брошенные прямо на пол, горой валялись теплые вещи: салатное, из благородной ткани, мужское пальто, в тон ему, чуть темнее, — шарф, затем куртка с разодранным рукавом, перчатки, портмоне, большая спортивная сумка. В углу, в шкафчике,

утопленном в стенку и стилизованном под деревенскую изгородь, аккуратными рядами стояла обувь, преимущественно зимняя. В доме по-прежнему царила идеальная тишина, если не считать еле различимого шуршания старенького уборщика, который в данный момент драил чьи-то издававшие виды сапоги. Дюшка воровато оглянулся и протянул руку к паре ботинок с верхней полки.

– Не уйдет! – сказал один из двух ангелов, сидящих справа от Дюшки на лавочке из натурального дерева.

– На что спорим?

– На что хочешь. До ворот – не считается.

– Так он же не догадается, что сигнализация с защитой отключена!

– Пусть пробует!

– Димыч, у тебя завышенные требования к своей канарейке. Из золотой клетки с кормушкой и подогревом – в ночь, мороз и полнейшую неизвестность. И чем он, по-твоему, должен проверять наличие сигнализации? Пальчик в розетку су-нуть?

– Ну помоги же мне, пожалуйста! – вдруг тихо, но очень отчетливо прошептал Дюшка. – Ты же ангел. Ну что тебе стоит? Один раз. Ты же никогда мне не помогал, но сейчас, пожалуйста!

– Ничего себе! – поразился Рон Э-Ли-Ли-Доу. – Он мог нас заметить?

– Совершенно исключено! – ответил Дима Чахлык. – Старые штучки, миллион раз от него слы-

шал. Ты просто раньше не проводил около него столько времени.

– Раньше я возился с Джен, с Ризом, а еще школа. Сам же знаешь.

– Да я просто тебе объясняю.

Дюшка одевался основательно. Сунул в карман портмоне, предварительно убедившись в том, что в нем есть деньги, не забыл про горсть шоколадок из кухни.

– Кажется, когда-то это называлось воровством, – заметил Рон.

– Он вернет! – возмутился Дима и не очень уверенным тоном добавил: – Если вспомнит.

Свою последнюю жизнь на Земле-12 Дима Чахлык провел, играя в баскетбол за сборную одной из аффриканских республик. Во время этой бурной, не слишком подходящей для подготовки к переходу в ангелы жизни ему частенько доводилось невзначай прихватывать не принадлежащие ему вещи, а затем благополучно забывать возвращать их законным владельцам. Тогда он действительно забывал. Сейчас помнил о каждой мелочи, вплоть до огрызка карандаша, механически перекочевавшего в его портфель из пенала соседки по парте в первом классе.

– За ворота не уйдет, – сказал Дима. – Ставлю четыре своих часа против одного твоего!

– По рукам! – согласился Рон.

Дюшка надвинул поглубже капюшон и вышел из дома. Ангелы вспорхнули вверх и устроились на любимом месте ангелов, на краешке карниза.

Ворота были приветливо открыты. Ключкин добрал до них и остановился.

— Ну помоги же мне! — зашептал он. — Ну пожалуйста. Ну пусть защиты не будет, ладно? Такого не может быть, они же не идиоты, чтоб ни сторожа, ни сигнализации, но вы же все можете, ну пусть ее не будет! Я все равно пройду. Все равно. Даже если меня на полоски разрежет, пусть. Какая разница, все равно...

Дюшка отчетливо представил себе, как не видимые и не ощущаемые им лучи, охраняющие дом с парком, рассекают его тело на тонкие кровавые ломтики. Он сделал шаг и остановился. Повернулся, сделал шаг обратно и опять остановился.

— Ну что же я такой! — ругал сам себя Дюшка. — Я же решил, ну решил же! Может, там и нет ничего. И даже если есть, так что? Еще два шага, только два!

Дюшка зажмурился и сделал два шага. Только не в сторону ворот, а обратно, в сторону виллы.

— Ты проиграл! — сказал один из ангелов другому. — Угадай, кем ты теперь будешь в течение часа...

— Не скажи, самкой в термитнике, — вздохнул Рон, между тем как Дюшка Ключкин, глотая слезы и безмерно жалея себя, обреченно возвращался обратно.

Спор ангелов был прост: проигравшая сторона брала на себя обязательства пробыть установленное время (в данном случае — один час по земному стандарту) тем, кем пожелает выиграв-

шая сторона. Дальше вариантов было несколько. В зависимости от предварительной договоренности, вселяться можно было частично, оставляя себе при этом собственное сознание, или полностью, как бы на самом деле становясь тем, в кого вселяешься. Разумеется, второй вариант был намного сложнее. Дима с Роном всегда спорили по второму варианту. Кстати, для объекта, в которого вселялись, этого промежутка времени просто как бы не существовало. Приколно было вселить своего противника, например, в директора школы, наградив его сознанием распоследнего двоечника, а самому стать двоечником, сохранив, разумеется, свое сознание в нетронутом виде. Или еще что-нибудь в этом роде. Короче говоря, развлечение в итоге получалось для обоих.

Пока Дюшка раздевался, рыдая и искренне считая всех ангелов на свете, если они только есть, законченными паразитами, Рон Э-Ли-Ли-Доу тщетно пытался угадать, кем ему придется побывать на этот раз.

— Ты будешь Тафанаилом! — наконец сжалился над ним Дима.

— Директором?

— Котенком. Только не сейчас, а когда я выберу подходящий момент.

Уточнение «подходящий» Рональду Э-Ли-Ли-Доу сразу сильно не понравилось. Он надулся и заявил, что, пожалуй, слетает в институт проверить, как идет подготовка к приему учеников. И весь целиком улетел. И четвертая

часть Димы Чахлыка осталась на даче в полном одиночестве. Если, конечно, не считать присутствия на ней двух мутантов и одного человека.

От нечего делать Дима принялся мухой летать по дому, стремясь узнать побольше о его хозяевах. Вещи, которыми обычно пользуются люди, могут сказать о них гораздо больше того, что люди в состоянии рассказать о себе сами. Через час маленькая зеленая муха уже знала о том, что все последние годы в дом наведывалась какая-то посторонняя мутантка, любительница красного вина и шелковых покрывал. Еще через полчаса муха-Дима лениво вычислил, что это та самая особа с фотографии, висящей напротив входа. У Димы было полно дел, помимо этой мутантки, но улететь целиком он пока не мог, поскольку с Дюшкой все еще продолжалась настоящая истерика.

Клюшкин не имел ни малейшего понятия о том, где он находится и что ему теперь делать. Он только осознавал, что его обманывали всю жизнь и обманули опять. И надеяться ему совершенно не на кого. Даже его лучший друг Венька, то есть Риз, и тот ему постоянно врал. Помог, называется! Датчики вытащил! Какая разница, с датчиками ты или без них, если встречаешь Новый год в психушке, а потом просыпаешься фактически опять в тюрьме. Попробуй отсюда выберись! Дюшка с обидой подумал о том, как Риз сейчас дарит маме алмазную шкатулку, над которой он, Дюшка, возился

чуть ли не два месяца. И как гуляет вместо него с Варей Ворониной, и как возится с Тафиком. Вспомнив о Тафике, Дюшка зарыдал с новой силой, окончательно сполз на пол и, захлебываясь, застонал, обхватив голову руками. Дюшка подумал о том, что Риз специально все подстроил так, чтобы занять его, Дюшкино, место. Теперь, небось, радуется, в бассейне плавает. Или подарки рассматривает. Не свои подарки, а его, Дюшкины.

Дима Чахлык не знал, о чем конкретно плачет Ключкин, хотя в общем, по сероватой противной пленке над его головой, догадывался. И ему очень захотелось выругаться или стукнуть своего подопечного по башке чем-нибудь тяжелым. Выйдя из образа мухи и растянувшись в тонком состоянии, ангел завис в воздухе напротив Дюшки и принялся думать о Ризе. Это было несложно — ведь вторая четверть Димы сейчас находилась именно около Риза.

Новогодняя ночь потихонечку заканчивалась. Старый механический уборщик, справившись, наконец, с грудой одежды, подполз к Дюшке и попытался выковырять из-под него куртку, на которой тот лежал. Дюшка, пошатываясь, поднялся, уступая куртку, и побрел наверх, в ту комнату, куда его изначально поместили. Он чувствовал себя несчастным и уставшим, как побитый покусодонт. Прежде чем что-то предпринять, Дюшка решил как следует выспаться. Как только он залез под одеяло, Дима Чахлык помчался вон из виллы.

Майкл проснулся в начале девятого. Мормышка Ы дрых без задних ног в кресле у стола, а найденный ими вчера человеческий клон спокойно посапывал в изумрудной спальне для гостей. Майкл принял душ и начал действовать. Прежде всего он связался с личным адвокатом, Лейлой Бабаевой.

Предприимчивостью и энергией Михаил Кэшлоу пошел в отца. С той лишь разницей, что, пока отец активно приумножал состояние, занимаясь нефтью, сын не менее активно это состояние тратил, хронически страдая всякой ерундой. За свою не слишком длинную жизнь он уже успел побывать дирижером национального оркестра, причем оркестр для этой цели пришлось набирать из непонятно кого, так как именитые музыканты ни за какие деньги не захотели принимать участие в подобной авантюре. Затем солидная доля папочкиных сбережений отправилась в карманы организаторов телекомпании «Шибза Клизмс», президентом которой был Майкл. Эта телекомпания с рекордным постоянством занимала самую последнюю строчку в рейтинге в течение года, после чего тихо самоликвидировалась с помощью одного из папиных юристов, крупного специалиста в области вытягивания средств из своих клиентов.

И вот теперь Майкл ударился в науку. Сперва он собирался стать директором секретного института обычным путем: быстренько защитить парочку диссертаций, помелькать пару-тройку

месяцев на каких-нибудь симпозиумах или конференциях и подарить старому директору перед его уходом на пенсию хрустальную яхту в натуральную величину или какой-нибудь старинный самолет с пропеллером. Ну, чтобы тот, типа, не обиделся. Но теперь, когда Майклу в руки попал клон последнего человека, он решил не мелочиться, а оборудовать собственное здание, набрать штат сотрудников и тут же заняться исследованиями. Над тем, какими именно будут исследования, Майкл пока не успел подумать. Это ему было неважно. Первым делом необходимо было оформить право собственности на найденный им клон. В том, что паренек, спящий в его изумрудной спальне на втором этаже, является клоном, Майкл ни капельки не сомневался. Ведь настоящего Андрея Ключкина ни на секунду не упускали из поля зрения с самого момента его рождения! Теоретически пацан мог быть не клоном Ключкина, а его копией, но практически Майкл считал это совершенно невероятным.

Тут необходимо немного отвлечься и объяснить читателю, что такое клон, что такое копия и чем, собственно, они отличаются друг от друга. Клон — это всего лишь навсего организм, генетический код которого с точностью до нуклеиновой кислоты совпадает с «материнским», или основным, организмом. Взяли клеточку, вырастили из нее особь — вот тебе и клон. Почти как близнец. Только вот близнецы, как бы они ни были похожи внешне, все

равно вырастают разными. Например, один из них становится химиком, а второй, к примеру, каким-нибудь бочкарем. У них появляются разные друзья, разный жизненный опыт и порой диаметрально противоположные взгляды на мир. Ничего интересного. А ученым всегда хотелось научиться повторять человека полностью. Так, чтобы сходство получалось не только внешнее, но и внутреннее. Чтобы не просто, как под копирку, а — полностью то же самое. Чтобы вроде было бы два разных человека, а личность — одна. Короче говоря, полная копия. Сначала это казалось совершенно невозможным. Ведь нельзя же создать двум людям, то есть клонам, совершенно одинаковые условия существования.

И вот после того, как один великий мутантский ученый открыл свою знаменитую теорию абсолютности, создание копий стало допустимым. Для того чтобы создать копию, нужно было взять двух клонов одного возраста и в хорошем состоянии, стереть у одного из них всю имеющуюся информацию и скопировать на освободившееся место данные, хранящиеся в другом клоне. А своеобразным копировальным станком, позволяющим проделать подобную операцию, являлось то самое абсолютное поле, открытое великим мутантским ученым. Для создания абсолютных полей мутанты использовали биореакторы. Самым лучшим биореактором считался замедлитель под Джадо, куда, собственно, и стремился Дюшка.

Правда, создание человеческих, то есть мутантских, копий запрещалось законом, поэтому ученые пока тренировались на мышках, царапах и кроликах, но ни один мутант не сомневался в том, что на самом деле такие копии давно уже существуют. И, возможно, даже разгуливают среди обыкновенных мутантов. А вот создание клонов, в отличие от копий, законами разрешалось. Однако со значительными оговорками. Клон необходимо было сделать заведомо ущербным, желательно полностью без собственного сознания.

Клоны не ощущали себя личностями, некоторых – попроще и подешевле – обучали только самым элементарным навыкам. Что-то вроде мягкой ходящей статуи в натуральную величину или зомби. Стоили клоны дорого, а возни с ними было много. Куда удобнее обычные биороботы! Ведь робота всегда можно отключить, и его не надо выращивать, кормить и холить. В основном клоны заказывали известные политики, банкиры, шоумены и изредка актеры и каскадеры. Юридически клон не считался физическим лицом, гражданином, вообще человеком. Его можно было дарить, завещать, закладывать, выставлять на аукцион и при желании даже уничтожить. Это было, в общем, верно.

Дюшке, будь он клоном, не могла бы прийти в голову даже сама мысль о побеге! Именно поэтому Майкл, заваливаясь спать, и не подумал запретить свою находку. Ну, а про сигнализа-

цию он по природной безалаберности просто забыл.

Лейла Бабаевна, молодящаяся, перепончатойшейная мутантка, смотрела всего лишь третий сон, когда ее разбудил звонок Майкла. Богатенький сын богатенького папочки назначил ей встречу в одном из окраинных парков города через сорок минут. Лейла кисло зевнула, расправила перепонки и поехала на встречу с клиентом.

Майкл Кэшлоу нервно ходил по газону взад-вперед, поглядывая на часы, когда на горизонте нарисовалась невыспавшаяся Лейла.

– Ты опоздала на четыре минуты! – раздраженно бросил Майкл, жестом приглашая женщину в машину.

Лейла посчитала, что ей лучше не оправдываться, а Майкл сразу же перешел к делу. По дороге на виллу Лейла Бабаевна в общих чертах уже представляла себе, что ей предлагается проверить. Во-первых, предстояло убедиться в том, что найденыйш – действительно клон. Для этого нужно было сравнить его ДНК с ДНК настоящего Андрея Ключкина. Насколько было известно Лейле, ответ на экспресс-анализ генома можно было получить в течение пары часов, а вот полный, подтверждающий анализ проводился чуть ли не месяц. Во-вторых, следовало срочно выяснить, не находится ли этот клон в розыске и не включен ли он в список похищенных предметов частной собственности. В-третьих, нужно было сочинить правдоподоб-

ную легенду о том, откуда он взялся. И только потом можно было бы предъявлять права на свою находку и думать, как бы использовать ее с максимальной выгодой. Обладание натуральным клоном последнего человека открывало перед его обладателем фантастические перспективы.

Дюшка проснулся оттого, что его кто-то, похоже, фотографировал. Он открыл глаза. Около Дюшкиной кровати стояли и о чем-то спорили два человека. Один из них был тот самый молодой человек, мимо которого Дюк вчера дважды проходил. Второй была средних лет женщина, с шеей, покрытой жесткими кожистыми перепонками. Женщина держала в длинных шершавых руках прозрачный пакетик и смотрела на Дюшку так, будто разглядывала ценный предмет мебели в антикварном магазине.

— Он разговаривать умеет? — спросила женщина.

— Понятия не имею! — пожал плечами мужчина.

Они еще раз внимательно посмотрели на Дюшку.

— Скажи что-нибудь! — четко, почти по слогам, приказала женщина Дюшке.

— Что сказать? — растерялся Дюшка.

— Умеет! — обрадовался мужчина. — А как тебя зовут?

— Майкл, лучше спросить, какой у него номер! — перебила женщина.

– Меня зовут... Роберт, – ответил Дюшка. – А свой номер я... не помню. То есть у меня нет номера.

Вообще-то Дюшка имел в виду номер телефона. Разумеется, он отлично все помнил. Но решил соврать, что он упал, ударился головой и все забыл. Но мужчина, которого называли Майклом, расценил его ответ как-то иначе.

– У него нет номера, Лейла. Он – единственный.

– В таком случае тебе необыкновенно повезло.

Лейла нагнулась к Дюшке, вырвала у него из головы волос и сунула в пакетик. Дюшка вскрикнул от боли и неожиданности, но не нашелся, что ответить.

– Ты хочешь кушать? – спросил Майкл.

– Нет, спасибо, – ответил Дюшка, стараясь говорить вежливо. – Я ел ночью.

– Очень неплохой экземпляр! – заметила Лейла.

В этот момент в комнату вошел заросший шерстью мутант, от которого несло грязью и перегаром. Лейла брезгливо отстранилась.

– Александр, мы уезжаем по делам! – объявил заросшему Майкл. – До моего возвращения ты не должен включать компьютер, подходить к телефону или пускать кого бы то ни было на территорию. Понятно?

– А если кто ворвется?

– Защита устроена так, что при пересечении границы наших владений того, кто попытается ворваться, разрежет на мелкие полоски. Так что

выходить тоже не советую. Меня может не быть довольно долго. Если что, я свяжусь с тобой по твоему телефону. И, кстати, познакомься. Это Роберт. Он умеет ходить, говорить, есть, и, я так думаю, он вполне умеет смотреть телевизор. Так что вам будет чем заняться в мое отсутствие. Отвечаешь за него головой. А если что случится, Мормышка Ы, тебя ждет сам знаешь что.

И Майкл многозначительно похлопал себя по боковому карману, в котором лежала лазерная пушка. Мормышка Ы энергично закивал головой в знак согласия. Лейла и Майкл вышли из комнаты. Ы подобострастно засеменил следом. А Дюшка опять остался в одиночестве, пытаюсь вникнуть в смысл их странного разговора. Почему этих людей так удивило то, что он умеет ходить и разговаривать? Может быть, он опять попал в какую-нибудь аварию? Хоть убей, Дюшка не мог вспомнить из своего ближайшего прошлого ничего, кроме комнаты Риза, затем палаты в больнице, толстой медсестры, которая привезла ему обед, и доктора, назвавшегося Семеном Эльфовичем. Дальше в памяти Дюшки сразу шли события уже этой ночи, неудачная попытка побега... Дюшка вздохнул, вылез из постели и потопал вниз.

Внизу перед телевизором с банкой пива сидел Александр. От него просто воняло.

— Тут есть ванная? — спросил Дюшка.

Александр лениво оторвался от действия, разворачивающегося на трехмерном экране, и уставился на мальчика.

– Мне надо помыться, – объяснил Дюшка. – Я уже полтора дня не купался!

– Ты купаешься?

– Естественно! В отличие от некоторых, – презрительно фыркнул Дюшка, демонстративно оглядывая своего собеседника.

Но тот, похоже, не понял намека.

– Ты САМ купаешься?

Дюшка промолчал. Он подумал, что, возможно, попал из одной психушки в другую. Александр напряг мозги, на пару секунд сосредоточился и выдал убийственную фразу:

– Это хорошо, что мне не надо будет тебя купать! А ты можешь сам найти ванную?

– Я постараюсь не перепутать ее с туалетом! – съязвил Дюшка и отправился искать ванную комнату.

– Ну и дела! – покачал ему вслед головой Александр Мышов по прозвищу Мормышка Ы. И опять уткнулся в телевизор.

Дюшка без проблем нашел ванную. На самом деле на даче Кэшлоу было четыре ванных комнаты, но, найдя первую, Дюшка дальше не пошел. Он пустил воду, присел на краешек и приготовился опять плакать. Вода, журча, била в пористое дно, похожее на губку.

Внезапно Дюшка встал и осторожно выглянул в коридор. В коридоре было пусто. Дюшка решил. Нужно не плакать, нужно действовать! Он выскользнул из ванной, прикрыл за собой дверь и, крадучись, пробрался в комнату, в которой он ранее заметил компьютер. «Ну, наконец-

то! – обрадовался Дима Чахлык. – Похоже, лед тронулся!»

Первое января прошло совершенно непродуктивно. По случаю праздников ни одна контора не работала, поэтому Лейла занялась пока поиском. Список пропавших клонов состоял всего из четырех фамилий. Среди пропавших было трое взрослых и один ребенок – девочка четырех лет. Тогда Лейла запустила фотописк по всем существующим клонам. Клонов были сотни. Компьютер честно расположил их в порядке убывания сходства с предложенной ему фотографией. Наиболее похожий на найденыша клон имел с ним столько же общего, сколько имеет общего вчерашний кефир с завтрашним мармеладом. На всякий случай Лейла Бабаевна заглянула в файлы с перечислением пропавших детей, людей, подвергшихся за последний год пластическим операциям, и даже поинтересовалась конкурсом двойников. Найденыша нигде не было. Лейла бросила компьютер и погрузилась в изучение многочисленных законов, касающихся клонирования. Майкл позвонил Мормышке, убедился в том, что с Робертом все в порядке, и поехал проведывать родителей по случаю Нового года.

Мормышка Ы полдня провел у телика, потом все-таки помылся, переоделся, наелся, напился, погулял немного вокруг дома и опять уткнулся в телевизор. Клона Роберта он чурался.

То ли побаивался, то ли просто не представлял, как надо вести себя с говорящими клонами. Убедившись в том, что Роберт не проносит ложку мимо рта, ходит по дому аккуратно и ничего страшного не делает, Мормышка успокоился и перестал обращать внимание на мальчика. А Дюшка Ключкин провел первое января, гуляя по огромному дому и изучая содержимое компьютера, находящегося в угловой комнате. К счастью, он не был подключен в сеть. Иначе мужчина, которого звали Майкл, хозяин дачи, мог бы мгновенно засечь все Дюшкины художества – в отличие от Ключкина, Майкл никогда не снимал с руки браслета и никогда не отключал его полностью.

К вечеру Дюшке удалось разузнать, что хозяин дома, Майкл Кэшлоу, единственный сын президента нефтяной компании. Судя по снимкам, ни он, ни его родные не приезжали на виллу уже больше двадцати лет. Однако, судя по датам создания некоторых файлов, компьютером, хоть и не подключенным в сеть, кто-то постоянно пользовался. Дюшка стал просматривать файлы с более поздними датами. В основном это были тексты каких-то неинтересных научно-популярных статей. Встречались стихи, причем совершенно бездарные. Дюшка любил читать стихи, но эти! Некоторые файлы относились к играм – таинственный пользователь устанавливал свои, личные рекорды в квестах и стратегиях, и машина послушно вносила его в списки победителей. Игрок назывался вымыш-

ленными именами – Боевой Принц, Мутант-одиночка, Бучерашка, Бетмен-Иришка, Фея и невеста что еще.

Один-единственный файл с поздней датой был рисунком. Дюшка открыл его. На фотографии был снят полосатый воздушный шар на фоне виллы. В центре стояла хорошенькая девушка с четырьмя руками. За ней полукругом находились другие мутанты. В углу попал в кадр вопящий годовалый ребенок. Фотография называлась «Я и воздушный шар». Дюшка поковырялся в компе и вскоре нашел другую, похожую на эту фотографию, которая называлась просто «Воздушный шар», без «я». На ней девушки не было, а младенец находился в самом центре. Дюшка сравнил даты и понял, что снимок с девушкой – коллаж, сделанный на шестнадцать лет позже настоящего снимка, с младенцем. Дима Чахлык был в полном восторге от предприимчивости и находчивости своего подопечного.

Больше всего Дюшка мечтал найти, как отключается защита. Однако все его попытки были тщетны. Он нашел, где она отключается, но, чтобы попасть в заветное помещение, нужно было ввести пароль, вставить карточку и произвести секретное действие. В общем, отключить систему защиты было совершенно невозможно.

Между тем наступил вечер. Майкл позвонил Мормышке и сообщил, что сегодня он не появится.

– Да ты меня без ножа режешь! – запаниковал Мормышка. – У меня слоникотюбы второй день на ученике! Может, он их даже покормить забыл! Меня с работы выгонят!

– Не выгонят, – успокоил его Майкл. – Ты лучше клонёнка береги. Я завтра приеду и сам с ним разберусь. Вам до завтра еды хватит?

– Еды хватит, – согласился Мормышка. – А с Робертом мне что делать?

– Уложи его спать! – решил Майкл после некоторого раздумья. – Только без глупостей.

– А если он чего...

– Чего?

– Ну, мало ли... – Мормышка опасливо покосился на Дюшку, который как раз торчал поблизости. – Он тут по дому ходит. Вдруг убьется, например?

– Ладно, запри его в спальне до моего возвращения! – разрешил Майкл и отключился.

Так ближе к вечеру Дюшка опять оказался запертым. И опять на втором этаже. Мормышка Ы обманом завел его туда, выскочил, щелкнул замком и удалился. «На этот раз меня никто и ничего не удержит! – твердо решил Дюшка. – Спустишь на простынях. Точно спустишь. Дом подожгу. Тогда защитное поле отключится, и я сбегу». Дюшка подволок к запертой двери тяжеленное кресло и принялся крепко, по-мужски, связывать простыни. Дима Чахлык сидел в том самом кресле, которым Дюшка подпер двери, и улыбался. А в воздухе за окном висела, внимательно наблюдая за Ключкиным, «вторая» мутантка Ирочка.

Глава 3

ШКОЛА ДЛЯ ОСОБО ОДАРЕННЫХ

Рино Слунс воспринял весть о том, что ему теперь предстоит учиться в школе для особо одаренных, без особого восторга. Хотя и не отказался в нее поехать. На вопрос родителей, какой такой тест проводили с ними недавно, он коротко, но важно ответил: «Психологический!» И родители к нему больше не приставали.

Первая встреча будущих соучеников должна была состояться сегодня, первого января, в три часа дня. Романтическое воображение Ирочки рисовало ей замечательные картины. Она, как наяву, видела великолепный архитектурный ансамбль зданий школы, где будет теперь учиться ее сыночек. Стройные ряды учеников торжественно входили в стрельчатые полупрозрачные ворота самого современного Храма Науки. Мальчики были одеты в строгие белоснежные костюмы с посеребренными вставками. А девочки в таких шикарных платьях, что... Тут воображение Ирочки разыгрывалось так, что хоть хватайся за карандаш и зарисовывай фасоны! Учеников сопровождали их будущие учителя и наставники – лучшие преподаватели со всех концов страны, не меньше чем профессора. За учениками шумной толпой в ворота вливалась яркая толпа радостно волнующихся родителей, а вокруг суетились репортеры, операторы... В Ирочкиной голове звучала торжествен-

ная музыка и уже строились первые строчки статьи, которую она обязательно завтра же напишет по поводу столь знаменательного события, как открытие новой школы для избранных детей — надежды всего прогрессивного человечества.

Действительность не оставила от Ирочкиных картин камня на камне. Территория Института биофизики, на которой располагалась школа, оказалась совершенно не окруженной журналистами. Стройных рядов учеников, а тем более толпы ликующих родителей на горизонте тоже не наблюдалось. Тщательно проверив приглашенные билеты, охранники проводили Ирочку, Егора и Рино в небольшой, человек на сто, конференц-зал, в котором уже находилось около восьми ребят с родителями.

Ира заметила, что все дети, кроме одного, самого младшего, мальчика, были мутантами первого порядка, такими же, как Рино: без хвостов, крыльев, дополнительных глаз или завернутых в трубочку ушей. Две одинаково одетые, но совершенно не похожие друг на друга девочки бесились, сбрасывая друг друга со сцены в зрительный зал. Упитанный, туповатого вида пацан в первом ряду равнодушно наблюдал за ними, посасывая шоколадку. Невысокого роста девчушка с длинными тоненькими косичками сосредоточенно бродила по залу, разглядывая многочисленные электронные стенды, на которых подробнейшим образом демонстрировались выдающиеся достижения ученых инсти-

тута за все годы его существования. Рино сразу же бросил родителей и пошел знакомиться с девочкой.

— Тебе не кажется все это несколько странным? — тихонько спросила Ирочка мужа, когда они наконец уселись.

— Что именно?

— Ну вообще... В чем наши дети особо одаренные? Кто инициатор создания школы? И почему она в таком отдаленном месте? И почему нас просили об этом не распространяться?

Егор только пожал плечами. Тут в зал вошло еще одно семейство. Отец имел самую обыкновенную внешность, но его жена и дочь оказались просто писаными красавицами: их роскошные перламутровые клювы переливались всеми цветами радуги, а не менее роскошные волосы белокурыми волнами царственно ниспадали на плечи. Заметив их, от кучки людей, обсуждавших что-то на сцене, отделился невысокий полненький мужчина. Он подошел к трибуне, оглядел присутствующих и произнес:

— Ну что ж, раз все в сборе, то мы, пожалуй, начнем.

Мужчина замолчал, поджидая, пока троица усядется, а родители скачущих девочек угомонят их и водворят на место.

— Ничего себе — «все в сборе»! — прошептала Ирочка. — И что, вот эти пять с половиной учеников и есть школа?!

— Тс-с!!! — остановил ее Егор, поскольку мужчина за трибуной уже начал свою речь.

Оказалось, что этот коротышка – Тафанаил Казбеков, директор Института биофизики, самого замечательного в мире института с мировым именем, который решил спонсировать открытие новой школы для избранных детей – светлого будущего всего прогрессивного человечества. При упоминании о прогрессивном человечестве Ирочкины угасшие были надежды опять слабо вспыхнули. Поговорив совершенно ни о чем еще минут десять, господин Казбеков передал слово директору школы, господину Менсу. К трибуне вышел пышущий здоровьем мутант со странной кожей, структура и цвет которой ясно говорили о том, что Менс – большой любитель серной кислоты, жареной картошки и тяжелой атлетики на сытый желудок.

– Прежде всего, я кратко отвечу на те вопросы, которые, без сомнения, у вас уже возникли. Итак, почему мы выбрали именно ваших детей? В чем они особо одаренные? Отвечаю: в способности психологически тонко и очень точно чувствовать собеседника! Это крайне редкий дар. Безусловно, его надо еще развить, и в условиях обычных учебных заведений это сделать невозможно. У нас же будут созданы для ребят все условия. Для развития их талантов необходима сложная, секретная аппаратура. Вот почему мы вынуждены разместить школу в таком... не слишком людном месте. Из ваших детей могут получиться бесценные специалисты, которым уже сейчас мы можем гарантировать интерес-

ную и высокооплачиваемую работу. Пока у нас набралось одиннадцать учеников, однако это число может меняться. Не исключено, что мы сумеем найти и других перспективных ребят. Обучение бесплатное. Обо всех правилах написано в этой брошюре. Вы можете взять по экземпляру. А теперь я предлагаю немного прогуляться, осмотреть школу, а затем познакомиться поближе в неофициальной обстановке.

И группа из одиннадцати детей, восемнадцати родителей и шести то ли сотрудников института, то ли педагогов во главе с Менсом вылилась из зала.

В процессе осмотра настроение Ирочки постепенно выравнивалось. Конечно, все было не так шикарно, как она предполагала в своих вчерашних грезах, но и не так ужасно, как показалось в первый момент. Жилой корпус (ученики в нем должны были жить вместе с учителями), очевидно, только что отремонтировали. Каждому ученику предоставляли в личное пользование целые апартаменты из трех больших комнат, ванной, по размерам ничем не уступающей комнатам, и веранды. Ирочка обратила внимание на то, что интерьер комнат для каждого ученика свой. Видимо, дизайнеры заранее учли интересы каждого. Во всяком случае, гостиная Рино, к его неописуемому восторгу, напоминала пещеру. Рино с детства мечтал жить в пещере, как неандерталец.

— Круто! Вот это класс!!! — то и дело повторял Рино, знакомясь с помещениями.

Спальная комната одной из сестренок Твикс, Ляли, была вся в золотисто-розовых бантиках, а комната для отдыха ее сестры Лессии больше всего напоминала арену с цирковыми декорациями. Но, несмотря на такую принципиальную разницу, они обе были вне себя от счастья, как и Рино.

Для девочки с клювом – ее, оказывается, звали Варей – организаторы приобрели настоящий рояль. А для мальчика, которого Менс представил как Андрея Ключкина, была оборудована целая мастерская, и, кроме того, директор подарил ему какую-то особо фирменную ракетку для игры в теннис. Андрей, не выразивший никаких эмоций при виде мастерской, с интересом принялся рассматривать эту ракетку.

Затем директор провел посетителей по общим помещениям, продемонстрировал классы, кабинеты, зал для прослушивания музыки и студию, где ученики могли ставить и снимать любительские фильмы. Особенно поразила всех огромная оранжерея с древними растениями, которые практически не умели передвигаться, зато обладали способностью слушать музыку.

К тому моменту, когда ни у одного родителя не осталось ни тени сомнения в том, что их чадам будет здесь несравненно лучше, чем где бы то ни было, Менс подвел всех к залу, в котором были накрыты столики для банкета – на каждую семью свой стол. Того, что их будут еще и кормить, никто не ожидал. Когда часа через полтора захмелевшим папам и мамам предло-

жили подписать контрактики, оговаривающие условия обучения их детей в школе, никто не удосужился прочесть их внимательно. Между тем в разделе «Общие положения» оговаривалось, что родители не имеют права забирать своих детей из вышеуказанного учебного заведения до достижения ими восемнадцатилетнего возраста, а в графе, которая касалась возможностей детей покидать пределы школы, говорилось: «Ученикам беспрепятственно разрешается навещать родителей, друзей или знакомых на каникулах, по выходным, а также в любое удобное для них время при наличии специального разрешения, подписанного лично директором». Восемнадцать родителей подмахнули эти договора, пребывая в полной уверенности в том, что они пристроили своих талантливых спиногрызов самым удачным образом. Сами же спиногрызы все, как один, дружно решили остаться в такой замечательной школе прямо сейчас.

Ризенгри Шортэндлонг тоже решил остаться. Правда, внимательно оглядев свое новое жилище, он обнаружил, что оно оснащено по меньшей мере десятком скрытых камер.

Ризу было плохо. Впервые в жизни. Раньше он даже представить себе не мог, что кому-то вообще может быть ТАК ХРЕНОВО. Синяки на руках поменяли цвет и болели. Боль оказалась ужасно противным чувством. Отключить ее Риз не мог. Он вообще теперь ничего не мог. Ризенг-

ри захлестнули новые ощущения, в которых трудно было разобраться сразу. Пока что основную долю этих чувств занимала ненависть. Риз ненавидел деда, Джен, всех остальных ангелов, мертвого Дюшку, Менса и всех своих новых одноклассников – всех скопом.

В своих будущих одноклассниках Риз разочаровался сразу. Как только родители разошлись, не успевших еще толком познакомиться ребят представила друг другу Сильвия Менс, преподаватель истории и психологии. Пацанов было всего пятеро: сам Риз, Рино Слунс, любитель страшилок Федя Иванов, толстяк Кузя Пузилов и Барди, сын Менсов. Девочек оказалось шестеро: сестрички-погодки Ляля и Лессия Твикс, Оля Кошкина – девочка с косичками, мгновенно получившая кличку Окей за постоянное употребление этого словечка, Маша Малинина, больше похожая на мальчика-забияку, чем на девочку, и шведка Клеменси Петерсон, едва ли понимающая по-русски. Шестой девочкой оказался биоробот Варя-2, точная копия бывшей одноклассницы Риза и Дюшки Вари Ворониной.

Правда, о том, что Варя ненастоящая, никто, кроме сотрудников СОСИСки и Вариных родителей, не знал. Сам Риз просек этот обман случайно, уже после того, как поменялся ролями с Дюшкой. Дюшка Ключкин любил ту, настоящую Варю, которой больше не было. Ризу куда больше нравилась эта – он считал ее лучшим произведением искусства в мире и мечтал встре-

титься с автором такого непревзойденного шедевра. Автором Вари-2 был отец Барди Фредерико Менс, крутой мутант третьего порядка, способный к регенерации и мечтающий возродить популяцию людей на планете. Может быть, даже создать для них специальный экологически чистый заповедник.

Так или иначе, Риз понял, что новых друзей, таких, каким был Дюшка, у него в ближайшее время не появится. Ключкин все-таки был удивительным парнем. Как ему удалось нарисовать портрет Джен, даже не подозревая о ее существовании? Да еще подарить этот портрет именно ему, Ризу? Плохо, что Дюшка погиб, теперь уже его ни о чем не спросить... Ризу очень захотелось достать портрет и посмотреть на него еще раз. Но он не стал этого делать. И так было большой глупостью с его стороны взять рисунок с собой в школу. «Я докажу им, что я – лучше всех!» – подумал Риз.

– Попрошу минутку внимания! – прервала его мысли Сильвия. – Прежде чем у вас начнется праздничная дискотека, я попрошу вас оказать мне одну небольшую услугу. Дело в том, что ваше расписание еще не составлено. И мы хотим сделать его с учетом ваших личных пожеланий. Поэтому, пожалуйста, пройдите в компьютерный класс и составьте перечень предметов, которые хотели бы изучать. Каждый пусть составит свой список. Это не займет у вас много времени. Предметы выбирайте какие угодно. Хоть вообще вне всякой программы.

Специально для Клеменси Сильвия повторила все то же самое на шведском. Впрочем, она могла бы сказать и по-английски, Кле отлично говорила и на английском.

– Ух ты, класс! – восторженно прошептал Рино. – Собственный список! Я оставляю только пение и спелеологию.

– А что, нам могут преподавать спелеологию? – удивилась Маша.

– А почему бы нет? Сами напросились! – хмыкнул Рино.

– Так! – обрадовалась Маша. – Тогда я хочу играть в хоккей, летать с парашютом и научиться водить боевую ракету. Математика, мне, пожалуй, не понадобится, а вот по прыжкам на батуте мне будет нужен персональный тренер.

Остальные детки последовали примеру Марии и Рино. Федя пожелал изучить оккультные науки, особенно баннеромантию. Ляля – живопись, дизайн, историю костюма и парикмахерское дело. Лессия решила отличиться и заказала себе основы овладения гипнозом и уроки по изготовлению чайников. Барди написал, что он хочет стать генетиком, клонировать мутантов и делать их копии. Варя просто перечислила в алфавитном порядке все обычные школьные дисциплины. В общем, все, кроме Оли и Риза, управились довольно быстро. Оля тормозила потому, что ей хотелось изучить все, но она понимала, что это невозможно, и тщательно выбирала самое интересное. Ризу

же было так погано, что он просто никак не мог сосредоточиться.

— Могу я тебе чем-нибудь помочь, Андрюша? — спросила Сильвия.

От «Андрюши» Ризенгри аж передернуло.

— Я хочу, чтобы меня называли Дюком! — сказал Риз.

— Да-да, конечно, — быстро согласилась Сильвия. — О, я смотрю, ты собираешься изучать социальную психологию мутантов?

— А что?

— Это очень интересная наука. Но я бы посоветовала тебе для начала остановиться на психологии людей.

— Да ну! — фыркнул Ризенгри. — Разве это интересно?

Он хотел сказать, что он знал только одного настоящего человека, и в его действиях было очень мало логики, и к тому же он вчера взорвался в том доме на Мраморной улице. Но тут Риз вспомнил, что теперь он и есть тот самый настоящий человек, в поступках которого должна отсутствовать логика, и быстро произнес:

— Точно! Психология людей. Как же я сразу не догадался. Но мутантов — так мутантов.

Наконец, последние списки были составлены, и все отправились на дискотеку. Народу на дискотеке было полно: роботы, изображавшие цыганский хор, теперь преобразовались в шумную толпу подростков. Предполагалось, что диджеем будет Миша Кэшлоу, один из самых молодых и перспективных сотрудников

СОСИСки, но Майкл неожиданно взял несколько дней в счет отпуска и исчез в неизвестном направлении. Поэтому вечер вела секретарша Тафанаила, Аллочка. Она не очень хорошо разбиралась в современной музыке, но неожиданно ей стала помогать Клеменси. Кле отчаянно путала слова, переходила с одного языка на другой, а в крайних случаях изъяснялась жестами. Большой половины того, что она вещала, никто не понял, но хохотала она заразительно, и все равно все было здорово. К часу ночи, когда аккумуляторы роботов начали один за другим разряжаться, уставшие ученики доплелись до своих комнат и тоже вырубилась. Только одному Ризу никак не спалось. Он думал о том, как же несправедливо все-таки устроен мир. Кроме того, у него гудели ноги. С непривычки. От обыкновенных танцев, ну надо же!

Фредерико Менс и Тафанаил Казбеков беседовали очень долго. О чем они говорили и какие вопросы решали, никто не знал. То есть никто, кроме ангелов. Наконец, они вышли из кабинета Тафанаила и отправились в учительскую. В учительской стоял гвалт.

— Нет, вы только посмотрите, что понаписали эти паразиты! — возмущался Джереми Лермонтов, размахивая списками уроков, которые пожелали изучать распоясавшиеся подростки.

Сильвия читала вслух со свеженькой распечатки:

– Дизайн, живопись, оккультизм, гипноз, чайники... Чайники?

– А еще парашюты, батут, хоккей, спелеология и боевые ракеты, – вздыхал Лермонтов. – Они все над нами просто издеваются!

Сильвия просмотрела списки еще раз:

– Ну нет, Джереми, далеко не все! Вот, например, вполне разумный набор предметов: алгебра, геометрия, физика, оперативное хрюканье.

– Вполне разумный, – согласился Джереми. – Особенно если учесть, что я составлял его сам лично.

Сильвия подняла на него глаза, выражающие полное непонимание.

– Этот список я сочинял для Вари-2, – пояснил Лермонтов. – За основу взял стандартный школьный курс.

Сильвия опять уткнулась в распечатки. В учительскую вошли Тафанаил, Лап, Фредерико и еще несколько сотрудников, которые должны были изображать маститых педагогов в новоиспеченной школе.

– А вот еще достаточно нормальный список, – сказала Сильвия.

Лермонтов заглянул в листик, который она держала в руках.

– Это Клюшкин, – признался Джереми.

– Неужели?!

Сильвия прочла список внимательно.

– Очень странно! – произнесла она наконец. – Ни одного предмета, касающегося его хобби!

– Ничего странного. Дюшка сказал мне, что он собирается поменять хобби и заняться своим здоровьем. Так что никаких лепок, мозаик и прочего! – объявил Фредерико Менс. – Бег, плавание, теннис... Побольше нагрузок. Это ему не повредит.

– Я тебя просто не узнаю, Фред! – не удержалась Сильвия. – Пребывание в школе должно стать для Андрея сплошным праздником! Надо беречь нервы ребенка! О каких нагрузках ты говоришь?

– Прошу не забывать, – вступился вдруг за Менса Тафанаил Казбеков, – что у нас все-таки исследовательский институт. Нам надо провести опыты, чтобы узнать, каков предел возможностей обыкновенного человека. Поэтому ваш супруг абсолютно прав. Тренировки, уроки и опять тренировки! А лепка с рисованием – это не тема для серьезного исследования.

– Позвольте, а как же я? – взвыл пожилой ма-нерный дядечка в бархатном балахоне.

Это был единственный приглашенный в институт посторонний преподаватель. Его выписали специально для обучения Ключкина лепке, живописи и ювелирному делу.

– У меня контракт! – возмущенно вопил он. – И я не собираюсь сдаваться без боя!

– Хорошо, Лев Иванович, вы будете преподавать живопись и дизайн одной из девочек! – раздраженно перебил его Менс. – Там есть такая, которая вроде хочет рисовать.

– Преподавать одной девочке? – возмутился Лев Иванович. – Торчат в вашем долбаном сек-

ретном институте пять лет и преподавать одной девочке, которая, может, и карандаша в руках держать не умеет?

Тут у Фредерико зазвонил телефон. Он хотел было сбросить звонок, но, глянув на экран, поднес трубку к уху. Пока Менс болтал с кем-то, выйдя в коридор, преподаватель живописи дошел до истерики. Тафанаил Казбеков тщетно пытался его уговорить. А остальные даже не пытались.

Менс вошел, извинился, деловито кивнул Казбекову и успокоенно скользнул взглядом по всем присутствующим. Только что Фредерико Менс получил подтверждение своего опекунства над последним человеком. Все было даже лучше того, на что он рассчитывал! Теперь в случае «непредвиденных обстоятельств» с Ключкиным, которые приводили к ситуации, «несовместимой с его жизнью», Менс не только получал крупную сумму денег как законный опекун, но куда круче! Теперь в этом случае из «биологического материала», оставшегося от Дюшки, Менс получал право «немедленно воссоздать» сколько угодно таких же Дюшек! То есть, попросту говоря, в случае случайной смерти одного последнего человека Фредерико получал право сотворить несколько последних людей, то есть возродить популяцию людей на планете.

Фредерико мог отказаться от Дюшкиных денег. Но он не собирался отказываться от своей мечты. К тому же он ведь не планировал довести

Ключкина до «непредвиденных обстоятельств» прямо сейчас...

Менс задумался и еще раз посмотрел списки выбранных учениками дисциплин.

— Что ж. Дети пытаются издеваться над нами, а мы поиздеваемся над ними!

И Фредерико Менс рассказал присутствующим о якобы только что посетившей его идее. В целом она всем понравилась. Сотрудники СО-СИСки загалдели. Каждый старался внести в предложение Менса что-то свое. Правда, для осуществления плана Менса требовалось привлечь к обучению еще нескольких мутантов со стороны, но денег на такую классную затею было не жалко. Тем более что секретный институт полностью сидел на государственном финансировании.

— Это будет беспрецедентный в истории эксперимент по долговременному выживанию детей мутантов в суперстрессовых условиях! — обрадовался Пушкин. — Прорыв в биохимии нам обеспечен.

— Почему только в биохимии? — обиделась Сильвия. — Да если у нас все получится, весь институт сможет защитить диссертации по психологии и социологии!

— Фредерико, вы — гений! — подвел итог Тафанаил, ничем не показывая, что идею Менса они во всех подробностях только что обсудили в его кабинете.

В том, что Фредерико — гений, никто и так не сомневался.

– Особенно это не помешает нашему сыну, – добавил Менс, когда в общих чертах план был утвержден. – В последнее время, к сожалению, он стал совершенно неуправляем. Это самая правильная система для такого энергичного ребенка.

– А как же Ключкин? – вдруг спросил кто-то.

– Отлично Ключкин! – уверенно отмахнулся Менс. – Объект Клю тоже не мешает проверить на предмет стресса. Поймите, теперь, когда он полностью под нашим контролем, мы ничем не рискуем. Как только с Ключкиным будет что-то не так, он нам сразу же скажет. И мы тотчас же что-нибудь предпримем!

Слова Менса настолько шли вразрез со всеми последними постановлениями, указаниями и планами, что большинство сотрудников не знало, что и подумать. Но Менса неожиданно полностью поддержал директор. Казбеков сказал:

– Конечно, задумка у нас довольно опасная. Но в конце концов Ключкин – последний экземпляр человеческого рода. И мы должны иметь кое-что про запас на тот случай, если с ним все-таки произойдет м-м-м... неприятность. Не разгонять же огромный институт из-за того, что не на ком ставить опыты! А так – новая тематика. Я полностью за идею Фредерико Менса!

Тафанаил с надеждой посмотрел в дальний угол зала, где молча стоял, сунув руки в карманы, темнокожий молодой человек, который

обычно никогда ни во что не вмешивался. В любом случае последнее слово оставалось за ним.

– Это очень конструктивная идея, – негромко произнес Дима Чахлык в наступившей тишине. – Предельные возможности немутантов ограничены, но необходимо узнать, насколько. Можете нагружать объект Клю сколько угодно. Наблюдатели не против.

И будущие преподаватели сгрудились у стола, чтобы составить для своих учеников устраивающее всех расписание.

Ирочка и Егор Слунсы вернулись домой вдвоем. Единственное, что волновало Иру, это то, что она так и не сумела толком познакомиться ни с кем из детей и почти ни с кем из их родителей. Неугомонный Менс постоянно что-то говорил, привлекая внимание к своей собственной персоне, потом показывал фильм о новых подходах в современной педагогике, потом врубил на полную катушку музыку – просто невозможно было ее перекрычать, а под конец окончательно добил всех цыганским хором, состоящим из роботов. Ирочка не догадывалась, что все это было сделано специально: в интересах сотрудников СОСИСки было подстроить так, чтобы родители учеников как можно меньше узнали друг о друге.

Тем не менее Ирочке как профессиональной журналистке, любопытной особе и, наконец, просто сплетнице удалось кое-что разузнать.

Оказалось, например, что родители мальчика Феди Иванова – марсианские геологи, и для них, постоянно пропадающих вдали от Земли, эта школа-интернат – просто спасение. Кстати, комнаты, подготовленные для их сына, были увешаны черепами, крестами и прочими глупостями, но это несколько их не удивило. Мама Оли, той самой невысокой девочки с длинными тощими косичками, сказала, что она вынуждена воспитывать ребенка одна, подрабатывая ночами уборщицей в зоопарке, и бесплатное обучение дочери для нее – настоящий подарок. А самый маленький черноволосый парнишка, мутант с жабрами и инфракрасными анализаторами, очевидно, был сыном директора школы. Во всяком случае, когда во время посещения оранжереи он принялся обрывать цветы и господин Менс сделал ему замечание, мальчик, не раздумывая, выпалил: «А когда ты сам позавчера для мамы их рвал?» Директор пропустил реплику мимо ушей, а Ирочка – нет. А еще она обратила внимание на то, что родители девочки с клювом, выйдя из стен института, пошли домой пешком – значит, они были жителями этого же городка и жили совсем близко.

– Пожалуй, теперь мы можем завести еще одного ребенка, как ты считаешь? – предложил ей Егор, когда они ехали обратно.

– Что? Какого ребенка? А, ну да. Раз будущее Рино теперь обеспечено... Об этом надо будет подумать.

Вообще-то Ирочка не особо стремилась заводить еще одного ребенка. В конце концов, творческой личности есть на что потратить свое свободное время с большей пользой для общества, нежели воспитание каких-то сопляков! Впрочем, если нанять домработницу или няню, можно родить ребенка и не переставать работать. Но нет, домработница стоит так дорого! Ее муж не такой богатый, как хозяин виллы. Кстати, о вилле и ее вчерашних посетителях. Интересно, они уже убралась?

Ирочке представилась возможность слетать на свою виллу этой же ночью. Егор, расслабившийся на банкете и разомлевший от спиртного, цыганского хора и прочих развлечений, почти сразу же захрапел. А Ирочка полетела на дачу.

То, что хозяева не уехали, Ира увидела издали. Энергетическую дырку в защите они пока не залатали, так что к дому можно было пробраться привычным способом. В любимой изумрудной спальне горел свет. Ирочка осторожно подлетела к окну. Впервые за двадцать лет рама оказалась плотно закрытой и даже заблокированной. Разумеется, Ирина не могла знать, что заблокировал ее Александр Мышов, привыкший запираť животных так, чтобы у них не оставалось ни единой возможности сбежать. В комнате на полу сидел мальчик, примерно ровесник их сына Рино. Телосложением он был похож на того паренька, которого вчера вечером выволакивали из машины в бессозна-

тельном состоянии. Мальчик решительно разрезал на полосы любимое Ирочкино покрывало киттайского шелка. Он лихо орудовал ножницами для подрезания травы на подоконнике. Ирочка опешила. Но вот мальчик повернулся к ней лицом, и Ирочка чуть не свалилась от удивления на землю. Это был тот самый ребенок, которому Фредерико Менс несколько часов назад вручал ракетку! Его звали Андрей Ключкин. Последний немутант на планете. Никаких сомнений на этот счет у Ирочки не возникло: у нее была профессиональная память и на имена, и на лица. Ирочка нажала на браслетик, не отлетая от окна. Рино Слунс откликнулся сразу.

— Сыночек, это мама! — сказала Ирочка. — Я тебя не разбудила?

— Неа! — ответил Рино. — Мы как раз с дискотеки возвращаемся. Так классно было, ты не представляешь. У одного робота сел аккумулятор в тот момент, когда он решил пройтись колесом. Что было!

Ирочка дала возможность Рино подробно рассказать про робота.

— А вы все были на дискотеке?

— Конечно, все! Представляешь, оказывается, Кузя совершенно не умеет танцевать! Он так смешно топает! А Ляля, наоборот, даже вальс танцует. Она внесла бальные танцы в свое расписание. Ой, да ты же ничего еще не знаешь! Мы сами выбирали предметы, которые будем изучать. Правда, здорово?

– Еще бы! – согласилась Ирочка. – А этот мальчик, не Кузя, а второй плотненький, Андрей, он хорошо танцует?

– Андрей Ключкин? Нормально. Ма, я выбрал себе, знаешь, какой предмет? Спелеологию!

– Рино, погоди. У меня к тебе еще один вопрос. Этот Андрей. Он точно был с вами до конца вечера?

– Да он и сейчас тут. Как раз стоит около своей двери, рукой машет. А что?

– Да ничего, это я так. Радуюсь, что ты у меня оказался такой особенный. Ну, беги спать.

– Ладно, привет папутеру!

И Рино отключился. А Ирочка в задумчивости закусил губу и скрестила на животе нижние руки – это ей всегда помогало сосредоточиться. Значит, у этого Андрея Ключкина есть брат-близнец. Или один из двух пацанов – клон. Хотя клоны по определению должны быть ущербные, а эти оба ребенка кажутся вполне полноценными. Ничего себе! Эту загадку Ирочка решила отгадать во что бы то ни стало!

Глава 4

БУНТ НА КОРАБЛЕ

Вечером, после дискотеки, у одиннадцати новоиспеченных учеников не было возможности в полной мере насладиться теми приятными новшествами, которые на них неожиданно свали-

лись. Зато следующее утро девятеро из них (Риз еще спал, а Варю-2 пока не включили) начали с методичного осмотра доставшихся им помещений.

Маша Малинина первым делом решила сделать перестановку в своей учебной комнате. Энергии этой мутантке было не занимать! Она быстренько оттащила компьютерный стол подальше от окна, а обыкновенный, письменный, попыталась передвинуть на освободившееся место. Однако он оказался слишком тяжелым. Маша отправилась на поиски грубой мужской силы, но вместо ребят натолкнулась на сестричек Твикс, приколачивающих к дверям Ляли изящные медные колокольчики. Сестрички с энтузиазмом вызвались помочь Маше и очень быстро перевернули все в ее комнатах вверх дном, поскольку им неожиданно пришла в голову гениальная идея совместить спальную комнату с учебной, а бывшую спальню завалить шариками, в которые можно будет прыгать и зарываться. Через некоторое время к ним присоединился Федя. У Феди, разумеется, тут же возникли свои собственные, более радикальные идеи относительно реорганизации Машиного жилья. Однако Марии они отчего-то не понравились. Они начали спорить и доспорились бы скорее всего до драки, но тут, к счастью, появился флегматичный Кузя и сообщил, что их давно ждут завтракать.

Обязаловка в виде общего завтрака, равно как обеда или ужина, вообще говоря, в школе не пре-

дусматривалась. Просто на первом этаже жилого корпуса находились кухня и столовая, спланированные почти по домашнему образцу. Так что заскочить сюда и набить брюхо в принципе можно было в любое время. Повар тетя Маня начинала работу в семь утра, а заканчивать вообще не заканчивала, поскольку тетя Маня была роботом, питалась от сети и в отдыхе не нуждалась.

– Потрясающая школа! – удовлетворенно рассуждал Рино, накладывая себе блюда, одно привлекательнее другого. – Эх, забрали бы меня сюда раньше!

– И не говори! – кивнул Кузя, пытаясь запихнуть в рот большой кусок вишневого пирога со сливками.

– Вы совершенно неэстетично кушаете! – вздернула нос Лялечка, перед которой стояла только вазочка с небольшим количеством йогурта и ломтиком апельсина. – Сразу видно, что вы не имеете ни малейшего представления о правилах хорошего тона!

– А то ты имеешь!

– А я буду им учиться. Я внесла эстетику питания в список предметов, которые собираюсь проходить в школе!

Рино и Кузя только переглянулись и презрительно фыркнули. Тут в столовую вошла ослепительно улыбающаяся Сильвия.

– У меня для вас потрясающе приятная новость! – возвестила она. – Мы только что утвердили расписание уроков, которое полностью, я

повторяю, полностью соответствует всем вашим пожеланиям!

— Ура! — завопила Маша. — И у меня будет персональный тренер по батуту? Есс!

И она радостно запустила в воздух вазочку с шок-манже. Взбитая масса, украшенная кусочками экзотических фруктов, разлетелась над головами всех присутствующих. К счастью, пребывающая на чеку тетя Маня тут же втянула весь этот фейерверк мощным пылесосом, который был встроен в ее левую ногу.

— Мы выпишем твоего тренера сегодня же! — заверила Машу Сильвия. — Доедайте завтрак и поднимайтесь в общий зал для ознакомления с расписанием. Но учтите! Никаких изменений в расписание мы вносить больше не будем. А к нерадивым ученикам будем применять соответствующие административные меры. Раз уж мы идем вам навстречу во всем, то и вы должны заниматься с усердием... Дюк, можно тебя на минуточку...

Ризенгри нехотя вылез из-за стола, оставив недопитым любимое Дюшкой молоко с пенками, и пошел за Сильвией. Настроение у него было отвратное. Ризи испытывал ужасный дискомфорт. Внутри все было не так. У него постоянно что-то болело, ныло, натирало, жало. Неужели Дюшка чувствовал то же самое? Как же он вообще жил?! Но хуже этих «бытовых» неудобств было то, что Ризу теперь постоянно лезли в голову какие-то глупости относительно своих родителей, Дюшки, Джен и ангелов вообще. Риз Шортэндлонг

пришел к выводу, что Дюшка был намного лучше его, Риза. Он заранее приготовил всем подарки, сделал замечательную шкатулку, пожалел Тафика. Даже эту прикольную школу создали ради Дюшки, а Дюшки больше нет! Риз не чувствовал себя виноватым в том, что Ключкина взорвали. Да и вообще, что произошло, то произошло, тут уж ничего не изменишь. Риз понимал это. Но что-то его все-таки мучило. Ангелов он теперь просто ненавидел, особенно свою сестру. Ему казалось, что он понял замысел Джен и Рона, и этот замысел казался ему невообразимо ужасным. Теперь все стало понятно. Они заранее задумали убить Дюшку и взять его к себе. Это точно. Джен же прямо ему сказала: «С Ключкиным все решено. Он умрет и станет ангелом». А еще они подстроили так, чтобы он, Ризенгри, «стал человеком». Неужели Джен рассчитывает, что таким образом он со временем станет ангелом? Да ни в жизни! Ни за что! Эти ангелы – такие все сволочи! Да лучше он умрет прямо тут, на месте, чем станет одним из них!

Сильвия отвела Риза в уголок и сказала:

– Дюк, мне необходимо тебя кое о чем предупредить, но только пусть это останется между нами, ладно?

Ризенгри молчал. В стенке над головой Сильвии он заметил очередную тщательно замаскированную видеокамеру.

– Дело в том, – продолжила Сильвия, – что расписание может показаться тебе слишком сложным. Но ты не переживай. Поскольку ты не му-

тант, тебе вовсе нет необходимости подчиняться общим правилам. Мы, как твои новые опекуны, можем сделать для тебя так, чтобы...

Сильвия пыталась подобрать слова, но Ризу и так уже было все понятно. Новые опекуны! Ха! В общем, они все-таки считают Ключкина хуже всех остальных детей! Хуже этого упитанного Кузи, неженки Ляли и хулиганки Маши! Хуже директорского сыночка Барди и этой самоуверенной Клеменси! «Поскольку ты не мутант...» Злость и обида вспыхнули в Ризе с новой силой и не собирались гаснуть. И он решил во что бы то ни стало доказать этим уродам, что Дюшка был несравненно лучше, чем они о нем думают. И фиг они получают его, то есть Дюшкину, страховку. Он не будет сдаваться ни за что! Что бы они все с ним не делали – и мутанты, и ангелы!

– Вы такая добрая! – произнес Риз. – Я обязательно воспользуюсь вашим предложением. И никому ничего не скажу. А можно, если, конечно, мне будет легко, подчиняться этим самым общим правилам? Ну если мне так понравится?

– О, разумеется! Именно это я и хотела сказать! – обрадовалась Сильвия. – Ты можешь делать то, что тебе будет по душе.

Риз постарался улыбнуться ей самой что ни на есть непосредственной улыбкой, на которую был бы способен Дюшка, если бы только остался жив. И спокойно отправился допивать остывшее молоко с противными пенками, стара-

ясь не обращать внимания на урчание в кишках, тяжесть в ногах и общее состояние недосыпа.

Шортэндлонг последним поднялся в общий зал, в котором висело расписание. Еще перед входом в этот зал его поразила абсолютная тишина, повисшая за дверью. Риз вошел. Десять подростков с каменными лицами стояли у стенда, к которому были прикреплены семь плотных листков – по одному на каждый день недели, включая выходные. Выяснилось, что администрация школы учла пожелания учеников весьма своеобразным образом. В расписание действительно включили все до единого предметы, которые пожелали изучать ребята. А юмор заключался в том, что все эти предметы, все до единого, предстояло проходить всем ученикам в равной степени. Поскольку общее количество предметов получалось огромным, уроки занимали, помимо будних дней, все выходные, и даже праздники. Подъем планировался в шесть утра, а часть занятий вынужденно перекочевывала на вечер из-за нехватки времени.

– Бред какой-то, – наконец произнес Федя. – Это что, серьезно?

Невесть откуда в зале появился Менс.

– Совершенно серьезно! – сказал он. – Вы же не обыкновенные дети. Вы – особо одаренные. Выбрать такие предметы! Химия, астрономия, гипноз, прыжки с парашютом!

На словах «прыжки с парашютом» Кузю стало медленно выворачивать наизнанку. Фредерико Менс сделал вид, что не заметил этого. В зал боком просочилась Сильвия.

– А чего стоит спелеология! – продолжал Менс.

– Ни за что не полезу в эти грязные пещеры! – прошептала Лялечка Твикс.

– Еще как полезешь!

– Я лучше вообще из школы уйду!

Фредерико снисходительно хмыкнул и достал из кармана пачку скрепленных степлером бумажек.

– Специально для тех, кто надеется на то, что сможет уйти из школы ранее, чем через пять лет. Это типовый контракт. Точно такие же контракты вчера собственноручно подписали все ваши родители.

Оля Окей трясущимися руками взяла со стола контракт и стала его изучать.

– Любой контракт можно разорвать! – авторитетно сказала Лессия. – Мы с сестрой пожалуемся маме и...

– Боюсь, деточка, что, если ты будешь ставить нам свои условия, ты вообще никогда не увидишь свою драгоценную мамочку! – сладким голосом произнес Фредерико. – Обратите внимание, что, пока вы спали, мы сняли с вас ваши любимые браслетики. Чтобы они вам не мешали.

Сильвия наклонилась к Ризу и одними губами произнесла:

– Это все к тебе не относится!

Впрочем, она могла не стараться. Риз подошел поближе к расписанию и меланхолично просканировал его сверху вниз.

– Замечательное расписание! – громко сказал он. – Вы просто не понимаете! Для нас делают все, чтобы мы стали особенными, не такими, как все. А вы еще чем-то недовольны! Разумеется, я, например, стопроцентно не такой, как все, но...

– И чем же это ты не такой, как все? – перебила его Маша.

Риз сделал многозначительную паузу и торжественно произнес:

– Я – настоящий человек. И мне, в отличие от некоторых, вовсе не представляет особого труда заниматься по предложенной схеме. А если кому-то из вас, мутантов, это не по силам, то я тут ни при чем.

– Лично мне – запросто! – с вызовом ответила Мария. – Я не за себя переживаю.

В этот момент Олечка Окей, все еще внимательно читающая контракт, как-то странно побледнела и неожиданно упала в обморок.

– Ничего страшного! – успокоил всех Менс. – Это она просто прочла пункт, в котором говорится о том, что если ученик все-таки захочет покинуть школу до исполнения ему восемнадцати лет, он сможет это сделать. Просто предварительно ему сотрут всю память.

Фредерико галантно поклонился и вышел из зала. А Сильвия похлопала Олю по щекам, приводя ее в сознание, и объявила о том, что первый

урок начинается через пятнадцать минут в кабинете номер семь.

– Да, и просьба не опаздывать! – мягко улыбнулась она на прощание. – Кто опоздает, останется без обеда.

Первым уроком в школе для особо одаренных стоял практикум по выживанию в условиях пустыни. В просторном кабинете номер семь, куда попали ребята, не оказалось ни одной парты. Под потолком всюду палили лампы, имитирующие солнечное освещение. А пол был усыпан толстым слоем белого африканского песка, из которого торчали саксаулы и кактусы.

– Между прочим, – заметила пришедшая в себя, но все еще бледная Оля, – насколько мне известно, саксаулы растут в Азии, а вот эти вот кактусы – в Южной Америке. А одновременно они не встречаются.

– Ну и что, нам от этого легче? – пожала плечами Маша.

– А я знаю, что мы будем делать! – выпалил Барди, приближаясь к одному из кактусов. – Мы будем добывать воду и выдавливать кактусы.

– И откуда ты знаешь?

– Так уроки по выживанию я заказывал!

Кактус, к которому со знанием дела подошел Барди, тут же проворно вывернулся из песка и опасливо засеменил в противоположный угол комнаты. Фред и Рино молча повернулись к Бар-

ди и пошли на него стеной. К ним так же молча присоединился Кузя.

– Ребята, я с вами! – выкрикнула Маша.

– Ой, что сейчас будет! – хором прошептали сестрички Твикс, хватаясь друг за дружку.

Барди сжался и попятился к стенке. Но тут вошел педагог по выживанию и спас сыночка Менса от верной расправы. Следующие сорок пять минут десять мутантов и один биоробот в лице Вари-2, расплавляясь от зноя, жевали кактусы и учились сооружать водособиратели из подручных материалов под руководством Валентина Мироновича, младшего сантехника СОСИСки. Валентин не имел абсолютно никакого образования, но зато отслужил в армии и всю жизнь любил экстрим. Он менял бачок в туалете главного корпуса института, когда ему сообщили, что его повышают в должности. Валентин дико обрадовался, решив, что его переводят в старшие сантехники. Но когда ему сообщили, что он теперь временно будет работать преподавателем в школе для избранных, он просто потерял дар речи. В кабинет номер семь Валентин Миронович вошел уже совершенно другим человеком. Простите, я хотела сказать, мутантом.

– Оу! Почьему от вас пахнет этым... как это... клозетом? – изумленно спросила его Клеменси, у которой было очень тонкое обоняние.

– Я живу в канализации! – гордо пояснил Валентин Миронович. – Специально. Стараюсь не выходить из формы ни на секунду! Ведь выживать надо уметь не только в условиях пустыни.

Но вы не беспокойтесь. К выживанию в условиях канализации мы перейдем не раньше следующего утра.

— Оу! — выдохнула Кле.

Перспектива жить в канализации ребятам, мягко говоря, не понравилась. Оля Окей тут же грохнулась во второй за последний час обморок, а бедного Кузю все-таки вывернуло прямо на ближайший, не успевший убежать кактус.

Ризенгри просидел все сорок пять минут, задыхаясь, обливаясь потом и проклиная Барди, которому пришлось в голову ввести в расписание столь бредовый урок.

Наконец прозвенел звонок, Риз выбрался наружу и прислонился к прохладной стенке, чтобы хоть немного отдышаться. Проходившая мимо Мария Малинина смерила его взглядом с головы до ног и презрительно заметила:

— Отлично выглядишь! Похоже, настоящим мутантам и впрямь «не представляет особого труда заниматься по предложенной схеме».

Ризи хотел послать ее к праотцам, но вовремя вспомнил о том, что по характеру он тоже решил превзойти всех остальных мутантов. «Я все смогу!» — подумал Риз, оторвался от стенки и спокойно произнес:

— Маш, ты извини меня, пожалуйста, если та моя фраза тебя задела. Понимаешь, я и сам тогда обалдел, когда увидел, что нас ждет. Ну у меня и вырвалось. Ты не обижайся на меня, ладно? Дурак я...

Мария вылупилась на Риза как баран на новые ворота, потом покраснела, потом смутилась, потом сдула со лба прилипшую прядку волос и в сердцах сказала:

– Это не ты дурак, это Барди – дурак и идиот. Надо же было такой урок придумать! Давай ему тёмную устроим!

«Давай!» – хотел сказать Риз, но опять вовремя вспомнил о том, что он теперь должен вести себя по-другому:

– Нет, Маш, на него тоже не стоит злиться. Он же только для себя уроки выбирал. Он же не знал, что это на всех.

Маша не нашлась, что ответить, и они пошли на следующий урок. Вторым уроком по плану стояла обыкновенная математика. Но оказалось, что она будет проходить в этом же кабинете. Просто рабочий-робот внес в класс несколько складных стульев и столов. А доска-экран выехала прямо из стены.

– Ни фиги себе математика! – заявил Кузя, самый толстый в классе парень, которого недавно вырвало на кактус. – Да мы же тут просто зажаримся! Вы как хотите, а я лично – пас!

И Кузя демонстративно вышел из класса.

– Ребята, – сказала учительница. – Тот из вас, кто будет плохо себя чувствовать, может покинуть класс. Двоек я за это ставить не буду. Это повлияет исключительно на ваш персональный рейтинг по выносливости.

И она начала урок. Риз выводил цифры, пытаясь сосредоточиться на материале, но это у него

получалось весьма посредственно. Сестрички Твикс вышли из класса через пять минут после начала урока, Клеменси – через семь. Федя продержался полчаса. Оля Окей выскочила, но тут же вернулась. Маша Малинина и Рино Слунс сидели, хотя Рино практически не слушал педагога, беспрерывно обмахиваясь тетрадкой, а Маша то и дело облизывала пересохшие губы. Что же касается Барди Менса и Вари Ворониной, то они спокойно списывали с доски доказательство теоремы и, кажется, между делом втихаря играли в крестики-нолики. Ризу нравилась Варя. Но он хорошо понимал, что обойти по выносливости работа – это будет еще та задачка!

С каждой минутой Ризу, ставшему обычным человеком, становилось все хуже и хуже. У него звенело в ушах, а картинка перед глазами то темнела, то опять появлялась. Но если самого Риза такое состояние, судя по его поведению, ни капельки не волновало, то этого никак нельзя было сказать о сотрудниках, которые были обязаны вовремя прекратить эксперимент. С одной стороны, им было бы спокойнее включить в классе кондиционер и не переживать по поводу того, справится Ключкин со стрессом или нет. С другой стороны, сбросить в классе температуру, не доведя объект до полной кондиции, означало навлечь на себя гнев Фредерико, а этого тоже никому не хотелось. Поэтому сотрудники, следящие за дальнейшим развитием событий, нервно кусали себе ногти и чешуйки, не решаясь на какие бы то ни было действия.

– Интересно все-таки, а как им удалось создать условия пустыни в одной комнате? – поинтересовалась Лессия, когда у детей, наконец, появилась маленькая возможность передохнуть.

– Это не комната. Это климатическая камера, – объяснил Рино. – Фирма моего папы как раз такие штуки и продает. Только их покупают плохо. За весь прошлый год единственную большую камеру продали – в секретный институт, для опытов над мутантами.

– Я даже догадываюсь, в какой именно! – с сарказмом сказала Оля, обливаясь потом.

– А вместе с камерой они продали еще одну такую хитрую штуку – прозрачную и незаметную, которая вообще бешеных денег стоит, мне папа растрепал, – продолжал Рино, – и которая вообще все может, то есть создать любые условия, самые комфортные. Это для учителей, наверно.

– Нам ее испробовать не грозит, – перебил Слунса Менс-младший. – А на меня вы зря напали. Если бы я про пустыню не написал, мой папочка еще что-нибудь похлеще сообразил. Он вообще с детства мне твердит, что такой мутант, как я, не должен расти неженкой.

– Ну и растил бы тебя, как хотел, а мы здесь при чем? – упавшим голосом произнесла Ляля. – Мы-то все не такие крутые, как некоторые. Я, например, самая что ни на есть обычная первая мутантка. И такой жары стопудово не выдержу. Вот у кого теперь математику переписывать?

– Держи, – Ризенгри протянул Ляле свою тетрадку. – Только верни вовремя, мне в ней еще домашнее задание делать.

– Оу, а я?! – завопила Клеменси.

Рино протянул Кле свою тетрадь:

– Мне можешь возвращать, когда угодно. Хочешь, я на следующей математике сразу в двух экземплярах писать буду?

Ризенгри подумал, что вырваться вперед по самому лучшему характеру при наличии такого конкурента ему будет непросто.

– Мамка-папка, ты думать, нам математика всегда будет в такая жара учиться? – всплеснула руками Клеменси.

– Я тогда лучше сразу завещание писать сяду! – буркнул Кузя.

– Ладно, не расстраивайтесь, – попыталась успокоить их Маша. – Следующий урок – плавание. Так что нас ждет прохладный бассейн.

Однако тренер по плаванию тоже пришел в седьмой кабинет, с песком и кактусами.

– Сегодня мы займемся теорией! – бодро объявил он. – Плавать будет кто-то один. Я предлагаю, чтобы это был Андрей Ключкин.

– Почему Ключкин? – дружно возмутились все.

– Потому что именно Ключкин внес плавание в общее расписание. Наверняка он уже знаком с теорией, и ему можно приступать к практике.

Риз представил себе прохладный свеженький бассейн и ухмыляющегося Менса у бортика.

И решил не сдаваться до последнего. Он только боялся, что этот последний момент наступит совсем скоро.

– Вы знаете, – нагло и очень вежливо сказал Риз, – к сожалению, я должен признаться, что очень плохо знаком с теорией плавания. Если вы не против, я бы предпочел заниматься вместе со всеми.

И Риз остался в классе. На этот раз Рино Слунс тоже не выдержал и вышел посреди урока, когда тренер попросил всех встать и начать интенсивно вращать руками, словно совершаешь гребки. Ризи смог оторвать себя от стула только со второй попытки.

– Андрей Ключкин, мне не нравится ваш цвет лица, – заметил тренер, когда Риз сделал первый условный гребок. – Возможно, вам необходимо выйти подышать воздухом?

Риз оскалился, пытаясь изобразить на лице подобие улыбки, и продолжил махать руками, поскольку Варя Воронина и Барди Менс стояли с ним в один ряд и выглядели как огурчики. Малинина стояла сзади, и ее Риз не видел. С показаниями его датчиков творилось черт знает что.

– Оказывается, у людей-немутантов просто поразительные способности к адаптации в условиях стресса! – сделал вывод Александр Сергеевич Пушкин, ведущий биохимик секретного института. – И полная неспособность жить в нормальных условиях. Поглядите только, у него такое давление, такой пульс, а он улыбается, да еще

строит глазки Ворониной. А дома при всех нормальных показателях у него были сплошные истерики!

– Отчего же он раньше так не адаптировался? – с волнением спросил Игорь Лап, незащищенная докторская диссертация которого должна была поведать миру о том, какие слабые и незащитные существа мутанты.

– Стресс был недостаточным! – авторитетно объяснил Пушкин и решительно прибавил в классе температуру.

– А мне кажется, все дело в психологии! – покачала головой Сильвия.

Но объяснить свою мысль она не успела, так как торопилась в класс. Разумеется, ее урок по введению в социологию мутантов также проходил в седьмом кабинете.

Элегантная Сильвия в строгом деловом костюме с длинным рукавом, казалось, вела урок исключительно для Дюшки. Она обращалась к нему по поводу и без всякого повода. То просила помочь поддержать ей пособие, то налить минералки. Ученикам минералку никто не предлагал. Температура в классе приблизилась к рекордной отметке. Сестрички Твикс опять покинули класс почти сразу. Клеменси выпорхнула сразу за ними. Оля – спустя еще пять минут. Потом на свежий воздух потянулись мальчишки. Даже Маша – и та была на пределе. Барди Менс мог выдержать любую температуру абсолютно без всяких проблем, но социология мутантов, да еще в исполнении собственной матери, навела

на него такую невероятную тоску, что в итоге он тоже слинял.

К концу урока под палящими лампами остались Дюшка Ключкин, Мария Малинина и Варя Воронина. Варя аккуратно конспектировала лекцию по социологии. Даже не собрала в узел рассыпанные по плечам белокурые волосы и изредка томно вздыхала. Ризи был не в состоянии записать ни строчки.

– Юноша, вы не могли бы налить мне еще водички, пока ваша подруга дописывает фразу? – проворковала Сильвия, обращаясь к помиравшему на первой парте Ключкину. – А вы, госпожа Малинина, спуститесь, будьте любезны, на первый этаж и принесите из моего кабинета записную книжку, которую я оставила на своем столе. Справитесь?

Насквозь мокрая Малинина с радостью вылетела из парилки и понеслась выполнять поручение. Риз наливал Сильвии минералку, как зомби. Добравшись до своего места и упав на раскаленный стул, Ризенгри Шортэндлонг понял, что он все-таки проиграл. Изображение вокруг него окончательно померкло. Риз с трудом положил руки на стол и уронил на них тяжелую дурную голову. Но в этот момент у Вари-2 расплавились предохранители, и Сильвия получила сообщение о том, что урок необходимо срочно прервать. Ризи не видел, как бездвиженную Варю через заднюю потайную оперативно унесли рабочие в сиреневых спецовках.

В класс хлынул свежий воздух. Риз частично пришел в себя, с трудом оторвал голову от стола.

Лучезарно сияя, в класс вбежала успевшая переодеться в сухую маечку Маша.

– Вы книжечку в другом кабинете забыли! – возвестила она. – Ой, а Варя тоже не выдержала?

– Продолжим урок! – как ни в чем не бывало улыбнулась Сильвия.

Они остались в классе втроем. Риз, пропустивший всю первую половину урока, подгреб к себе поближе конспект Вари Ворониной, написанный круглым каллиграфическим почерком, и попытался его продолжать, по ходу дела пытаясь вникнуть в тему урока. В отличие от Марии, ему этого сделать так и не удалось.

Социология мутантов Маше понравилась.

После социологии ученикам явился Фредерико Менс, который впредь категорически запретил кому бы то ни было покидать класс без уважительной причины. Такая вольница нарушала все планы его и Тафанаила Казбекова. Остальные пять уроков утренней серии все ученики домучивали вместе. Правда, Вари Ворониной на химии и оккультизме не было, но Менс важно заявил, что причина тому была весьма уважительная. Шестым уроком был бокс, седьмым – тяжелая атлетика...

Мама Ляли и Лессии, сестер-погодков, попыталась позвонить девочкам, когда шел последний, восьмой урок. Последний из утренней серии. Это был урок западноафриканских балльных танцев. Он проходил не в седьмом кабинете

те, а в уютном спортивном зале номер четыре, с зеркалами во всю стену, балетными станками и огромными окнами, сквозь которые все помещение заливало холодное зимнее солнце. Мальчиков вырядили в черные строгие костюмы, а для девочек подобрали восхитительные летящие платья с перьями и пальмовыми листьями. Правда, выжатым как лимоны, после семи уроков детям было не до нарядов. Половина из них едва была в состоянии двигаться. Барди и Варя оставались еще в форме. Маша – так себе. Федор держался из последних сил. Рино был злой как черт. Но на остальных девочек и Кузю просто было жалко смотреть. Риз улыбался, но мог стоять, только вцепившись в стенку. Настрой – настроем, но тело служить отказывалось. Танцы в школе для одаренных вела вовсе не уборщица тетя Зоя или вахтерша баба Люба, а профессиональный хореограф Тумбо Клумбао. Его выписали из республики Катамарани еще ранним утром.

Вместо дочерей мадам Твикс ответил Фредерико. Он рассыпался в извинениях, выражая сожаление о том, что девочки сейчас очень заняты и не могут с ней поговорить. Он показал ей Тумбу, выкидывающего коленца посреди зала в то время, как ученики полукругом стояли вокруг, и попросил перезвонить в другой раз.

– Ах, какие они все куколки! – воскликнула мадам Твикс, издали увидев дочек в нарядах посреди искрящегося в солнечных лучах зала. – Конечно же не будем им мешать!

– О да, не будем! – согласился Менс. – И еще я хотел бы попросить вас об одном.... Простите, как вас зовут?

– Елизавета Петровна.

– Очень приятно, Елизавета Петровна. Так вот, я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Дело в том, что, сами видите, у нас не простая школа. Верно?

– О да, – согласилась мадам Твикс.

– И вы понимаете, мы делаем для детей все, что только возможно. У вас гениальные дети!

Польщенная Елизавета расплылась в улыбке и скромно, но с достоинством кивнула.

– Но многим ученикам, а девочкам особенно, трудно с первого же дня втянуться в непривычный для них режим, ритм. Они могут пожаловаться на то, что устают или не в состоянии справиться с некоторыми заданиями. Постарайтесь поддержать их морально. Скажите, что вы видели все их занятия... Ведь вы же их видели? Скажите, что верите в то, что у них все получится. А если они хотят бросить нашу школу или вы сами захотите забрать их обратно, в их старую, обыкновенную...

– То об этом даже речи быть не может! – перебила его Елизавета, испугавшись, что ее девочки могут упустить такой замечательный вариант. – Ни в коем случае! Нет, нет! Обратно в обыкновенную школу? Моих гениальных девочек?!

Менс покорно молчал, давая женщине выговориться.

— Тогда вы должны помочь им адаптироваться в школе.

— Как?

— Не звонить! Вернее, не звонить им. Звоните мне. Я буду показывать вам их, так сказать, издали. Как они учатся, спят, едят, развлекаются. Все, что угодно, хоть целый день. Но они не должны знать, что вы звоните. Это нужно для них. Понимаете, девочки настолько талантливы, что наша с вами прямая обязанность сделать все для их блага!

После окончания разговора Елизавета Петровна осталась в самом приятном расположении духа, какое только у нее бывало в жизни. Разумеется, девочкам она больше не звонила, только Менсу. А тот показал ей лучшие, отредактированные и должным образом смонтированные кадры с ее дочками, львиная доля улыбок которых была отснята в первый день, до начала учебы. А остальное просто сфабриковано на компьютере. С родителями остальных учеников все повторилось с незначительными вариациями.

После последнего, девятого урока, которым, кстати, было черчение ногами, Рино Слунс лег на пол, закрыл глаза и заявил, что он собирается умереть прямо тут и чтобы его не трогали. Кузя не стал ложиться рядом с ним только потому, что пришло, наконец, время обеда, а пропускать такое важное мероприятие он не собирался ни при каких обстоятельствах. Ку-

зя с завистью посмотрел на Рино и поплелся за всеми остальными на первый этаж жилого корпуса.

Варя и Клеменси в столовую не пошли. Кле — потому что дико устала и у нее было одно желание — доползти до кровати, а Варя — потому что операторам надоело с ней возиться и они хотели передохнуть. Тем более что после приключения с перегоревшим предохранителем выяснилось, что в конструкции Вари-2 есть серьезные недостатки. Обе девочки отправились каждая к себе. Барди Менс, разобиженный на родителей за то, что они уравнивали его с остальными, тоже удалился в свои комнаты.

Риз сначала направился обедать вместе со всеми. Он плелся в середине процессии и шатался из стороны в сторону. Маша шла сзади, и ей казалось, что Дюшка вот-вот рухнет на пол. Вначале Ключкин Маше нисколько не понравился. Но после того как он перед ней извинился... Вы часто встречали мальчиков, которые могут называть себя дураками и признать свои ошибки? Вот то-то и оно... На половине пути ученикам повстречался Фредерико Менс в легкой спортивной форме и с теннисной ракеткой в руках. Это была явная провокация со стороны Менса, Риз отлично это понимал.

— Вы собираетесь играть в теннис? — спросил Ризенгри.

— Ты угадал, дорогой Дюшка! Я иду играть с одной симпатичной молодой девушкой. Но если хочешь, можешь составить мне компанию.

Менс шел играть с сестрой Ризи, Джен. Риз и понятия не имел о том, что его сестра находится на Земле, в плотном теле, да еще так близко от него.

– Конечно, хочу, – Ризенгри нашел в себе силы ответить сразу.

– Может быть, тебе лучше пообедать и отдохнуть перед вечерними уроками? – прищурился Менс.

Риз подумал о том, что Дюшка Ключкин сейчас ни за что бы не пошел играть в теннис. Но теперь Дюшкой был он.

– Я совсем не устал, – заплетающимся языком проговорил Ризенгри.

Менс снисходительно кивнул.

– Я тоже хочу поиграть в теннис! – заявила неожиданно Маша Малинина.

Вообще говоря, ее единственным желанием на данный момент было поспать, но... Менс с удивлением посмотрел на Машу и еще раз кивнул.

– Только у меня ракетки нет, – решительно добавила она. – Дюшка, ты мне одолжишь сегодня свою ракетку? Пожалуйста! А ты в другой раз сыграешь. Ну ты же джентльмен!

– Да, конечно, с удовольствием, – пробормотал Риз.

Маша уволокла его вон прежде, чем Фредерико Менс успел придумать что-нибудь еще, и дотащи-ла до комнаты, в которой Ключкину полагалось отдыхать. Потом схватила ракетку и упорхнула играть в теннис. А Риз завалился спать, даже не скинув обуви. Обедать он, разумеется, не пошел.

Джен Шортэндлонг на корте не появилась. То, что Менс играет с Машей, она увидела издали. Маша впервые держала в руках ракетку, и мячики, посланные ее рукой, разлетались во все стороны света по самым замысловатым траекториям. Фредерико честно выдержал двенадцать минут и сбежал в свой любимый кислотный бассейн.

Тем временем в столовой назревал бунт.

Пятеро мутантов первого порядка (Кузя, Федя, Оля, Ляля и Лессия) сидели за круглым столом, ломящимся от яств, и обдумывали свое бедственное положение.

– Любой контракт можно разорвать! – убеждала друзей по несчастью старшая сестра Твикс, Лессия. – Но сделать это должны наши родители. Наша задача – сообщить им о том, что тут с нами творят.

– Как же мы им сообщим? – возразил Федя. – Браслетки у нас отобрали, все остальные компы наверняка проверяются.

– Через запаску! Кто-нибудь из нас ведь должен был взять запаску!

Запаской назывался второй портативный комп, который некоторые взрослые носили с собой на всякий случай. Однако выяснилось, что запаски, как назло, ни у кого нет.

– Может, у Кле есть? – с надеждой спросила Ляля. – Или у Маши?

– Ага, у Маши! У нее, если и есть, фиг выпросишь! – заметил Кузя Пузилов, набивая брюхо трансгенными омарами.

Аппетит у Кузи не пропал, несмотря ни на какую усталость. Остальные почти не притрагивались к еде.

– Что, она такая жадина?

– Да нет. Просто ее тут, видимо, устраивает. Вон мы еле ноги волочим, а им с Дюком хоть бы что – побежали в теннис играть.

– Это они выпендриваются! – заявила Ляля. – Помяните мое слово, этот Ключкин только хочет быть героем. А сам и трех дней не выдержит!

– Да я и одного не выдержу! – вздохнула Оля. – Пусть, кто хочет, играет в теннис, или учится жить в канализации, или с парашютом прыгает. А я не буду, и все!

– Я с парашютом тоже не буду! – согласился с ней Кузя. – Нет ни у кого таких прав – заставлять детей с парашютом прыгать!

– Ну и как именно ты собираешься свои права качать? – спросил Федя. – Попробуй, возрази им. Сегодня вон Сильвия четко сказала: будут применять меры. Кто опоздает, например, на урок – останется без обеда.

Кузя промолчал. А Олю вдруг осенило.

– Я знаю, как с ними бороться! – твердо сказала она. – Я объявляю голодовку! Рано или поздно моя мама позвонит и выяснит, что ее ребенок заболел...

Ребята принялись обсуждать плюсы и минусы предложенного Олей метода борьбы. Но сотрудники СОСИСки, следящие за их разговором с помощью одной из видеокамер, тоже не дремали. Через несколько минут в столовой появилась Варя.

– Оля, не объявляй голодовку! – попросила Варя. – Тебе это опасно. Ты и без голодовки сегодня два раза в обморок падала. Лучше я объявлю голодовку!

– Ты?!

– Да. Я все равно худеть собиралась. И я тоже ни за что не хочу учиться в этой дурацкой школе с ее правилами. Но твоя мама неизвестно когда еще позвонит, а мои родители, в отличие от ваших, живут тут, рядышком. Они точно придут меня проведать, и пусть Менс только попробует их не пустить!

Ребята переглянулись.

– Ты – настоящий друг, Варя! – тихо и торжественно сказала Олечка. – Извини, что я тебя сразу не оценила. А ты сможешь?

– Смогу! – кивнула Варя.

– Что это ты сможешь, если не секрет? – поинтересовалась только что вошедшая в столовую Сильвия.

Ребята замерли. Но Варя оказалась на редкость мужественной девочкой.

– Я объявляю голодовку! – спокойно и внятно заявила она, и ни один мускул на ее лице даже не дрогнул.

– У тебя есть ровно три минуты, чтобы изменить свое решение! – громко сказала Сильвия, и на ее лице также не дрогнул ни один мускул. – Иначе через три минуты и одну секунду ты будешь уничтожена!

– Как это уничтожена? – за всех спросил Федя.

– С помощью вот этой маленькой штучки!

И Сильвия продемонстрировала детям некий приборчик, встроенный в ее кольцо на среднем пальце.

– Вы же говорили, что тем, кто захочет уйти, просто сотрут память! – с ужасом прошептала Лессия, глядя на кольцо.

– Хорошо, – милостиво согласилась Сильвия. – Тебе мы в случае чего действительно просто сотрем память.

– Вы меня угрозами не испугаете! – сказала Варя. – Я никогда не поверю в то, что вы можете просто так меня уничтожить.

Сильвия весело рассмеялась.

– Ну разумеется, ты никогда в это не поверишь. Не успеешь поверить. Эта штучка так быстро действует! Зато остальные поверят. И в дальнейшем будут умницами. Правда, детки?

Детки дружно молчали. Сильвия посмотрела на часы. Варя стояла, не шевелясь.

– Она не будет голодать! – закричала вдруг Оля. – Она пошутила! Простите ее, пожалуйста! Варя, ну скажи же, что ты пошутила!

Она схватила Варю-2 за плечи и принялась трясти.

– Перестань ты! – отмахнулась Варя. – Ничего она мне не сделает!

Варя попыталась отцепить от себя Олю. Сильвия еще раз взглянула на часы и подняла руку с кольцом, направив его на Варю.

– Десять секунд! – объявила Сильвия.

– Вы не посмеете! – равнодушно сказала Варя.

– Пять секунд...

Оля закричала, присела на корточки и зажала уши руками. Никакого выстрела не последовало. И даже тонкого лучика из кольца Сильвии не вырвалось. Но Варя вдруг вздрогнула и, как подкошенная, рухнула на пол. Оля Окей не потеряла сознания. Она осталась сидеть в той же позе, на корточках, глядя на мертвую Варю и не издавая не звука. На сей раз в обморок упала Ляля. А Кузю привычно вырвало.

Сильвия переступила через Варю и подошла к Кузе.

– Ты слишком много ешь, Пузиков! – заботливо проворковала она, гладя его по голове. – Ты явно переедаешь. Ведь за сегодня это уже второй раз с тобой, правда?

Сильвия кивнула головой в сторону кучи не успевших перевариться омаров, вывернутых Кузей.

– Это не дело. Придется организовать для тебя отдельное, диетическое питание. Конечно, это лишние расходы для государства, но вы – перспективные дети, и мы все ради вас сделаем. Ты же не собираешься протестовать против диеты, Кузя?

Кузя еле заметно кивнул головой.

– Я не поняла! – с сожалением произнесла Сильвия, многозначительно постучав пальчиком по кольцу.

– Я не буду протестовать! – замирая от страха и не имея сил отвести взгляд от лежащей в совершенно неестественной позе Вари, прошептал Кузя.

– Ну и замечательно! – обрадовалась Сильвия. – Вечерние уроки начинаются через двадцать пять минут.

После игры в теннис Маша занесла ракетку Дюшке, растолкала его и заставила спуститься пообедать. Когда они вошли в столовую, Вари там уже не было. За столиком в углу одиноко сидел Рино Слунс, покорно поедающий все блюда, которые перед ним стояли.

– Ты же собирался умереть там, в классе! – попыталась подшутить над ним Маша. – Разлегся на полу, как бревно на солныш...

Рино поднял на нее стеклянные глаза, и Мария осеклась.

– Варю убили! – сказал Рино.

– Что?

– Варю убили! – повторил Рино и вкратце поведал им о том, о чем ему уже успели рассказать ребята.

В первый момент это известие произвело на Риза почти шоковое впечатление. Он один из всех знал, что Варя – биоробот. Зачем им понадобилось ее убивать?! Впрочем, уже через несколько секунд догадался: чтобы это было примером для других! Риз мысленно усмехнулся. Он собрался было широко улыбнуться и сказать, что... Но тут Ризенгри вспомнил о том, что он теперь во все не он, что он теперь Дюшка.

Риз нагнул голову, закусил губу и тихо заплакал.

– Ты что, Дюшка! – испугалась вдруг Маша. – Ну не плачь, что ты! Мы с тобой выживем, обя-

зательно! Мы выживем, мы тут самые сильные, да?

— Неважно, кто сильный, а кто слабый, — ответил ей Ризенгри. — Нельзя делить людей по такому принципу.

— А по какому можно?

— Ни по какому! — пожал плечами Риз и пошел прочь.

Глава 5

ТРИ КЛОНА АНДРЕЯ КЛЮШКИНА

Утром второго января, аккуратно в тот момент, когда в школе для особо одаренных заканчивался первый урок по выживанию в условиях пустыни, Лейла Бабаевна отдала Дюшкин волос на экспресс-анализ в лабораторию Института генетики. Репутация этого института была безупречной. Результат каждой проверки был стопроцентно надежен, а полная анонимность безоговорочно гарантировалась. Через три часа ответ на анализ был готов, и он был однозначен: волос, принесенный в качестве образца, принадлежал Андрею Ключкину, человеку. Итак, Роберт, очевидно, был одним из левых, не зарегистрированных клонов настоящего человеческого детеныша.

На выходе из Института генетики Лейла Бабаевна столкнулась с приятным на вид мужчиной, в котором Дюшка Ключкин без труда узнал бы

главного врача маленькой частной клиники, Семена Эльфовича. Семен Эльфович, а на самом деле Даниил Петрович, направлялся в ту же лабораторию, откуда только что вышла Лейла. Он нес на экспресс-анализ волос пациента, который трагически погиб вместе с его лучшей медсестрой Машенькой. Экспресс-анализ стоил дорого, но Петровичу нужны были козырные карты для предстоящего неприятного разговора с супругами, которые сдали ему на хранение ребенка. Они имели право приехать за мальчиком в любой момент. Раз уж пацан взорвался, Даниил Петрович решил узнать, хоть кем он был на самом деле.

– Наш Роберт – действительно клон человека по имени Ключкин, – сообщила Лейла Майклу, поджидающему ее в соседнем кафе за столиком.

– Не наш, а мой, – поправил ее Майкл. – Мой клон. И потом, это я и так знал, что он – клон. Что дальше?

– Дальше я заказала полный генетический анализ. Это обойдется тебе...

– Неважно, дальше!

– Твой клон – левая работа. Он нигде не зарегистрирован.

– Это хорошо или плохо?

– Скорее, хорошо. Вообще у нас есть два варианта. Или мы объявляем, что нашли незаконно сделанный клон, да еще кого – последнего человека, – и устраиваем шумиху из этого дела, тогда мы должны будем, разумеется, вернуть его государству, но зато...

– Или?

– Или оформляем создание клона задним числом, объявляем своей собственностью и устраиваем шумиху уже из этого дела. Твоему клону в апреле исполнится двенадцать лет. Значит, нам надо найти контору, которая существовала двенадцать лет назад и которая могла создать такой клон. Это вполне можно сделать.

– Подожди, – остановил ее Майкл. – Ты говоришь, что Роберту исполнится двенадцать в апреле?

– Да, это абсолютно точно. Вот результаты анализа.

– Но, Лейла, этого просто не может быть!

– Почему?

– Да потому, что самому Андрею Ключкину в апреле исполняется как раз двенадцать! Не мог же кто-то,неважно кто именно, создать клон человека, который еще не родился!

Лейла Бабаевна задумалась. Она была неплохим юристом и очень неплохим адвокатом, но мало что понимала в клонировании.

– А если Андрея и Роберта создали одновременно? Одного после рождения объявили человеком, а второго спрятали на всякий случай!

– Совершенно исключено. Андрей появился на свет естественным образом. Даже искусственное оплодотворение не применяли. Человек Ключкин – уникал, а ни один клонировщик пока еще не является Господом Богом. Повторить Ключкина можно, а вот создать заранее – никак. Да если бы наши ученые умели созда-

вать людей, я имею в виду настоящих людей, с этим пацаном никто бы не стал возиться и одной минуты!

– Ну допустим. Тогда клон могли создать позже и искусственно состарить.

– Значит, Роберт вообще не клон.

– Кто же он, по-твоему?

Майкл Кэшлоу огляделся по сторонам, пригнулся к самому уху Лейлы и прошептал:

– Роберт – копия!

– Не может быть! – ахнула Лейла.

– Клон можно старить только для того, чтобы сделать копию. Поверь мне. Как-никак я работаю в секретном институте и кое-что в этом деле понимаю!

Лейла Бабаевна опять задумалась.

– Майкл, было бы здорово, если бы это было так. Но мы никогда не сможем доказать, что Роберт – копия. Насколько я понимаю, для этого нужно засунуть обоих детей в биореактор, чтобы снять точные данные, и показать, что данные полностью совпадают. То есть совпадают на тот момент, когда произошло копирование. Но кто позволит тебе сунуть в реактор последнего человека!

Теперь задумался Майкл.

– Мне лично не позволят. А сами рано или поздно это сделают.

– Почему?

– Потому что раз они делали это однажды, но их копия исчезла, они попытаются сделать еще одну копию!

– Сначала они попытаются отыскать старую копию! – возразила Лейла. – Которую ты ухитрился найти.

Предположение Лейлы было, как показалось Майклу, весьма близким к истине.

– Срочно возвращайся на виллу! – приказал Майкл. – Ты будешь защищать Роберта и проверять его способности. Надо убедиться в том, что он – копия, а не клон. А я поеду в институт и буду следить за Дюшкой.

– Не пойдет! – возразила Лейла. – Мы вернемся на виллу вместе. Сначала заедем в «Золотую рыбку», закажем новую защиту дома и подыщем службу. Проверять Роби может кто-то другой. А я займусь юридическими вопросами. Думаешь, это так просто – обналичить человеческую копию?

– Я не хочу пускать в дом посторонних! Особенно из «Золотой рыбки». Как только они что-то разнюхают...

– Но не будем же мы питаться полуфабрикатами или заниматься этим твоим Робертом сами!

Майкл был согласен с Лейлой, но охочих до чужих тайн горничных из «Рыбки» он тоже знал.

– Я помню, что, приезжая на дачу, родители охрану привозили свою, а повара и всяких там садовников нанимали из местных жителей. Мы тоже можем так поступить.

Майкл Кэшлоу все-таки заказал персональное охранное устройство, самую последнюю,

улучшенную модель в центральном отделении «Рыбки». Потом они с Лейлой закупили всякой всячины и поехали на виллу, обсуждая вопрос, где бы раздобыть горничную понадежнее. Неожиданно этот вопрос решился сам собой. Прямо около ворот виллы им встретилась приятная стройная мутантка, которая при виде автомобиля Кэшлоу отчаянно замахала всеми четырьмя руками, пытаясь привлечь к себе внимание. Майкл затормозил и опустил стекло. Мутантка оббежала машину вокруг и заглянула вовнутрь.

– Мишенька! – радостно вскрикнула она, сложив нижние руки лодочкой от умиления, а верхние протягивая к Майклу. – Мишенька Кэшлоу! Как ты вырос, просто не узнать! Ты меня, наверное, не помнишь, ну да. Ты же был совсем маленьким!

Майкл вылез из машины, недоверчиво косясь на экспрессивную незнакомку. Лейла тоже вылезла, и даже сняла темные очки, чтобы лучше разглядеть всю сцену.

– Я качала его на руках, когда он был еще совсем ребенком. Миша был таким восхитительным карапузом, вы просто не представляете! – ворковала мутантка, обращаясь к Лейле и не сводя полного обожания взгляда с Майкла.

– Я вас совершенно не помню, – признался Майкл.

– Еще бы! Ты же был совсем крошкой. Вы приезжали сюда всей семьей, а моя мама работала у вас горничной. Я вчера смотрю – у вас

свет... А как чувствует себя тетя Адя? Она так мучалась почками!

Мать Майкла называли тетей Адей только самые близкие семье люди. И у нее действительно были большие проблемы с почками. Пять лет назад их даже пришлось полностью заменить. Всю ценную информацию Ирочка почерпнула, копаясь в компьютере.

– Сейчас мама в порядке, – сдержанно ответил Майкл.

– О! Я так хочу ее видеть! – воскликнула Ирочка. – И она будет очень рада со мной встретиться. Я тоже работала в доме. Когда вы уезжали отсюда, тетя Адя подарила мне на память вот это.

И Ирочка продемонстрировала старинной работы колье, два года назад позаимствованное ею в шкатулке из изумрудной спальни. Майкл и Лейла молча переглянулись.

– Я помню это колье, – кивнула Лейла. – Аделаида Владимировна купила его на благотворительном аукционе в Ежовицах. Это дорогой подарок.

– О, она такая добрая женщина! – согласилась Ирочка. – Я очень, очень хочу ее видеть! Пожалуйста, могу я пройти в дом и поговорить с ней? Хотя бы одну минуточку!

– Мама с нами не приехала, – ответил Майкл.

Ирочка подождала, надеясь, что ее тем не менее пригласят войти. Однако все молчали.

– Как жаль, что она не приехала, – вздохнула Ирочка. – Я так надеялась, что вам опять понадо-

биться прислуга. Правда, моя мама, к сожалению, умерла, но, я уверена, что тетя Адя взяла бы меня горничной. Я как раз сейчас ищу работу.

Майкл и Лейла по-прежнему молчали.

– Ну что ж, – сказала Ирочка. – Ничего не поделаешь... Но как ты все-таки вырос! А воздушный шар ты помнишь?

Воздушный шар Майкл смутно припоминал. Но он не стал делиться своими воспоминаниями – просто вежливо пожал плечами и с сожалением покачал головой. Ирочке ничего не оставалось делать, как еще немного повспоминать прошлое, распрощаться и уйти, попросив передать привет и наилучшие пожелания тете Аде. Майкл с Лейлой въехали во двор, и к ним тут же подбежал Мормышка Ы.

– К вам тут девица с фотографии приходила, – сказал Майкл, помогая хозяину вылезти из авто и сопровождая его по дороге в дом.

– Какая девица с фотографии?

– Ну женщина, которая у вас раньше нянечкой работала. А ее фотка у вас в прихожей висит. Она и все ваше семейство на фоне воздушного шара. Я ее сразу узнал, она не сильно изменилась. Но все равно не пустил. Ее Ириной зовут. Но я все равно сказал, чтобы убиралась. А вот и эта фотография.

Майкл молча взглянул на снимок, развернулся и поехал догонять Ирочку. К счастью, она ушла недалеко.

– Я тебя сразу вспомнил! – сказал он Ирочке. – Только при посторонних не хотел признаваться.

Ты – Ирина. Мне нужна горничная. Договариваемся так. Плачу я хорошо. Но делать придется все, так как много прислуги я нанимать не буду. Меня называть Майклом. Обращаться на вы. Лишних вопросов не задавать. С посторонними не общаться. Все, что происходит в доме, – тайна. Из дома – никуда.

– Я одинокая и ни с кем не общаюсь, – кивнула Ирочка. – И что касается тайн, мы с мамой всегда были верны вашей семье. Тем более вы все такие щедрые. Но мне нужно будет изредка уходить домой, чтобы покормить животных и прибраться за ними. Понимаете, у меня совсем никого нет – ни мужа, ни детей. Завела зверюшек.

Майкл посмотрел на Ирочку с нескрываемым любопытством.

– Ты производишь приятное впечатление, – сказал он. – Удивительно, что ты такая одинокая.

– Я очень стеснительная! – призналась Ирочка. – Ни за что не подойду к незнакомцу. И талантов у меня никаких нет. Только готовить умею, убирать и всякое такое. А детей люблю, и маленьких, и побольше.

Машина въехала на территорию виллы.

– Это хорошо, что ты детей любишь, – улыбнулся Майкл. – Тебе как раз придется присматривать за одним мальчиком. Правда, это очень странный мальчик. Одна из твоих обязанностей – проверить, насколько он владеет бытовыми навыками, как играет, умеет ли читать, писать,

может ли заниматься спортом. А потом дашь мне полный отчет.

Ирочка кивнула. Она и сама была не против проверить мальчика, которого ей представили как Роберта. Правда, сначала Ирочка считала, что он – тайный брат того самого Андрея из школы. Этакая «железная маска» мутантского мира. Но как журналистка научно-популярного журнала, имеющего какое-то отношение к биотехнологиям, во время разговора с Майклом Ирочка просекла, что Роберт скорее всего клон. А возможно, даже и копия. Если Ирочка сумеет доказать, что Роберт – копия, мировая журналистская слава ей будет обеспечена. Еще бы, – вау! – копия настоящего человека!

После того как второй побег Дюшки не удался по причине заблокированных окон и непробиваемых стекол, он решил пойти на хитрость и сменить тактику. Сделать это было несложно, тем более что наутро в доме появилась новая горничная – четырехрукая мутантка Ирочка, неплохая кухарка и любительница поиграть в бильярд. Та самая, с фотки. Она оказалась нормальная, совсем не такая, как этот придурок Александр по прозвищу Мормышка Ы.

Ирочка вместе с Дюшкой полдня разбирались с новыми механическими уборщиками, варили борщ и резались в морской бой. Ирочка рассказала, что она нянчила маленького Майкла, а потом дача простояла запертой двадцать лет. Дюш-

ка не стал говорить ей о том, что даты создания некоторых файлов на компе не совпадают с ее рассказом, но обязательно решил подловить на чем-нибудь другом. Такой случай вскоре представился.

После обеда, когда Мормышка Ы отправился в город за любимым больным слоникотюбом, Ирочке пришла в голову идея залить за домом каток. Подумав о том, что вот только катка ему для полного счастья и не хватает, Ключкин радостно согласился с этим предложением. Для заливки требовался длинный шланг. Ирочка взялась очищать площадку, а Роберта послала найти в доме шланг. Вообще-то таким образом Ирочка Слунс собиралась проверить, способен ли ее клон на сложные самостоятельные действия в замкнутом неоднородном пространстве. К сожалению, Роберт оказался на них совершенно неспособен. Побродив по дому минут двадцать, он вышел и сообщил, что ничего подходящего в доме нет. Но Ирочка точно знала, что целая куча шлангов, и коротких, и длинных, находится в подвале, слева от стеллажей с ее любимым вином. Она решила упростить задачу.

– Посмотри в подвале, Роби, – подсказала она.

Дюшка опять исчез. Ступеньки, ведущие в подвал, оказались чистыми. Но в самом подвале было полно грязи. Видимо, уборщики сюда не добирались. Или добирались, но очень давно. Около полок с вином было еще ничего, но вокруг валялись горы какого-то хлама, прикрытые се-

рой пленкой, на которой толстым слоем лежала пыль. Копаться в этом мусоре Ключкину совершенно не хотелось. Он выбрался из подвала и пошел к Ирочке.

– Нету там никаких шлангов, – сказал он. – Барахло одно. Мешками прикрытое.

– А под мешками смотрел?

– Нет.

– Ну посмотри прямо слева от входа, на полу.

Дюшка вздохнул и отправился обратно. Слева от входа лежало именно то, что нужно. Дюшка вытащил подходящий шланг и поволок его вверх.

– Откуда ты знала, где лежат шланги?

– Я работала тут, когда еще тебя и на свете не было! – улыбнулась Ирочка. – Нячила Майкла. А с тех пор ничего не изменилось.

– Изменилось. Я могу точно доказать, что ты появлялась тут, пока хозяев не было, и не один раз.

Ирочка побледнела. Но профессиональное любопытство тут же взяло верх.

– Как?

Про файлы Дюшка решил молчать до последнего. А то Ирочка сотрет их – и все.

– На рамочке с твоей фотографией стоит дата изготовления. И ее сделали совсем не двадцать лет назад. Пока достаточно?

Судя по Ирочкиному виду ей пока было достаточно.

– Ну хорошо, – согласилась она. – Я появлялась тут несколько раз. Ну и что? Я не грабила

дом, ничего не портила. Меня, может, ностальгия мучила. Воспоминания юности. Тебе-то чего?

— Мне надо знать, как ты отключала защиту. У этого дома наверняка была защита. Иначе его просто растащили бы по кусочкам.

— Я не отключала защиту, — призналась Ирочка. — В поле была дырка. Высоко, на уровне семи метров. А я умею левитировать. Да зачем тебе это?

— Я хочу сбежать, — ответил Дюшка.

— Сбежа-ать???

Дюшка не понял сразу, что именно так удивило Ирочку. Но она выдала себя сама.

— Если ты хочешь сбежать, значит, ты не... Ты не клон!

Возможно, Ирочка и Дюшка и рассказали бы друг другу правду, но в этот момент приехал Мормышка Ы с больным карликовым слоникотюбом Кешкой, и столь важный разговор пришлось отложить. Ирочка и Дюшка только договорились о том, что пока будут держать все друг о друге в секрете, и переключились на тюба Кешку и мутанта Александра.

На следующее утро на экспресс-анализ в лабораторию Института генетики попал еще один волос с головы Андрея Ключкина. На оплату этого анализа у Ирочки ушел почти весь аванс, полученный ею от Майкла. Мужу Егору Ирочка сообщила, что у нее срочная командировка в Пиренеи, а на работе оформила отпуск за свой счет

с обещанием привезти через неделю или две совершенно сенсационный материал. Забрать результат анализа в тот же день Ирочка не смогла, так как она имела право отлучаться ненадолго — только покормить бедных брошенных домашних животных. Да и вообще дел на вилле Кэшлоу оказалось навалом.

Сам Майкл, а потом и его помощница Лейла появились и опять быстро куда-то исчезли, но безобразник Кешка старался за десятерых. Майкл отчего-то не стал противиться появлению в доме слоникотюба, способного перевернуть все вверх дном. Напротив, он пошептался о чем-то с Лейлой, а потом Ирочка услышала, как он договаривается с Мормышкой о покупке у него еще одного тюба для кого-то, с кем Майкл, видимо, работал. День прошел в сплошной суете. Как только все легли спать, Ирочка включила браслетку и попыталась узнать, где работает Майкл. Узнать об этом почему-то оказалось невозможно. Тогда Ирочка позвонила Рино.

Вместо Рино ответил лично директор школы Фредерико Менс. Оказалось, что ребята уже спят. И действительно, время было уже достаточно позднее. Ирочка извинилась, пообещала перезвонить завтра с утра и собралась уже было отключиться, но директор остановил ее:

— Вы знаете, у меня есть запись для вас! Рино оставил вам сообщение.

— Оставил сообщение? А почему он просто не позвонил сам?

– У нас сложная система связи, – объяснил Менс. – Мы ограждаем наших учеников от всех случайностей. Не хотел вас сразу пугать, но ваши дети – просто гении. На них может охотиться кто угодно!

– На моего Рино может кто-то охотиться?!

В отличие от мамы Ляли и Лессии, Ирочка полностью отдавала себе отчет в том, что ее ребенок – классный пацан, но никакой не гений и никакой не особенный. Охотиться на Рино? Да кому это может прийти в голову! Но Менс уже включил ей файл с записью. Рино сидел в кресле около бассейна. Перед ним стоял бокал с соком, а сзади виднелась восхитительная горка с регулируемой архитектурой спуска. Ирочке показалось, что ее сын выглядит несколько устало.

– Привет, ма! – сказал Рино. – У меня все хорошо. То есть я хотел сказать, очень хорошо. Просто замечательно. Сейчас у нас занятия в бассейне. Бассейн большой. Вода в нем теплая. Вот. И вообще у меня все очень хорошо. Домой я не хочу. Мне тут очень нравится. Я со всеми подружился. Вот. А, да. Еще я хотел сказать, что нас тут замечательно кормят. Просто как в лучшем ресторане. Так что у меня все превосходно. Ты без меня не скучай. Пока.

Рино улыбнулся и помахал рукой. Запись окончилась, и тут же на экране опять появился Менс.

– Мне показалось, что мой мальчик какой-то немного грустный, – сказала Ира.

– Естественно! – воскликнул Менс. – Он же устал! Вы знаете, какая у детей насыщенная программа? Вот смотрите.

И Ирочка увидела десятиминутный ролик о пребывании детей в школе. Урок выживания в пустыне в ролик не вошел, зато бальные африканские танцы в исполнении Тумбы Клумбао и игра Маши с Менсом в теннис была освещена достаточно полно. Под завязку Ирочка увидела Рино за ужином – жизнерадостного и смеющегося. Правда, на самом деле это был вчерашний завтрак, но часов на пленке не было видно.

– Ваша школа – это просто фантастика! – вполне искренне похвалила Менса Ирочка, когда ролик окончился. – Я очень рада, что мой сын попал в такие надежные руки. Когда я могу связаться с ним, чтобы не отвлекать от занятий? Завтра утром можно?

– Вы знаете, по правде сказать, вам лучше вообще не звонить. Это отвлекает детей, они хуже адаптируются и...

– Я с вами совершенно согласна! – перебила его Ирочка. – Но мне нужно Рино кое о чем спросить. Это отвлечет его всего на пару секунд.

– Тем не менее я бы вам не советовал...

– Тем не менее я настаиваю!

Менс внимательно посмотрел на Ирину Слунс и понял, что в данном случае придется действовать по-другому.

– Хорошо! – вздохнул директор. – Позвоните завтра вечером.

– Утром!

- Днем.
- Утром!

– Ну хорошо, утром. С вами очень тяжело разговаривать. Вы понимаете, что вы можете помешать вашему ребенку добиться успеха в жизни?

- Но мне нужно задать ему всего пару вопросов!
- Каких вопросов?

Ирочка молчала.

- Я надеюсь, это будут приятные вопросы?

Ира не отвечала.

– Да скажите же хоть что-нибудь! – взорвался Менс. – Если у Рино умерла любимая бабушка, то нельзя сообщать ему об этом без подготовки!

- Нет, бабушка не умерла.

– Дедушка? Друг? Любимого царапазавра раздавил грузовик? В доме случился пожар? Поймите, психику ребенка необходимо беречь! Мы не можем позволить вам травмировать ребенка!

– Вы не можете мне не позволить общаться с моим сыном! – психанула Ирочка. – С чего вы взяли, что я собираюсь его травмировать? Я буду говорить с ним, когда захочу!

– Ну и говорите! – взорвался Менс. – Говорите, сколько вам влезет! Отвлекайте его от уроков, лишите возможности приобрести уникальную специальность, сделайте из него такого же психа, как вы сами... Подумать только, и это вместо элементарной благодарности!

Менс отключился. Ирочка остыла, и ей стало стыдно за то, что она ни за что обидела директо-

ра. Может, и вправду Рино лучше некоторое время не трогать? Но поговорить с сыном ей нужно было позарез.

Всю ночь до самого утра в Корпусе Клетки секретного института кипела работа над имитатором речи Рино Слунса. Уставшего ребенка поднимали из постели и отвели в студию, где в течение нескольких часов подряд заставляли произносить различные фразы, улыбаться, смеяться и изображать всевозможные чувства и движения руками и головой, тщательно фиксируя все на пленку. Утром Ирочка разговаривала уже не со своим сыном.

Она позвонила в половине восьмого. Фредерико Менс поздоровался с ней тепло, будто вчера они и не ругались. И сразу же переключил связь на Рино. Рино выглядел вполне выспавшимся. Даже засмеялся, отвечая на вопрос, не трудно ли ему в новой школе. Ответы Рино были в основном односложные, неинформативные. На многие вопросы он отвечал просто «нормально» или «не знаю». А в конце разговора сказал фразу, вообще совершенно ему не свойственную. Дело в том, что Ирину с Егором Рино никогда не называл «мама» и «папа». Он обычно говорил просто «ма» и «па». Иногда — «мутер» и «папутер». Иногда — «матер» и «папатер». Или что-нибудь в этом духе. А тут Рино сказал: «Ну, мама, пока! Привет папе!» И перед Ирочкой опять возник Менс.

— Ну что, вы довольны? — спросил он.

Ирочка раздумывала.

– Право, нам не стоило ссориться! – примирительно сказал Фредерико. – Я со своей стороны хочу принести вам извинения за вчерашнее. В конце концов это ведь действительно ваше право – общаться с собственным ребенком.

– Я хочу его увидеть! – вдруг решительно заявила Ирочка.

– Да, пожалуйста. В некоторых классах, там, где это не отвлекает от процесса работы, у нас установлены видеокамеры. Мы можем записывать для вас фрагменты уроков.

– Нет! – перебила его Ирочка. – Я хочу его видеть лично. Приехать и встретиться.

– Помилуйте, госпожа Слунс! – вскричал Менс. – Вы только позавчера привезли нам своего ребенка! Если каждый родитель будет чуть ли не ежедневно к нам приезжать, это получится полный проходной двор!

– Я хочу приехать и повидать своего ребенка! – отрезала Ирочка.

– Приезжайте! – покорно согласился Фредерико и закрыл канал связи.

Отступать от начатого Фредерико не собирался. Во-первых, вместо Рино можно было сотворить очередного биоробота, как в случае с Варе́й. Во-вторых, Рино можно было попытаться загипнотизировать. И, в-третьих, с Ирочкой Слунс мог запросто приключиться банальный сердечный приступ. Приступ мог приключиться прямо в институте, а лучше – по дороге. При планировании невеселого Ирочкиного будущего

го Фредерико не учел одного: прежде чем проводить своего ребенка, Ирина Слунс решила разыскать родителей других одноклассников Рино.

Глава 6

ЛЕЩА МЫМБЕ И МАМАШ МУМУШ

Разумному существу по имени Старк не спалось потому, что Старк вообще почти никогда не спал, ему это было попросту не нужно.

На Земле-6 от странной болезни погибали черепашки.

На Земле-11 была не до конца ясна проблема с Ризенгри Шортэндлонгом.

С Земли-28 на Землю-75 неправильно перебрасывалась энергия.

С планеты, которая вообще никого не интересовала, исчезали водоросли.

На этот раз Старк не стал трогать черепашек и водоросли. Он отправился на 28-ю и 75-ю Земли. Как всегда, одновременно.

Цивилизация на двадцать восьмой Земле давно достигла мощного технического и культурного расцвета. Люди тут жили весело и почти без проблем. Старк материализовался на площадке перед зданием, состоящим из высоких башен, соединенных мостиками. Это был игровой центр, аттракцион. В башнях можно было падать, ку-

выркаясь, и стремительно взлетать, мостики служили боковыми проходами. Вокруг центра ходили маленькие, сухонькие, тщедушные люди с матовой зеленоватой кожей и огромными глазами без белков. Ресниц и бровей у них тоже не было. В общем, если вы видели классический портрет инопланетянина семидесятых годов двадцатого века, то людей-28 я могу дальше не описывать. Единственная разница – инопланетян обычно изображали одного роста и в серебристых скафандрах, а тут встречались люди от метра до полутора метров, и одеты они были куда разнообразнее¹.

Старк увидел ее издали. Миловидная девушка в жизнерадостном желтом костюме с огромным количеством проводочков и трубочек вышла из башни вместе со стайкой подружек. Ее кожа приобрела теплый розоватый оттенок, значит, ей было сейчас очень хорошо. Людям с Земли-28 не свойственно улыбаться, эмоции проступают на их телах разными оттенками. Старк не особенно симпатизировал этим зеленым человечкам, но сейчас, глядя на эту хорошо знакомую ему девушку, он невольно улыбнулся. Девушка заметила Старка, моргнула обоими глазами в знак приветствия. Людям с Земли-28 не свойственно махать рукой, кивать

¹ Дорогой читатель! Мы попадем в этот мир, на 28-ю и 75-ю Земли, в следующих книгах. Там я подробно опишу их одежду, нравы и обычаи. Кроме того, у многих из вас будет возможность попасть туда когда-нибудь. Пока не будем отвлекаться, ладно?

головой или вопить на всю Ивановскую: «Привет!» Моргнул – и ладно.

Девушка оторвалась от подружек, засемила в сторону ангела. Людям с двадцать восьмой Земли свойственно подходить к ангелам, если те специально прилетели пообщаться.

– Добро пожаловать, ангел.

Ее лицо все еще было розовато-зеленое, но четырехпалые кисти рук уже потемнели. Значит, Лещца Мымбе была не так уж рада видеть Старка. Она просто была от природы вежлива и дружелюбна, как большинство землян-28.

– Ты появляешься всегда, когда я собираюсь заряжаться. Почему... – Ле произнесла это так, словно не спрашивала: «Почему?», а спокойно утверждала.

Но Старк знал, что подобная интонация – всего лишь дань местным правилам этикета. Задавать вопросы не очень прилично. Если собеседник захочет, он ответит и без вопроса. «Почему» было правильнее перевести как «я не знаю, почему».

– Я не хочу отвлекать тебя от других дел, – ответил Старк и, помедлив, добавил: – У тебя скоро будет много других дел, милая Ле!

Лещца Мымбе собиралась выйти замуж. Она поняла, что ангел подразумевает именно это. Девушка порозовела и сразу же посерела. В переводе на наши эмоции она улыбнулась и тут же нахмурилась:

– Иногда мне кажется, что ангелы очень точно знают будущее.

Старк не мог сказать ей, что он не просто «знает будущее». Что он как раз из этого будущего сюда и прилетает уже в который раз. Что вот это время, которое Лещце Мымбе кажется настоящим, на самом деле – очень далекое прошлое. Что он все знает про ее жизнь и во всех подробностях.

Ле была замечательной девушкой. Она могла стать ангелом. Она могла жить на своей планете сколь угодно долго, потому что возможности медицины Земли-28 практически безграничны. Но в один из дней она решила стать другим существом на другой планете, на Земле-75. Это было странное решение, но не слишком. Как если бы кто-то из нас с вами решил сделать себе жабры и уплыть жить с дельфинами. Вольному воля, почему бы нет?¹ Да вот только когда Лещца Мымбе стала другим существом, произошло нечто, с точки зрения физики, совершенно необычное. Именно это и интересовало Старка. Что же было в Ле такое особенное? Чем она отличалась от других?

С Землей-28 у ангелов были совсем другие отношения, не то что с Землей-11 или с нашей Землей. Старк не мог переместить в Ле часть себя без ее разрешения. А на разрешение можно было не рассчитывать.

– Мы можем прогнозировать будущее, – сказал Старк.

¹ А кем бы ты хотел стать, читатель? Ангелом, супермутантом, дельфином, зеленым инопланетянином? Дочитай книгу до конца и загляни в «важное местопослеловие»!

Лещца это и так знала. Она ничего не ответила, даже не сморгнула. Спокойно прошла мимо ангела в сторону ближайшего салона зарядки. На Земле-28 таких салонов, как у нас кафе в больших городах: на каждом углу. В том салоне, куда вошла Лещца, оказалось совсем мало народу. Ле прошла в дальний угол, где не было совсем никого.

— Я не только могу предсказать твое будущее, — продолжил Старк. — Я могу исполнить любое твое желание. Прямо сейчас.

Лещца медленно моргнула в ответ и занялась подбором «коктейля для зарядки». На трехуровневом столике с несколькими изогнутыми столешницами находилось по меньшей мере сто баночек, колбочек и флаконов всевозможных видов. В плашках-кругляшках были насыпаны разноцветные порошки. В центре на квадратном подносе высилась горка светло-серых шариков, разных размеров: от горошины до небольшой сливы. Повсюду были разбросаны тюбики с яркими этикетками. Все в целом отдаленно напоминало рабочее место маникюриста, химика и художника. Уверенными и в то же время мягкими движениями Ле принялась колдовать над любимой смесью. И только когда она использовала почти все серые шарики (каждый пропитывался содержимым склянок, плашек и тюбиков, а потом отправлялся в смеситель), девушка ответила:

— Ты не можешь исполнить любое.

— Да, я не точно выразился. Не любое. Но я ангел и могу многое.

Лещца отправила в смеситель последний шарик и стала проверять, что у нее получилось в итоге. Старк молча ждал.

— Что-то я должна буду тебе взамен...

Опять это был не вопрос, а словно рассуждение вслух.

— Ничего ты мне не будешь должна. Могу же я сделать тебе свадебный подарок.

Ле проверила содержимое смесителя и добавила в него еще один шарик, окунув его перед этим в плоску с булькающим ароматным маслом и с пенкой вишневого цвета.

— Да, я жду от тебя подарок, — как само собой разумеющееся, моргнула Ле. — Ты можешь обсудить подарки с моими друзьями. Я передам тебе официальное приглашение на обсуждение подарков. В тот же день, что и всем остальным.

— Может быть, ты хочешь что-то особенное, — Старк постарался не придавать своей фразе просительный оттенок.

Лещца Мымбе еще раз проверила смесь и запустила аппарат.

— Я не хочу, чтобы ты предсказывал мое будущее, — спокойно ответила Ле. — Меня ждет хорошее будущее, ведь я — житель Земли-28! Я думаю, что ты не хочешь лишить меня интереса и неожиданностей.

«Вот оно!» — обрадовался Старк. В этом ответе содержалось больше, чем собиралась произнести вслух Ле. Вот оно что! Есты! Лещце Мымбе хотелось «интереса и неожиданностей». Но какие мо-

гут быть неожиданности и интерес, если твое будущее гарантированно хорошее? Большинству землян-28 хватало такого счастья, Лещце, очевидно, нет. Старк не знал, отдает ли Лещца отчет самой себе в том, что с ней происходит. Теперь он знает, какой подарок он может ей сделать!

— Я могу подарить тебе такую обалденную неожиданность, которая тебе даже не снилась! — сказал Старк. — Ты же знаешь, я — ангел, а ангелы никогда не врут. Я могу подарить тебе такую неожиданность, от которой ты будешь в полном восторге! Хочешь?

Вот сейчас Ле должна порозоветь! Но Лещца только мягко моргнула, оставаясь привычного темно-зеленого цвета.

— Спасибо, ангел Старк. Я передам тебе официальное приглашение на обсуждение подарков. В тот же день, что и всем остальным. Ты сможешь обсудить подарки со всеми моими друзьями. Наверное, неожиданность может быть подарком...

Смеситель закончил готовить коктейль. Вместо подноса с шариками появился широкий валик с углублениями для ладоней. Лещца протянула руки к валику.

Следующие полчаса Старк развлекал девушку демонстрацией свадебных обрядов на разных планетах. Одновременно с этим он продолжал свою работу на Земле-75.

На Земле-75 позавчера изобрели пончики с кремом. По этому поводу было решено устроить

грандиозный всепланетный праздник. Пир на весь мир. Земляне-75 не отличались умом и сообразительностью, поэтому каждое новое изобретение отмечалось ими бурно, с размахом. Новость облетела планету в считанные секунды — всепланетная информационная сеть у землян-75 была. Правда, они не изобретали ее сами, эту сеть подарили им ангелы, как и многое, многое другое. Но зато они научились ею пользоваться. А пончики изобрели сами. Позавчера, ближе к полудню.

Старк материализовался на площадке перед зданием, состоящим из высоких башен, соединенных мостиками. Это был обычный замок, в котором жил тот самый повар, сумевший придумать, как засовывать крем в тесто. В башнях можно было падать с винтовых лестниц, кувыряться на лестничных пролетах и стремительно взлетать в воздух от ужаса при неожиданной встрече с какой-нибудь местной откормленной крысой. Мостики служили боковыми проходами между башенками. Земляне-75 не придумывали ни мостиков, ни башенок, ни даже кирпичей, из которых все это построено. Они умели возводить подобные сооружения потому, что их научили этому ангелы. Зато уж возводили на совесть!

Вокруг замка волновалась огромная толпа народу. Только и разговоров было, что о новых чудесных пончиках! Хотя «разговоров» не было. Все просто дружно орали наперебой. В основном орали одно и то же: «Ура!», «Пончики!», «С кре-

мом!», «Да здравствует!» и «Наш Мамаш!» Здоровенный детина в разодранной, но чистой рубахе восседал на гигантской бочке посреди всеобщего безумия с видом усталым, но необычайно довольным. Это был тот самый повар Мамаш Мумуш, в одночасье ставший одним из знаменитейших людей Земли-75. Именно этому человеку суждено будет умереть с огромной потерей энергии как раз в тот момент, когда Лещца Мымбе завершит свою трансформацию в толстую, откормленную крысу, живущую в подвалах замка Мамаша Мумуша.

С Землей-75 у ангелов были совсем другие отношения, не то что с Землей-28. Старк мог перемещать себя в землян-75 без их разрешения и сколько угодно. Исключение составляли только те земляне-75, которые были новаторами и изобретателями. За всю историю Земли-75 на ней родилось всего тридцать три изобретателя. Первый изобрел новый способ зажигания спичек – способом «к себе», а не «от себя». Десятый сочинил стихотворение из двух строчек. Двадцать девятый усовершенствовал компьютерную мышь – придумал красить левую часть мыши красным цветом, чтобы легче было запоминать, где лево. Тридцать третьим и самым продвинутым изобретателем был Мумуш. Старк не мог переместить в Мумуша часть себя без его разрешения. А на разрешение можно было не рассчитывать: ангелов Мумуш боялся куда больше, чем наглых крыс, на которых не было никакой управы.

– Ангел! – закричал Мумуш, заметив Старка. – Ангел!

– Ангел! – завопили остальные, оборачиваясь к Старку и уступая ему дорогу.

– Дорогу ангелу! – кричали самые продвинутые.

– К нам прилетел ангел! – пропищала какая-то некрасивая конопатая девочка.

Старк улыбнулся девочке и подумал, что из нее можно было бы, наверное, вырастить изобретательницу. Девочка, увидев, что ей улыбнулся сам ангел, запрокинула голову и стала ржать от восторга. Старк на всякий случай решил больше никому не улыбаться. Неровен час, вся толпа зайдет в радостной истерике. Успокаивать народ Старку не хотелось. Он подошел к Мумушу. Плавнo взлетел в воздух, зависнув рядом с бочкой. Поднял руку в знак того, что будет говорить. Земляне-75, привычные к таким визитам ангелов, мигом угомонились.

– Здравствуйте, люди! – сказал Старк, распределяя звуковую волну таким образом, чтобы она достигала всех одновременно и чтобы его речь звучала для всех одинаково громко.

Народ воодушевленно загудел. Старк опять поднял руку. Все опять заткнулись. Старк произнес короткую и доходчивую речь, в которой поздравил Мамаша Мумуша с достижением и сообщил, что им необходимо поговорить один на один. Для того чтобы суть его речи дошла до каждого, Старк временно усилил мозговые способности всех слушателей, включая самого Му-

муша. И лишь убедившись в том, что дошло действительно до всех, а сам Мумуш польщен так, что дальше некуда, Старк опустил руку и медленно приземлился. Толпа вновь расступилась. Мамаш Мумуш с достоинством слез с бочки на землю и последовал вслед за ангелом в замок.

— Ты — великий изобретатель, Мамаш Мумуш! — торжественно, без тени иронии произнес Старк, когда они остались одни в центральном, самом красивом, зале замка. — Ты сделал то, что не сделал никто!

— Я сделал то, что не сделал никто! — как можно скромнее повторил Мумуш.

Он ликовал: ангел говорил с ним! Старк с сомнением посмотрел на расплывающегося от гордости Мумуша и потихоньку усилил его интеллектуальные способности до максимально возможного уровня.

— Ты лучший из всех! Ты особенный!

Мумуш его понял.

— Ты во многом похож на нас, ангелов, — продолжил Старк. — Ты хотел бы когда-нибудь стать ангелом, Мамаш Мумуш?

Мумуш растерялся. Изобрести пончик с кремом землянину-75 было куда легче, чем представить, что он может стать ангелом! Мумуш побагровел от натуги. В замешательстве и напряжении он уставился на одну из колонн, подпирающую тяжелый свод зала, и застыл, пытаясь осмыслить вопрос ангела. Старк тоже уставился на колонну — из солидарности.

Колонна была выточена из цельного серого камня с синеватым отливом и чем-то напоминала огромную слоновью ногу. Ее нижняя часть была утолщена, средняя как бы состояла из отдельных округлых сегментов, а в верхней части по кругу располагались желтые и зеленые овальные светильники. Она была наклонена, как Пизанская башня на Земле-12 или как все дома на Земле-191. Старк внимательнейшим образом изучил колонну и от нечего делать принялся изучать каменный пол. Пол был выложен каменной плиткой, причем довольно аккуратно. Однако он был не горизонтальный, а какой-то волнистый: какие-то части явно возвышались над остальными. Старк мысленно хмыкнул: интересно, кто научил этих людишек возводить подобный архитектурный бред? А, понятно, это резвились на досуге два молоденьких ангела-второклассника. Ну-ну...

— Ты хотел бы когда-нибудь стать ангелом, Мумуш? — Старк освежил свой вопрос в памяти повара.

Мумуш вздрогнул и оторвал взгляд от колонны.

— Да, — сказал он вполне осмысленно.

— Ты хотел бы стать ангелом?

— Да!

— Это хорошо, — похвалил его Старк.

Старк знал, что Мамаш Мумуш никогда не станет ангелом. Но ведь он и не обещал ему ничего! Он просто спросил: «Ты хочешь?», получил ответ: «Да!», похвалил: «Это хорошо!». Ангел-

эксперт не делал ничего плохого. Наоборот, он помог стать этому бедолаге умнее, выделил его из толпы, вселил в него уверенность, подарил надежду и ни в чем не соврал при этом. Ангел-эксперт сделал все, что мог. Но разрешение влезть в сознание повара так и не получил.

Вопрос с Лещей, Мумушем и двумя Землями, 28-й и 75-й, по-прежнему пока оставался открытым. С этим вопросом можно было не торопиться.

Глава 7

МАША И ОСТАЛЬНЫЕ

К концу первого дня занятий бывший супермутант Ризенгри впервые в жизни устал. У него едва хватило сил сделать два номера по математике, символически полить себя водой из душа и доползти до кровати. Рыжий Тафанаил, проторчавший весь день взаперти, влез к Ризи под одеяло и, утробно урча, тихонько свернулся клубочком. Он надеялся, что его почухают. Но хозяин и не думал его чухать. Хозяин неподвижно валялся на спине и недоумевал оттого, что все вокруг кажется немного размытым и слегка покачивается. Риз не понимал, что это дикое состояние — обычная человеческая усталость. Ну, скажем, не совсем обычная, а очень сильная, но всего-навсего усталость.

Когда перерабатываешь за день до такой степени, заснуть бывает трудно. А если вы за день не только жутко устали, но еще и лишились разом всех своих способностей... В общем, представьте себе, что с утра у вас внезапно отказали левая нога, правая рука, пропали слух с нюхом и, например, остолбенел позвоночник. И в таком состоянии вас заставили весь день разгружать вагоны в пустыне Калахари. Кроме того, на вас навалилась куча новых ощущений – одно противнее другого, и выяснилось, что впереди в жизни – ничего хорошего и полная неизвестность. Ну как, у кого получится заснуть?

Риз никак не мог отключиться. Раньше, если не спалось, Ризенгри просто выходил на улицу и бегал. Он любил носиться по пустому ночному городу.

Недолго думая, Риз вылез из-под одеяла и открыл дверь на балкон. Январский морозный воздух заставил Ризенгри вздрогнуть от холода. Но, как и с усталостью, Риз не понял, что то, что он чувствует, и есть холод. Мысли его были просты и логичны.

Вот так живут обычные люди.

Вот в таком состоянии жил Дюшка Ключкин.

Ангелы – законченные гады, раз они допускают такое и ничего не делают.

Но гады ангелы или нет, они сильнее.

И он, Ризенгри Шортэндлонг, ничего не может с этим поделать.

Единственное, что ему остается, жить дальше. Не сдаваться.

Что бы ни было.

— Дюшка!

Комнаты Маши Малининой находились по соседству. Сквозь окно Маша увидела стоящего на заснеженном балконе Ключкина. Последний человек на Земле торчал на морозе босиком и в мокрой футболке. Ничего себе дела! Маша влезла на подоконник, открыла форточку.

— Эй, Дюшка, ты чего?

Погруженный в свои мысли, Риз Машу не слышал.

Где Джен?

Почему она обрадовалась тогда, в лесу?

Потому что он все делает правильно?

Если он станет лучшим, ему вернут способности?

Или теперь он навсегда не мутант?

Теперь всегда ему будет так плохо?

А ангелам тоже всегда так плохо?

Но он не хочет быть ангелом!

А Дюшка теперь ангел?

Они никогда больше не встретятся?

И зачем, зачем убили Варю? Таким она была классным роботом! С таким роботом дружить и дружить...

Ладно, он им еще покажет! Докажет, что Дюшка все может! То есть что он, Риз, даже лишившись всего, все равно сильнее всех, умнее всех, лучше всех...

— Дюшка, очнись!

Маша трясла Риза за плечи. Не докричавшись из форточки, Мария просто вышла на свой бал-

кон и перелезла через перила на балкон Ключкина.

— Ты чего, обалдел тут голышом стоять? Ты же мокрый насквозь! Ну-ка, пошли!

Маша решительно затолкала Ризи в комнату и закрыла дверь на балкон. Ризенгри не сопротивлялся. Маша за ручку, как маленького, отбуксировала его в ванную комнату, отвернула горячий кран и директорским тоном приказала:

— Лезь!

— Да я уже был под душем...

— Греться лезь, дурак! Немедленно! Детский сад с этими мальчишками, честное слово! Ты чего из себя супермутанта строишь? В больницу захотел?

Риз вспомнил, что Дюшка попадал пару лет назад в больницу. Еще он вспомнил, что его друг всегда одевался очень тепло и никогда зимой не выходил на улицу в летней одежде. «Дурак я, это точно!» — подумал Риз и послушно полез в ванну.

— Футболку-то сними, — тон Маши перестал быть командным.

Риз стянул с себя футболку. Под струей горячей воды оказалось гораздо приятнее, чем на балконе. Ванна наполнялась довольно быстро.

Мария уселась по-турецки на мохнатый коврик в углу, прислонилась спиной к тонкой стенке сушилки:

— Ну что, согреваешься? Уже не так холодно?

Риз неуверенно улыбнулся. Значит то, что было на балконе, — это «было холодно». Маша тоже улыбнулась в ответ. Сдула со лба непослушную прядку, покачала головой, вздохнула.

— Ну ты даешь, Ключкин! Я, главное, сижу себе спокойно за столом, делаю математику. Вдруг смотрю в окно — а там ты стоишь, синий от холода. Волосы мокрые, футболка мокрая...

— Так я после душа...

— Ну, после душа вообще-то люди обычно сушатся...

Мутанты на Земле-11 редко пускали в ход полотенца. Полотенцем еще вытираться ведь надо, а в сушилке кнопку нажал — и готово.

— Да я как-то обычно сушилкой не пользуюсь, — честно сказал Ризенгри. — Ну помылся, оделся — и пошел. Что, само не высохнет, что ли?

Маша фыркнула.

— Ключкин, ты...

— Мяу? — Тафик нерешительно остановился на пороге ванной и уставился на Машу, вопросительно наклонив голову.

Маша перевела взгляд на котенка, оборвав фразу на полуслове.

— Слушай, кстати, весь день хотела спросить... А на фига ты сюда этого притащил?

— Да так...

Риз посмотрел на котенка, не зная, что сказать. Маша тоже разглядывала котенка и ждала ответа.

– Мы с Варей нашли его после школы... Недавно... Просто шли после уроков вместе, а тут он сидит. Ну взяли с собой и... и Варя...

Ризенгри с трудом подбирал слова. Мало ли кого можно встретить по дороге из школы! Это ведь не объяснение. Может, сказать, что котенок – редкое и дорогое существо, уникальный экземпляр и стоит больших денег? Но придумывать правдоподобное объяснение не пришлось.

– Ой, Дюшка, прости! – Маша вдруг стушевалась. – Варя... Ты ее любил, да? Ты же настоящий человек. Я читала, что настоящие люди умеют любить по-настоящему... А любить – это как? Ты мне расскажешь?

И вновь Ризенгри не знал, что ответить Маше. Любил ли настоящий Дюшка настоящую Варю? Теперь этого никогда не узнать.

– Ты если не хочешь, не отвечай, – сказала Маша. – Это я так спросила. Считай, что не спрашивала.

– Да, я любил Варю, – уверенно кивнул Ризенгри. – Мы хотели вместе заниматься оперативным хрюканьем. А еще мы с ней целовались. Это было здорово. И мне... мне... мне жаль, что ее убили...

Ризенгри подумал, что слово «жаль» в данном случае подойдет в самый раз. Он хотел бы рассказать Маше правду. Рассказать о том, что эта Варя, которую знала Маша, – не Варя, а биоробот, кукла, которую, впрочем, тоже не стоило убивать. Рассказать о том, что он сам – не Дюш-

ка, а бывший крутой супермутант, способный на все. Рассказать о том, что в мире существуют ангелы, и что его сестра – ангел. Рассказать о том...

– Мне тоже очень жаль Варю, Дюшка, – прошептала Маша. – Правда, жаль, честное слово! Я же все понимаю. Ты ее любил, а ее так... Ни за что ни про что...

– А еще у меня был очень хороший друг, – добавил Риз. – Самый лучший друг. И его тоже недавно убили. Маш, выйди, пожалуйста, я хочу переодеться.

Маша встала, сделала шаг к двери. Остановилась, хотела что-то сказать. Но так и не сказала, вышла, прикрыла дверь.

Риз вылез из ванны. Снял мокрые шорты, кинул их в корзину для стирки. Впервые в жизни воспользовался сушилкой. Впервые в жизни почувствовал, как тепло и приятно натягивать на себя сухое белье. Ризи отогрелся, и усталость на некоторое время отступила, сдалась.

Маша сидела в кресле возле письменного стола и что-то писала на листике, вырванном из тетрадки Клюшкина.

– Дюш, я у тебя тут примерчик скатаю, ладно? У меня как раз с ним проблемы были... Ты не против?

Ризенгри был не против.

– Маша, шоколадку хочешь?

– Шоколадку? А у тебя есть? Нет, шоколадку не хочу. Я хочу, чтобы ты мне про любовь рассказал. Мне интересно.

Маша переписала пример на листик и вернула Дюшкину тетрадку на место.

— Расскажешь?

— Не знаю, — ответил Риз, доставая шоколадку. — Просто понимаешь, я не знаю, как тебе рассказать, чтобы понятно было. Вот, например, ты холод чувствуешь?

Маша уверенно кивнула и потянулась к шоколадке.

— Вот! — продолжил Ризенгри. — И я чувствую. А теперь представь, что перед тобой сидит мутант, который не знает, что такое «холодно». Ну ему никогда в жизни не было холодно. И не будет никогда. Как ему объяснить, что это такое?

— Никак, — согласилась Маша. — Но я ведь не такой уж мутант. И любить я умею. Ну не совсем по-настоящему, не как человек, ну и что? Умею же. Мне еще в третьем классе один мальчишка с соседней улицы ужасно нравился. А сейчас мне Рино Слунс нравится. Ой! Ну вот, выдала...

Маша расстроилась. Не стоило ей говорить про Рино!

— Да ладно, — пожал плечами Ризи. — Ну нравится, и нравится. Нормальный парень.

Маша взяла еще кусочек шоколадки.

— Ты, Дюшка, только никому не говори, ладно? А я не скажу, что ты мне про Варю рассказывал.

— А я тебе ничего особенного и не рассказывал, — ответил Ризи. — Ну любил. Ну целова-

лись. Ну и что? Подумаешь, какая великая тайна! Рассказывай, кому хочешь. А про тебя и Слунса я никому не скажу, если тебе это так важно.

– Обещаешь?

– Без вопросов.

– Ты – настоящий друг, Дюшка! – вздохнула Маша. – Я бы хотела стать таким, как ты.

– Каким? – удивился Ризенгри.

– Таким... Который умеет любить. Который все очень тонко чувствует. Который просто... просто как ангел, вот!

Ризенгри чуть шоколадом не поперхнулся.

– Как кто?!

– Как ангел, – повторила Малинина. – Ну это я образно. Я понимаю, что ангелы и всякие там Кощеи с бабами Ягами – это сказки. Но я же образно.

– А, ясно, – кивнул Риз.

– Понимаешь, я всю жизнь мечтала иметь настоящего друга, – продолжила Маша. – Сильного. Надежного. Которого если попросишь что-нибудь сделать, он просто возьмет – и сделает. А то обычно как бывает? Просишь человека о чем-нибудь, а он, вместо того чтобы сделать, что тебе нужно, делает то, что ему приходит в голову. Что ему удобнее. Что ему кажется правильным. Разве это друг?

Ризенгри молчал. Он подумал о том, что Маша абсолютно права. Что он всю жизнь считал Дженни своим другом, а она... Она просто делала то, что считала правильным. И никогда не делала

того, о чем он ее просил. Даже с Дюшкой не могла.

Когда Маша наконец ушла, Риз оделся потеплее и вышел на балкон, где не было видеокamera. Встал так, чтобы из окна Маши его не было видно. Огляделся на всякий случай и тихонько позвал:

— Джени!

Внизу покачивались темные кроны деревьев. Вверху тускло сквозь пелену облаков проступала серая невкусная Луна.

— Джен, ты мне друг?

Сестра не появлялась.

— Джен, если ты мне друг, пожалуйста! Сделай то, о чем я тебя прошу. Если ты можешь это сделать, просто сделай это, ладно? Я не хочу быть ангелом. Я хочу быть мутантом, как раньше. Хочу просто жить. Не по вашим правилам жить, а просто жить. Разве я вам мешаю? Зачем вы так? Ну зачем? Если я стану лучшим учеником, вы вернете мне мои способности? Джен! Дженифер, пожалуйста...

Ризи вернулся. Разделся. Залез под одеяло. И наконец уснул.

Дима и Рон, которые все это время висели в полуметре от Ризенгри, оставили мальчишку и перелетели в соседнюю комнату. Дима присутствовал тут наполовину, а Рон аж на целых три четверти. Настроение у обоих ангелов было ни к черту. Особенно у Рональда.

Но ангелы не были бы ангелами, если бы не умели управлять своим настроением. Дима со-

творил вкусный ужин, Рон превратил часть комнаты в морской берег...

— И какое у нас на завтра расписание? — поинтересовался Рон.

Дима скользнул глюоновой ладонью по одному из листиков, хаотично разбросанных на столе, и сказал:

— Утренняя серия: литература, вышивание крестиком, легкая атлетика, оперативное хрюканье, батут, биология, история и дрессировка карликовых слоникотюбов. Вечерняя серия — хоровое пение, прыжки с парашютом и еще одно хоровое пение.

— Какой осел мог составить такое расписание! — взвыл Рон.

— Мутанты, сэр! — с достоинством ответил Дима.

Они помолчали. Настроение у них все-таки было ни к черту. Ангелы умеют управлять настроением, но они не обязаны постоянно излучать оптимизм!

— Знаешь, — признался Рон, — я очень надеялся на то, что теперь, когда Риз знает, что такое усталость, боль, страх и так далее, в нем проснется то, что надо. Я думал, что он будет хотя бы благодарен Маше за то, что она спасла его от тенниса, а потом от холода. А в нем — ничего, ни один лучик не шелохнулся.

Дима молчал.

— И тогда, на лыжной трассе...

Дима молчал. Рональд продолжил:

— Посмотри, он же теперь человек! Он ведет себя как человек! Но почему ничего нет?

– Потому что ничего человеческого в нем по-прежнему нет, – ответил Дима. – Маша тоже ведет себя как человек. «Как». И все этим сказано. Если хочешь, прокрутим все еще раз...

– Давай, – вздохнул Рон, убирая из комнаты остатки ужина и морской берег.

И вновь Ризенгри Шортэндлонг, уменьшенный вдвое, в мокрой одежде вышел на балкон. Все его истинные чувства, препарированные и разложенные по полочкам, высвечивались правее от основного трехмерного изображения.

Полупрозрачный Риз стоял на балконе. Он устал, ему было холодно. Риз хотел, чтобы Дюшка был жив, но он не переживал из-за того, что Ключкина больше нет. Риз хотел, чтобы Варя была рядом, но...

Появилась Маша. «Ты же мокрый насквозь! Ну-ка, пошли!» Она увлекла Ризенгри в комнату.

– Ни тени сострадания, между прочим, – взглянув на Машу, прокомментировал Дима. – Смотри. Любопытство. Желание покровительствовать. Стремление к лидерству. Удовлетворение потребности коммуникативного обще...

– Я вижу, – перебил его Рон.

Они докрутили запись до конца. Все слова и поступки Маши Малининой и Риза Шортэндлонга объяснялись очень просто. И это объяснение было правильным. Увы.

– А как тебе вот этот кусочек, Дим? – Рон воспроизвел один из моментов еще раз.

«А про тебя и Слунса я никому не скажу, если тебе это так важно». «Обещаешь?» «Без вопросов». «Ты – настоящий друг, Дюшка!» – вздохнула Маша.

Дима не стал комментировать, просто убрал изображение, и всё. Ничего особенного в этом моменте не было.

– Старик решил усугубить ситуацию в школе, – сказал Дима. – Он подбросил Менсу и Тафанаилу еще одну общую идею на двоих. Завтра они начнут ее реализовывать. Только они не знают пока, кто из ребят сойдет с дистанции следующим, после Вари.

В вестибюле на первом этаже большого корпуса висело здоровенное табло с именами и фамилиями ребят. Это была рейтинговая таблица. До первого дня занятий была абсолютно пустой и выглядела так:

1. Воронина Варвара
2. Иванов Федор
3. Ключкин Андрей
4. Кошкина Ольга
5. Малинина Мария
6. Менс Барди-Фредерик
7. Петерсон Клементина
8. Пузиков Кузьма
9. Слунс Родион
10. Твикс Елена
11. Твикс Олеся

По горизонтали в таблице были такие пункты: физические данные, психическая устойчивость, интеллектуальные способности, общий рейтинг.

После первого дня против фамилии Ворониной появилась надпись: «Сошла с дистанции». Во всех остальных клеточках возникли числа, у кого больше, у кого меньше.

— А что это за общая на двоих идея? — спросил Рон.

Дима изобразил в воздухе трехмерный призрачный зал заседаний с призрачными же Менсом, Тафанаилом Казбековым и прочими сотрудниками. Даже про себя, скромно стоящего в уголочке, не позабыл. Тафанаил взошел на трибуну и сказал:

— Друзья! Мы взялись изучать предельные возможности маломутантов, но не определили, как же определить, на самом ли деле эти возможности предельные. Что такое предел? Предел, друзья, это когда все, предел. А что в жизни мутанта — предел? Правильно, когда его функционирование прекращается. Так что если мы хотим довести наших учеников до их предельных возможностей, мы должны создать им такие условия, когда они уже не смогут существовать.

И Тафанаил слез с трибуны, уступив место Фредерико. Фредерико расправил жабры и широко улыбнулся.

— Друзья! — возвестил Фредерико. — Я который раз убеждаюсь в том, что мой коллега — просто чертовски умный ученый. Мне самому хотелось предложить вам то же самое. Это предло...

— А как же ваш сын? — с недоумением перебил его Игорь Лап, сидящий в первом ряду. — Его вы тоже будете доводить до предела?

– О, нашему мальчику абсолютно ничего не грозит! – тут же вскочила с места Сильвия. – Ведь он – типичный мутант третьего порядка и его возможности практически безграничны. Ребенок просто будет счастлив попробовать себя в разных ситуациях!

– Барди действительно ничего не грозит, – согласился с женой Фредерико. – Он нужен в классе для того, чтобы подавать пример остальным ученикам. Эти остальные ученики, разумеется, погибнут. Но ведь они сделают это во имя науки!

Рон заметил, что во время возникшей паузы фигурка Димы с заднего ряда незаметно исчезла. Он понял, что Дима целиком перешел в сверхтонкое состояние, чтобы проследить за каждым сотрудником в отдельности.

– Позвольте, а объект Клю тоже... э-э-э... будет доведен до предельного состояния? – поинтересовался Александр Сергеевич Пушкин.

– А как же наши работы? – заволновался Джереми Лермонтов.

По залу пробежала волна всеобщего возмущения.

– Объект Клю не будет доведен до предела, обещаю вам! – громко провозгласил Менс. – Нам всем это совершенно невыгодно!

Дима свернул картинку, и призрачное видение зала исчезло из комнаты, в которой торчали ангелы.

– Ага, – процедил Рон, – совершенно невыгодно! Про страховочку и опекунство он, ясен пень, говорить не собирается.

– Мутанты, сэр! – повторил Дима.

– И кто у них «сойдет с дистанции» следующим?

– Они сами пока не знают. Но наша наиболее правдоподобная версия...

Дима опять создал в пространстве призрачную картинку. Рон посмотрел коротенькое Димино кино и покачал головой.

– Совершенно невероятная история! – изрек белокожий ангел.

Ангел с черной кожей только развел руками. Он вытянулся тончайшей зеленой струной, мгновенно пронизывавшей стены, желая проверить, что делают ученики школы для особо одаренных мутантов.

Ученики занимались разными делами. Риз, в одночасье ставший обыкновенным человеком, спал за первой стенкой. Дальше все еще корпела над математикой Маша. Дальше рыдала над завтрашним расписанием Оля Кошкина. Напротив по коридору разглядывал комиксы, раскинувшись поперек кровати, «третий» мутант Барди. В соседних с ним комнатах мазалась кремами для повышения гладкости кожи Клеменси Петерсон. Все остальные так же, как и Риз, спали.

Рональд Э-Ли-Ли-Доу проследовал за зеленым лучом, а затем бросил Диму и скользнул к Джен, которая сидела с Менсом-старшим в небольшом ресторане большого развлекательного центра в новой части города. На Джен было обтягивающее платье, серенькое, без единого украшения.

Она подвела глаза так, как это было рекомендовано в свеженьком мутантском каталоге, и подкрасила губы совершенно невероятным цветом. Но даже это ее ни капельки не портило. На Джен оглядывались. Фредерико это невероятно нравилось. Его буквально распирало от гордости. Рон удивился и на всякий случай проверил, что делает Сильвия. Оказалось, что Сильвия торчит в кабинете Пушкина, разбирая результаты сегодняшнего эксперимента, и отчаянно с ним кокетничает. Александру Сергеевичу это явно тоже нравилось.

— Мутанты, сэр, — пробормотал Рон и медленно вернулся к Джен.

Медленно — это значит не глюоновыми нитями, а облаком — над головами идущих по тротуарам прохожих и сквозь головы прохожих, летящих над тротуарами.

Джен не нравилось находиться в материальном состоянии. Особенно ей было не по нутру то, что она должна болтаться в этом дурацком теле целиком. Ей хотелось спуститься в Сад, к белым лошадям и замершим на ветвях птицам. А вместо этого она сидела за твердым столом и ела какую-то невероятную гадость, запивая ее еще более невероятной гадостью. Джен попыталась «поймать за хвост прелесть этого состояния», как советовал ей Рон, но прелесть как-то не ловилась. Наверное, у нее не было хвоста. О том, что ее звал Ризенгри, Джени пока не знала.

В конце концов наступило утро.

Глава 8

ПРЕДЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАЛОМУТАНТОВ

Риз оторвал голову от подушки очень поздно. Накануне он не сообразил поставить будильник, понадеялся на себя, забыл, что теперь он не умеет больше просыпаться сам, когда нужно. Не потратив и пары секунд драгоценного времени на сушилку и едва ли глянув на себя в зеркало, Ризенгри выскочил из своих комнат и понесся в столовую. Вслед за Ризом в столовую понесся, решив, что это новая игра в догонялки, Рыжий Тафанаил.

Бегать в неповоротливом Дюшкином теле было неудобно. Мышцы после вчерашнего бокса и тяжелой атлетики были просто никакие, но Риз решил наплевать на мышцы. Весь мир против него, но он должен выиграть у всего мира. Даже у двух миров он должен выиграть — у мира мутантов и у мира ангелов.

Ризенгри пронесся мимо рейтинговой таблицы, едва бросив на нее взгляд. За свою «физическую активность» он не переживал. Он знал, что с этим пунктом он справится, даже если сил будет совсем не хватать. Есть вещи, которые можно продолжать делать, сжав зубы. «Интеллект» Риза волновал больше. Он не был уверен в том, что ангелы исподтишка не сократили его умственные способности. Но еще больше Ризи волновал пункт, касающийся психической или психо-

логической устойчивости (он не успел прочесть толком). Что подразумевалось под этим пунктом? Этого Шортэндлонг не знал.

В столовой сидели девочки, причем все они были неестественного зеленого цвета. Кроме Малининой. Маша Малинина, частично оправдывая этим свою фамилию, была пунцово-красная.

– Всем привет! – улыбнулся Риз и помахал рукой так, как это обычно делал Дюшка.

– Привет! – стараясь казаться бодрой, откликнулась Маша. – Как спалось?

– У, я такой сон видел! – похвастался Риз. – Супер. Потом расскажу.

И он с аппетитом принялся наворачивать фруктовый салат с натуральными взбитыми сливками – не такими вкусными, как синтетические, но тоже ничего. Ризенгри Шортэндлонгу никогда не снились сны. Но он знал, что они постоянно снились Дюшке.

Котенок боком пробрался в столовую и, боязливо осматриваясь, приблизился к хозяину. Риз с удовольствием подфутболил бы его под брюхо, чтобы не мешался под ногами. Но вместо этого он выковырял из салата кусочек апельсина и бросил его Тафанаилу. Тот обнюхал апельсин и не стал его есть.

– А я совсем не спала, – тихо призналась Оля. – Ни одной минутки. Я так боюсь. Вдруг этот парашют не раскроется?

Риз с интересом посмотрел на Олю, и в нем шевельнулось некое чувство, почти не посе-

щавшее его раньше. Вообще-то оно напоминало жалость, но Риз решил, что это у него от чрезмерной Дюшкиной ферментативной активности. «Опять ни единого положительного проблеска!» – с сожалением констатировал Э-Ли-Ли-Доу двум пятым частям Димы Чаклыка, сидящего за столиком рядом с Кошкиной. «Если ты считаешь другого человека убогим, это не сострадание и не жалость!» – передал Дима Рону.

– Ты что, древних книг начиталась? – спросил Риз. – Как это парашют – и не раскроется?

– Не знаю, – пожала плечами Оля и облизала губы. – Я, по правде, всего одну древнюю книгу читала – про репку. Там парашютов не было.

– А мой папа читал самую большую старинную книгу, «Войну и мир»! – похвастался Федя. – Там страниц – больше тысячи. Он мне ее рассказывал, так что, можно считать, что я ее тоже практически читал.

– Тысяча листов! – Оля на мгновение отвлеклась от парашютов. – А про что?

Федя замялся:

– Ну, начало я не помню, но в середине там один чубрик рухнул с дуба и стал смотреть в небо. А его девушка Наташа...

– У него была собственная девушка? – удивившись, перебила Оля. – Девушка-робот?

– Какой робот, тогда роботов не было! Просто девушка. Она не спала по ночам, и вообще сама не знала, чего ей надо. Даже секторальный гипноз не помогал!

Федя решительно встал из-за стола и направился к автомату с напитками, пройдя прямо сквозь одного из ангелов, которые находились в комнате. По дороге он лихорадочно придумывал продолжение знаменитого романа. Жаль, что папа не рассказал ему подробнее. Федя вытряхнул из автомата баночку пенистого коктейля с флуоресцирующими добавками и вдохновенно продолжил:

– Тут появился монстр из компа и проник в мозг того чубрика, который лежал под деревом. И он стал излучать волны на низких тензорных частотах.

– На низких? – удивился Барди.

– Ага! Этого в романе нет, это психологи потом установили. Проанализировали, какие у него могли быть ритмы мозга – и установили. Ну это не так важно. Главное, что пока он лежал под дубом, началась война. Ядерная. С инопланетянами.

Историю, в которой присутствовали инопланетяне, придумывать было намного легче. Федя увлекся. Ребята – вслед за ним.

– Вполне суперная история! – кивнул Рино. – Я тогда тоже хочу эту книжку прочесть. Только лучше в комиксах.

Все единодушно сошлись на том, что книжки вообще лучше читать в комиксах, а еще лучше – в фильмах. Тогда всякую разговорную можно пропускать, а смотреть исключительно трюки.

Один из ангелов тихо застонал.

– Зачем Старик решил спасти этот мир? – спросил он. – Конечно, я не эксперт, но, по-моему, тут нет ни одного шанса. Ни единого.

– А Риз? – возразил второй ангел. – Ты же до сих пор надеешься. Ты же сам спасал Риза все его детство.

– Идиот я, что надеюсь. А тогда спасал... Да я в основном ради Джен это делал! Ты же сам знаешь, у Риза за всю жизнь ни одной искорки не было. Первый и единственный проблеск возник тогда с Дюшкой. И то я подозреваю, что это была Дюшкина заслуга. Ты только погляди, что тут творится.

Действительно, над головами ребят носились страсти, но ни единой «правильной» полосы или хотя бы точки среди них не проскальзывало. С точки зрения ангелов, это было просто ужасно. О том, что могут существовать и другие точки зрения, ангелы, конечно, догадывались. Но заведомо считали их в корне неправильными. Я не знаю, почему они, ангелы, дали себе право считать себя лучшими и вмешиваться в чужую жизнь. Я знаю, почему мы дали себе право заниматься, например, рыбной ловлей. Нам нужно есть. У нас инстинкт. Мы – сволочи. У нас так вопрос стоит: или мы, или вы, окунь с курицей. Проигравшие, простите, если сможете... А про ангелов я не знаю. Не то чтобы они тоже сволочи. Просто или они, или... Просто было бы лучше, если бы их не было, этих ангелов...

Первым уроком в этот день шла литература.

Учителем литературы был Пушкин Александр Сергеевич. Его выбрали на эту роль единогласно, хотя он ни бельмеса не смыслил в гуманитарных науках. Но фамилия обязывала. На Земле-11 жил когда-то такой замечательный автор, его однофамилец. Да, кстати. Урок литературы проходил в том кабинете, где вчера была пустыня. Сегодня же у учеников просто зуб на зуб не попадал. Кле, которая, помня вчерашнее, явилась на урок в топики на тонких бретельках, рванула было переодеваться, но Пушкин, вошедший в класс одновременно со звонком, решительно развернул ее обратно.

– Ребята, разве у нас сегодня холодно? – обаятельно скалясь, спросил он.

– Холодно? – подчеркнуто-искренне удивился Барди. – А что такое «холодно»? А, вспомнил, это когда молекулы медленно двигаются, и ртуть в термометре не поднимают. Правильно?

Лессия Твикс, сидящая рядом с ним, испепелила Барди взглядом. Оля Окей потихоньку принялась расплетать жиденькие косички, наивно полагая, что от этого ей станет теплее. Риз вспомнил, что, когда его друг Дюшка мерз, он тер ладони друг об дружку и постукивал ногами. Наверное, это ему помогало. «В случае чего начну потихоньку постукивать, – решил про себя Риз. – А пока не замерз, надо набирать очки».

– Сегодня мы будем проходить древнюю поэму «Ев, гений Онегин...»

– А что он ел? – тут же спросил Рино.

– Плюс два балла в твою интеллектуальную копилку за интересный вопрос, – тут же нашелся Пушкин. – И минус четыре в психологическую. За неспособность слушать молча. Ел он, кстати, рождественский пирог, который спёк его дядя после того, как переставил в доме всю мебель. Итак, я читаю поэму, вы ее запоминаете на слух. Всем ясно?

Поэма «Ев, гений Онегин...» в исполнении Пушкина на Земле-11 звучала так:

Мой дядя самых честных правил.
Когда повис над степью смог,
Он мебель в доме переставил
И спёк рождественский пирог.
Его пример – другим разлука.
Но – боже мой! – заставить внука
Пирог тот кушать день и ночь,
И нет, чтоб дочь могла помочь!

Какое глупое занятие:
Диван и стол переставлять,
На них подушки поправлять,
В шкафах на платье вешать платье,
Вздыхать и думать каждый час:
Как быстро портится палас!

Услышав первые строчки, Ризенгри расслабился: он знал эту поэму наизусть еще тогда, когда был Венькой Бесовым. Осторожно проверив свою память и убедившись в том, что она ему

не изменяет, Ризи открыл тетрадь по математике и занялся приготовлением вчерашнего домашнего задания. Барди скосил глаза на Ключкина и последовал его примеру. Пушкин читал «Ев, гения Онегина» ровно пол-урока, после чего захлопнул книгу и сказал:

– Ну-с, проверим, кто что запомнил.

Первую строчку проскандировали все хором. Рино и Федя вдвоем родили поэму до слов «Пирог тот кушать день и ночь», а умничка Маша Малинина повторила почти полторы страницы, правда, немного запинаясь. Оля Окей, исподтишка записывающая за Пушкиным, изобразила еще строк десять из середины, только не подряд. Когда ни один из учеников больше не мог выдать ни слова, Ризенгри встал и прочел поэму наизусть с самого начала ровно до того места, на котором остановился Пушкин. Тишина была наиполнейшая. Даже Кле, посиневшая от холода, временно перестала стучать зубами.

– Дюшка! – восхищенно произнес Александр Пушкин. – Я... Я... Я поражен... Я...

Но тут прозвенел звонок, и ученики дружно вылетели из класса и бросились в свои комнаты за теплой одеждой. Следующим уроком было вышивание крестиком. На вышивании крестиком в классе, не останавливаясь, шел проливной дождь. В это же время между родителями Барди шел, не останавливаясь, грандиозный скандал. На скандале присутствовали: Фредерико Менс, его жена Сильвия Менс, одна шестая часть Ди-

мы Чахлыка и маленький кусочек Рона Э-Ли-Ли-Доу.

— Как этот недоделок мог обойти нашего сына! — орал Фредерико. — Хотя он и человек, хоть я и собираюсь людей восстанавливать, но как ты могла допустить, чтобы наш сын, третий мутант, оказался хуже? Почему ты не выучила с ребенком поэму заранее? Почему ты не объяснила ему, что на уроке литературы надо заниматься литературой, а не математикой? Математику он еще вчера должен был сделать! Что он вчера делал? А ты что вчера делала?

— Уточни, когда именно вчера? — визжала Сильвия. — Когда? В то самое время, пока ты торчал в ресторане с этой дешевой бестией?

— Как ты смеешь так уничижительно отзываться об ангеле! — стучал кулаком по столу Фредерико. — Я работаю день и ночь! Я — специалист с мировым именем, а ты не можешь обеспечить меня достойным ребенком, который...

Рону и Диме стало скучно подслушивать Менсов, и они улетели. После вышивания крестиком в условиях тропического ливня класс для особо одаренных погнало на легкую атлетику, в зал номер один.

— Я уже заглядывала в этот зал, — похвасталась Маша Малинина. — Там подготовили яму около батута, в которую потом накидают поролона...

— Для чего? — удивился Федя.

— Как для чего? Чтобы в нее с батута прыгать, чтобы мягко падать и не переломать себе костей.

Это всегда так делают, – авторитетно объяснила Малинина. – С древнейших времен.

– Ах, да, я и забыл, батут – это ты выбрала, – вздохнул Федя. – Ну батут так батут. Легкой атлетикой я тоже, в принципе, не против заниматься. Говорят, мы сегодня только бегать будем.

– Фи, опять клоу-зетом пахнет! – скривила нос Клеменси.

На этот раз запах почувствовали все. Его невозможно было не почувствовать: «клоу-зетом» воняло уже за километр от зала номер один. А в самом зале вообще был полный аут. Яма, о которой говорила Малинина, была наполнена вовсе не поролоном, а какой-то вонючей отвратительной гадостью. Может, и не из канализационной трубы, но чем-то весьма близким к этому. Оля Окей тут же грохнулась в очередной обморок. У нее и так в графе «психологическая устойчивость» был круглый ноль, поэтому за свой рейтинг она не переживала – ей можно было падать в обмороки сколько угодно. Вокруг ямы, по периметру, были установлены беговые дорожки, скорость которых регулировалась с общего пульта управления, расположенного в другом помещении.

– Кроссовки и спортивные тапочки я рекомендую вам снять заранее, – посоветовал Валентин Миронович, местный сантехник, а по совместительству учитель. – Без них выплывать легче.

– А вы что, уже пробовали? – не удержался Рино.

– Я – нет, – невозмутимо ответил Миронович. – А тебе это предстоит, обещаю.

– Я бегать не буду! – категорически заявил Кузя. – Хоть режьте!

Все остальные тоже не проявляли никакого желания приближаться к беговым дорожкам. Валентин Миронович беспомощно оглянулся. В зал стремительной походкой вошла Сильвия. Она была злая как черт. Волосы Сильвии были всклокочены, глаза горели, а через всю щеку тянулась свежая царапина.

– Извини, что опоздала, – бросила она на ходу Валентину Мироновичу. – Дела были. Кого надо разрезать и на сколько частей?

Ризенгри с удивлением посмотрел на Сильвию и понял, что она не шутит.

– Похоже, пример с Варей ничему вас не научил! – прошипела Сильвия. – Ну что ж...

«Но ведь Варя была роботом! – подумал Риз. – А у Кузи есть родители. Неужели Кузя – тоже робот? Или она нас всех на пушку берет...» Ризи познакомился с Кузей и с остальными ребятами уже после того, как потерял свои способности, поэтому он не мог быть стопроцентно уверен в том, что его одноклассники настоящие. Сильвия подкрутила кольцо на пальце и направила его на канат, висящий в углу зала. Несколько легких движений – и канат, нарезанный тонко, как колбасные ломтики, грудой лег на пол. Сильвия нежно прижала колечко к щеке и повернулась к Кузе:

– Так на сколько именно частей тебя разрезать, толстый?

Пузиков смотрел на канат, не выходя из состояния ступора.

– Быстро все на дорожки! – приказала Сильвия.

Делать было нечего. Войти на дорожку можно было только спереди, задом наперед. Сойти – двумя путями: или пробежав вперед со скоростью, большей, чем скорость бегущей под ногами ленты, или свалившись в яму. Боковые стороны дорожек были предусмотрительно обставлены проводами под напряжением. Яма была прямоугольная. С ее длинных сторон стояло по четыре дорожки, с коротких – по одной. Всего ровно десять двухметровых дорожек. Ризу сначала досталась торцевая дорожка. Стоя спиной к яме и к своим одноклассникам, он видел перед собой только кусок стены.

В управляющей комнате все было готово к запуску дорожек. То есть к началу следующего эксперимента по определению предельных способностей маломутантов.

– Стоп, это не дело! – вмешался в учебный процесс Дима Чахлык. – Поменяйте дорожку объекту Клю.

– Но у нас все дорожки совершенно одинаковые! – возразила Сильвия.

Она уже вернулась из зала и теперь брезгливо мыла руки под краном, хотя и так в зале ни к чему не притрагивалась.

– Нет, – возразил Дима. – Ключкина – на восьмую дорожку, Кошкину – на седьмую, Рино

Слунса – на девятую. Лялю, или Лессию, или Клеменси – это все равно – на пятую. Барди – на торцевую, вместо Ключкина, Машу – на торцевую напротив. И не надо, пожалуйста, думать, что все ангелы – самодуры.

– Ни о чем я таком не думала! – вспыхнула Сильвия.

Ребят переставили. Ляля, Лессия, Кузя и Федя стояли вдоль дальней длинной стороны. Маша и Барди – по бокам, с тех сторон, где было по одной дорожке. Справа от Риза, вдоль ближней, длинной стороны, стоял бледный как мел Рино, слева – Оля, которую просто трясло. А за ней, если немного повернуть голову, – красotka Клеменси. «Я должен выиграть!» – упрямо думал Риз. Дорожки поехали.

Дима оторвал от себя восемь тончайших глюоновых нитей и для чего-то переместил их в Олю Кошкину.

В этот момент в зал влетела Дженифер. Она была в тонком состоянии, поэтому никто, кроме Чахлыка, ее не заметил.

– Дима, где Рон?

– Сидит за дверью.

Джен скользнула за пределы зала.

– Он что, в котенке?!

– Да.

– Зачем?

– У нас игра такая. Он мне недавно проиграл. Час времени. Так что он теперь на час – Рыжий Тафанаил. Тот, который за дверью. А настоя-

щий котенок спокойно спит у Ризенгри в комнате. Под кроватью.

– Дима, меня сейчас не очень интересует, где настоящий котенок, а где ненастоящий. Я хочу с вами поговорить. С тобой и с Роном. Немедленно. Это очень важно.

– Джени, давай через часик, ладно? Если хочешь, через часик мы вернемся в прошлое и поговорим там. О'кей?

– Не о'кей. Ризи звал меня. Оказывается, он звал меня, когда я сидела с этим придурком Менсом в этом ужасном мутантском ресторане!

Дима внимательно следил за дорожками, но это не мешало ему так же внимательно разговаривать с Дженифер.

– Да, звал, и что с того? И почему ты, ангел, обзываешь Фредерико Менса придурком?

– Извини.

– С радостью.

– Дима, почему вы мне не сказали? Вы же знали, что я не могла его слышать, я же находилась в твердом теле вся, полностью!

– Джен, а почему мы должны были тебе что-то говорить? Ты была занята, у тебя были важные дела. Тебе все равно нельзя общаться с братом. Ты все равно узнала обо всем сразу, как только...

– Дима!!!

– Джени, прошу тебя, давай поговорим об этом через час. Вместе с Роном. Сейчас у нас эксперимент, ты же видишь.

– Дима, я тоже – важный эксперимент!

— Ты ангел. И я прошу тебя немного подождать. Всего один час. Пожалуйста.

Дженифер молча отлетела в сторону от дорожек и стала ждать, наблюдая за бегущими по дорожкам учениками. Очень аккуратно, чтобы не задеть никого из ребят, Джен выпустила из себя тонкую ниточку и погрузила ее в яму.

— Дима, оно что, настоящее?

Ангел кивнул.

— Зачем??? Ты же мог заменить эту гадость каким-нибудь липким пластиком и искусственной слизью! Подмешал бы ароматизатор, идентичный натуральному...

— Джен, эту яму придумал не я. И наполнял ее не я.

— Но ты можешь вмешаться, если видишь, что что-то не так, как...

— На этой планете все не так! Я не могу вмешиваться во все.

— Ты ни во что не хочешь вмешиваться!

— Джен, я и так... Послушай, я стараюсь сделать для твоего брата все, что могу. Джен, у меня должно получиться. У нас должно получиться!

— Не таким способом, Дима!

— Джени, давай поговорим через час. Я прошу.

Джени тяжело вздохнула и вылетела из зала.

Дима проводил ее взглядом и тоже тяжело вздохнул.

Глава 9

СТАТЬ ЛУЧШИМ

Ризенгри Шортэндлонг начал задыхаться ровно через минуту. Оля Кошкина, с круглыми перепуганными глазами, бежала слева и тоже тяжело дышала. Заметив, что Дюшка на нее смотрит, Оля прерывающимся голосом проговорила:

— Окей, эта яма почти как из моего сна. Я от него всегда в холодном поту просыпалась. И вот оно наяву теперь все. У меня точно сердце разорвется еще до того, как я в этот кошмар свалюсь!

Риз хотел ответить ей какой-нибудь ободряющей фразой, чтобы еще больше поднять свой рейтинг в области психологической устойчивости, но понял, что не в состоянии вымолвить ни полслова. Тогда он просто махнул рукой, типа, пустяки, мол, обычная тренировка, и перевел взгляд на Рино. Рино, сжав губы ниточкой, трусил справа, по-прежнему оставаясь белее снега. Он тупо смотрел прямо перед собой и не замечал, что на него смотрят. Риз обратил внимание на то, что дорожка Рино бежит куда быстрее, чем его собственная. Шортэндлонг посмотрел на Олину дорожку — та тоже неслась назад с гораздо большей скоростью. Дорожка Клеменси, правда, двигалась даже медленнее, чем дорожка Риза. Точно Риз не мог сказать, поскольку Кле заслоняла Оля Кошкина. Посмотреть, что

творится на других дорожках, Риз тоже не мог, поскольку для этого надо было вывернуть голову вбок слишком сильно, что означало, потеряв равновесие, угодить на провода или в яму.

— А почему дорожки едут по-разному? — вдруг громко спросил Федя.

Он бежал на противоположной стороне вместе с Кузей и сестренками Твикс, они Ризу уж совсем были не видны.

— Объясняю! — с удовольствием потер ластобразные руки Валентин Миронович. — В среднем каждая дорожка движется с той скоростью, с которой бежит по ней тот, кто по ней бежит.

Миронович был сантехником, хоть и неплохим, и ему нечасто приходилось бывать в центре внимания, так что он рассказывал с большим воодушевлением.

— Итак, вы сами можете определять, с какой скоростью вам бежать. В принципе, вы можете хоть вообще остановиться. Тогда ваша дорожка тоже остановится.

— Классно! — отозвался Федя. — Вот я уже стою. И дорожка моя пикнула и замерла, ура. Что ж вы сразу не сказали. Как классно! Только она что-то плачет и... Ой, нет! Мама! Мамочка!

Плюх!

Дорожка Риза продолжала бежать, поэтому он не мог оглянуться и посмотреть, что происходит. Но по жутким звукам сзади он догадался,

что дорожка Феди вовсе не остановилась, а скорее всего сбросила Федю в яму с... с этим самым, ага.

Федор Иванов орал, как полоумный. О том, что с ним сейчас происходит, можно было только догадываться. Повернуться и посмотреть было сложно. Но догадаться – ни капельки не сложно. Оля Окей позеленела окончательно, а ее глаза от страха занимали уже, похоже, бóльшую половину лица. Ногами она перебирала чисто механически.

– Итак, – громко продолжил Валентин Минович, перекрикивая Федю, – дорожки двигаются с вашей собственной скоростью. Кроме самой медленной дорожки. Как только вы начинаете бежать медленнее всех, ваша дорожка предупреждает вас об этом коротким звуковым сигналом и через две секунды ускоряется. Причем не просто ускоряется, а начинает перемещаться со скоростью, с которой бежит самый быстрый участник. Госпожа Сильвия, я все правильно излагаю?

– Абсолютно правильно! – раздался из динамика голос Сильвии Менс. – Только что ученик Федор Иванов решил остановиться, поэтому его дорожка стала самой медленной. Мы дали ему две секунды на то, чтобы он сделал правильные выводы, но он их не сделал. Поэтому его лента стала двигаться со скоростью ленты Барди Менса, который пока уверенно лидирует. Кстати, тренировка закончится, когда на дорожках останутся три лидера.

Федя продолжал выть и вопить, отчаянно барахтаясь и пытаясь вылезти из ямы. Но вылезать ему было некуда — со всех сторон яму вплотную обступали бегущие резиновые полосы, а узкие промежутки между ними были заняты проводами. Его собственная дорожка, пустая, тоже продолжала двигаться.

— Ой, у меня плачет! — завизжала где-то за спиной Риза то ли Ляля, то ли Лессия.

Судя по тому, что плюха и новых визгов не слышалось, Риз понял, что сестричка Твикс сделала правильные выводы и начала бежать быстрее. Зато теперь запикало у Клеменси. Риз вторично скосил глаза в сторону Рино. Побелевший до серого цвета Рино Слунс неся по дорожке, словно заяц на короткой дистанции¹. Очевидно, лидер Барди бежал еще быстрее. Дюшкины ноги, гудящие еще после вчерашних тренировок, совершенно не хотели слушаться, сердце тоже. Никогда раньше Риз и подумать не мог, что его друг был настолько дохлый. Стараясь дышать размеренно, Ризенгри бежал и размышлял о том, что Дюшку надо было понастойчивее таскать с собой на тренировки.

Тут с диким рыком в яму рухнул Кузя и отвлек Риза от раздумий по поводу мертвого Дюшки. Если Федя просто орал благим матом,

¹ Люди, которые краснеют, краснеют обычно двумя способами: пятнами или волнами. Люди, которые белеют, белеют множеством различных способов. Лично у меня есть все основания уважать тех людей, которые краснеют волнами, и тех, которые белеют до серого цвета.

мычал, выл и пытался вылезти, то Кузю привычно стало выворачивать наизнанку, причем громко и выразительно. От этого всем стало еще хуже.

— Барди, беги помедленнее! — отчаянно кричала с противоположного края ямы Ляля. — У меня мигает!

— А я при чем? — как ни в чем не бывало кричал в ответ Барди. — Это ты сама тащишься как черепаха. А я себе очки набираю.

— Но я так свалюсь!!!

— Ага, а ты хочешь, чтобы я свалился?

Пока они перекрикивались, в яму, визжа, как сто поросят, угодила чистюля Клеменси Петерсон. Через несколько минут одна за другой в яму попали сестрички Твикс. Оля бежала, запинаясь на каждом шагу. Предупредительный огонек у нее загорался уже раз десять, но каждый раз девочка успевала прибавить темп до того, как ее дорожка полетит со скоростью дорожки Барди. Рино бежал, как робот. Быстро и четко. Что происходит у Маши, Риз не знал. Сам он был не то что на последнем издыхании, а вообще где-то за пределом тех самых крайних возможностей, на которые его проверяли.

— Ребята, я придумала! — возбужденно кричала вдруг Оля. — Давайте все остановимся на счет три. Тогда мы спасены! Вот смотрите. Все останавливаются. Самая высокая скорость — ноль. Ускорять самую медленную дорожку не под кого. Давайте! Раз! Два... Со мной все согласны?

Рино Слунс оглянулся на Олю, одна его нога зацепилась за другую, и Рино упал. Его дорожка на мгновение честно остановилась. Но подняться Слунс не успел: рванувшая вперед лента повторно опрокинула так и не разжавшего губы Рино на пол и потащила в яму. Теперь наверху их осталось четверо: Ризи, Оля, Маша и Барди.

— Внимание! До конца урока осталось десять минут! — объявил Валентин Миронович. — Но если еще один из вас свалится в яму раньше, остальные три дорожки победителей будут мгновенно остановлены.

Дорожка Риза мигнула и тут же передумала. На самом деле это Маша практически остановилась, решив поддержать Олю. Ризенгри не хотел останавливаться — а вдруг Барди будет против Олиного предложения, тогда что? В этот момент прямо перед Олиной дорожкой, откуда ни возьмись, возник Рыжий Тафанаил и, кажется, собирался на нее взобраться.

— Дюшка, позови своего кота! — задыхаясь от быстрого бега, крикнула Оля. — Если он туда свалится, утонет.

Ризу было плевать на котенка. Точнее, вот именно сейчас плевать. А так, вообще, конечно же, нет.

— Брысь отсюда! — выдохнула Оля. — Ребята, останавливаемся на счет три! Самой быстрой дорожки тогда вообще не будет! Раз! Два!

Котенок подумал немного, почухал задней лапой ухо и прыгнул на ленту Кошкиной. Ра-

зумеется, он не обладал достаточным интеллектом для того, чтобы сообразить, в каком направлении перебирать лапами. Дорожка понесла его прямоком к девочке с тонкими ко-сичками.

– Три! – отчаянно выкрикнула Оля.

Если несешься по беговой дорожке с достаточно большой скоростью, невозможно остановиться сразу. Но Оля не успела остановиться еще и из-за того, что ей помешал котенок, который угодил ей под ноги. Пытаясь сохранить равновесие, Оля взмахнула руками и задела провод. Девочка вскрикнула и осела на движущуюся ленту. Впрочем, она тут же попыталась вскочить. Огонек перед Олиной дорожкой невозмутимо замигал. Риз понял, что это его шанс. Собрав всю свою волю в кулак, он рванул вперед так, будто от этого зависела вся будущая история вселенной.

Через секунду Олю с котенком снесло в яму, а дорожки Маши, Барди и Дюшки Ключкина плавно остановились.

Пока остальные ребята выбирались из ямы, Маша, Барди и Риз слезли со своих дорожек и выползли на середину зала.

– Ну что, победители, – едва дыша, проговорила Маша. – Кажется, нам полагается радоваться?

– Между прочим, победитель среди вас только Андрей Ключкин, – безразличным голосом сказал Мионович.

Он тоже отошел подальше от ямы, потому что вылезающие из нее существа являли собой че-

ресчур жуткое зрелище даже для бывалого сантехника.

— Как это только Ключкин? — необыкновенно удивился Барди. — Я же всю тренировку бежал вдвое быстрее, чем все остальные!

— Всю да не всю, — заявила невесть откуда взявшаяся Сильвия. — В самом конце, после того, как Кошкина сказала: «Три!», ты и Маша все-таки в итоге остановились. А Ключкин нашел в себе силы продолжить бег. Поэтому он получает максимальное количество очков по физической подготовке. А ты, как и все остальные, ноль очков. За остановку. Так что, сынок, поздравляю. А мы-то с папой надеялись на то, что ты у нас будешь лидером.

— Но мам!

— Никаких «мам»!

Между матерью и сыном назревал скандал. Барди от злости лупил носком кроссовки гирю, а Сильвия так выразительно крутила свое опасное кольцо, что... Что Маша Малинина решила не рисковать. Она схватила Риза за руку и утащила из зала под предлогом того, что им хочется срочно посмотреть на рейтинговую таблицу. Риз покорно утащился. У него не было сил радоваться тому, что он — победитель. Про тонущего в дерьме Тафика он тоже забыл.

Согласно рейтинговой таблице, после двух сегодняшних столь удачных уроков Риз действительно вырвался на первое место, обойдя Барди Менса. Но его и Машу поразило другое. Против

фамилии Оли Кошкиной в рейтинговой таблице значилось: «Сошла с дистанции».

– Дюшка, неужели Окей утонула? – одними губами прошептала Маша. – Там, в этом... Утонула. Этого просто не может быть! Почему ее снесло в яму? Ведь ты же случайно победитель. Ведь мы же все остановились!

– Я не успел остановиться! – после небольшой паузы ответил Риз. – Я не услышал, что она уже сказала: «Три».

– Да ладно, не успел! – фыркнула Маша. – Я и сама останавливаться не собиралась. У меня просто как раз в этот момент силы кончились.

Малинина безразлично пожала плечами и продолжила изучение рейтинговой таблицы.

– А почему я, собственно, должен был остановиться? – нахмурился Риз. – Почему я не могу сделать все, чтобы стать лучшим? Это что, плохо? Я что, столкнул Олю в эту яму? Я что, придумал эти правила?

– А я что, тебя обвиняю, что ли?

Ризенгри задумался.

– Нет, не обвиняешь, но...

Маша оторвалась от таблицы и смотрела на Ризи, не отрываясь.

– Маша, ответь мне... Тебе Олю это... как его... жалко?

– Конечно, жалко!

– А как... То есть почему... Ну то есть...

– На месте Оли могла оказаться я. Утонуть могла я! Из-за того, что ты... А я не хочу тонуть! Я жить хочу! Просто жить! Друг называется...

Маша поджала губы и опять уперлась в таблицу. Риз стоял рядом, смотрел на слегка подрагивающий Машин профиль и напряженно размышлял о чем-то.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я все понял. В следующий раз я остановлюсь.

На самом деле Оля Кошкина не утонула в яме. Дима Чахлык остановил ее сердце за мгновение до того, как она слетела с дорожки, крепко держа за шкурку Рыжего Тафанаила, которым был в это время Рональд Э-Ли-Ли-Доу.

Риз и Маша направились обратно. К разговору об Оле и бегущих дорожках они больше не возвращались. По дороге Ризенгри вдруг остановился, поднял глаза к потолку и громко сказал:

— Ну, что? Я — первый. Я доказал, что Дюшка Ключкин — лучший. Ведь доказал же? Теперь все должно вернуться, стать как было. Эй! Я — первый. Мне больше незачем учиться в этой школе и вообще торчать тут в таком виде! Эй, вы меня слышите, там?

Ризу никто не ответил. Старк в образе деда, или пусть в любом другом образе, так и не появился.

— Все — сволочи, — сквозь зубы процедил Риз. — Все. И мутанты, и ангелы.

Маша подумала, что Ключкин все-таки очень странный парень.

А Риз думал о том, чего же еще в таком случае от него ждут ангелы? Как еще он должен себя вести, чтобы они все убедились: он — лучший? Может быть, ему нужно проявить какие-нибудь

другие качества? Не мужество, не выдержку, не возможность работать на пределе, а что-то другое? Ну побольше сострадания, например. Джен рассказывала ему о такой штуке, как сострадание. Если бы он остановился со всеми – это оно и было бы? ...А может, от него никто ничего не ждет? Может, его просто навсегда оставили тут заменять Дюшку – вот и все? Тогда ясно, почему Джен не появляется на его зов.

Ризенгри все-таки не хотелось думать, что его сестра – не друг, а предатель. Ведь ангелы никогда не обманывают. Джени не могла его обмануть! Просто от него еще чего-то ждут, вот и все. Наверное, этого самого сострадания. «Я должен научиться помогать другим и заботиться о других! – решил Ризи. – Тогда я сделаю, что надо, мне вернут мои мутантские способности, и все закончится хорошо».

На оперативном хрюканье Риз, Барди и Маша сидели втроем. К самому концу урока подошли понурые Федя и Кузя. Вслед за ними в класс вплыла Сильвия и объявила, что в расписание внесены некоторые изменения. Батута и дрессировки тубов сегодня не будет. Вместо батута сейчас состоится хоровое пение. После пения – биология и история. А на прыжки с парашютами отводится вся вторая половина дня.

– Маш, а ты с парашютом действительно не боишься прыгать? – потихоньку нагнувшись к Малининой, спросил Ризи.

– Нет, а что?

– Да так, ничего... А остальные как?

– Кто как...

Сильвия строго посмотрела на болтающих ребят, постучала колечком о стол и добавила:

– Кстати, просьба передать всем отсутствующим: кто не явится вовремя на пение, будет бегать возле ямы во второй раз.

Ризенгри точно знал, что бегать во второй раз не хочет никто. Это был очень подходящий момент для проявления сострадания.

– Это ужасно! – вскричал Риз, как только прозвенел звонок с урока. – Я должен срочно предупредить девочек! Сестренки второго такого бега просто не выдержат, не говоря уже о Клеменси! Я должен им помочь.

Джереми Лермонтов и Александр Пушкин, торчащие у центрального экрана, переглянулись, услышав эту замечательную реплику.

– Как вы считаете, господин Пушкин, – спросил Лермонтов, – эта фраза говорит о психологической устойчивости объекта Клю?

– А то! – уверенно кивнул Пушкин. – Эта фраза говорит о том, что объект Клю думает о своих соперниках положительно даже в трудную минуту.

– Еще пять баллов, как вы полагаете?

– Я думаю, все десять! – почтительно склонил голову Пушкин.

Сестры Твикс и Рино Слунс на хоровое пение явились. А Клеменси – нет. Против ее фами-

лии тоже появилась надпись «сошла с дистанции». Отмываясь после «бега», Кле попыталась отравиться с помощью краски для волос. Когда сотрудники СОСИСки поняли, что ее попытка будет удачной, Клеменси вытащили из ванны, оперативно подтерли ей память и отправили первым же рейсом домой, в Швецию. Международные скандалы Тафанаилу были ни к чему. Кстати, Олю тоже отправили домой. Я просто забыла сразу вам об этом сказать. Дима Чахлык остановил ее сердце ненадолго. А потом опять запустил. Так что вы за нее не волнуйтесь. Оля вернулась домой, сохранив о школе самые приятные воспоминания первого дня. Остальные часы ее «школы» были стерты, как и у Клеменси. Дома Оля провела весь день, сама не зная, отчего. А мама утешала ее, гладила по косичкам и говорила:

— Ну что ж, дочь, не плачь, будет! Может, они тебя на следующий год еще примут! Они мутанты добрые, смотри, какой тебе подарок на память подарили!

На столике около Оли стояла огромная дурацкая ваза с золотой надписью: «Очень одаренной девочке, которую ждет большое, светлое будущее. На память». Какой именно девочке и от кого на память, правда, не уточнялось. Вторая такая же ваза в это время летела в Швецию.

Без Вари, Оли и Клеменси в классе для особо одаренных осталось восемь человек.

Пения хором после столь бурно проведенного урока с ямой не получилось. История и биология протекли также незаметно. На истории с потолка опять шел дождь, а биология просвистела под порывистый песчаный ветер. Но на эти мелкие неприятности никто уже и внимания не обращал. Во время обеда детей ждал очередной сюрприз: взбитых коктейлей и прочих изысков больше не было. Новое «сбалансированное» питание с учетом «всех потребностей растущих организмов» состояло из некой липкой тягучей массы, в которой плавали лапки, крылышки и прочие части тела тафанаил-его-знает чьи. У Кузи Пузикова мгновенно началась его персональная реакция на неприятности. Продукт его персональной реакции выглядел куда аппетитнее того, что лежало на тарелках. За одним из пустых столиков мирно сидели два невидимых ангела и беседовали о своем, об ангельском.

— Знаете, я давно собирался начать худеть, — пробормотал Пузиков и сбежал из столовой.

Барди пожал плечами и принялся уплетать то, что лежало на тарелке. Его примеру тут же последовала Лессия.

— Во дает! — восхитилась Маша.

— Она с детства в цирк собиралась! — пожала плечами Ляля. — Леська — она у нас бедовая. Она и в яму, между прочим, из-за меня только сорвалась. Я совсем бежать не могла, а она свою дорожку специально притормаживала. Пока у нее две секунды огонек горит — я отдыхаю. А потом...

– Ты ешь давай! – перебила ее излияния Лес-
сия. – Это вполне съедобный суп.

– На второе будет глазунья. Я лучше ее поем, –
покрутила головой Ляля.

Глазунья была приготовлена из свежих глаз
одичавших покусодонтов. К ней предлагался
гарнир из жареной картошки, густо посыпанной
душистым перцем. Отвратительную жареную
картошку не смог съесть даже Барди.

Ангел Дима сидел в подавленном состоянии.
Крылья его тоскливо свисали со спинки стула,
а одна из глюоновых рук вот уже полчаса нахо-
дилась в удлинённом виде и безвольно прони-
зывала все, что попадалось ей на пути, не обра-
щая внимания на препятствия. Ангел Дима,
тщательно спланировав историю с Олей и Та-
фиком, очень рассчитывал на то, что Риз разро-
дится хоть самым захудалым светлым лучиком
во время этого урока. Или в крайнем случае над
ним можно будет заметить слабые проблески
совести и раскаяния потом, у рейтинговой таб-
лицы. Но ничего подобного даже приблизи-
тельно не произошло. Все, что испытывал Риз
вначале, это недоумение и злость. Недоумение
потому, что он все сделал, а его способности ему
не возвратили. А злость потому, что не возвра-
тили. Потом Риз недоумевать перестал, а
злость его перешла в холодную решимость дей-
ствовать дальше. Попытки бывшего суперму-
танта овладеть состраданием добились Диму
окончательно. Между тем Ризенгри Шортэнд-
лонг был убежден в том, что действует очень

правильно. Он действительно старался изо всех сил. Но что в том было толку!

Дима и за Риза лично переживал, и за всю Землю-11 в целом. И вообще ему печально было сознавать, что он так ошибся. Старк сразу после Нового года Чахлыку ясно сказал: «Я могу временно отменить конец света на Земле-11, если ты сможешь добиться от этого мальчика хоть одного кванта света в интересующем нас спектре. Лично я не верю в то, что у тебя это получится. Но если получится, считай, что ты – главный помощник эксперта. Если нет – походишь пока в хранителях. То есть в смысле полетаешь. Даю тебе три дня». Дима надеялся уложиться в день. Но прошло уже полтора дня, а воз был и ныне там. Грустный, Дима сидел за столом и рассеянно смотрел на обычного человека Шортэндлонга, воркующего с мутанткой Малининой. Рональд Э-Ли-Ли-Доу сидел рядом, приходя в себя после неожиданного приключения. Оказаться котенком и чуть не утонуть в гадкой яме – это даже для бывалого ангела не хухры-мухры приключение! А Рон не был особо бывалым ангелом.

– Ладно, Рон, бесполезно, все кончилось. Я полетел к Дюшке.

И Чахлык исчез.

Риз ковырялся вилкой в тарелке и напряженно думал. Он должен выиграть! Он должен! Однажды ему удалось сделать то, что нужно. Однажды Джен появилась, тогда она просто светилась от радости. Это произошло в лесу, когда

он стоял возле Дюшки. Что же там произошло такого особенного? Ризенгри мысленно вернулся в тот день. Вот он стоит напротив Дюшки. И хочет ему помочь. Искренне хочет. Впрочем, почему бы и нет? Вот они стоят. Он еще на самом деле Дюшке не помог. Он только хочет помочь. Говорит: «Я сделаю это, даже если вы будете против...» Может, именно это чувство ангелы и называют состраданием? Может, они именно этого от него и ждут? Может, надо просто попробовать вызвать в себе вот такое состояние – и только?

«Что ж, попробуем!» – принял решение Риз. Он улыбнулся, перестал ковыряться в еде и довольно легко уговорил себя проглотить варено с лапками. Вскоре его тарелка была чиста.

А Маша не смогла даже ложку ко рту поднести. При виде глазуньи ей стало еще хуже.

– Это твоему котенку по душе придется, – сказала Маша. – Ты ему отдай. Он, кстати, где?

– Не знаю, – равнодушно ответил Риз. – Убежал, наверное, куда-то.

– Мне бы отсюда убежать, – вздохнула Маша. – Мне так плохо. Тебе разве не плохо? Вот бы уметь сквозь стены сигать. Раз – и готово!

Ризенгри вновь вспомнил о том, что еще два дня назад он способен был запросто проходить сквозь стены. Вспомнил Дюшку. Старика. Новый год. Много чего вспомнил – все разом. Только раньше все эти воспоминания у него были холодными и спокойными, а теперь стали чувственными, приобрели какую-то иную окраску.

– Я ни за что отсюда не убегу, – ответил Риз Маше. – Я стану первым. Я сделаю это, даже если все ангелы и все мутанты на свете будут против. И еще запомни: мне не плохо и мне никогда не будет плохо, потому что я вообще не знаю, что это такое. Я стану лучшим!

В этот момент над головой Риза засиял желто-оранжевый, ворсистый луч, сантиметров тридцать в диаметре. Он рассеивался, едва не долетая до потолка. Рональд Э-Ли-Ли-Доу не грохнулся со стула только потому, что сидел на нем, во-первых, в нематериальном состоянии, а во-вторых, только наполовину. Вторая половина Рона потягивала нектар со школьными друзьями далеко отсюда, в одном приятном райском местечке.

Глава 10

КОНЕЦ СВЕТА БОЛЬШЕ НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Старк увидел долгожданный луч одновременно с Рональдом Э-Ли-Ли-Доу, и что-то в этом луче сразу ему не понравилось. Не успел он как следует обдумать, что именно не так, как перед ним возник светлый образ чернокожего ангела Димы. Чахлык появился перед Стариком радостный и довольный собой.

– Полтора дня вместо трех! – похвастался Дима.

Хотя простите, что это я! Ангелы никогда не хвастаются. Дима это просто так сказал. Их

встреча происходила в нематериальном доме, в комнате для просмотра реализованных и нереализованных вариантов развития миров в реальном времени. Это было вместительное помещение, напоминающее куб. Пола у него не было, потолка тоже. Шесть стен, равномерно покрытые серой бесконечностью, окружали попавшего сюда и настраивали вполне определенным образом. Гравитация в комнате отсутствовала, но это ее ни капельки не портило. В центре находились длинный деревянный шест со скворечником, изрядно побитый дождями. Справа от скворечника начинал тянуться вдаль стол со странным устройством, конца которому не было видно. Вроде прибора, только вместо кнопок и рычагов выступы и впадины неправильной формы. Слева от скворечника была практически пустота, заполненная всякой дрянью: здесь валялись парочка-тройка сотовых телефонов разных земель и времен, жестяное ведро, стеклянные, оловянные и деревянные коромысла, баночка винегрета, коробка засахаренных монпансье, портрет коллежского асессора на дощатом настиле и прочая фигня, вполне подходящая для написания заковыристого школьного сочинения.

– Тебя ничего не смущает в этом луче? – спросил Старк.

Дима еще раз покопался в изображении. Луч был почти чистый. Ворсинки – только по краям, это не страшно. Ширина луча – тоже нормальная. Рассеивается быстро, это говорит о

нестойкости реакции. Но о стойкости пока и говорить рано, главное, луч вообще появился, он был нужного оттенка и подходящий по композиции чувств! Иногда лучи могли наводить другие ангелы, для пользы дела. Но тут все тоже было чистенько. Дима еще раз проверил луч, вызвав более подробный образ. Просмотрел по-слоyno.

– Нет, – твердо ответил Дима. – В самом луче меня ничего не смущает.

– А в том, что его спровоцировало?

Дима восстановил ситуацию в столовой. Ангелы видят действительность не так, как мы. Но даже с самой ангельской точки зрения с ситуацией все тоже было чисто. В беседе с Машей Риз вспомнил Дюшку. Вот оно, это воспоминание, пожалуйста! Воспоминание Риза о Дюшке заняло пространство под скворечником, оно было расплывчатым, и со стороны казалось, что шест торчит прямо из спины одного из Ключкиных. После появления этих образов Риз говорит: «Я ни за что отсюда не убегу, я стану первым». То есть он остается в школе исключительно из-за друга. Доказать, что тот был лучше, чем о нем думают. Очень положительное желание. Сразу после этого – луч.

– Не сразу после этого, – заметил Старк.

– Ну да, – согласился Дима. – Он еще повторил те слова, которые говорил, когда над ним промелькнул тонкий луч тогда, в лощине, когда он пытался помочь Дюшке. Он добавил: «Я сделаю это, даже если все ангелы и все мутанты на свете

будут против. И еще помни: мне не плохо и мне никогда не будет плохо, потому что я вообще не знаю, что это такое». Ну, насчет «не плохо» он явно блефовал...

— Нет, стоп, Дим, не блефовал. И именно в этом вся суть. Он повторил свои слова не просто так, он на самом деле так и не понял, что такое плохо. Ему, ставшему человеком, теперь больно, противно, обидно, досадно, но не плохо. И оттого, что он постоянно употребляет именно это слово, ничего не меняется! Ризенгри просто вынужден приспособливаться к новым условиям — и он к ним приспособливается. Вот и все. Ему жутко неуютно, но не плохо. А ты же знаешь, тот, кто не знает, что такое плохо, никогда не сможет понять, что такое хорошо. Никогда. И он по-прежнему не испытывает никаких настоящих человеческих чувств. Он научился вызывать в себе определенные состояния — и только. Это не ответ, идущий от сердца, не свет души. Это как лампочка над головой. Захотел — включил. Не захотел — темнота.

— Риз безнадежен? — переспросил Дима.

— Увы. Он не просто безнадежен. Он... он опасен. Повторяю. Его лучи — это не истинная реакция души. Это мимикрия. Ты очень опытный ангел, но ты не понял того, что перед тобой — подделка. О Рональде и говорить нечего. Да что там Рон — я, эксперт, и то не сразу разобрался. Сегодня мы имеем на Земле-11 одного Риза, а завтра мы запутаемся в этих мутантах четвертого порядка, и рано или поздно один из

них проникнет в наши ряды. Это будет конец ангелам.

Старк подплыл к длинному прибору и принялся с ним что-то делать. Дима понял, что делает Старик. Ведь они оба находились в сверхтонком состоянии¹.

– Так, – сказал Дима, поняв, что делает Старик. – Но ведь ты сам перед Новым годом решил, что конец света на Земле-11 временно отменяется!

– Мы не можем допустить дальнейшего развитие таких существ, как Риз Шортэндлонг. Мутанты давно подготовили свой конец своим неразумным поведением, вот пусть они его и получают. Мы предотвратили восемнадцать неизбежных фатальных катастроф на их планете только за последний год, и это не считая более мелких неприятностей. Отмена отмены конца света на Земле-11 – мое окончательное решение. Это очевидное решение. То есть в данной ситуации нет

¹ На самом деле мое описание разговора Старика и Димы Чахлыка очень далеко от того общения, которое происходило у них на самом деле. Я специально написала так, будто они разговаривали, как обычные люди, чтобы читателю было удобнее. В реальности находиться в кубической комнате возможно только в сверхтонком состоянии, то есть как бы в состоянии растворенной в воде краски. Общение в этом состоянии – это не то чтобы мгновенная передача информации, а как будто у всех «растворенных» один общий мозг. Вы не разговариваете, вы просто знаете то, что знаете, – вот и всё. Но мы, чтобы не запутаться, будем делать вид, будто Дима со Стариком просто переговаривались, то есть обменивались фразами.

даже необходимости привлекать к обсуждению других экспертов. Хотя, как ты наверняка уже почувствовал, добрая их половина тоже находится сейчас в этой комнате и совершенно со мной согласна.

По расчетам ангелов, очередная катастрофа на Земле-11 ожидалась этой же ночью, ориентировочно в четыре часа утра по времени того меридиана, на котором находилась школа для особо одаренных. В данный момент на Земле-11 находилось более восьми тысяч ангелов-наблюдателей и около ста ангелов-хранителей, предотвращающих катастрофы. К полуночи большинство из них отзывалось домой. Дюшку планировалось забрать около часа ночи и перебросить по персональному навесному каналу на Землю-4. Дима считал, что Дюшке больше бы подошла наппа с вами Земля, Земля-12, но не спорить же со Стариком в такой ответственный момент. В конце концов, исчезновение мира, входящего в первую двадцатку, явление достаточно редкое.

– Проблемы ожидаются? – спросил Дима.

– Ожидаются, – неожиданно ответил Старк. – Возможно, нам потребуется не персональный канал для Дюшки, а две капсулы и последующая связка с миром из нереализованного варианта.

– Что-о-о??? – обалдел Дима. – Связка с нереализованным вариантом?! Старк, ты что?

Впрочем, он тут же понял, что имел в виду Старик. Ведь они оба все еще находились в сверхтонком состоянии.

– Джен – ангел, а я не могу приказывать ангелам, – сказал Старк.

– И как именно это все произойдет?

Старк показал. Вариантов было несколько. Они не сильно отличались друг от друга. Произошло все по одному из этих вариантов.

Джен вернулась домой одной из первых. Рон показал ей луч над головой ее брата и объявил о том, что конец света на Земле-11 больше не отменяется. Он не смог рассказать ей о том, что ожидает Риза. Язык у него не повернулся. Старик разрешил ему – именно ему – ничего Джен не говорить. Ангелы никогда не врут. Но ведь это не означает, что они обязаны всегда говорить правду! Рон Э-Ли-Ли-Доу немного проводил Дженифер и исчез. Джен узнала об истинном положении дел от одной из своих подружек, но не сразу, а ближе к полуночи, когда почти все ангелы покинули Землю-11. Узнав правду, Джен бросилась к Старику.

Старк ждал ее на том же месте, что и в прошлый раз. Теперь Джен не запуталась и прибыла прямо к месту встречи. На ней было необыкновенное нежно-салатное одеяние с четырехмерными играющими стразами. Великолепная прическа, обсыпанная плазменной пудрой, оставляла за своей хозяйкой восхитительный флюоресцирующий млечный путь там, где она пролетала. Под платьем Джен оставила немного своего плотного тела, сделав себя совсем тоненькой. На запястье повесила украшение, подаренное ей

Менсом на Новый год: изящный алмазный браслет, соединенный с колечком тонкими цепочками на восточный манер. Джен явно готовилась к празднику.

Старк в плотном, подчеркнуто-материальном состоянии сидел на полу в протертых джинсовых бермудах и собирал несложную головоломку, привезенную с одной из новых Земель-скоропелок. (Новые Земли придумывали особенно часто авторы с реальных Земель первой двадцатки, я о них расскажу в другой раз.) Вокруг Старка стояло позднее осеннее утро. В распахнутое огромное окно, начинающееся почти от самого пола, была видна роскошная в багрец и золото одетая аллея, очей очарованье. Прямо под окном возле эксперта стояла огромная початая банка крупных греческих маслин с погруженным в нее, потертым от старости черпаком.

— Я не понимаю, почему вы все считаете это мимикрией! — едва сдерживая эмоции, проговорила Джен. — Второй луч был идеален. Мой брат сделал все, что от него требовалось. Он помог Дюшке в первый раз, пока был крутым мутантом, способным на все. Он сам ему помог. Разве ему была от этого выгода? Он помог своему другу вторично, когда стал обычным человеком, не способным ни на что. Вы говорите, что ему не было плохо. Да как же не было? Да вы вспомните хотя бы, как он бежал по этой дорожке. Из последних сил, запредельно. Знаете, какой у него пульс был, и какое содержание кислорода в крови, и какие...

Старк только головой покачал. Глупенькая Джен! Разве это самое главное, какой у тебя был пульс? Старик попытался как можно мягче объяснить Джен тот простой факт, что пульс пульсом, поступки поступками, но гораздо важнее, что ты при этом пульсе чувствуешь. И о чем, совершая поступок, на самом деле думаешь. Чем руководишься. Ради чего ты его совершаешь.

— Джен, милая моя, пойми, пожалуйста, это действительно самое основное, — усадив девушку рядом с собой, проговорил Старк. — Или просто поверь мне. Ты все это поймешь, когда будешь проходить Землю-12. Знаешь, какие у нас там проблемы? Люди на этой планете в большинстве своем — не мутанты и, в общем, даже не сволочи. У многих из них такие светлые чувства. Да у некоторых наших ангелов таких сияний не бывает, честное слово! Эти люди жалеют ко-
тят...

Джен тут же вспомнила о том, что ее брат бросил Рыжего Тафанаила, тонущего в яме, и даже не задумался о его судьбе потом, когда ему уже не нужно было стремиться выиграть.

— Они искренне обливаются слезами над вымыслом, не говоря уже о реальных ситуациях.

Джен вспомнила, как ее брат выдавливал из себя слезу и радовался, что получилось натурально.

— Они делятся последней рубахой, закрывают своим телом вражеские доты и выбрасывают из огня чужих детей, погибая при этом сами.

Многие из них – вегетарианцы, никакого мяса не едят. Некоторые даже комара на себе не убьют.

В этом месте у Джен Шортэндлонг не возникло никаких ассоциаций.

– А теперь копнем глубже, – продолжил Старк. – Посмотрим, зачем они это делают. Ну тех, которые за все это рассчитывают попасть после смерти в местный рай (которого, кстати, как такового, в природе и существовать-то не может), мы сразу отметем. С этими все ясно. Попробуем разобраться с теми, кто творит добро из сострадания к ближнему. Какое оно, это сострадание? «Не пожелай другому того, чего ты бы не пожелал себе». То есть, сострадая, человек ставит себя – себя, любимого! – на место того, другого. И в этом другом жалеет себя. Он не чувствует и не осознает, что это происходит именно таким образом. Скажи ему правду – он возмутится: «Не так все это, не себя я жалею!» Но ведь это именно так, именно себя.

– Я знаю, правильное – «не пожелай другому того, чего этот другой сам не пожелал бы себе», – кивнула Джен.

– Точно! Этот вариант был более правильный. На Земле-12 его пока не существует. Но он обязательно должен был там появиться и со временем стать новым лозунгом.

Но что Джен было до других земель! Пусть Старик сто раз прав, пусть тысячу раз прав. Но ее брат сделал то, что от него требовалось. Его нельзя приравнивать к другим!

– Ну вот скажи мне, что нам делать со светлыми людьми двенадцатой Земли, которые искренне верят в то, что они просто так добрые? Брать к себе таких, с такими установками, совершенно невозможно. Нянькаться с ними еще десять тысячелетий – сил не хватает, в самом прямом смысле. Бросать на произвол судьбы – жалко, у них, в отличие от твоего брата, есть реальные шансы изменить себя в лучшую сторону. Правда, в очень отдаленном будущем, но все-таки есть...

– У моего брата тоже должен быть шанс, – перебила Старка Дженифер.

Настроение у Джен давно перестало быть праздничным. Она забыла про то, что оставила себе частичку тела, и полностью перешла в тонкое состояние. Салатное платье, надетое на пустое пространство, смотрелось нелепо. Украшение Менса некоторое время качалось в воздухе, зацепившись за краешек рукава, и соскользнуло на пол.

– У моего брата будет много шансов, – повторила Джен, и в пространстве перед ней возник образ застывшего сада. – Вы ведь исполните мое последнее желание?

– Джен, тебе не кажется, что это шантаж?

– Старк, а тебе не кажется, что Ризу можно предоставить несколько шансов просто так?

– Джен, я не был бы экспертом, если бы в своих решениях не опирался только на реальные факты. А исполнять желания восемнадцатилетних ангелов, которые ровным счетом ни-

чего не смыслят в жизни... Просто так ничего не...

– Бывает! Бывает просто так! Если сильно захотеть, то бывает. А я хочу.

– Джени, ты не должна этого делать, – покачал головой Старк. – Я не могу тебе помешать, потому что я – ангел, и ты – ангел. И я не могу пожелать тебе того, чего ты сама не собираешься себе желать. Но я прошу тебя, попробуй передумать. Даже в самый последний момент еще можно передумать. Ты еще маленькая. Ты не права. Не делай того, что ты собираешься делать...

Старк понял, что Джен его не послушается. Еще недавно он в этом сомневался. А теперь ему было так плохо, как бывает плохо только ангелам. И с этим состоянием оставалось только смириться.

– Хорошо, – сказал Старк. – Но прежде чем... Спустись в библиотеку и выбери подходящие нереализованные варианты. У тебя еще есть время.

– Нет, – покачала головой Джен. – Я не умею работать с вашей скоростью и поэтому не хочу рисковать. Пусть их подберут Димка с Рональдом.

И Джен вылетела.

Джен стояла на вершине невероятного, крутого склона, внизу которого медленно бушевал густой перламутровый океан. На первый взгляд казалось, что огромные, величиной по

меньшей мере с трех-четырёхэтажный дом волны просто застыли на месте, а хлопья пены непостижимым образом висят в воздухе. Но стоило постоять над океаном минут десять, чтобы заметить, что картина меняется: одна волна разбивается о берег и, захватывая с собой все, что попадает ей на пути, откатывается назад, а на смену ей уже несется с такой же скоростью — колыбельная для черепахи, как говорил Рон, — ее подруга. Это было безумное, завораживающее зрелище.

Но еще более любопытен был сам склон, вся поверхность которого состояла из длинных и узких, не шире двух метров, террас, покрытых роскошной, совершенно неподвижной растительностью. Стены, поддерживающие террасы, были выложены серым камнем, но камня этого не было видно нигде, кроме самого нижнего уровня. Из этого же камня была построена лестница, уходящая в глубь океана. Этот Сад был почти мертвым. Он умер всего-навсего мгновение назад. Птички, упавшие в траву, остались теплыми, бабочки и стрекозы, сидящие на цветках, не успели соскользнуть на землю, капелька росы, готовая сорваться с кончика бутона новорожденной лилии, так и не сорвалась. Белые лошади, к которым приходила Джен, лежали на одной из нижних террас, над океаном.

Обычно Джен летала в этом Саду. Она осторожно спускалась по ступенькам, боясь нарушить оглушительную тишину, постоянно ца-

рившую над беснующимся океаном. Доходила до жеребенка, который лежал ближе всего к лестнице. Садилась на камни. И долго-долго смотрела вниз. Иногда она проходила вдоль террасы. Старалась не касаться ни кустов, ни деревьев. Только раз или два она дотрагивалась до мертвых животных, однажды тихонечко погладила по холке жеребенка. Каждый раз Джен посещало одно и то же видение — слишком уж эти террасы походили на гигантскую декорацию к сказке о спящей красавице. Она представляла себе, как Сад оживает. Она представляла себе это много, много раз и, в принципе, считала, что может заставить его ожить. В этот раз Джен не хотелось оживлять Сад. По правде сказать, я не знаю даже примерно, о чем она думала и что чувствовала. Я могу описать то, что произошло, исключительно глазами стороннего наблюдателя.

Джен пролетела над лестницей до того места, куда долетали брызги. Стала на поверхность. Перешла в плотное состояние. Спустилась еще на несколько ступенек. Последние из них были мокрыми. Огромная волна как раз откатывалась назад, а следующая, уже успевшая вздыбиться, но не успевшая закрутиться, еще маячила достаточно далеко. Джен сделала несколько шагов вперед, задрала вверх голову. Теперь передний фронт новой волны касался ее обыкновенного салатного платья, а верх волны закрывал от Джен половину неба и готов был поглотить ее, не раздумывая. Джен не стала

ждать, когда это произойдет. Она сама медленно вошла в перламутровую, стоящую перед ней стену.

Старку, Диме Чахлыку и Рональду Э-Ли-Ли-Доу оставалось выполнить последнее желание Дженифер Шортэндлонг: предоставить ее брату, опасному мутанту четвертого порядка, способному вводить в заблуждение даже ангелов-экспертов, еще несколько шансов.

Глава 11

КОНЕЦ ЗЕМЛИ-11

Александр Сергеевич Пушкин умел вальсировать, и ему при случае было бы не слабо постреляться на дуэли. Но он никогда в жизни не прыгал с парашютом, и одна мысль о высоте в тысячу метров приводила его в плохо скрываемый трепет. Джереми Лермонтов и Игорь Лап боялись высоты ничуть не меньше. Сильвии и Фредерико Менсам было в принципе по фигу, откуда и куда прыгать. Но когда обсуждался вопрос о том, кто будет инструктором по прыжкам, Фредерико высокомерно заявил:

— Директору школы не подобает заниматься подобными мелочами! На это должны найтись сотрудники попроще!

«Это я-то попроще?! Ах, ты ж...» — подумала Сильвия, а вслух сказала:

– Да-да, попроще! Я, как единственный квалифицированный специалист-психолог, тоже на этом настаиваю! Пусть с ребятами поедет на полигон наш учитель физкультуры, Валентин Миронович!

– Занят Мироныч, – буркнул ей в ответ Тафанаил. – В зале с дорожками яму прорвало. Думаете, почему мы сегодня батуты отменили?

– А слоникотюбов почему отменили? – поинтересовалась Сильвия.

– Слоникотюбов не подвез вовремя наш новый сотрудник, Майкл Кэшлоу.

– А! Новый сотрудник! Не подвез? Вот пусть вместо тюбов теперь с ребятами и занимается парашютами! – дружно закричали Пушкин с Лермонтовым.

Вопрос об инструкторе по прыжкам был, таким образом, решен единогласно. Майкл пожал плечами и согласился. С парашютом так с парашютом.

На полигон, расположенный в ста пятидесяти километрах от СУМАСОЙТИ, ехали на двух машинах. В институтском «Жопеле» сидели сестренки Твикс, Федя и Кузя. Сопровождала их Сильвия. В новеньком крутом «Позарожце» Майкла Кэшлоу разместились Барди, Рино, Маша и Риз. Выехали сразу после обеда.

«Жопель» сразу же отстал. И движок у него был менее мощный, и Сильвия особо не торопилась, и каждые сто метров приходилось останавливаться, поскольку Кузя мог не сдержаться и уделать всю машину. Его на нервной почве

страшно тошнило. Сестренкам тоже было плохо. На третьей остановке Сильвия позвонила Майклу и сказала:

— Вы нас не ждите, доезжайте до полигона, взлетайте и прыгайте. А моих возмешь во вторую партию. Все равно потом для полета на четверки разбиваться.

— О'кей! — бросил в ответ Майкл и прибавил газу.

В машине Майкла царило, в общем, веселье. Ризу, даже с учетом того, что он находился в теле Дюшки, было ни капельки не страшно. Рино Слунсу — немного страшно, но, в общем, интересно. Маша сама выбрала прыжки с парашютом в качестве одного из школьных предметов. Только у Барди Менса настроение было неважнецкое. Но связано оно было никак не с парашютами, а исключительно с пренеприятным недавним разговором с родителями. Барди считал, что они требуют с него слишком многого. Он очень хотел сделать им что-нибудь на зло, но не мог придумать, что именно. И от этого куксился.

Майкл включил веселую новогоднюю музыку, салон задорно заиграл огоньками, и комфортабельный навороченный «Позарожец» понесся в нужном направлении. Через десять километров, когда началась скоростная трасса, машина просто полетела стрелой.

— Шустрая у тебя тачка! — с завистью сказал Рино. — Мне б такую.

Майкл самодовольно смолчал.

– Да, – согласилась Маша. – Я тоже скорость обожаю.

– Фиговая тачка! – вставил Барди. – У моего папы дома лучше есть.

– Интересно, кстати, когда у нас будет первый урок по боевым самолетам? – не обращая внимания на Барди, продолжила Маша. – Я самолеты тоже в расписание внесла. Круто, правда? В принципе, если бы не яма с дерьмом и не тараканы с картошкой на обед, то эта наша школа...

– Нормальные тараканы! – возразил Барди. – Очень даже вкусные. А самолеты твои – совсем не круто. У моего папы, кстати, был имитатор боевых самолетов.

– А у моего папы настоящие боевые самолеты есть, я на них летал, – спокойно сказал Майкл.

– Врёшь! – не выдержал Барди.

Майкл не изменился в лице и не оторвал взгляда от дороги. Он сунул правую руку в карман, достал оттуда маленький предмет, похожий на карандашик, и равнодушно покрутил им в воздухе.

– Будешь со мной разговаривать в таком тоне, молокосос, тебе будет бобо! – сказал Майкл Менсу-младшему.

Но оказалось, Барди не знал, что такое мини-пушка.

– Эта штука может разрезать тебя легче, чем острый нож мягкое масло, – пояснил Майкл. – Даже сейчас, когда она установлена на самый минимум.

— Не может быть! — с вызовом ответил Барди. — Это же не мамино колечко, которое канаты на ломтики нарежает. Это обычный карандаш! Что я, совсем даун, карандаша от пушки не отличу?

— Приоткрой окно, выстави этот карандаш грифелем наружу и нажми на вот это пятнышко.

И Майкл легкомысленно протянул «карандаш» Барди. Барди взял пушку с полной уверенностью в том, что его разыгрывают. Окно, правда, приоткрыл.

— На какое пятнышко, на это? — спросил Барди, вертя в руках карандаш и трогая пальцем крохотное углубление в карандашике.

Когда Барди дотронулся до пятнышка, острие карандаша было направлено в сторону Майкла. Машину, потерявшую управление, занесло, развернуло на 360 градусов и бросило на резиновое ограждение безопасности. Салон наполнился вязким защитным гелем за мгновение до удара. Прозрачный мармелад вокруг двух половинок разрезанного пополам Майкла оказался клюквенно-красным. Барди, окно которого было открыто, гель защитил не полностью. Мальчик потерял сознание, стукнувшись головой о косяк. А Рино, Маша и Риз были в полном порядке. Сзади при аварии в «Позарожец» врезалась какая-то машинка из простых, без геля. Ее водитель от удара погиб сразу, хотя у его авто был помят только бок.

После полной остановки дверцы отъехали в стороны, и гель, сворачиваясь нитевидными су-

хими хлопьями, начал потихонечку высыпаться наружу.

И надо отдать должное Рино Слунсу. Из всех троих он единственный не растерялся. Выбравшись из геля, огляделся по сторонам и, убедившись в том, что вокруг нет ни души (мимо летели какие-то машины, но никому, разумеется, не было дела до чужой аварии), Рино взял командование на себя.

— Дюшка, выволакивай водителя из второй машины и тащи в первую. А ты, Маша, выволакивай Барди и тащи его подальше вдоль обочины. Я попробую взять комп. Пушку эту гребаную — с собой. Мы слиняем на чужой тачке. К чертям эту школу! Никто не против?

— Я — за! — сказал Риз. — Все они сволочи. И тот, который меня сюда засунул, тоже. Я же стал первым, а они ничего обратно не возвращают!

Последнюю фразу Маша и Рино не поняли, но было ясно, что Дюшка сбежать из школы не против.

— И я — за, — быстро сказала Маша. — Уже Варю, Олю и Кле убили. Барди неизвестно, выживет или нет. Вдруг я — следующая? Линяем! А с парашютом я и так сама потом попрыгаю.

— Тогда действуем быстро! — коротко кивнул Рино, глубоко вдохнул для храбрости и полез в наполненный хлопьями «Позарожец», чтобы снять с руки разрезанного Майкла его браслет с компьютером.

Маша занялась Барди, который так и не приходил в сознание. А Ризенгри выбросил из вто-

рой машины водителя и стал проверять, в порядке ли его авто, годится ли оно для дальнейшего путешествия. Всю троицу словно лихорадило.

Не прошло и нескольких минут, как ребята уже сидели во второй машине, которая, как оказалось, была вполне в рабочем состоянии. За руль села Маша. Она с первого класса интересовалась машинами и даже уже успела поучаствовать в районных детских гонках, поэтому чувствовала себя за рулем достаточно уверенно. Рино залез на заднее сиденье и попробовал включить компьютер. Когда они собрались уже стартовать, Риз вдруг решительно сказал:

– Стоп, ребята. Мне срочно нужен нож. Острый.

– Зачем? – удивился Рино.

В ответ Шортэндлонг показал ему свое запястье. Сквозь тонкий слой кожи просвечивала какая-то прямоугольная пластинка.

– Это датчик, который передает в СОСИСку все данные обо мне, – пояснил Ризенгри. – Еще другие датчики есть, но этот может передавать и мои координаты тоже. Прежде чем мы тронемся, я должен его извлечь. Иначе нас засекут, и нам всем крышка. Думаете, кто-то кого-то будет жалеть?

В том, что рассчитывать на сострадание со стороны их бывших «учителей» нельзя, никто не сомневался. Ножа поблизости не оказалось. Тогда Риз решительно взял в руки пушку-карандаш.

– Ты собираешься отрезать себе руку? – с ужасом спросила Маша.

– Нет, что ты! Зачем? – удивился Ризенгри.

Он направил луч пушки в сторону, затем тихонько поднес к нему левую руку. Снизу, боком. Луч срезал кожу вдоль пластинки. Ризи отбросил карандаш и схватился правой рукой за левую.

– Дюшка, ты что?

– Больно, – ответил Риз. – Даже в глазах темнеет. А ее еще достать надо.

– Давай я!

Маша вылезла из машины и подошла к Ключкину, чтобы помочь. Рино тоже вылез и времени даром не терял. Он подобрал с земли пушку, подумал маленько и решительно направил ее на машину Майкла.

Когда трое бывших учеников школы для особо одаренных покидали место происшествия, машина Майкла, сам Майкл и ни в чем не повинный водитель второй машины, покрошенные, как овощи для салата, горели красивым синим пламенем. В этом же пламени плавилась вытянутая с помощью Маши пластинка – передатчик. Неподалеку от догорающей машины медленно приходил в себя Барди Менс.

– Куда едем? – деловито спросила Маша, как только страшное место осталось позади. – Домой ни к кому нельзя. Если у кого есть друзья или родственники – это все тоже отпадает. Нам понадобятся деньги и место, чтобы затаиться и решить, что делать дальше.

— У меня есть дача! — вдруг сказал Рино. — Это не моя дача, это чужая дача. Заброшенная. Там никто не живет. Туда моя мама иногда летает. Я за ней проследил когда-то. Там дырка в защитном поле, в которую она влетает. И мы можем. Я, правда, летать не умею, но там достаточно подпрыгнуть и ненадолго зависнуть в воздухе. Если без одежды, это у меня получается.

— Я зависать в воздухе совсем не умею, — показала головой Маша.

— Ничего, что-нибудь придумаем, — отмахнулся Рино. — Я один проберусь в дом и отключу сигнализацию. Или мы ее нашим карандашиком порежем.

За окном неслась назад замороженная январская действительность.

— Я тоже теперь не умею летать, — вздохнул Риз.

— Дюшка, ты даешь! — усмехнулся Рино. — Что значит «теперь»? Будто ты раньше умел?

Риз задумался на пару секунд и решительно сказал:

— Пожалуйста, ребята... Рино, и ты тоже, Маша! Не называйте меня больше Дюшкой, ладно? Никогда. Меня зовут Риз. Ризенгри. Это мое настоящее имя. Дюшка Ключкин был моим другом много лет. Мы учились с ним в одной школе. Не для особо одаренных, а в обычной школе. Дюшка умер. Его больше нет. Часть его денег, причем очень большая часть, находится на счету моей матери. Нам этой суммы хватит, чтобы

упорхнуть на край света и жить там еще долго-долго. Только прежде чем за ними вернуться, надо будет немного выждать и внешность изменить. Я вам все расскажу.

Маша свернула с трассы и поехала на восток. Рино пока не мог сориентироваться, как точно им нужно ехать, но общее направление он знал. Риз между тем рассказывал своим друзьям историю о себе и о Дюшке. С точки зрения ангелов эта история сильно отличалась от действительности. С точки зрения Маши и Рино она вообще была сказкой. Ребята решили, что у Дюшки от сегодняшних приключений просто крыша поехала – вот и несет всякую чушь.

Сильвия подъехала к месту аварии тогда, когда беглецы были уже достаточно далеко. Барди с потеряннм видом ходил около того, что осталось от машины Майкла, и зевал. Его организм мутанта третьего порядка потратил слишком много сил на восстановление, поэтому Барди хотелось спать. Сильвия пересаживала всех остальных ребят на заднее сиденье, сына посадила рядом с собой и направила машину в сторону института. Настроение у Сильвии было ужасное. Последний человек на планете сгорел заживо. Значит, больше никаких экспериментов, никакой школы, никакого восстановления популяции людей. Страховку бы хоть получить...

С ребятами Сильвия о будущем не говорила. Просто сообщила, что парашюты сегодня отме-

няются. Кузя Пузиков был рад этому необыкновенно. Его мгновенно перестало тошнить, он порозовел, воспрянул духом и стал приставать к сидящей рядом с ним Ляле Твикс. Ляля тоже не относилась к любителям экстрима, но радоваться она не радовалась. Ляля переживала за погибших Рино, Дюшку и Машу. За Машу и Дюшку почему-то она меньше переживала. А вот когда подумала о Рино, то даже чуть не заплакала. Ей было ужасно его жалко. То она вспоминала его озябшего, промокшего насквозь в его немодном свитере, склонившегося над пальцами на уроке вышивания. То веселого, на дискотеке в первый день. То жалкого, выбирающегося из той жуткой ямы. Ляля не могла сказать, что Рино Слунс ей нравился, вовсе нет. Скорее она симпатизировала Дюшке, более сильному и, как ей казалось, более умному. Но жалко ей было именно Рино. Разобраться в ее истинных чувствах могли бы при желании только ангелы. Но у ангелов не было желания разбираться в чувствах Ляли Твикс, поскольку все ее переживания находились вне интересующего их спектра...

Машины мутантов на планете Земля-11 не используют бензин. Заправляться им достаточно раз в три месяца. Гаишников на дорогах нету. Хочешь доказать свою правоту — предъявляй собственную видеозапись того, что произошло. Просто и удобно. Маша колесила по востоку области уже около четырех часов. Лишь однажды

она остановилась возле автоматов с фастфудом, и Рино, для конспирации укутанный шарфом по самые уши, купил на всех несколько бутербродов. Деньги он позаимствовал из бардачка хозяина машины. К сожалению, там было совсем мало. К нужной даче ребята добрались, когда стемнело.

Дюшка и Ирочка были на даче вдвоем. Они сидели на кухне и болтали. Вернее, болтал в основном Дюшка, а Ирочка потихоньку следила за тем, чтобы диктофон, спрятанный под столом, продолжал записывать их разговор. Окна кухни выходили во внутренний дворик, а свет во всем остальном доме был выключен. Гостей в столь поздний час ни Ирочка, ни Дюшка не ждали.

Маша оставила машину в сторонке, и все вместе во главе с Рино направились к заветному убежищу пешком.

— Послушай, ты вполне уверен, что тут никто не живет? — засомневался Риз. — Гляди, во дворе снег-то расчищен.

— Да уверен, уверен, — отмахнулся Рино. — Сюда никогда никто не приезжает. А убирает все автоматика. Это же тебе не просто летний домик. Это собственность богачей.

— А перед воротами тоже автоматика убирает? — недоверчиво спросила Мария.

— Перед воротами — уличные уборщики. Они весь город чистят.

— Да, но тут не город.

– Маш, ну чего ты прицепилась? У тебя что, есть на примете другое место?

Рино, закусив губу, внимательно осматривал ворота. Разрезать их с помощью карандашика – дело нехитрое. А если эта сигнализация связана с какой-нибудь службой безопасности? На всякий случай решили обогнуть дом. Рино надеялся проскользнуть в дом через знакомую дыру и отключить сигнализацию.

На кухне Майкла, в углу, между кофемолкой и яичницежаркой, примостился экран наблюдения за внешними воротами. Если перед воротами появлялся кто-то, размером больше царапазавра, экран автоматически включался и попискивал. Экран запищал, и Ира, ожидавшая увидеть Майкла или Мормышку, обалдела, повернув к нему голову.

– Не может быть! – прошептала она. – Рино! Дюшка тоже бросился к экрану.

– Точно не может быть! – согласился он. – Бес! То есть как тебя там на самом деле... Риз, вот.

И Ирочка вместе с Дюшкой бросились к воротам в чем были: Ирочка – босиком, в халатике, Дюшка – в спортивном костюме и тапочках.

Кстати, именно в этот момент Старк принял окончательное решение об отмене отмены очередного конца света на Земле-11, и ангелы, один за другим, начали возвращаться домой.

Ирочка вылетела из дома первой.

– Рино, не двигайся! Тут защита. Подожди там, мне надо ее отключить! – отчаянно кричала она, размахивая всеми четырьмя руками.

Рино и не думал двигаться. Вся троица стояла, не шевелясь. Ирочка метнулась в сторожку около ворот. Подоспел Дюшка. Он запыхался даже от такого недолгого бега и стоял теперь, тяжело дыша и во все глаза глядя за ворота.

– Что это? – поразилась Маша, увидев настоящего Дюшку. – У тебя есть близнец?

Она повернулась к Ризу за разъяснениями, но Ризенгри в полном изумлении таращился за ворота. Маша даже подумала, что он тоже впервые видит своего двойника. Но Риз быстро пришел в себя и воскликнул:

– Ключка, с ума сойти! Ты жив! А я думал, тебя взорвали.

Настоящий Дюшка молчал. Ирочка справилась с сигнализацией, и ворота медленно поехали в стороны. Ребята все еще стояли на месте, не решаясь войти. Тогда Ирочка сама подошла к ним и буквально за ручку ввела на территорию виллы. Затем она опять включила сигнализацию.

– Эй, так ты на самом деле не Дюшка? – спросила Маша у своего бывшего одноклассника.

– Нет, Дюшка – это я, – ответил за Ризенгри настоящий Дюшка Ключкин. – А он мой лучший друг. И самый крутой мутант в мире.

Риз ничего не ответил. Маша и Рино смотрели на двух Дюшек во все глаза. А два Дюшки смотрели друг на друга.

– Есть хотите? – спросила Ирочка, нарушая молчание.

– Просто умираем с голоду, – затараторил за всех Рино. – Мам, ты просто не представляешь

себе, что творилось в этой школе. Мы сбежали. Варю убили. А кстати, почему ты тут? Оля утонула. Мы попали в аварию. Клеменси...

— Подожди, подожди! — всполошилась Ирочка. — Я включу видеокамеру. Диктофоном тут не обойдешься.

Перебивая друг друга, Маша и Рино бросились делиться с Ирочкой и видеокамерой всем тем, что у них накопилось, не забывая при этом набивать желудки. Два Дюшки пообещали обязательно рассказать все в подробностях буквально через минуту и ушли наверх, чтобы поговорить наедине. Медленно, но верно приближалась полночь.

Дюшка провел Риза в свою спальню, усадил в кресло. Рон Э-Ли-Ли-Доу вынужденно переместился на подоконник, чтобы не пересекаться в пространстве с живым объектом. Некоторое время ребята смотрели друг на друга и не знали, с чего начать.

— Я все сделал, как обещал, — проговорил, наконец, Риз. — Ты теперь в школе для особо одаренных — первый и самый лучший ученик по всем параметрам. Никто ни о чем не догадался. Я и дальше не стал бы сбегать, просто так получилось, я тебе объясню...

— Ты что, Бес, не надо мне ничего объяснять, — покачал головой Дюшка. — Ты молодец просто. Спасибо тебе огромное. Ты вот что. Выбрасывай из себя эти датчики и становись сам собой. Не надо меня больше заменять. Незачем. Ни на что я не способен. Ничтожество я полное, вот оно что. Антиколобок я.

– Кто-кто???

– Антиколобок. Ни из твоего дома уйти не смог, ни из психушки, ни даже отсюда.

– А отсюда-то почему не смог? – искренне удивился Риз. – Связал бы свою кухарку Ирочку, перерезал сигнализацию – и вперед. Кстати, как ты вообще сюда угодил?

Дюшка только рукой в ответ махнул.

– Буду жить последним человеком, как-нибудь. Всё плохо. Тебе никогда этого не понять, так что радуйся. Я искренне говорю: радуйся, что не понять.

– Почему не понять? – усмехнулся Риз. – Между прочим, я теперь тоже человек. Как ты. Под копирку.

Ризенгри откинул рукой волосы со лба, и Дюшка увидел на его левом запястье огромную кровавую рану. Раньше у крутого мутанта Риза все заживало мгновенно.

– Человек я теперь, Ключка, обычный человек, пойми, – повторил Риз, перехватив Дюшкин взгляд. – Я больше не умею проходить сквозь стены, менять внешность, заживлять царапины и вытаскивать из себя датчики.

– Почему? – удивился Дюшка. – Это само собой произошло?

– Не само собой. Я расскажу тебе. Не все сразу. Главное – я такой же точно человек. Точно. Как ты. Честное слово.

– Правда? – спросил Дюшка со смешанным чувством жалости и нечестной радости оттого, что теперь у него появился настоящий близнец. –

Знаешь, как я тебя одно время ненавидел! Я даже думал, что ты специально... Ты прости меня. Я только сейчас в тебя окончательно поверил.

В этот момент Дима Чахлык вернулся от Старика и приземлился на подоконник рядом с Роном.

— Давай вернем Ризу его обычное состояние, — предложил Рон, узнав последние новости. — Ведь теперь уже нам от него больше ничего не надо.

— Как хочешь, — согласился Дима.

Дима махнул глюоновой рукой. Рана на запястье Ризенгри стала стремительно затягиваться. Дюшка увидел уменьшающуюся рану и осекся. Он понял, что его опять обманывают. Белую невидимую шапку с зелеными прожилками над головой Дюка вмиг пронзили острые лиловые молнии. Дюшка покачнулся и на мгновение закрыл глаза.

— Я тебе не врал, Ключка, не врал! — закричал Риз, тоже глядя на заживающую рану и понимая, о чем сейчас думает его друг.

— Дюшка, это только сейчас опять вернулось...
Дюшка молчал.

Дверь открылась, и в спальню вошла Ирочка.

— Хватит вам болтать! — решительно заявила она. — Пошли вниз. Наговоритесь еще. Я тут такого об этой вашей школе наслушалась! Безобразие полнейшее. Срочно надо сделать всю эту историю достоянием общественности. Засадить их всех за решетку. А ты, Дюшка... Дюшка — это ведь ты? Вы, надеюсь, не менялись одеждой? Ты, Дюшка, должен стать национальным геро-

ем, вот. Я не шучу. Послушайте, вы точно не менялись одеждой?

– Да не менялись мы! – со злостью ответил Риз. – Вот, чтобы у вас не оставалось никаких сомнений!

И он быстро преобразился в привычный образ Веньки Бесова. Ирочка, вообще говоря, не была слабонервным созданием. Но тут она классическим образом чуть не грохнулась в обморок.

Спустя некоторое время все сидели внизу и строили большие планы на будущее. Ризу несколько раз подряд пришлось превращаться в Дюшку, в себя настоящего, в Веньку Бесова, а также в Рино, Машу и Ирочку. Настроение у всех постепенно поднялось. Риз рассказал о том, что его действительно временно сделали человеком. И Дюшка ему все-таки поверил.

В четвертом часу ночи Ирочка Слунс с трудом разогнала ребят спать, а сама бросилась к компьютеру, писать. Видеоматериал – выдержки, разумеется – она послала своему издателю, разбудив того среди ночи. Увидев первые кадры, издатель просто окосел от счастья. Это была не просто сенсация. Это была суперсенсация! Ирочка теперь напоминала издателю курицу, несущую золотые яйца десятками.

Без пяти четыре утра по местному времени издатель, просмотрев материалы по второму кругу, подошел к бару и налил себе фенольного джина – выпить за успех мероприятия. Не успел он поднести рюмку к клюву, как на Земле-11 произошла глобальная катастрофа.

Дюшку и Риза два симпатичных ангела поместили в некое подобие коконов и протащили сквозь пространство и время в другой мир. Ни ребята, ни их ангелы катастрофы не видели. В момент, когда пьяный дежурный крупнейшего, опоясывающего планету реактора дрых мордой в салате, на Земле-11 остались только те, кого не планировалось спасать. То есть все население планеты. Полнейшим составом.

Очередной конец света на Земле-11 просто не предотвратили.

Все прошло так, как этого ожидали эксперты. И все-таки у Старка осталось ощущение того, что что-то не... Отчего-то вспомнились таинственные истории с водорослями, черепашками и потерей энергии. А Диме Чахлыку вскоре приснился странный сон. В этом сне Маша Малинина и Рино Слунс были вполне живы и более, чем здоровы. Они играли с милым компьютерным монстром, стреляя в него из светового бластера. Сам Дима в этом сне почему-то ощущал себя ни на что не годной марионеткой, которую держала в руках девушка, очень похожая на Варю Воронину...

Важное «вместопослесловие»

Не пропустите!

Прочтите это!

Мир несправедлив. В нем все обычно происходит не так, как тебе хочется. На этот раз все может пойти иначе. Я описала прошлое. А будущее зависит от тебя, читатель! В соавторы моих книг я тебя не приглашаю. А в соавторы моих миров – добро пожаловать!

Для того чтобы стать автором нового мира, такого мира, в котором тебе самому захотелось бы жить, прежде всего нужно ответить на несколько вопросов. Ответить самому себе для начала. А потом поделиться с другими.

1. Что лично тебе нужно для счастья?
2. Каким ты хотел бы видеть свой мир?
3. Каким ты хотел бы видеть себя?

И не забудь: чтобы мир ожил, тебе придется здорово потрудиться, наполнить его детальками, подробностями, всякими другими штуками.

Присылай описания своего мира, свои ответы на вопросы! Становись соавтором!

Ну а если ты догадаешься, по какому принципу разным Землям даны номера, это будет вообще просто супер! (Забегая вперед, скажу: Дюшка Ключкин поймет это только в самом конце самой последней книги!)

Удачи!

Ая

*Стать соавтором миров можно,
заглянув на официальный сайт Аи эН*

<http://aja-n.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Важное «вместопредисловие»!	3

ЧАСТЬ I

КОРОННЫЙ НОМЕР ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Три небольшие истории вместо предисловия.....	5

Глава 1. НЕМНОГО ОБ АНГЕЛАХ	15
Глава 2. ВАРЯ-2, РЫЖИЙ ТАФАНАИЛ И КОЕ-ЧТО О ЗЕМЛЕ МУТАНТОВ	34
Глава 3. СТРАШНАЯ ТАЙНА СУПЕРМУТАНТА	53
Глава 4. КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ	76
Глава 5. СОВЕЩАНИЕ	84
Глава 6. КОРОННЫЙ НОМЕР ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ	103
Глава 7. АНГЕЛЫ	125
Глава 8. В ЧУЖОЙ ШКУРЕ	141
Глава 9. МОРЩНО И РИЗНО.....	154
Глава 10. ДЮШКА	164
Глава 11. АНГЕЛЫ НИКОГДА НЕ ВРУТ	184
Глава 12. КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ	208
Глава 13. В ПОИСКАХ СЛОНИКОТЮБА	224
Глава 14. ГЕНИЙ	238

ЧАСТЬ II
КОНЕЦ СВЕТА
ВРЕМЕННО НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Глава 1.	НОВЫЙ, ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТОЙ	257
Глава 2.	КЛОН ПО ИМЕНИ РОБЕРТ	287
Глава 3.	ШКОЛА ДЛЯ ОСОБО ОДАРЕННЫХ	309
Глава 4.	БУНТ НА КОРАБЛЕ	330
Глава 5.	ТРИ КЛОНА АНДРЕЯ КЛЮШКИНА	361
Глава 6.	ЛЕЩЦА МЫМБЕ И МАМАШ МУМУШ.....	380
Глава 7.	МАША И ОСТАЛЬНЫЕ	392
Глава 8.	ПРЕДЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАЛОМУТАНТОВ	409
Глава 9.	СТАТЬ ЛУЧШИМ	424
Глава 10.	КОНЕЦ СВЕТА БОЛЬШЕ НЕ ОТМЕНЯЕТСЯ	441
Глава 11.	КОНЕЦ ЗЕМЛИ-11	455
	Важное «вместопослесловие»	474

Для среднего и старшего школьного возраста

А я эН

КОРОННЫЙ НОМЕР ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Фантастический роман

Редактор Е. Чеканова

Художественный редактор Ю. Иванова

Технический редактор И. Круглова. Корректор И. Мокина

Компьютерная верстка Н. Пуненковой

ООО «Издательство Астрель»

129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»

141100, РФ, Московская обл., г. Щёлково, ул. Заречная, д. 96

Наши электронные адреса: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленных диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие

«Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

ЧИТАТЕЛИ – ПИСАТЕЛЯМ

Издательство АСТ и писатели российского ПЕН-центра открывают благотворительную Программу помощи писателям, находящимся в тяжелом, а подчас и бедственном положении.

Среди них авторы известных стихов, пьес, прозы – писатели – участники Великой Отечественной войны, люди, выжившие в лагерях уничтожения, нуждающиеся в лечении.

ИМ ОЧЕНЬ НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ!

**Вы можете помочь нуждающимся писателям,
перечислив свой взнос на счет программы:**

Благотворительный фонд «Тепло сердец»

ИНН 7701359136 КПП 770101001

Р/с: 40703810000000001562

Банк получателя: ОАО «ТрансКредитБанк»

БИК: 044525562

К/с: 30101810600000000562

Назначение платежа: Целевое пожертвование на благотворительную программу
«Помощь писателям»

Более подробную информацию о Программе, а также полную информацию
о поступивших и использованных средствах вы можете узнать на сайте
<http://www.teploserdec.ru>

Члены Исполкома российского ПЕН-центра:

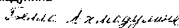
Аркадий Арканов

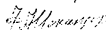
Александр Городницкий

Белла Ахмадулина

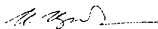
Фазиль Искандер

Андрей Битов

Игорь Иртеньев

Зоя Богуславская

Юнна Мориц

Андрей Вознесенский

Алексей Симонов

Людмила Улицкая

**Вы можете помочь нуждающимся писателям,
перечислив свой взнос на счет программы:**

Благотворительный фонд «Тепло сердец»

ИНН 7701359136 КПП 770101001

Р/с: 40703810000000001562

Банк получателя: ОАО «ТрансКредитБанк»

БИК: 044525562

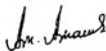
К/с: 30101810600000000562

Назначение платежа: Целевое пожертвование на благотворительную
программу «Помощь писателям»

Более подробную информацию о Программе, а также полную информацию
о поступивших и использованных средствах вы можете узнать на сайте
<http://www.teploserdec.ru>

Члены Исполкома российского ПЕН-центра:

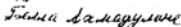
Аркадий Арканов

Александр Городницкий

Белла Ахмадулина

Фазиль Искандер

Андрей Битов

Игорь Иртеньев

Зоя Богуславская

Юнна Мориц

Андрей Вознесенский

Алексей Симонов

Людмила Улицкая

